

Александра Руда
Обручальный кинжал

Родовой кинжал – 2

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan - Марфушка; OCR, ReadCheck -
pip228; Conv, ReadCheck - JonVic) <http://huge-library.org/>

«Александра Руда «Обручальный кинжал»»: «Издательство Альфа-книга»; Москва;
2013

ISBN 978-5-9922-1398-0

Аннотация

Катится по дорогам королевства самоходный фургон сборщиков королевских налогов...

Только-только оправились мы от отравления ядом, подсыпанным нам в еду излишне услужливым бургомистром, не желающим делиться деньгами; только-только отгремела наша битва со стаяй нечисти, жаждущей разорвать нас на части, — а тут новая проблема! Сбежавшая невеста нашего руководителя, которую он твердо решил найти!

Интриги аристократов, война с магами-перерожденцами, тайны крови и древних родов... Кто-то думал, что эта работа будет скучной?

...И катится, катится по дорогам королевства самоходный фургон, не зная, что ждет его за следующим поворотом.

Александра Руда

ОБРУЧАЛЬНЫЙ КИНЖАЛ

Основателям «Зоряной Фортеци», которые всегда готовы придать мне вдохновения и ускорения, посвящается

ГЛАВА 1

Страдать нужно с чувством. Страдать нужно так, чтобы все прочувствовали, что ты страдаешь. Но это относится только ко мне, а страдающие пациенты долго не живут.

Целитель Даезаэль Тахлаэльбрар о том, кому можно страдать

Фургон, скрипя поломанной осью, медленно ехал по дороге. Колес заросли ярко-зеленой травкой без единого следа от телег или копыт. Вокруг радовалась весне нетронутая природа, громко щебетали птицы, с шумом срываясь с веток стайками.

Куда мы едем, я не имела никакого представления, точно так же как и все остальные. Кажется, мы заблудились еще тогда, когда нас, королевских гласов, сборщиков налогов, отравили в городе, бургомистр которого не желал раскрывать секреты своих бухгалтерских книг. Ночная бешеная гонка от смерти в виде огромной стаи волкодлаков — хищных зверей, живущих на территориях ульдонов, магов-перерожденцев, только все усугубила.

Назад возвращаться было нельзя: над останками волкодлаков уже кружили круки, огромные птицы, похожие на орлов, только размером с хорошую корову, поэтому надо было убираться куда подальше, чтобы нами не закусили.

— Едем вперед, — решил тролль Драниш Рых после сосредоточенного изучения карты. — А там будет видно. Раз дорога есть, она не может нас куда-то не вывести.

— Человеческое умение рисовать карты меня удручает, — сказал наш целитель, эльф Даезаэль Тахлаэльбрар, презрительно тыкая пальцем в сплошной зеленый массив, стыдливо украшенный изображениями двух кривых елочек. — Мы находимся где-то здесь, да? Все понятно! А главное, подробно-то как нарисовано!

— Я не знаю, где Ярик свернул с основной дороги, когда ему поплохело после отравления! — огрызнулся тролль. Двое суток назад бургомистр главного города домена не придумал ничего лучшего, чем подсыпать нам в еду сильнодействующего яда. Мы выкарабкались исключительно благодаря эльфийским снадобьям и силе рода — особой магии чистокровных благородных, которая действует только тогда, когда аристократу грозит смертельная опасность. — И я не знаю, куда ты вел фургон ночью. Как я могу сказать, где мы, тем более что тут обозначены только главная дорога и река Чаянь, граница королевства!

— А почему было не взять подробную карту домена у его Владетеля, Сыча? — У старого-старого, но безумно властолюбивого аристократа мы недавно гостили. Ярослав дружил с его сыном, Томигостом, поэтому мы могли получить в замке все, что хотели.

— Откуда я знаю? — рявкнул Драниш, швыряя карту в глубину самоходного фургона, на котором мы передвигались и в котором жили.

Руководитель нашей группы, капитан Ярослав Волк, после ночного сражения с волкодлаками пребывал в глубоком сне от использования слишком сильной магии, поэтому командовать взялся тролль как обладающий самым высоким званием и боевой должностью. Несмотря на то что его знаний и опыта хватало с лихвой, отдавать приказы, к тому же такому потрепанному войску, Дранишу не нравилось, он переживал за капитана, своего лучшего друга, и язвительные подначки эльфа раздражали тролля больше обычного.

— Не ссорьтесь, пожалуйста, — попросила я. — Мы все вместе попали в эту ситуацию и вместе будем из нее выбираться. Ссоры только все ухудшат.

— Ненавижу, когда ты такая, — сказал Даезаэль. — Верните мне ту Милу, которая была последние сутки! Когда ты такая спокойная и говоришь прописные истины, мне тебя удавить хочется. Тетивой от моего поруганного лука.

Лук эльфа пострадал во время ночного сражения с волкодлаками, но мне казалось, что наибольший урон ему нанесло мое падение в колючие кусты — бедный лук спас меня от ранений, однако сам этого не пережил. Конечно же о своих мыслях на этот счет я благоразумно молчала.

— Тебе было бы легче, если бы я билась в истерике и кричала: «А-а-а, мы пропали, мы пропали!»? — спросила я, почесав царапины.

За всю жизнь меня так быстро довести до белого каления мог только Чистомир Дуб, мой друг детства, аристократ и задира, но сейчас у него появился достойный соперник в лице эльфа, пребывающего в вечной депрессии. Правда, и уважала я их обоих одинаково сильно.

Вместо ответа Даезаэль обхватил голову руками и уткнулся лицом в колени. Под натянувшейся тканью сорочки проступили позвонки и ребра. Выглядел целитель как никогда беззащитным и хрупким.

Теперь все мои соратники по нелегкой службе во имя королевских налогов дремали внутри фургона, а я сидела на скамье и пристально вглядывалась в дорогу, аккуратно объезжая кочки и ямки. Фургон двигался с помощью магии управляющего повозкой, и теперь я была единственной, кто мог тронуть его с места. Ремесленник нашего отряда гном Персиваль предупредил меня, что еще одной катастрофы фургон не выдержит и мы останемся без средства передвижения на чужой территории.

— Подвинься, — хрипло сказал за моей спиной целитель.

Я вздрогнула от неожиданности — погрузившись в свои мысли, не слышала, как он подошел.

— Нервишки пошаливают? — заметил эльф, тяжело переваливаясь через спинку скамьи и укладываясь ко мне на колени.

Выглядел Даезаэль еще хуже, чем час назад. Скулы у него заострились, огромные глаза выделялись на зеленоватом лице, а кожа туго обтянула кости.

— Что с тобой? — спросила я. — Тебе совсем плохо?

— Глупый вопрос, — проворчал он серыми губами. — Нет, мне хорошо, так хорошо, что на месте моего тела скоро вырастут цветы.

Умирая, эльф превращался в цветник, но почему-то мне всегда казалось, что на могиле нашего целителя будут расти только колючки.

— Почему ты ничего не сделаешь? Почему не исцелишь себя? — Я очень испугалась за эльфа. Пусть он желчный, язвительный и ехидный мироненавистник, но... наверное, Даезаэль — первый, кто стал мне по-настоящему близок за последние два года.

— А что я могу сделать? — прошелестел он, закрыв глаза и вытянув худые руки вдоль тела. — Я перерасходовал магию. Сначала лечил вас от отравления, потом гнал фургон от волкодлаков... Организм ведь не железный, его уже больше нельзя подстегивать всякими стимуляторами. Осталось только умереть на коленях у прекрасной девы... Но так как прекрасной тут нет, придется умереть на наиболее подходящих для этого коленях.

Нельзя сказать, что сравнение моих коленей с наиболее подходящими к умиранию меня сильно обрадовало.

— Может быть, я что-то могу для тебя сделать? — спросила я жалобно.

Эльф приоткрыл один глаз и спросил:

— А что ты готова сделать для моего спасения?

Я недолго подумала, но все же решилась.

— Все!

— Все? — подозрительно переспросил Сын Леса. — Даже больше, чем для капитана?

— Да, — твердо сказала я. К Ярославу я не испытывала никаких особо теплых чувств, хоть и понимала, что нам без его руководства не выжить.

— Тогда дай мне своей крови, — простонал умирающий и широко открыл рот.

Я остановила фургон и вынула из ножен свой кинжал. В конце концов, чтобы спасти капитана, после того как его тело не выдержало мощнейшего заклинания уничтожения нечисти, я согласилась на сеанс высшей магии с использованием моей крови. Чем эльф

хуже?

— Нет, — запротестовал Даезаэль. — Я хочу тебя укусить! Зубами!

— Ты эльф или вампир? — спросила я. — Тебя кровь из надреза не устроит? Нужно только кусать?

— Конечно! Я всегда мечтал попробовать, как это, только подходящего запястья не находилось...

— Даезаэль! — возмутилась я, еле удерживаясь от того, чтобы не столкнуть его с колен. — Ты издеваешься? Тебе нужна кровь или нет?

— Конечно, не нужна, — ответил эльф как ни в чем не бывало, обнял меня за талию и уткнулся носом в живот. — Мумугугугум...

— Что?

Целитель соизволил отвернуться от моего живота и пояснить внятно:

— Говорю, с какой стати мне лечиться кровью подобных тебе? Ты совсем не разбираешься в физиологии эльфов! Мне просто нужно отдохнуть.

— Почему у меня на коленях? Иди к себе в фургон, ложись на одеяла и спи сколько влезет!

— Ты знаешь, что богатые старики всегда окружают себя юными девушками? А почему? Все для того, чтобы пить их жизненную энергию! Вот и я тоже буду пить... Не ерзай! Дыши ровнее! Создай мне нормальную, успокаивающую обстановку для полноценного восстановления!

— А для этого обязательно дышать мне в живот? Щекотно.

Эльф повернулся на спину и задумчиво посмотрел на мой подбородок, отчего по мне забегали мурашки.

— Скажи мне, Мила, давно ли тебе в живот вот так просто, расслабленно и получая от этого удовольствие, дышал мужчина? Неужели ты не скучаешь по этому?

Я долго молчала, всматриваясь в медленно уползающую под колеса дорогу, прежде чем ответить:

— Почему ты так много обо мне знаешь? Ведь я ничего никогда не рассказывала о том, как я жила до того, как поступила на службу. Почему мне кажется, что ты понимаешь меня лучше, чем кто бы то ни было?

— Детка, — произнес Даезаэль покровительственно, — я целитель. Мне положено угадывать, что пронырливые пациенты от меня утаивают. А ты к тому же слишком соблазнительно интересная игрушка, чтобы за тобой не наблюдать.

— Игрушка? — переспросила я.

— Ну или ценный экземпляр в мою коллекцию человеческих странностей, выбирай то определение, которое тебе нравится. Дыши ровно! Чего сердце так бьется? Я не собираюсь раскрывать твои тайны никому, наоборот, я буду с удовольствием наблюдать за тем, как они вылезают наружу. То-то посмеюсь!

Мой отец всегда говорил: человек, которого легко раскусить, недостоин того, чтобы с ним продолжать общаться. У каждого в шкафу есть свои скелеты, только у иных они так спрятаны, что и шкаф не найдешь, а у некоторых — створка плохо прикрыта, костлявая рука из нее торчит... Как умудрился целитель добраться до моего шкафа, надежно, казалось бы, похороненного в закоулках памяти, не знаю, но мой строгий родитель вряд ли бы этому порадовался. Впрочем, я мало давала ему поводов для радости...

Я потрясла головой, отгоняя нерадостные мысли. Соберись, Мила Котовенко, купеческая дочь. Лучше не вспоминать о прошлом, а дышать ровно и спокойно, создавая Даезаэлю уютную обстановку.

Уже смеркалось, когда на дорогу из кустов кто-то выпрыгнул. Мне пришлось резко затормозить, и фургон, страшно затрещав и заскрипев, замер в метре от огромного зверя.

Это был не волкодлак, животное магов-перерожденцев ульдонов, и не волк. Зверь больше всего походил на огромную, лохматую, черного окраса собаку с приплюснутой

мордой и мощными лапами. Я никогда не слышала о такой породе, да и не могла слышать — у нормальных собак не бывает таких глаз, горящих багровыми угольками.

Я нашарила правой рукой лук, заговоренный против нечисти, но не спешила ничего делать. Мы просто смотрели друг другу в глаза, зверь стоял как вкопанный, и только легкий ветерок ворошил длинную шерсть.

Эльф проснулся, приподнялся, взглянул на дорогу и бесшумно скользнул вниз под скамью.

Животное зарычало низким, утробным звуком, у меня по спине пробежали мурашки, а волоски на коже встали дыбом. Зверь потоптался на месте, готовясь к прыжку, и я решилась на безумный шаг.

— Пожалуйста, — сказала я негромко, не отводя взгляда от горящих глаз противника, — пропусти нас. Мы вовсе не желаем зла никому в этом лесу, мы заблудились и едем по своим делам. Пропусти нас. Конечно, в случае нападения ты победишь, но победа достанется тебе дорогой ценой. Давай разойдемся миром?

Зверь сел на дорогу, продолжая мрачно ворчать. Я склонила перед ним голову, постаравшись выразить все свое почтение, а когда снова посмотрела на дорогу, она была пуста.

— Я бы никогда в такое не поверил, — сказал эльф, вылезая из-под лавки и сбрасывая с пальцев маленькие ярко-зеленые огоньки. — Вести переговоры с неведомым зверем, да еще и с успехом!

Он вытер у меня со лба холодный пот и брезгливо стряхнул с пальцев капли.

— Возьми себя в руки.

— Т-ты же с-сам гов-ворил, что тебе не хватает м-м-моей и-и-истерии. — На меня накатила запоздалая реакция, руки тряслись, а зубы выбивали дробь, и справиться с собой никак не удавалось.

— Во-первых, я про истерику ничего не говорил, — заявил эльф, рассматривая меня без тени сочувствия. — Во-вторых, я из-за этого неведомого зверя потратил на боевое заклинание остатки магии, и мне опять нужно отдохнуть. Когда ты так трясешься, ты ни фургон не сможешь вести, ни создать мне благоприятную обстановку. Что за безответственность!

Он опять улегся мне на колени, поерзал, поудобнее уманиваясь, и закрыл глаза.

— Спасибо, что готовился к обороне и не оставил меня одну, — сказала я.

— Ага, — зевнул Даетаэль. — Всегда пожалуйста. Только я не собирался тебе помогать. Я думал, пока зверь будет тебя жрать, обездвижить его и рассмотреть поподробнее. А может, даже удалось бы его расчленить... хрррр...

Все спали, а мной овладела какая-то неестественная бодрость, достигшая своего пика. Хотелось действовать, куда-то бежать, с кем-то сражаться или просто гнать фургон с максимальной скоростью куда глаза глядят... Это было опасно, поэтому инстинкт самосохранения приказал мне остановиться прямо посреди дороги и убрать руки от кристаллов управления. Я осторожно приподнялась, поддерживая голову Даетаэля, бережно устроила его на скамье, взяла в руки лук и ушла в лес. Когда показалось, что я уже отошла достаточно, опустила на колени, собрала подол юбки в ком, прикрыв им рот, и зарыдала, надеясь, что через слезы выплеснется все нервное напряжение последних двух суток и что мне больше не будет грозить нервный срыв. Да и снова обрести способность принимать адекватные, обдуманые решения тоже бы не помешало, потому что разговаривать со зверями, похожими на странную собаку, это ненормально. Слезы лились и лились сплошным потоком, тело сотрясало в конвульсиях. Так плохо мне не было уже два года. Я-то думала, что повзрослела, стала тверже и спокойнее, но нет, стоило появиться настоящим неприятностям, как я снова потеряла уверенность в себе!

Через какое-то время рыдания утихли сами собой, и я почувствовала себя совершенно обессиленной. Зато самообладание полностью вернулось. Только как теперь подняться? После такого взрыва эмоций я чувствовала себя кусочком разваренного лука в супе. Боюсь,

если опереться на несчастный эльфийский лук, он окончательно сломается...

— Если ты закончила, котя, то я могу тебе помочь, — сказал тролль у меня над ухом.

— Драниш? — поразила я, сгорая от стыда. Неужели он видел все это? — Что ты здесь делаешь?

— Меня разбудил Даезаэль и сказал, что ты забрала его лук и пошла в лес, чтобы повеситься на тетиве. Он очень просил тебя тут закопать, но лук вернуть.

Тролль обнял меня и прижал к своей широкой груди. Он утверждал, что влюбился в меня с первого взгляда, и я сначала побаивалась огромного, страшного, закаленного в боях вояку, пока не привыкла к верному, умному, образованному существу, скрывающемуся под маской типичного тролля.

— Я очень испугался за тебя, котя, — признался он глухо. — Боялся, что ты не выдержишь наших последних... трудностей и решила прекратить их одним махом.

— Драниш... — Я вцепилась в его сорочку руками и страшно презирала себя за проявление слабости, но чувствовать его тепло, размеренное биение сердца, ровное дыхание, его едва уловимый горьковатый полынный запах мне было необходимо. — Я никогда не опущусь до самоубийства. Это не выход. Тем более что Даезаэлю нужно время, чтобы восстановиться, капитан в коме, и я единственная, кто может наполнять магией накопителя фургона. А если опять что-то случится?

— Какая ты ответственная! — При свете луны тролль блеснул зубами в улыбке.

Парень поднял меня на руки и без видимых усилий встал.

— Что ты делаешь? — испугалась я. — Ты же ранен!

— Тебе сейчас хуже, чем мне, — спокойно возразил он. — Тем более что я сомневаюсь, что ты найдешь обратную дорогу и не сломаешь по пути ноги об какой-нибудь корень. Это вообще чудо, что ты зашла так далеко без единой царапины! Да еще и всю живность распугала своими слезами, а то нашел бы я от тебя только косточки. Ты собиралась защищаться этим сломанным луком? Котя, котя, почему ты не такая, как все? Другие девушки плакали бы себе в уголке фургона и не создавали другим повода для беспокойства.

— Извини, пожалуйста, — покаялась я.

Тролль только крепче прижал меня к себе.

Возле фургона уже горел костерок, и Тиса, с детства влюбленная в капитана девушка-воин, насаживала на прутик кусочки вяленого мяса.

— Что, — спросила она, увидев нас, — тошно было?

— Нет, просто плакала, — ответил тролль, усаживая меня на одеяло возле костра и разминая руки.

— Молодец, — сказала девушка, скептически рассматривая свою работу. Потом все же подвесила прутик над костром на две рогатины и пошевелила горящие ветки. — Я после своей первой битвы два дня ничего не ела, так тошно было.

— Помню, помню, — кивнул Драниш. — Ты тогда такая смешная была, сине-зеленая и руки тряслись.

— Конечно, тому, кто впервые убил в шесть лет, не понять такие страдания, — язвительно ответила девушка.

— В пять с половиной, — спокойно поправил тролль. — Я впервые порешил врага, когда мне было пять с половиной. К шести их уже было семь или восемь, кажется. Котя, не смотри на меня так. Жизнь — штука интересная, и выбор в ней всегда прост: либо ты жив, либо твой враг.

— Как же ты убивал таким малышом? — любопытствовал эльф, присаживаясь к костру. В руках он держал склянки с остро пахнущими травами. — Рубил под коленками сухожилия?

— Примерно так. — Тролль зевнул, ничуть не взволнованный воспоминаниями. — Мы кучей наваливались на большого дядьку, и каждый уже делал, что мог. Потому что на наше племя нападать — себе дороже! Моя мамка, знаете, как врагов молотила? Брала сковородку и кухонный нож и давай махач устраивать! Хорошее было время!

— Да-а-а, — сказала я, — интересное у тебя было детство.

Я знала, что Драниш — сын вождя племени троллей. Его отец, не чуждый новомодных веяний о пользе образования, отправил сына учиться к аристократу, и Драниш постигал науки вместе с Ярославом. Но я даже не подозревала, насколько сильно детство маленького принца отличалось от детства любого аристократа-человека!

— Детство как детство. Какое было, такое и есть, — философски пожал плечами тролль. — Главное — я выжил. А потом уже папашка со всеми замирился, и меня к Волкам отправили.

— Так, — сказал Даезаэль, — заканчивайте болтовню и подставляйте чашки, будем пить всякую дрянь.

— Зачем?

— Чтобы завтра все были бодренькие и готовые к очередным неприятностям. Ну или сегодня ночью, если знакомец Милы приведет свою семейку в гости.

— Какой знакомец? — напрягся тролль.

Эльф мечтательно закрыл глаза и живописал нашу встречу с собакоподобным зверем.

— Капитан бы тебя за такие разговоры убил, — сказала Тиса. — Придумала тоже! Надо было его на месте поджарить, или что у тебя там в магическом арсенале есть из убийственного, а потом уже разбираться.

— Интересно, кто это был. — Тролль крутил в руках кружку, не решаясь из нее отпить. Смесь в скляночках, даже разбавленная водой, пахла горечью. — Я никогда не встречал никого, подходящего под это описание.

— Пей, пей, — сказал эльф, подталкивая кружку ко рту. — Ну? Давай, я хочу посмотреть на полученный результат, прежде чем твоя котя начнет тебя зашивать.

— Зашивать? — вскинулась я.

— А то как же. Шов на руке у твоего кавалера разошелся, кровит. — Целитель тяжело вздохнул. — Вот до чего любовь доводит.

— А нужно было ее в лесу оставить? — возмутился тролль, одним махом опрокинув в рот содержимое кружки и даже не поморщившись. На лице Даезаэля выразилось явное разочарование. — Она же идти не могла!

— Я тебе предлагал ее там прикопать, меньше бы проблем было, — проворчал сердито целитель. — Давай сюда руку!

— Я зашью, — потянулась я к троллю.

— Ты ему нашьешь в темноте, — буркнул эльф. — Ешь мясо и иди спать в фургон, заодно за болезными там присмотришь, я гнома успокоительными накачал, а то он какой-то подозрительный был, лучше бы уже ныл, а то сидел и кайло точил. Даже не подозревал, что оно у него есть!

— Что такое кайло? — спросила я.

— Молоток такой с острыми концами, которым в шахте работают, темнота, — пояснил эльф. — Им голову проломить как нечего делать. Вот так некоторые сидят, точат, точат, точат. Вроде бы на волкодлаков, а потом раз — и в голову соседа.

— И ты его оставил один на один с капитаном! — Тиса вскочила, забыв о том, что у нее сломана нога, и со стоном повалилась обратно на одеяло.

— Конечно, оставил. Они сейчас оба спят, чего бояться? А если ты себе ногу доломаешь, я исцелять не буду. Что я, нанимался по пять раз работу переделывать?

— А тролля ты зашивать будешь! — ревниво сказала воительница.

— Конечно, — кивнул эльф. — Если на нас кто-то нападет, я за него прятаться буду.

— За мной котя будет прятаться, — возразил тролль, не отрывая взгляда от мяса. Над костерком витал такой вкусный запах, что я боялась, что зверь, встреченный мной на дороге, действительно заглянет к нам в гости.

— Да, конечно. Котя твоя будет на передовой, она у нас единственный маг, который хоть что-то может. Но я могу тебе пообещать, что красиво сошью ее останки, чтобы было над чем слезы проливать.

— Твое милосердие, Даезаэль, воистину не знает границ, — мрачно сказал тролль, снимая сорочку и подставляя под иглу руку.

— Есть, Мила, и спать! — прикрикнул эльф. — Чего уставилась?

Я быстро прожевала пару кусочков мяса, запила настойкой из кружки, даже не почувствовав вкуса, и ушла в фургон.

Внутри, под тусклым светом горящего под потолком фонаря, спал, свернувшись в клубочек, Персиваль. Его лицо блестело от слез, и он тихо шептал «мама». Я не удержалась и погладила его по голове. Кажется, гному стало чуточку легче. Он, возвращенный любящей матерью, всю жизнь не знал ни одной неприятности, получая завтрак в постель и горячее молоко с медом перед сном. Служба королевским гласом стала для него слишком тяжелым испытанием, и опасения целителя, что гном может в любой момент сломаться, были небеспочвенными.

Капитан все еще не пришел в себя, однако уже выглядел не настолько плохо, как утром. Я укутала его еще одним одеялом и легла спать только для того, чтобы ночью проснуться от кошмара.

Толпы волкодлаков гнались за нами, и фургон не успевал набрать скорость, как они бросались на нас, разрывая моих спутников на части, хватая меня за руку...

Я вскочила, задыхаясь от ужаса. В фургоне было все спокойно, даже Персиваль провалился в глубокий сон и ровно, с полной самоотдачей храпел. Я вышла на задник глотнуть свежего ночного воздуха и немного успокоиться.

— Котя, — раздался шепот с крыши, — не спится? Залезай ко мне!

Драниш! Надежный, крепкий и спокойный, вот кто мне сейчас был нужен больше всех! Я взобралась на крышу, где с удобством охранял нас от опасности тролль, опершийся на большой сундук с вещами.

Он поманил меня пальцем, молча обнял и уложил к себе на колени, прикрыв своим свитером.

— Спи, — сказал он. — Больше кошмары тебе сниться не будут, я тебя им в обиду не дам. Видишь, все спокойно. Да и вряд ли, котя, нам теперь угрожает что-то серьезное. Такую армию собрать не так-то и просто. Волкодлаки сожрали в округе всех, кто попался им на глаза, и тут теперь мирно, а тот зверь, что встретился тебе, скорее всего одиночка, иначе бы не ушел так просто, защищал бы свое семейство от непрошенных гостей. Так что расслабься.

— А зачем тогда рядом с тобой два меча? — подозрительно спросила я.

— Ну, я же охраняю сон моей коти, — тихонько рассмеялся тролль. — Так что все должно быть в самом лучшем виде.

Он прикрыл большой ладонью мое плечо, и по нему растеклось тепло, постепенно окутывая все тело.

— Завтра проснется Ярик и прекратит это самоуправство. — Я не видела лица Драниша, но чувствовала, что он улыбается. — Ярик наш все эти любовные штучки терпеть не может. Глупый...

Я уткнулась троллю носом в живот, как это делал эльф, и удивилась — поза действительно успокаивала и придавала сил, а еще я чувствовала себя защищенной и трепетно оберегаемой. Это было очень приятно.

— Мне так жаль, Драниш, что мы не можем быть вместе, — прошептала я. — Ведь ты такой хороший!

Рука, поглаживающая меня по плечу, на миг замерла, а потом продолжила свой путь от предплечья к локтю и обратно.

— Выбрось из головы все эти глупости, — строго сказал тролль. — Давай сначала удачно завершим нашу работу и вернемся домой, а потом разберемся со всеми проблемами. Или ты думаешь, что я вот так просто сдамся?

Я улыбнулась его уверенности в своих силах и заснула.

Утром за управление фургоном сел Персиваль, используя энергию накопителя. Вел он повозку куда лучше, чем я, во всяком случае, ось уже не трещала угрожающе при каждом

повороте.

Ребята дали мне выспаться, и я проснулась далеко за полдень, голодная-голодная, зато совершенно отдохнувшая, и обнаружила, что лежу, свернувшись в клубочек, рядом с троллем и обнимаю его ногу.

Сам Драниш увлеченно грыз сухофрукты, которые целыми горстями выгребал из мешочка.

— Выспалась? Ты так крепко спала, что даже не проснулась, когда я тебя утром перекладывал, — улыбнулся он и с хрустом потянулся. — Вот и славно! У нас сегодня сухой завтрак, так что отправляйся по своим делам, все равно фургон еле ползет, легко его догонишь, и залезай обратно ко мне. Я для тебя самые вкусные фрукты отобрал. Ты что больше любишь: сливы, яблоки или груши? Я вот сливы люблю, потому что косточку интересно обсасывать.

— Без остановок едем, — объяснил тролль, когда я вернулась. — Ведь должны же мы по этой дороге, наконец, хоть куда-то доехать! И вот, не забудь, эльф опять мерзкого пойла наготовил, сказал, что тебе оно необходимо, потому что, видишь ли, мы слишком тихо ночью на крыше непотребствами занимались, и это его насторожило.

— А мы занимались? — удивилась я.

— Нет, но одному извращенцу очень этого хотелось.

— От извращенца слышу! — буркнул снизу эльф. — К тебе любимая девушка ночью приходит, а ты ее спать укладываешь и все! Кто после этого из нас двоих извращенец?

— Еще не хватало, чтобы они над нашими головами шумели! — Тиса не могла остаться в стороне от обсуждаемой темы. — В лесу места много!

— В лесу муравьи кусают за задницу, — возразил тролль.

— А ты смотри, куда ею садишься... Персик!!!

Фургон внезапно вильнул в сторону, крикнул и завалился на один бок. Я покатила по крыше и улетела бы вниз, если бы тролль не успел поймать меня за юбку.

— Что... — начал он и охнул: — Ну ничего себе!

Я приподнялась, держась за Драниша, и застыла в изумлении.

Фургон замер на вершине холма, с которого открывался прекрасный вид на деревню. Да вот только деревня совсем не выглядела прекрасной.

Прохудившиеся крыши, покосившиеся заборы, домишки, глядящие на нас слепыми выбитыми окнами и оторванными ставнями. Некоторые дома сгорели, и от них остались лишь остовы печей, сиротливо поднимающие в небо закопченные трубы.

Видно было, что беда настигла деревеньку давно, потому что пепелища зеленели свежей травой, и даже на центральной площади с общественным колодцем, которая обычно бывает вытоптанной до твердости гранита, цвели какие-то цветы, разбавляя яркими красками картину всеобщего запустения.

— Ехали мы, ехали и, наконец, приехали, — прокомментировал эльф и накинута на гнома: — Зрелище мертвой деревни — это совсем не повод так безответственно обращаться с транспортом!

— Я испугался, — оправдывался гном, — и фургон как-то сам дернулся.

— Как-то сам, — передразнила Тиса.

Мы спустились на землю с крыши, и тролль указал куда-то рукой:

— Смотрите.

— Что там? — Я пыталась понять, что привлекло его внимание, но взгляд скользил по руинам, не находя ничего необычного.

— Развалины святилища, — сказал глазастый Сын Леса. — Каменного.

— И что это значит? — нервно спросил Персик, не без оснований предполагая, что ничего хорошего нам это не несет.

— Это значит, что нам нужно убраться отсюда до темноты, — сказал за нашими спинами Волк.

Мы обернулись, Тиса с радостным криком кинулась к обожаемому капитану, а Драниш поспешил его поддержать — на ногах Ярослав все еще стоял нетвердо. Выгоревшие волосы выбились из косы и успели свалиться, а поседевшие после использования сильной магии корни непривычно осветлили обычно черноволосую макушку. Рубашка заскорузла от пота, и вообще, выглядел капитан непривычно неопрятно и почему-то более человечно. Даже после встречи с ульдоном, магия которого действует разрушающе, Волк оставался привычно отстраненным от нас, простых смертных, и элегантно-аккуратным даже в обмороке.

— Убраться — это хорошо сказано, — согласился эльф, усаживая аристократа на землю и заглядывая ему в глаза. — Не кажется ли вам, многоуважаемый капитан, что ваши друзья, Владелец Сыч и его сыночек, в замке которых мы недавно с таким удовольствием предавались приятному времяпрепровождению, несколько... как бы это сказать... преуменьшили размеры кошмара, творящегося на подконтрольных им территориях? Более того, я считаю, что фраза «у нас все хорошо» совсем не отвечает действительности!

Ярослав скривился. Ему не нравилось происходящее в домене с тех пор, как в его столице, городе Сычёвске, нас попытались отравить. И слышать от подчиненных слова: «А ты им поверил, потому что молодой Сыч твой друг», — ему было неприятно, но возразить было нечего.

Эльф же посчитал свою маленькую месть свершившейся и теперь прилежно исполнял целительский долг.

— Так, следи за пальцем, теперь за этим... Но как мы уберемся, если фургону пришел конец? Персик, что скажешь?

— Нужно спуститься в деревню за материалами и инструментами. — Гному очень не хотелось этого говорить, но выхода не было. — Я совсем не предполагал, что придется чинить фургон, и не подготовился.

— Еще нужно набрать воды, помыться и поесть горячего, — перечислил эльф. — Вон речушка бежит, из колодца лучше воду не брать. Капитан, ты как, дойдешь до деревни или тебя нести?

— Дойду сам.

— Может, вам лучше остаться здесь? — заикнулась было я, но Ярослав обратил на меня взгляд своих холодных серебристо-серых глаз и спокойно ответил:

— Нам лучше не разделяться в таком месте.

— Тогда пошли, — решил тролль.

— Мила, — шепотом спросил меня Персиваль, когда мы брели по дороге вниз к деревне, — а почему из-за того, что святилище развалено, нам нужно уехать отсюда до наступления темноты?

— Потому что в святилище обычно живет маг, или жрец, или оба сразу. И там очень сильны охранные чары против всякой нечисти и, что хуже, нежити. Обычно там спасаются от всяких неприятностей жители.

— А почему нежить хуже?

— Потому что ее убить тяжелее, она уже и так мертвая, — мрачно ответил тролль. — Святилище еще долго служит оберегом окрестных земель, даже если деревня опустеет, — мы в таких во время войны пару раз отсиживались. И то, что это святилище разрушено... Да ты не трусь, Персик, вероятно, опасности нет, мы просто перестраховываемся. Для нежити нужны ульдоны, до которых еще далеко, а все запасы волкодлаков в округе мы уже истребили.

Мы расположились на берегу маленькой речушки, где еще сохранились остатки мостков, с которых крестьянки стирали белье.

— Драниш, Персиваль, идите искать материалы для ремонта, — приказал капитан. — Мы с Даезазлем разводим костер побольше, а девушки идут купаться и стирать, ходить в окровавленных тряпках — привлекать к себе лишнее внимание. До сумерек должны управиться и вернуться к фургону, так что бегом!

И мы разбежались каждый по своим делам. Есть тут опасность или нет, лучше это

проверить в ставшем родным фургоне, а не посреди опустевшей деревушки.

ГЛАВА 2

Даже благородное происхождение почему-то не избавляет от желания регулярно поесть.

Философские размышления Ярослава Волка

Мало удовольствия купаться в холодной речушке, однако смыть с себя пот и грязь было необходимо, поэтому я разделась в прибрежных кустах и нырнула в ледяную воду, с трудом подавив вскрик. Весна уже одаривала нас теплыми днями, но ночи еще были холодны, и вода с утра не успевала прогреться как следует. Тело покрылось мурашками, а воздух застрял в горле и никак не хотел проталкиваться ни в легкие, ни наружу.

— Быстро мойся, вылезай и растирайся полотенцем, — велела Тиса. — Потом пробегись до костра, высуши голову. А после этого возвращайся стирать. Простуда — последнее, что нам сейчас нужно.

Сама девушка осторожно вошла в воду, опираясь на импровизированный костыль. Ее лицо не дрогнуло, хотя сломанная нога, вероятно, очень болела. Я могла только позавидовать ее самообладанию. В такой ситуации жалобы с моей стороны выглядели бы совершенно недостойно и жалко.

Когда я подошла к костру, то увидела, что эльф спит, развалившись в опасной близости от пламени, а капитан, не только успевший разложить костер, но и даже, свежевыкупавшийся, — мокрые волосы небрежно схвачены шнурком в хвост, — варит кашу. Варит кашу!!!

— Даетазэль просил его не трогать, пока он не начнет гореть, — сказал Ярослав, достал из котелка большую ложку, подул и попробовал содержимое с самым серьезным выражением лица. — Что случилось, Мила? У меня на голове выросли рога?

— Вы варите кашу... — пролепетала я. Капитан не переставал меня удивлять.

Высокомерный, холодный, правильный чистокровный аристократ, сын Владетеля домена, два дня назад не испугался грязной работы по уходу за тяжелобольными, отдал все свои силы для того, чтобы спасти нас от волкодлаков, и сегодня варит кашу! Я-то была уверена, что он и понятия не имеет, с какой стороны мешочек с крупой развязывается!

— Варю. А кому еще этим заниматься?

— Вы же аристократ. — Я присела рядом с костром, распустив волосы и наскоро расчесывая их пятерней. Пока я тут греюсь, Тиса стирает. Девушка с презрением отказалась от моей помощи — я пыталась проводить ее к огню, — сказав, что она закаленная, чтобы от купания начать кашлять. Да и волосы у нее были намного короче моих и быстро сохли под весенним солнышком.

— И что? Это только для тебя я почему-то выступаю как мировое зло, а Драниш и Тиса даже не сомневаются, что, закончив работу, они получают свою миску горячей и питательной каши.

— Вы для меня вовсе не зло, я просто вас реально оцениваю, — возразила я. — К той же Тисе вы часто относитесь как к собаке.

— Она моя слуга, — спокойно ответил капитан. — Как я к ней еще должен относиться? Ты попробуй, лиши ее возможности у меня служить. Думаешь, ей это понравится? К тому же в нашем замке даже собаки никогда не голодали и всегда были ухоженными.

— Не сомневаюсь в этом. Ведь нужно же поддерживать статус Дома.

— Нужно, — согласился Волк, — но простым купеческим дочкам этого не понять.

— Не нужно считать остальных ниже себя только потому, что им не посчастливилось родиться в роду Сиятельных.

— Чистомир тебя сильно развратил своими убеждениями, — с отвращением сказал капитан. — И забил голову всякой чепухой. Он не такой, как все, он — выродок, не

понимающий степени ответственности, лежащей на каждом благородном, и живущий по каким-то своим законам. Я удивлен, что его семья еще не изгнала этот позор из своего Дома!

Чистомир Дуб был моим другом детства, однажды спасшим мне жизнь. Недавно мы спасли его от слуг ульдона, желающих убить аристократа за соращение дочки мага-перерожденца. Чистомир клялся, что это было продиктовано интересами короны, но Ярослав ненавидел Дуба с тех пор, как он несколько лет назад соблазнил возлюбленную Волка, Негосаву Пес.

— Чистомир — один из лучших людей, которых я встречала в жизни, — тихо, но внятно сказала я, поднимая голову и глядя прямо в серебристо-серые глаза Волка. — И не вам судить его.

— Очень жаль, что Дуб, сделав своей подстилкой, не указал вовремя тебе место, — жестко сказал капитан, его глаза потемнели. — Эту ошибку придется исправить мне.

— Попробуй. — Я поднялась на ноги, заставив, таким образом, Ярослава смотреть на меня снизу вверх, и уперла руки в бока, сдерживаясь, чтобы не кинуться на хама. Так меня еще никогда не оскорбляли. — Ты не имеешь никакого права меня унижать. Ты, наверное, забыл, в каком мы положении и где находимся? Будь я у тебя в замке, я бы и глаза не смела поднять на ваше Сиятельство. А сейчас ты сидишь живой только благодаря моей крови и целительскому искусству Даезаэля, так что гонор свой можно и поубавить.

Капитан вскочил и сразу стал выше, что немудрено — от отца я унаследовала малорослость, а наши приключения сделали меня из худой просто-таки тощей. Глаза Ярослава сузились, нижняя челюсть выдвинулась вперед; он поудобнее перехватил ложку. Меня так трясло от бешенства, что рука сама потянулась и достала мой верный кинжал из ножен.

— Только попробуй, девчонка, — процедил Волк.

Я подхватила подол юбки левой рукой, чтобы удобнее было двигаться, Ярослав пошире расставил ноги, показывая, что он не собирается уклоняться от моего удара и ответит со всей жесткостью.

— Эй, стоп! Стоп! — закричал тролль откуда-то.

Мы повернули головы и увидели Драниша, бегущего к нам. На ходу он сбросил с плеч вязанку каких-то длинных жердин, которые со стуком рассыпались по дороге. Пыхтевший за спиной тролля гном, который волочил по земле что-то тяжелое на старой рогоже, всплеснул руками и бросился собирать палки.

— Стоп! Ребята, придите в себя! — Драниш встал между нами, широко разведя руки. — Котя, опусти кинжал, опусти. Ярик, сядь! Сядь, я сказал. Так, хорошо, теперь медленно выдыхаем. Ярик, кашу неплохо было бы помешать.

Волк неохотно занялся котелком, бросая на меня косые взгляды.

— Стоит мне отвернуться, как вы тут же цепляетесь друг к другу! — укоризненно сказал тролль, поглаживая меня по спине.

— Дрыхли¹ бы тебя взяли, тролля морда! — пробурчал снизу эльф. — Еще немного — и они бы подрались! Вечно ты влезаешь не вовремя!

— А ты спи там, а то сейчас сам свою рубашку пойдешь стирать! — рявкнула я на любителя поглазеть на чужие скандалы, радуясь, что есть возможность сбросить накопившееся раздражение.

Эльф не снизошел до ответа, но на всякий случай отодвинулся.

— Что вы не поделили? — спросил Драниш.

— Он назвал меня подстилкой Чистомира, — сказала я, и обида вновь всколыхнулась, готовая захлестнуть с головой.

— Ярик, извинись, — попросил тролль.

— Нет, — отрезал Волк. — С какой стати? Подумай, Драниш, с кем ты сидишь сейчас

¹ Дрыхли — низшие демоны.

рядом и на ком ты собираешься жениться. Жениться!

— Мой выбор тебя никоим образом не касается, — спокойно ответил тролль. — А девушку ты оскорбил совершенно зря.

Капитан долго молчал, стиснув зубы и размешивая кашу так, будто она повинна во всех его бедах. Я досушила волосы и встала, собираясь уходить.

— Извини, — буркнул Ярослав.

— Пусть это останется на вашей совести, — ответила я.

Конечно, гордо уйти с сумкой, полной грязного белья, не получилось, но я надеялась, что хотя бы моя спина выражала всю степень презрения к Волку.

Драниш меня догнал, когда я уже раскладывала белье на мостках. Рядом лениво бултыхала в воде свою половину грязной одежды Тиса.

— Персик так ругался, что я колья бросил. — Тролль, как ни в чем не бывало, улыбался. — Он собирается как-то фургон отремонтировать, ему каждая крепкая дощечка важна, а я так легкомысленно с ними обошелся! Странно, но в этой деревне все уже сгнило с невероятной скоростью.

— А что случилось? — поинтересовалась воительница.

— Как обычно, Мила и Ярик опять поругались, — ответил тролль, стягивая с себя сорочку.

— Я никогда не была подстилкой Чистомира, — тихо сказала я.

Тролль присел рядом на корточки и поднял большими теплыми пальцами мое лицо за подбородок вверх, заставляя посмотреть на себя. Его карие глаза были очень серьезны.

— Я знаю, — сказал он и легко коснулся губами моего лба.

Потом быстро сбросил с себя оставшуюся одежду и почти без брызг нырнул в речку с мостков.

— Девочки, не смотрите сюда, — попросил за нашими спинами гном, судя по доносившимся звукам, раздеваясь в кустах.

— Больно надо, — фыркнула Тиса. — Что я там не видела? Точнее, на что там смотреть?

— Вот и не смотри... Ай! Какая вода холодная!

— А Персик-то наш зубы начал отращивать, — задумчиво сказала девушка. — Так, глядишь, к осени сделаем из него мужчину. Хотя... как из него мужчину делать, когда он даже трусов не снял!

— Откуда ты знаешь?

— Подглядывала, — беззаботно рассмеялась воительница. — Он даже когда моется, никогда не раздевается догола. Смешной. Хотя и стирать в таком случае меньше.

Какое-то время мы молча гоняли белье по воде. Конечно, пятна крови и грязь такой стиркой окончательно удалить было нельзя, но нам главное, чтобы одежда не пахла и не привлекала запахом крови всех окрестных зверей или еще кого похуже.

— Тиса, — спросила я, присматриваясь к течению, — гляди, что это?

Посередине реки плыло что-то большое и темное, похожее на замшелое бревно, но двигалось оно против течения.

— Драниш! — завопила Тиса изо всех сил. — На берег!

Она схватила костыль и, забыв о сломанной ноге, размахнулась им, рванувшись к краю мостков. Упала и от бессильной ярости ударила кулаком по доскам, что-то прорывав.

Тем временем Персиваль с невнятным криком кинулся на здоровенную рыбину, Драниш едва успел его перехватить и швырнуть на берег, но времени, чтобы увернуться самому, ему уже не хватило. Тролль скрылся под водой, моментально окрасившейся в розовый цвет.

— Глуши ее! — заорала Тиса, ударив меня по ногам костылем.

Это помогло мне выйти из оцепенения и отреагировать единственным боевым заклятием, которое пришло в голову. Я размахнулась и метнула в чудище огромный огненный шар. Вода вскипела, и в воздух поднялся пар, из-за которого какое-то время

ничего не было видно.

— Драниш! — отчаянно закричала я. Почему-то сердце так сжалось, что от боли выступили слезы на глазах. — Драниш!

— Живой я, — сказал тролль, появляясь около берега. — Только ошпаренный чуток. Молодец, котя, ты у меня боевая!

— При чем здесь это, — пролепетала я, глядя на ярко-красный цвет его кожи, по которой текли темно-красные струйки крови. — Ты ведь ранен!

— Ага, — согласился он, — зато посмотрите, какой у меня улов!

Оставляя на песке кровавые пятна, Драниш выволок на берег огромную тушу рыбыны и в изнеможении упал рядом на живот. Его спина была усеяна волдырями ожогов.

— Зубощук! — сказала Тиса удивленно и ткнула рыбу костылем. — Надо же! Я и не думала, что они тут водятся.

— Как видишь, — заметил Драниш и зашипел — я попыталась магией стянуть рваные раны на его руке, оставленные зубами рыбы.

— На троллей магия плохо действует, — будничным тоном сказал за моей спиной Даезаэль. — Тем более что у него в крови куча волкодлачьего яда, который мне все недосуг вывести. Ты своего жениха совсем угробить собралась? Ну-ну, продолжай.

Я испуганно отдернула руки. Как я могла взяться исцелять и забыть обо всем этом!

— Успокойся, котя, — попросил Драниш. — Не нужно меня хоронить раньше времени.

— Ты его заживо сварила! — Эльф понюхал рыбуны и отщипнул кусочек. — Однако вкусно!.. Мила! Я тут страдаю от упадка магических сил, а ты свои раскидываешь направо и налево! Что за свинство! Сама будешь своего обваренного героя зашивать и мазью от ожогов смазывать. Да не красней ты так, самое дорогое ты ему не обварила.

— Это только потому, что он успел вовремя нырнуть, — мрачно сказал капитан.

Я обернулась. Лицо Волка было непроницаемым, но в глазах бушевала серебряная буря. Рядом с Ярославом стоял дрожащий гном, зябко обхвативший себя руками.

— Да ладно тебе, Ярик, — сказал примирительно Драниш. — Ну, малость перестаралась, но ведь как иначе опыт получить? В итоге я остался в выигрыше — получу массаж ее нежными ручками.

— Для начала ты вытерпишь штокку. — Даезаэль безжалостно сунул мне в руки набор для зашивания ран. — Не забудь промыть! Мало ли какая гадость на зубах у этой рыбки.

— Яда там точно нет, — сообщил капитан, присаживаясь возле вареного зубощука. — Эту рыбку вывели ульдоны, чтобы она охраняла их владения и заодно как пищу для волкодлаков.

— И что же жрет эта рыбка? — поинтересовался эльф, присаживаясь возле капитана и кинжалом распарывая брюхо нашего нечаянного улова. — Пусто! Это как же?

— Специальная порода, — объяснил капитан. — После первого и единственного процесса размножения растет и питается остаточными магическими эманациями.

— Мы их во время войны пытались разводить. — Тролль тяжело вздохнул, но больше ничем не показал, что ему неприятна моя возня с иглой и нитками у его ран. — Но не получалось, дохли и все.

— Куда вам. Тут нужно особое заклинание, похожее на то, какое мы используем для своих лесов и огородов, — рассеянно ответил эльф, увлеченно разделявая рыбу. — Персик! Не стой столбом! Промой-ка мне эту нижнюю челюсть, только осторожненько! Я ее засушу, пригодится. Надо же, строение идентично щучьему! Ну, молодцы ульдоны, хвалю.

— Ты куски рыбы по песку не разбрасывай! — возмутилась Тиса. — Мы ее есть будем.

— Ешьте, — отмахнулся эльф, вытаскивая хребет. — Так, посмотрим, посмотрим...

— Персик, а чего ты на зубощука кидался? — спросил тролль. — Если бы я тебя не оттолкнул, он бы тебе руку оторвал.

— Я хотел ее убить, — хищно ответил гном. — Мне так надоело, что на меня все нападают! Я тоже хочу на кого-нибудь напасть.

— Молодец, — чавкая, одобрила Тиса.

— Нет, — холодно сказал капитан. — Никаких нападений от дилетантов. Если бы ты не кинулся на зубошука, Дранишу не пришлось бы тебя отталкивать и подставляться под атаку, если бы Мила не...

— Если бы Мила не сварила рыбу заживо, то та бы меня в лохмотья превратила, — перебил Драниш. — Прекрати, Ярик, ты слишком строг. У них же нет времени учиться, и ребята получают опыт как могут. Ради того, чтобы котя смогла защитить себя, когда меня не будет рядом, я готов предоставлять свое тело каждый день.

— Идиот, — констатировал эльф. Он уже успел изучить рыбий хребет, и к нему вернулось обычное желчное настроение. — Ты и так последнее время каждый день получаешь ранения. Если так будет продолжаться дальше, то Мила получит в мужья увечного. И я не гарантирую, что, если ситуация не изменится, ты сможешь размножаться. Хотя нет, лучше, если она не изменится. У нас еще никто не изучал половую дисфункцию троллей, и моя работа может произвести фурор.

— Прекращайте пустые разговоры, — приказал капитан. — Пора есть и возвращаться к фургону. Скоро стемнеет. Кстати, Мила, белье, которое ты стирала, уплыло.

Я ахнула, вскочив на ноги. Сорочка тролля, которую я полоскала до появления зубошука, виднелась белым пятном далеко внизу по течению.

— Ничего, — оптимистично сказал Драниш. — Я сплываю, достану ее.

— Ну уж нет, — возмутился эльф. — Какое «сплываю»? У тебя совсем соображалка не работает? Тебя же только что зашили! Сиди и молча ешь рыбу!

Я тоскливо вздохнула, понимая, что за сорочкой придется плыть мне. Лезть в холодную воду совершенно не хотелось, даже при мысли об этом кожа покрывалась пупырышками и начинали клецать зубы.

— Брось, — попросил тролль, видя, что я разубаюсь, и для верности придержал меня за руку. — Что у меня надеть больше нечего?

Капитан фыркнул и состроил лицо, выражавшее крайнюю степень презрения и неодобрения, но меня таким пронять было трудно.

— Ты так размяк, Драниш, что смотреть противно. — Тиса с такой силой рванула кусок с рыбьего бока, что несчастная туша дернулась и взмахнула хвостом, как живая.

— А ты не смотри, — посоветовал тролль, блаженно улыбаясь. Несмотря на боль, он поглаживал мою руку и был счастлив.

Что-то заставило меня поднять голову и посмотреть на Ярослава. За ледяным презрением, которое он источал, мне почудилась боль. Но почему? Неужели он вспомнил ту девушку, которую любил во время войны и которая предала его ради Чистомира? Или наш холодный капитан просто скучает по теплым чувствам? Ответа на этот вопрос я не знала, а спросить бы никогда не осмелилась.

Когда мы наелись, эльф приказал забрать с собой остатки зубошука, которые поручил мне очистить от песка и погрузить в котелок.

— Сваренной капитаном кашей и рыбой позавтракаем. Что-то мне подсказывает, что ночь ожидается бурной и утром будет не до завтрака, — зловеще предсказал Сын Леса и принялся. — Воздух явно пахнет неприятностями.

— Перестань каркать! — рявкнула Тиса. — Накличешь какую-нибудь гадость на наши головы, нам и так проблем хватает.

— Нельзя накаркать то, что уже предрешено, — пафосно сказал Даезаэль. — Уй! Ах, ты...

Воительница, ловко огревшая костылем увлеченного мрачными предсказаниями эльфа, подбоченилась, стоя на одной ноге.

— Не дожدهшься у меня больше исцеления, — пообещал пострадавший, почесывая спину. — Будешь подыхать, а я буду стоять рядом и смеяться.

— Я в этом никогда не сомневалась, — ответила девушка и сменила тему. — Давайте собираться, уже темнеет.

Процессия, ползущая вверх по холму к фургону, представляла собой лакомый кусочек

для любого, желающего поживиться нашим мясом, настолько мы были уставшие, да к тому же тащившие на себе гору тяжестей. Мокрое белье, котелки с пищей, целительская сумка, с которой Даезаэль теперь не расставался, результаты мародерского труда гнома и тролля — какие-то кузнечные инструменты и длинные деревянные жерди. Так как обожженный Драниш не мог тащить на себе материалы для ремонта фургона, то нести их пришлось эльфу и капитану.

— Мила, — громким шепотом предложил Даезаэль, — давай сделаем ставки?

— Какие? — безразлично спросила я. Тюк с мокрым бельем неприятно холодил спину, а на шее у меня болталась целительская сумка, с каждым шагом пригибавшая меня все ниже к земле. Да и выброс магической энергии давал о себе знать, перед глазами уже давно плавали расплывчатые тени.

— Упадет Ярослав до того, как мы дойдем до фургона, или нет? Я за то, что упадет.

— Почему ты так уверен?

— Потому что он несет другой конец жердей, и я чувствую, как его шатает, — довольно сказал эльф.

— Сейчас всем плохо, а ты прицепился к капитану, — возмутилась Тиса, хромавшая сзади. — Вон, Драниша тоже шатает!

— Его еще и морозит, — равнодушно сказал целитель, — последствия ожога. Нет, тролль меня не интересует, пусть за него Мила переживает, ей тащить тушу и котелки, если он упадет. Вот капитан — это интереснее. Ведь он у нас из гранита высечен. Ему бы сейчас лежать, а он ходит и даже тяжести таскает.

— Не упадет, — сказала я твердо. — Капитан не упадет до тех пор, пока не донесет ношу до фургона.

— Вот и поспорили, — обрадовался эльф. — Если я выиграю, завтра утром забираю у тебя почти всю магию, идет?

— А если я выиграю?

— Быть такого не может, — уверенно заявил целитель.

— Такого не может быть! — голосил он чуть позже, когда вся наша группа благополучно добралась до фургона. — Он должен был упасть! Должен был! У него же совершенно нет сил! И он не обращался к силе рода, я же знаю! У, как же я вас всех ненавижу! Персик, ползи сюда, я тебя пну!

— Тебе надо — сам иди сюда и пинай, — меланхолично ответил гном, лежащий рядом с рогожкой с инструментами, которую он еле затащил на холм. — У меня нет сил.

— Ты самый здоровый из нас — и у тебя нет сил? — завопил эльф. — Куда ты их дел? Ты ведь даже не ранен!

— Я не могу жить на таком скудном пайке, — тихо признался гном. — Мы ведь толком и не ели за последнее время. Ты, такой умный и знающий целитель, забыл, наверное, что у нас обмен веществ другой? Гном не может прожить на жалких крохах, нам нужно есть значительно больше, чем эльфам. Посмотри!

Персиваль расстегнул ремень и оттопырил пояс штанов. В образовавшуюся пустоту вполне могла поместиться я. Судя по пристыженному лицу Сына Леса, он совершенно об этом забыл или не брал в расчет; более того, никто из нас, увлеченных своими бедами и болью, даже не заметил, как сильно похудел гном за последние несколько дней. Впрочем, Даезаэль не был бы Даезаэлем, если бы быстро не нашелся.

— Так ешь, кто тебе мешает? Вон, целый котелок рыбы и еще один — каши. Лопай, сколько влезет, и спать ложись. В нашей команде одного скелета в виде Милы хватает, все, вакантное место супового набора занято.

— Я не скелет, — возмутилась я. — Просто худая.

— На грани истощения, — уточнил целитель и скрылся в фургоне. — Мила! Иди сюда! Чувствуя себя старушкой, у которой болят все кости, я залезла внутрь.

— Бери одеяло, — велел эльф, — и вот эту мазь. Сейчас будешь своего тролля спасать, а то ему что-то невесело. Я пока микстуры всем сделаю. Дрыхли бы вас всех взяли, откуда ж

мне было знать, что и противоожоговое надо было с собой тащить! Возись теперь...

Пока я намазывала Дранишу покрытые волдырями спину и руки, капитан обустроивал лагерь на ночь, найдя работу даже огрызающемуся эльфу и не взглянув на нас ни разу. Впрочем, мне было не до этого, потому что тролль был очень плох. Постоянные потери крови, раны, волкодлачий яд, физические нагрузки и, наконец, ожоги сделали свое дело. Взгляд Драниша был мутным и безучастным, он вяло выпил все, что приготовил ему эльф, и молча повалился на одеяло, спрятав лицо в подушку. Мне было страшно видеть мощного и веселого тролля в таком состоянии, поэтому я вскочила на ноги, желая сделать для него хоть что-то, что бы облегчило ему состояние.

Нужно разжечь костер! Я побежала за фонарем, но меня за руку схватил Волк.

— Что случилось? — испугалась я, взглянув на его серое лицо.

— Дранишу совсем плохо? — спросил он.

— Да, — призналась я. — Хотела костер разжечь, чтобы он не замерз, ночи все-таки прохладные, а его и так морозит.

Ярослав сжал мою руку так, что я вскрикнула от боли. Наверняка останутся огромные синяки.

— Отпустите меня, — простонала я. — Я знаю, что вы хотите сказать! Что это все из-за меня, и что Драниш вам дорог, и чтобы я сделала все возможное... Но я и так делаю!

— Я вовсе не хотел сказать, что все из-за тебя. — Волк вздохнул и осторожно отпустил мою руку. — Прости, я погорячился. Сейчас я помогу тебе набрать дров, и Даезаэля попросим, он в темноте хорошо видит.

Я осторожно сжала и разжала кулак, проверяя, как работают пальцы. Погорячился он!

— Это всегда так бывает, — авторитетно заявил эльф, появляясь за моей спиной с фонарем.

— Что именно бывает? — спросила я, стараясь подавить дрожь в голосе. Даезаэль своими неожиданными появлениями меня когда-нибудь в могилу вгонит!

— Такие взрывы. — Эльф прикоснулся своей прохладной ладонью к моему уже начинавшему проявляться синяку. — Такие люди, как капитан, держат свои эмоции в котелке с крышкой. Оно там кипит, кипит, а потом — бабах! — и взрывается. И тогда места всем мало. В общем, тебе пока везет меньше всех, потому что Ярослав к тебе явно равнодушен.

— Равнодушен? — поразила я. — Что ты такое говоришь? Да он меня терпеть не может.

— Я же и говорю — равнодушен. Вот Тиса, что бы она ни сделала, он реагирует привычно, так, как реагировал бы любой господин на проделки верного слуги. А ты постоянно заставляешь его вырываться из привычного шаблона поведения. Ты знаешь, мне кажется, он тебя когда-нибудь придушит.

— Хорошенькая перспектива. — Я постаралась улыбнуться дрожащими губами. — Может быть, все же прирежет?

— Нет, задушит. Чтобы все ощутить своими руками: как пережимаются твои сосуды, как бьется в агонии тело, как ты хрипишь и пытаешься освободиться...

Мне почему-то стало очень страшно, как будто кто-то прошелся холодными лапками по позвоночнику, и я непроизвольно схватила Даезаэля за руку.

— Что? — шепотом спросил он. — Ты тоже это почувствовала? Давай, хватаем любые сухие ветки и возвращаемся к фургону, что-то я больше не хочу в этом лесу находиться.

По возвращении я спешно принялась разводить костер. Мне казалось, что яркое, живое пламя быстро оградит меня от того страшного и неведомого, что притаилось в лесу. Рядом споро рубил на куски большие ветки эльф.

— Вы почему так мало дров набрали? — спросил капитан, появляясь из темноты с охапкой хвороста. — На ночь не хватит.

— А ты не почувствовал, что там, в лесу, кто-то есть? — спросил эльф.

— Это не повод сидеть без огня. — Волк сгрузил ветки в общую кучу. — Бери топор,

пойдем, я там сухую сосну приметил, ее надолго хватит. А Мила пусть остается, если ей страшно.

— Страшно, — честно ответила я.

— Ну так поднимись в фургон и возьми в руки оружие, — раздраженно приказал капитан. — Ни Тиса, ни Драниш сейчас защитить себя не могут.

Когда на тебе лежит ответственность по защите своих спутников, становится не так страшно. Я полезла в фургон за эльфийским луком, который хорошо оберегает от нечисти, а для людей у меня есть кинжал.

Внутри в темноте раздавались слабые всхлипывания.

— Тиса? — Я осторожно побрела в направлении звуков, стараясь ни на что не наступить. — Что случилось?

— Мне больно, — простонала девушка. — Ты думаешь, так легко скакать на этих палках? И кости ноги так болят, у-у-у-у...

— Почему ты не попросила никого из нас обезболить тебя? — спросила я, проводя рукой над переломом. От кожи девушки так и пахло жаром. — Почему ты не сказала, что тебе так плохо?

— Но ведь Даезаэль сказал, что нельзя магию, когда в крови есть волкодлачий яд! Я не хочу умереть!

— Все будет хорошо! — Я наконец-то зажгла потолочную лампу. — Ведь есть еще всякие настойки и снадобья. Я сейчас все сделаю, тебе полегчает.

Я возилась с Тисой до прихода наших дровосеков, напрочь забыв про свой страх. Даже не вздрогнула, когда за спиной возник эльф, постоял немного, одобрительно хмыкнул и вышел.

Когда девушка наконец-то заснула, я вышла к костру и наткнулась на жалобный взгляд Даезаэля. Так эльф никогда и ни на кого не смотрел, и мне опять стало страшно.

— Мила, — пролепетал он жалобным голосом, — ты знаешь некромантию?

— Некромантию? — Ничего себе тема для разговора поздним вечером! — Так, самые основы.

— Тогда срочно защити нас всех от мертвецов!

— Каких мертвецов?

— Ты что, не чувствуешь? Они идут за нами! Они встали из могил и идут за нами! — Пальцы эльфа вцепились в мою рубашку, я зашаталась под тяжестью его веса. Глаза у Даезаэля были совершенно безумными. — Они идут! Идут!

Мне стало так страшно, что я не могла пошевелиться, лишь повторяла:

— Даезаэль, успокойся, успокойся...

Капитан действовал более решительно. Он одним ударом оторвал Даезаэля от меня. Потерявший сознание эльф упал на землю, а Ярослав хлопнул меня по щеке.

— Очнись! Делай то, о чем просил Даезаэль.

— Хорошо. — Я взглянула в серебристо-серые глаза, и это странным образом придало мне сил.

— Эй, ты куда? — окликнул меня Волк, укладывая эльфа на одеяло рядом с Дранишем.

— На крышу за учебником, — ответила я уже сверху, копаясь в своих вещах. — А вы думали, я прятаться пошла?

— Была такая мысль, — честно признался Волк и даже был так любезен, что помог мне спуститься вниз. — Так ты знаешь некромантию или нет?

— Я же сказала: только основы, мы на курсах проходили, и я никогда этого не использовала. Нужно проверить кое-что, вдруг память подведет.

— Так ты с собой взяла учебник по некромантии? — удивился капитан, заглядывая через плечо, пока я, используя свет от костра, листала книжку.

— Нет, это справочник начинающего мага, тут всего понемножку, — ответила я. — Ага, вот, нашла. Сейчас...

Капитан молча ждал, пока я прочитаю, а потом посоветовал, ткнув пальцем в схему

заклинания:

— Вот здесь сделаешь по-другому. Пасс рукой вот так, и энергию направь в эту точку, а не в эту.

— Капитан, вы знаете некромантию?! Тогда почему же вы меня заставляете это делать?

— Мила, — уставшим голосом сказал Ярослав, — не говори глупостей. Мне сейчас никак нельзя заниматься магией. И да, конечно, я знаю некромантию. Тоже основы, как от всяких нежелательных элементов защититься, но только я это все проверил на практике во время войны, а составитель справочника, по всей видимости, нет. Поэтому я прошу тебя сделать все так, как я предложил, это будет намного эффективнее, хорошо?

— Есть ли хоть что-то, чего вы не знаете? — вздохнула я, откладывая книгу и готовясь к работе.

— Я же руководитель, — сказал капитан. — А руководитель должен знать все и по чуть-чуть. Но я многого не знаю. Целительства, например, или где моя сбежавшая невеста, или почему она решила натравить на нас армию волкодлаков.

— Почему вы тоже уверены, что это она?

— Что значит «тоже»? — Ярослав склонил голову набок. — Вы что, обсуждали за моей спиной мои личные дела?

— Когда они творятся в таком масштабе, это уже не только ваши личные дела, — буркнула я. Выглядеть сплетницей в глазах Ярослава почему-то было неприятно. — Это Драниш считает, что ваша невеста собрала волкодлачью свору.

Когда мы были в замке у Сыча, капитан получил известие, что его родители готовят его женитьбу на дочери одного из северных Владетелей, Ясноцвете Крюк. Ее отец за время своего правления сумел увеличить свой домен вдвое за счет прилежавших к нему независимых княжеств и теперь разделил землю надвое. Ярослав, младший сын Владетеля, всегда страстно мечтал иметь свой домен и был готов жениться на ком угодно, лишь бы стать Владетелем и уж тем более основать свой род, новую фамилию правящих аристократов. Но вся проблема заключалась в том, что никто не знал, где в данный момент находилась невеста Волка, сбежавшая из родового замка. Маги Дома обнаружили, что она использовала магию как раз на территории Сыча, а наше расследование показало, что какая-то высокородная дама инкогнито проезжала через домен. К тому же команду волкодлакам напасть на нас дала именно женщина!

— Дом Крюка всегда славился своей уникальной магической силой, и именно поэтому этот род всегда успешно держал северную границу, где проблем хоть отбавляй, — задумчиво проговорил Ярослав, глядя на огонь. — Думаю, управиться с таким количеством нечисти могут только они да еще Верховный архимаг, а он королевского рода, между прочим. Поэтому, когда мы встретимся с Ясноцветой, нам нужно будет серьезно поговорить.

— Вы так уверены, что с ней встретитесь? Кажется, она совсем не желает вас видеть, — не удержалась я от шпильки.

— Она пыталась убить меня и мою команду, и я, как сын Владетеля, такого не могу простить, — жестко ответил Ярослав.

— А еще она не захотела выйти за вас замуж и сбежала, и вы, как мужчина, не можете этого простить, — сказала я и отшатнулась: таким страшным, полным злобы взглядом ожег меня капитан. — Ладно, что-то я засиделась, мне пора защищать нас от мертвецов.

Я прочертила эльфийским луком окружность, отделив таким образом фургон и всех нас от окружающего мира, прочитала нужное заклинание и, даже не пытаясь идти ровно, добрела до костра и упала рядом с Дранишем. Спать, несмотря на усталость и обессиленность, не хотелось, поэтому я просто наблюдала, как блики огня играют на задумчивом лице капитана, который смотрел на пламя, но что он там видел — кто знает. Почему-то подумалось, что такой — задумчивый, уставший и больной путник — он куда более красив, чем холодный, неприступный и жесткий аристократ. Интересно, что сейчас творится у него в душе и как это повлияет на нас?

— Почему ты так смотришь на меня, Мила? — спросил вдруг Ярослав.

— Пытаюсь понять, что ты за человек, — честно ответила я.

— И как?

— Пока безуспешно.

— Лучше не надо понимать, — посоветовал он, горько усмехнувшись. — У тебя есть Драниш, а он куда лучше меня, даже если и не человек.

— Уж не думаете ли вы, что я влюбилась в вас, ваше Сиятельство? — произнесла я, использовав все запасы своего сарказма.

Он пожал плечами.

— Почему нет? Простолюдинки часто в меня влюбляются. Да и ты ведешь себя со мной как-то странно. Мне только жаль Драниша.

— Не стоит его жалеть, Ярослав, — ответила я. — Жизнь Драниша куда лучше вашей, потому что он видит в мире и людях хорошее и не ищет в их действиях скрытую подоплеку.

— Кого как учили, — пожал плечами аристократ. — Ты так и не сказала, ты влюблена в меня или нет?

— Да не любит она тебя, это и слепому видно, — проскрипел кто-то за пределами пятачка, освещенного огнем. — У нее в душе такая каша, что на любовь к тебе места просто нет. Вот когда она разберется в себе, тогда...

— Мила, отцепись от меня, — тихонько сказал Ярослав. — Или хотя бы освободи правую руку.

— Простите, капитан, — пролепетала я.

Каким образом я оказалась по другую сторону костра, да еще и прижавшись к Волку, да еще и спрятав голову у него под мышкой, я не знала, но дрожала от ужаса так, что даже вибрировало бревнышко, на котором сидел капитан.

— Покажись, добрый человек, который разбирается в девичьих душах, — ровным голосом попросил Волк, а рука его легла на рукоять кинжала.

— Тут я, тучочки, разрешите присесть?

Перед нашими глазами предстал древний-древний дедок в телогрейке с вылезшим местами мехом, с длинной седой бородой, кончик которой он засунул в карман, в валенках и холщовых штанах.

— Дайте поживиться, — сказал дедок, хищно оскалившись, и протянул к нам руки с крючковатыми пальцами.

И я самым позорным образом, вместо того чтобы защищать спину капитана, упала в обморок.

ГЛАВА 3

Не доверяй незнакомому дядьке, особенно если он говорит, что ты ему нравишься!

Поучение любой матери своей дочке

Открыв глаза, я увидела, что капитан выхватил из костра большой сук, ярко пылающий с одного конца, и направил его на старика. Скорее всего я пришла в себя очень быстро, и события только начали развиваться.

— Не подходи ближе, — предупредил Волк.

— Ты бы поднял девушку-то с земли, — укоризненно сказал старикан, указывая на меня, но с места не двигаясь.

— Ничего с ней не случится. — Капитан не бросил на меня даже короткого взгляда. — Ты кто такой?

— Ведун здешний. Не мертвяк я и не ульдон, гляди... — Он достал из-за пояса простенький кинжал, провел им по пальцу. Из разреза тут же закапали темные-темные, кажущиеся черными капли. — А посветишь в глаза, поймешь, что я не перерожденец. Люди, дайте же поживиться чем-то! Мочи нет!

— Что от нас вы хотите? — Я встала, но пошатнулась от слабости. Пришлось ухватиться за рукав Ярослава, чтобы не упасть. Он даже не отреагировал, его мышцы были напряжены, сам воин был похож на сжатую пружину.

— Каши! — со всхлипом простонал дед. — И еще так вкусно рыбой у вас пахнет! Знаете, как давно я не ел нормальной пищи!

Мне почему-то стало его жалко. Я посмотрела на глубокий разрез на пальце с большими узловатыми суставами — наверняка они болят, когда меняется погода — и сказала:

— Присаживайтесь к костру и кушайте на здоровье.

— Нет! — рявкнул капитан. — Стой, где стоял!

Дед, уже протянувший было руки к котелку, замер и тяжело вздохнул.

— Нехорошо так, сынок! Я не враг ни тебе, ни кому-то из вас. Я, может, единственный живой во всей округе, а ты так со мной поступаешь. Не нужно этого. Позволь представиться, юный Волк. Я — Дубико Котов.

— Откуда ты знаешь, кто я?

— А у вас вся порода такая, хищная — что отец твой Границлав таким был еще с детства, что ты. Вы очень похожи, тот же подбородок и нос. А еще взгляд — ни капли добра.

Ярослав так удивился, что не смог этого скрыть. У него даже рот приоткрылся. Потом капитан взял себя в руки и сказал как ни в чем не бывало:

— Садись и ешь, потом расскажешь, что тут произошло.

Старик покивал, торопливо и жадно поедая кашу. Несмотря на аристократическую фамилию, ел он без каких-либо признаков манер, утробно порывая и глотая куски рыбы, даже толком не прожевывая их. Ярослав брезгливо скривился и сел на свой пенек, положив горящий сук обратно в огонь. Я примостилась неподалеку, чтобы, если что, успеть спрятаться за его спину или, наоборот, отскочить от вспыльчивого капитана подальше.

Когда Котов наелся, он довольно отрыгнул и протянул руки к пламени.

— Ну, теперь спрашивайте. — Он прикрыл глаза. — Если дадите с собой крупы немного, то я буду вообще безмерно счастлив и, может быть, помогу вам чем-то.

— Где мы находимся? — спросил капитан.

— На землях ульдонов.

— Уже? — ахнула я. Неужели мы так быстро проехали домен Сыча? Наверное, во время ночной битвы с волкодлаками мы проехали куда больше, чем думали.

— Что значит «уже»? Граница земель ульдонов и домена Сыча осталась далеко позади, думаю, не меньше дня скачки, — ответил старик.

— Этого не может быть. — Капитан что-то чертил палочкой на земле. — Если рассчитать максимальную скорость перемещения фургона и верить карте, то граница домена должна быть недалеко. Мы не могли настолько сильно промахнуться!

— Э-э-э, Волчонок, это так было давным-давно, когда меня вышибли из магического университета и отправили сюда служить местным жрецом. С тех пор многое поменялось, и здесь уже лет двадцать хозяйничают ульдоны. А карта ваша, видно, не исправлялась. Уверен, Сычи ни за что не признаются, что потеряли столько земель, и небось так и шлют в столицу хвалебные отчеты о своем славном руководстве доменом.

— Но ведь заключение мирного договора предписывало вернуть все границы в пределы довоенных!

— О, так уже заключили мирный договор с ульдонами? — оживился старик. — Славно! Правда, у нас тут никто не воевал, кому мы нужны.

— А что случилось с вашим селением? — спросил капитан.

Котов печально вздохнул, потерев кончик бороды и, наконец, сказал, глядя Волку прямо в глаза:

— Всех уничтожили, только не знаю, кто это сделал. Я один спасся, и то потому, что ушел в другое селение ритуалы проводить. Их жрец давно умер, а кто же нового сюда пришлет? Когда вернулся, все было уже кончено. Даже тел не осталось.

— А кто разрушил святилище?

— Я не знаю. Но магия этого кого-то очень сильна. Вы же видели, во что превратилось селение всего за полгода! Такое ощущение, что здесь все заражено каким-то тленом.

— Такое ощущение? — переспросил Ярослав. — Ты хоть что-то точно знаешь?

— Те, кто точно знает, что произошло, или мертв, или сделал это, — ответил старик. — Я учился слишком давно и слишком неохотно, чтобы определить такое. И посмотрите, в кого я превратился за полгода! Ведь я ровесник твоего отца, Волчонок!

— Что? — Ярослав снова не смог скрыть своего удивления. — Ровесник? Я думал, вы лет на тридцать старше!

— Нет, я же говорю: заклятие тлена.

— А почему вы не ушли? — спросила я.

— Куда, деточка? Здесь в округе никого не осталось. Я так и не догнал того, кто сделал это, и почти никого не смог спасти и уговорить бежать. Три селения были стерты с лица земли. А люди все ушли.

— Погодите, вы же сказали, что вы никого не смогли спасти! Кто тогда ушел?

— Люди... в смысле мертвецы.

— Ушли? — воскликнула я. — Мертвецы ушли?

— Здесь земли ульдонов, деточка, здесь спокойно лежащие в могилах мертвецы вызывают подозрение, а ходящие — это норма. Ну, встал, ну, пошел... Значит, так человеку было нужно.

У меня вырвался истерический смешок и я уткнула лицо в ладони. Разговор этот, сам старик, который совсем не старик, спящие рядом Даезаэль и Драниш, совершенно не реагирующие на присутствие странного гостя, ровно шумящий лес — все вызывало чувство нереальности, будто я сплю и вижу странный сон, который никак не может закончиться.

— Успокойся, — велел мне капитан, хлопнув по спине.

— Почему? — спросила я. — Почему не просыпаются эльф и тролль? Ладно, Драниш болен, но чтобы Даезаэль пропустил такое?!

Волк наморщил лоб, а потом нахмурился:

— Я думаю, это потому что эльф от меня по лбу получил. Наверное, слишком сильно ударил.

— Деточка, — сказал Котов, — дай им поспать. Вы все очень устали, а что ждет вас впереди, я даже боюсь предположить. Как бы там ни было, вы здесь чужаки.

— А вы?

— Я живу здесь уже чуть больше тридцати лет, чего мне бояться?

— Поехали с нами, вернетесь к семье... — предложила я.

— Мой род давно уже забыл о моем существовании, и лучше им не напоминать, — грустно усмехнулся бывший аристократ. — Я был не такой, как они, и поплатился за это. Впрочем, тебе ведь это хорошо знакомо?

Сердце екнуло, и я предостерегающе подняла руку:

— Мы сейчас говорим не обо мне!

— Погоди-ка, — возмутился Волк. — Какие еще тайны? Чего я не знаю о тебе, купеческая дочка? Что еще за отвержение из рода?

— А почему это вас так интересует, капитан? — спросила я. — Мы уже больше месяца путешествуем вместе, и вы только сейчас заинтересовались моим прошлым. К чему бы это?

— К тому, что на нас валятся неприятности, и здесь нужно учитывать каждую мелочь! — Ярослав схватил меня за руку. — Ну, признавайся, это месть твоего отца?

— Помилуйте, ваше Сиятельство! — Я даже рассмеялась. — Месть моего отца? Да он никогда не пойдет на такое расточительство, как уничтожение людей! Тем более с чего это вдруг ему мне мстить? Я порвала отношения с ним еще два года назад, и с тех пор моей семье было абсолютно все равно, что я делаю и на что живу. С какой это радости им внезапно устраивать мне пакости? Думаете, они выиграли в королевскую лотерею и,

внезапно озолотившись, решили потратить все деньги на блудную дочку?

— Она не обманывает тебя, Волчонок! — сказал дед, снова начиная есть.

— А вы молчите уж лучше, маг-недоучка! — рявкнул Ярослав, но руку мою отпустил и перестал сверлить меня взглядом разъяренных серебристо-серых глаз.

— Если я не доучился в университете, это совсем не значит, что я не могу быть ведуном и чувствовать ложь, — спокойно ответил Котов. — Спросил бы ты местных жителей, они бы тебе рассказали, как хорош ведун Дубико. Может быть, мне и повезло выжить только потому, что у меня такой сильный дар.

— Разве это жизнь? — скривился капитан. — Жить в лесу в одиночестве, не мочь себе даже каши нормальной сварить...

— Не могу сварить, потому что почти все зерно пропало. А то, что я смог спасти, я посадил, и на следующий год будет у меня каша. — Старик мечтательно улыбнулся. — И это нормальная жизнь, Волчонок, ничем не хуже, чем другие. Ведь жить хоть как-то куда лучше, чем не жить совсем.

— Я с вами не согласен, — буркнул Ярослав.

— Это потому, что ты еще молод и еще не любил. Вот полюбишь кого-нибудь, тогда и проснется в тебе жажда жизни.

— Я уже любил, ничего хорошего.

— Это была не любовь. — Котов отряхнул бороду, достал из какого-то кармана гребешок и принялся ее расчесывать. — Это была пагубная страсть. А любовь — это то чувство, которое поднимает тебя над землей и заставляет жить для того, чтобы было хорошо объекту твоей любви, а не тебе. А ты возненавидел весь мир только потому, что тебе какая-то женщина не дала удовлетворения.

— Прекращай этот разговор, — резко оборвал старика Ярослав. Что-то в голосе капитана заставило меня взглянуть на него. Что это? Неужели непроницаемый Волк покраснел? Вот так номер! Ну все, плохи теперь мои дела! Из-за того, что я видела момент его слабости и слышала старикиевские откровения, капитан будет тиранить меня больше прежнего.

— А Даезаэль говорил, что слышал, как идут мертвецы, — поспешила я сменить тему.

— Мертвецы? — Дед полюбозавлся бородой, спрятал гребешок, а потом и конец бороды в карман. — Все может быть, они часто мигрируют туда-сюда по ульдонским надобностям. Те ведь не дураки — придумали, как сохранять мясо в хорошем состоянии долгое время, и теперь гоняют несчастных трупиков на прокорм своим волкодлакам. Вы, главное, не становитесь у них на дороге, ведь эти ребята совсем не прочь поживиться свежей кровью. И если столкнетесь, рубите им головы. Без головы они быстро теряют силы и падают.

— Падают, но не сразу, — уточнил капитан. — Я сталкивался с такими на войне. И без головы зомби могут еще парочку солдат разорвать.

Котов пожал плечами.

— Вам виднее. Если хотите вернуться в домен Сыча, то вам надо спуститься с горки, проехать вдоль реки, а на большом озере повернуть направо на тракт и дальше уже не сворачивать.

Ведун протянул руки к костру, греясь. Молчание затягивалось, и я чувствовала, как сон постепенно овладевает мной. Борьба с усталостью смысла не было, тем более что я хотела утром отдать эльфу побольше магических сил. Я без них как-нибудь проживу, а вот он стал вести себя совсем уж странно.

Сон у меня был беспокойным. В какой-то момент он перетек в ужас, и я принялась отбиваться и пинаться.

— Тшшш, деточка, — кто-то бережно держал меня в объятиях. — Тшш...

«Деточка»? «Деточка»?!

Я открыла глаза и рывком вскочила на ноги, оттолкнув от себя Котова. Он не удержался на бревнышке, на котором сидел, и упал на спину, задрал ноги. Однако мне было не до смеха, потому что мы были не возле фургона и даже не в разрушенном селении, а возле

какой-то низенькой полуизбушки-полуземлянки. Рядом с ней, развешанные на рогатинах, сохли рыба и какие-то тряпки.

Солнце уже встало, и весь мир был окрашен в те нежные и яркие цвета, которыми заканчивается раннее утро.

— Где мы? — закричала я, отскакивая от старика подальше и выхватывая из ножен кинжал.

— У меня дома, — побарахтавшись немного, ведун встал и вытер пот со лба. — Ты знаешь, ты такая тяжелая. Еле дотащил, хорошо еще, что вы так по-глупому остановились рядом. Ты во сне еще и брыкалась.

— Зачем? — только и спросила я.

— Я хочу, чтобы ты осталась со мной, — без обиняков заявил Котов. — Ты такой же изгой, как и я, куда тебе возвращаться? Зачем тебе мотаться по грязным дорогам в окружении солдафонов? Разве это жизнь для такой, как ты?

— Верните меня назад, — потребовала я. — Меня ждут друзья.

— Разве они тебе друзья? — фыркнул ведун. — Оставайся здесь, я буду тебя любить. Ты станешь владельницей домена, разве могла ты о таком когда-либо мечтать? Все эти земли будут принадлежать нам, ни ульдонам, ни Сычам они не нужны. Мы с тобой станем основоположниками нового рода.

— Вы сошли с ума! Какой новый род? Думаю, меня скоро найдут, так что давайте просто молча подождем.

— О нет, детка! Нас не найдут. Что же я за ведун, если не могу запутать дорогу? Да и твои так называемые друзья, которые засыпают от легкого внушения или щепотки сонного порошка, совершенно не годятся, чтобы оберегать такую жемчужину, как ты! — Старик двинулся в мою сторону.

— Стой на месте, — предупредила я, внимательно следя за его действиями. — Я буду защищаться.

— Зачем? Разве ты не хочешь шагнуть в новую жизнь вместе со мной? Неужели тебя больше устраивает та пустота, которая у тебя сейчас в душе? Тебе детки нужны, муж любящий...

— Но не вы! — Мне было так страшно, что по спине ручейками стекал холодный пот. С сумасшедшими я никогда раньше не имела дела и поэтому совершенно не могла предугадать его дальнейших действий. Что мне делать? Как выкрутиться из этой ситуации с минимальными потерями?

— Почему не я? — мирно спросил ведун. — Я буду любить тебя так, как никто не любил. Ведь ты так похожа на нее, мою жену. Хочешь, я покажу тебе ее могилу? Ты увидишь, как хорошо я за ней ухаживаю. Нет, не думай, я не разрешил ей уйти со всеми, чтобы стать кормом для волкодлаков или зубошука, нет, она спит спокойным сном под молодой пушистой елочкой. А тебя я заметил еще вчера в селении, ты сильна, молода, и ты сможешь выдержать все... Мы будем счастливы вместе. Оглянись, ведь сзади у тебя ничего не осталось, а впереди — сплошная пустота. Я все просчитал, мы с тобой вместе сможем снять заклятие с этих мест, и я снова стану молодым...

Котов сделал обманное движение и вдруг с невероятной для такого старого тела прытью кинулся на меня. Я успела только сдавленно пискнуть, как он тяжело навалился на меня и захрипел, судорожно дергаясь.

— Ты... сука... — Он с трудом приподнялся, и я увидела, что, припилив телогрейку к телу, в животе старика торчит мой кинжал.

«Все-таки долгие тренировки были не зря», — ошеломленно подумала я.

Пока я боялась и раздумывала, как разрешить ситуацию миром, мое тело лучше меня знало, что делать и как себя защитить.

— Отпустите меня, — сказала я, но деда было уже не остановить.

С утробным рычанием, достав свой кинжал, он кинулся на меня. Да, когда-то Котов получил хорошую подготовку как воин, но он слишком давно не тренировался, а меня

каждый день до дрожи в мышцах гоняли то капитан, то тролль. Я увернулась от удара и выдернула свой кинжал. Утробно чавкнуло, брызнула кровь.

— Отпустите меня! — Я отбежала к избушке. — Вас еще можно исцелить!

— Я тебя убью, сука, — прохрипел Котов.

От магического удара меня отбросило к стене домика и так приложило о бревно, что зазвенело в голове и перехватило дыхание. Пока я силилась вдохнуть, дед подковылял к моему кинжалу и далеко отбросил его ногой. Рану на животе он зажимал левой рукой, а в правой держал кинжал.

Подошел ко мне — я тщетно пыталась заставить конечности повиноваться, — замахнулся.

«Я не хочу умирать! Не хочу!» — билась у меня в голове мысль. Спина начала гореть огнем там, где был след от огромного ожога, всегда нывший, стоило перерасходовать силы. Я собралась с силами и пнула старика по колену. Он пошатнулся, и удар кинжала прошел мимо моей груди, только зацепив плечо, но боли я совсем не почувствовала. Наоборот, в тело как будто влили новую силу, я извернулась и покатила к бревну-скамейке. С ее помощью встала и кинулась к кинжалу.

Если я хотела выжить, у меня оставался только один выход — убить Котова. Он грузно топал ко мне, совершенно безумев от ярости и боли.

Я замерла, глубоко вдохнула. Кинжал лег в руку, резкий бросок — и серебристым росчерком сталь вонзилась ведуну в горло, точно в яремную ямку.

Котов всхлипнул, захрипел, схватился руками за мой кинжал и медленно-медленно повалился на колени, а потом и на траву, где еще какое-то время дергался.

Я подождала, пока он совсем не затих, подошла и присела рядом.

— Меня учил метать кинжалы Мирик, — почему-то сочла нужным объяснить труп. — Все детство гонял перед мишенью. Он очень любит кинжалы, Чистомир, вы, наверное, и отца его знали, раз в аристократических родах разбираетесь. Знаете, Мирик считал, что женщине нужно уметь убивать на расстоянии. А ведь он был прав, да, не находите? Конечно, прав, Чистомир всегда прав, мне давно нужно было это понять. А вот вы не правы. Вы говорили, что позади у меня ничего не осталось. Очень даже осталось, меня ведь не изгоняли из рода, как вас, да и не могли, да... Это я сама из дому сбежала. Конечно, я не думала, что мне придется убивать аристократов, даже и бывших... убивать... убивать... убивать...

Меня затрясло и стошнило. Спазмы были такими болезненными, что я чуть не потеряла сознание и не упала в вонючую лужу.

— И еще... — Я выдернула кинжал из раны, разогнув пальцы мертвеца, и принялась вытирать верное оружие о траву, а потом и о свою юбку — все равно одежда была заляпана кровью, и лишнее пятно ничего не изменит. — Впереди у меня — жизнь, которую я вовсе не намерена была проводить с таким безумным стариком, как вы.

На то, чтобы отыскать баклагу с водой и умыться, а потом заняться раной на плече, у меня ушло немного времени. Затем я наломала веток и укрыла ими тело.

— Извините, — сказала я тому, что осталось от Дубико Котова. — Я думаю, так будет лучше для всех.

А потом, не оборачиваясь, пошла в лес. Куда идти, я не знала, но мне хотелось убраться подальше от полянки с избушкой, тем более что ведун обмолвился, что фургон не так далеко, да и магия, запутавшая тропинки, должна была исчезнуть после смерти Котова. Поэтому я просто шла и шла, ведь Чистомир однажды сказал: нужно бороться до конца, и если не хватает сил идти, то ползти. А сегодня я поняла, что Мирик всегда прав. Конечно тогда, после своей мудрой сентенции о борьбе до конца, молодой Дуб добавил:

— Когда ты опускаешь руки, ты становишься похожей на дохлую жабу. Это тебе совершенно не идет.

— Можно подумать, кому-то идет быть похожим на дохлую жабу, — фыркнула я.

— Быть похожим на дохлую жабу идет дохлой жабе. — Мирик покопался в стогу сена, на котором мы лежали и придиричиво выбрал сухую травинку, которой начал с азартом

ковырять в зубах.

— Эй вы, а ну слезайте, а то шас как дам! — раздалось снизу. — Я вижу все, нашли где миловаться!

Чистомир почесал ухо, а потом встал, вытянувшись во весь свой далеко не маленький рост. Даже стоя на стогу, весь усыпанный сухой травой, он умудрялся выглядеть внушительно.

— Ты на кого голос повысил, смерд? — сурово спросил он. — На сына Владетеля своего? Жить надоело?

Крестьянин, униженно извиняясь, отправился восвояси, а Мирик повалился на стог обратно, хохоча во все горло.

— Скажи, — отсмеявшись, спросил он, и его серебристо-серые глаза при этом сияли, как начищенный перед приездом гостей сервиз, — как жить все-таки хорошо, а?..

— ...Ведь жить хорошо, — пробормотала я, выныривая из своих воспоминаний, — а я живу. Тогда почему же мне все-таки не так хорошо, как хотелось бы?

— Мила! Мила-а-а! — Так вопить на весь лес мог только Драниш. — Мила-а-а-а-а-а!

— Я тут, — откликнулась я и побрела в сторону, откуда раздавался голос тролля.

— Котя! — Драниш заметил меня раньше, чем я его, и шумно кинулся в мою сторону, ломая ветки кустов. — Котя!

Подбежав ближе, он замер как вкопанный и тихим, ровным голосом произнес:

— Котя, отдай мне кинжал.

— Что? — непонимающе спросила я, потом перевела взгляд и с удивлением заметила, что до сих пор сжимаю в руке оружие, да так крепко, что побелели костяшки пальцев. — Ах, да...

Я засунула кинжал в ножны. Отдавать его кому-либо, даже троллю, не хотелось.

— Что произошло? — спросил Драниш, заглядывая мне в лицо. — Ты ранена?

— Немного.

— Куда ты исчезла? Мы тебя с раннего утра ищем! Почему ты вся в крови?

— Я убила человека, — спокойно ответила я.

— Так... — Парень легко поднял меня на руки. — Мы сейчас придем к фургону, и ты мне все расскажешь, хорошо?

Я уткнулась лицом в его голую грудь — сорочки тролль так и не надел, оберегая обожженные плечи, но нес меня легко, поэтому я не стала сопротивляться такой заботе.

У фургона сидела Тиса, которая кипятила на костре в котелке какие-то травы и мурлыкала себе под нос. По ней не было видно, что мое исчезновение хоть как-то ее взволновало, впрочем, от Тисы ничего другого я и не ожидала.

Под повозкой копошился Персиваль, стучал молотком и тихо ругался сквозь зубы.

— Я нашел Милу, — гордо возвестил Драниш, опуская меня на одеяла.

— Прекрасно, — заметила Тиса, мельком окинув меня взглядом. — А то из-за нее мы нормально поесть не можем. Что, пошла в лес по делам и заблудилась?

— Нет, — коротко ответила я, охватывая колени руками.

Хотелось свернуться в клубочек и отгородиться чем-нибудь, хотя бы одеялом, от этого мира, чтобы немного передохнуть и набраться новых душевных сил. Но я должна была быть сильной, и поэтому с отдыхом придется подождать.

Тролль присел рядом и молча обнял меня за плечи. Так мы и просидели, пока не вернулись капитан и эльф.

— О, — сказал Даезаэль, жадно разглядывая пятна на моей одежде, — кого ты порешила? Надеюсь, он умирал долго и мучительно?

— Это был Котов, — сообщила я капитану, который ничего не сказал, но рассматривал меня довольно пристально, склонив голову набок.

— Рассказывай, рассказывай во всех подробностях, — попросил Даезаэль, разглядывая рану на моем плече. — Только перед этим скажи: ты хочешь умереть от заражения крови или тебя все же исцелить?

— Лучше исцели, — испуганно попросил тролль.

— Я не у тебя спрашиваю, — оборвал его целитель. — Вдруг Мила, убив человека, мучается такими жестокими угрызениями совести, что хочет непременно умереть, искупив тем самым свою вину.

— Ничем я не мучаюсь, — сказала я. — Да, это было страшно и неприятно, но у меня не было другого выхода. Или я, или он.

Глядя на котелок, в котором ровно бурлила зеленая жижа, я рассказала о том, что произошло на полянке перед избушкой.

— Молодец, — сказал капитан после того, как я замолчала.

Я недоуменно подняла на него взгляд и с удивлением поняла, что он действительно меня хвалит.

— Ничего не молодец, — ревниво возразила Тиса. — Я бы его сразу пришила.

— Это потому, что такое слово, как «дипломатия», тебе ни о чем не говорит, — вступился за меня тролль.

— Зачем мне дипломатия? — заявила воительница. — У меня есть инстинкт самосохранения, это куда более полезная штука. И так было понятно, что добром не кончится, если бы ты в него сразу кинжал метнула, обошлась бы куда меньшими потерями.

— Я себе это уже представил, — радостно сказал Даезаэль. — И понял, почему ты до сих пор не замужем. Потому что это выглядит вот так: Тиса, выходи за меня замуж, хррр...

Эльф настолько достоверно изобразил хрип умирающего, что меня передернуло. Заметив это, тролль погладил меня по голове и сказал:

— Что-то мы заболтались. Пойдем, котя, тебе нужно переодеться, а еще лучше — искупаться. И одежду эту выбрось.

— Откуда ты такой заботливый взялся? — пробурчала Тиса. — Сам же говорил, что убивал с малолетства, для тебя это должно быть привычно.

— Так то я, а то котя, — возразил Драниш. — И она убила человека впервые.

— Пусть мокрым полотенцем оботрется, — велел капитан. — У нас нет времени на то, чтобы ты сопровождал ее к реке. Иди лучше помогай Персивалю чинить ось фургона, иначе мы отсюда никогда не двинемся.

Мужчины возились с ремонтом фургона до вечера. Нас с Тисой к этому не привлекали, но у капитана нашлось дело для каждой. Воительница занялась оружием, а мне было поручено написать отчет обо всем, что произошло в последние дни. Когда я взялась за карандаш и начала писать, то поразились: оказывается, за несколько дней произошло столько, что не каждому выпадает испытать за всю жизнь.

Только вечером гном признал фургон годным для дальнейшего путешествия, разве что настаивал на том, чтобы управители не превышали среднюю скорость, и мы двинулись по той дороге, которую указал нам ведун.

— Я не вижу причины, по которой он бы сообщил нам неправильный путь, — ответил Волк Дранишу, который усомнился в том, стоит ли доверять указаниям Котова после всего, что произошло. — Наоборот, лелея свой план похищения, он хотел, чтобы мы убрались отсюда поскорее. Так что дорога должна быть приличной. А с Сычом нам крайне необходимо побеседовать. Хорошо побеседовать и понять наконец, что здесь происходит!

Мы остановились на ночлег только тогда, когда полностью стемнело. Волк лично проследил за тем, как я обвожу фургон защитным кругом от нежити, и распределил дежурства, отдельно сказав о необходимости в случае любых непредвиденных ситуаций будить всех, а не только его.

— Почему ты отказываешь мне в праве умереть во сне? — не упустил возможности повозмущаться эльф. — Я требую, чтобы меня никто не будил, когда мои ноги будут жрать волкодлак!

— Тогда ты и сам проснешься, — хмыкнул тролль.

— Нет, — упрямо возразил Даезаэль. — Я буду спать всем врагам назло!

— Ты и так в последнее время только и делаешь, что дрыхнешь, — заявила Тиса. Ее

дежурство приходилось на утро, поэтому девушка, не теряя времени, уже укладывалась спать.

— Я восстанавливаюсь, — с достоинством ответил целитель. — Вы постоянно пользуетесь моей силой, вы думаете, она бесконечная?

Он улегся на свою постель, демонстративно повернувшись к воительнице спиной. Спина выглядела до того презрительной и уверенной в своем превосходстве над остальными спинами, что Тиса не выдержала и тоже отвернулась.

Я дежурила первой, и конечно же Драниш не мог оставить меня в одиночестве. Сев спиной к тлеющим углям, он немного понаблюдал за тем, как я натачиваю лезвие кинжала, и сказал довольным голосом:

— Слышала, как Персик ругался, когда фургон чинил? Это я его научил.

— Зачем? — Я слышала смачные выражения, которые периодически долетали из-под днища, но не придавала им особого значения.

— Чтобы он от стресса избавлялся, — пояснил Драниш. — Все по-научному. Даезаэль сказал, что копить чувства в себе нельзя, это приводит к неврозам. А это очень опасно. Я вот... тоже думаю, нужно что-то делать с моими нервами.

Я удивленно покосилась на парня. Представить тролля, страдающего от невроза, мне не удалось, но я честно постаралась его поддержать:

— И что тебя волнует?

— Ты, — напрямик ответил Драниш.

Это было для меня не новость, вообще удивительно, как долго он терпел мою скрытность, поэтому я только отложила оружие, чтобы не отвлекало, и, ожидая продолжения, посмотрела на тролля.

— Я волнуюсь, как ты себя чувствуешь, впервые убив человека. Как-то слишком себя спокойно ведешь для девушки, пережившей такое.

— Наверное, я уже перешла грань, отделявшую милую домашнюю девушку, которая боялась задавить даже таракана, от убийцы, — поразмыслив, сказала я. Да, убийство — это не тот опыт, который я хотела бы еще раз повторить, но, если придется, рука дрожать у меня уже не будет. — Не волнуйся за меня. Может быть, мне сегодня приснится страшный сон, но в петлю из-за этого я лезть не буду.

— Хорошо, — с облегчением сказал тролль, поерзал немного и задал свой главный вопрос: — Мила, почему ты убежала из дома?

Я никому не пересказывала нашу беседу с Котовым у избушки, ограничившись сообщением, что он похитил меня потому, что хотел завести себе женщину. Но в этом случае удивляться было нечему, я знала, что Драниш очень наблюдателен и видит куда больше, чем говорит. Сейчас он смотрел на меня так ласково, так внимательно и так сочувствующе, что я честно ответила:

— Мы с родителями разошлись во мнении относительно моего будущего. Поэтому я решила, что лучшим выходом будет жить самостоятельно.

— Смелое решение, — похвалил тролль.

— Глупое. — Я обхватила руками колени. Воспоминания о том, как нам с няней приходилось голодать, спать на жестких досках на жалких постоянных дворах, поеживаясь от укусов блох и клопов, есть каменные сухари и мерзнуть, не имея денег на приличную одежду, были слишком страшными. — Глупое и трусливое. У меня не хватило смелости принять свою судьбу такой, какая она есть, и я решила ее изменить, просто убежав.

Но от судьбы не убежишь, можно только на время отсрочить свой приговор. И это мне было известно лучше, чем кому бы то ни было.

Драниш обнял меня за плечи, привлекая к себе.

— Ты же знаешь, что я всегда буду с тобой и всегда буду на твоей стороне, поэтому можешь смело переложить на меня часть бремени, которое ты тащишь на своих плечах.

— Прости меня, Драниш. — Я почувствовала, как в горле застрял комок, и поэтому говорить было тяжело и больно. — Я не могу это сделать, как и не могу быть с тобой.

— Почему?
— Прости, но это тайна не только моя.
— Твоя и... Чистомира? — спокойно спросил тролль.
— Да.
— Дрыхли бы его взяли! Я начинаю ревновать тебя к нему, — признался Драниш. — Он к тебе так близок, а меня ты продолжаешь держать на расстоянии! Почему?
— Я стараюсь тебя уберечь, — сказала я, изо всех сил удерживаясь от слез. Было жалко и себя, и Драниша, и вообще было так тоскливо, что хоть вой.
Он вздохнул так тяжело, будто я голыми руками вырывала у него сердце.

ГЛАВА 4

Иногда от обилия мыслей так пухнет голова, что думаешь: ну почему я не тупой?! Зачем я научился читать?

Драниш Рых о вреде образования

Ради разнообразия этой ночью ничего плохого не произошло. Утром бодрый и довольный жизнью капитан заставил нас отжиматься и подтягиваться, чтобы мы не расслаблялись.

— Лучше бы на нас ночью опять напали волкодлаки, — бурчал гном. Отжимался он неохотно, и стоило Волку отвернуться, укладывался на землю и отдыхал. Физические упражнения Персик ненавидел, и его даже не пугала вероятность остаться без завтрака в наказание за лень.

— Почему именно волкодлаки? — спросил тролль. Его раны очень быстро заживали, поэтому Драниш не отказал себе в удовольствии как следует размяться. — Ведь есть еще куча самой разнообразной нечисти и нежити, выбирай по вкусу.

— Вот я и выбираю. С волкодлаками я уже сражался, и мне они теперь не страшны.

— Ишь ты какой! — Тиса стукнула костылем по спине гнома. — Не боится он. Да тебе просто повезло! А будешь так сачковать — следующий раз выставим тебя один на один с волкодлаком, посмотрим, кто кого!

— Ставлю на Персика, — отозвался Даезаэль. Ранним утром эльф вытянул остатки волкодлачьего яда из крови Драниша и Персика, практически исцелил сломанные кости ноги у Тисы и теперь с чистой совестью отдыхал. — Наш гном последнее время могуч и страшен, вчера, когда ударил себя молотком по пальцу, то так на несчастный инструмент смотрел, что я думал, сгрызет от злости. Порвет пасть волкодлаку и не вспотеет.

— Хватит каркать! — оборвала его Тиса. — Нам до домена Сыча еще пару дней таким темпом ехать, не меньше, так что о плохом лучше не думать. Нечисть на плохие мысли притягивается.

— Это антинаучный бред, — возразил эльф.

— Возможно, — согласился капитан. Он танцевал на полянке вместе с мечом, радуясь тому, что силы постепенно возвращаются в тело, но все еще отказываясь от спарринга с троллем. — Но на войне мы заметили: говоришь о нечисти — она появляется тут как тут.

— Это потому что вы были на ее территории, — отмахнулся Даезаэль.

— А сейчас мы где? — спросил капитан.

Все примолкли, а гном так нервно оглядел кусты, будто боялся, что из-за них на него кинется волкодлак.

— Завтракаем и поехали, — велел Ярослав. — Останавливаться до вечера не будем, и так еле ползем.

Из-за того, что более-менее наполненной магической силой из всей нашей компании оставалась только я, наше передвижение действительно было довольно медленным. Ярославу Даезаэль вообще запретил в ближайшем будущем заниматься магией, свою всю без остатка тратил на скорейшее исцеление нашего потрепанного воинства, поэтому я не только

вела фургон, но и старалась максимально наполнить магией кристалл накопителя. Из-за этого я быстро истощалась, и мы уже не могли передвигаться ночами, как бы ни хотелось этого капитану.

— Нам бы несколько дней отдохнуть в спокойной обстановке, — мечтал эльф, сидя рядом со мной на скамье управителя. — Так, чтобы не бояться, что вот-вот кто-нибудь нападет. Чтобы поесть нормальной пищи, не наспех сваренной и скрипящей на зубах, а на красивых блюдах, приготовленной мастерицей-кухаркой...

— Не нравится то, что я готовлю, — сам вари, — обиделась я. Сегодня действительно недосмотрела, и в открытый котелок порывом ветра занесло несколько угольков из костра, которые как назло попали в тарелку именно эльфу.

— Я сварю, — злое пообещал он. — Я столько лет учился варить зелья, что я вам такой суп сварю, что потом месяц будете меня на руках носить и целовать мои коленки!

— От того, что он будет такой вкусный? — заинтересовался Драниш. Он лежал на животе так, чтобы иметь возможность смотреть на мою спину (у меня от его взгляда жутко чесался затылок, но я не подавала виду). Так как я была занята, честь намазать обгоревшие тролли плечи выпала Тисе. Она делала это аккуратно, но с таким злобным выражением лица, что мне хватило на него только раз взглянуть, чтобы решить больше не оборачиваться, пока девушка не закончит процедуры.

— Нет, — сказал эльф и растянулся в довольной ухмылке, — от того, что я туда ингредиенты специальные положу. Всегда мечтал иметь личных рабов.

— А зачем ты тогда раскрываешь свои планы? — удивился тролль. — Вот накормил бы нас своим супчиком молча и пользовался бы по своему усмотрению.

— Кем? Армией инвалидов? Нет уж, увольте, я подожду, Пока вы выздоровеете.

— С такой жизнью это будет нескоро.

— Ничего, я терпеливый. Зато потом отыграюсь за все, — пообещал Даезаэль. — Не мешайте мне, я помечтаю.

Его мечты плавно перетекли в сон, и эльф самым бессовестным образом склонил голову на мое плечо. Я несколько раз его толкнула, потом, смирившись с неизбежным, уложила целителя на колени и продолжала управление фургоном.

Внутри обиженно и ревниво засопел Драниш, сверля мне спину взглядом с удвоенным энтузиазмом, — теперь чесался не только затылок, но и зудело между лопатками. Наконец, поняв бесплодность своих усилий, тролль пробурчал:

— Почему ты разрешаешь этому нахалу спать у тебя на коленях, а мне нет?

— Наверное, потому, что он не спрашивал разрешения, — ответила я, поразмыслив. — Первый раз он вообще поставил меня в известность, что своим сном делает мне одолжение.

— Так это еще и не первый раз! — завопил Драниш, вскакивая на ноги.

— Чтоб тебя чахи взяли! — закричала Тиса. — Скотина! На мне теперь вся твоя мазюка!

— Ау-у-у! — взвыл гном. — Кидаться банкой-то зачем! Больно!

— Успокойтесь! — рявкнул капитан. — Вы мешаете! Драниш, сядь!

И только эльф сладко почмокал во сне губами и еще глубже зарылся в мой живот.

— Ярик, ты чего орешь на меня?! Тут мою невесту какой-то поганый эльф лапает!

— Значит, невеста у тебя такая поганая! — не выдержал Ярослав.

В фургоне повисла тяжелая, выжидательная тишина, я плавно, помня о наставлениях гнома, затормозила, переложив голову целителя со своих колен на лавку и отправилась вовнутрь.

Обстановка там была жаркой, как в бане. Драниш и Ярослав стояли друг против друга, сжимая кулаки. Тиса безуспешно пыталась оттащить тролля от капитана, а Персик забился в самый дальний угол, прикрывшись подушкой.

— Не нужно, Драниш, — мягко сказала я, погладив парня по руке. — Не делай ради меня то, о чем потом пожалеешь.

— Но он... — Голос тролля был хриплым от с трудом сдерживаемой ярости.

— Я слышала, — также мягко сказала я. — Но каждый имеет право на свое мнение, да? Почувствовав, что Драниш немного расслабился, я повернулась к капитану. В его серебристо-серых глазах бушевало ледяное пламя; он не отводил от меня взгляда.

— Каждый имеет право на свое мнение, да? — повторила я и улыбнулась.

Капитан несколько раз удивленно моргнул. Скорее всего он не ожидал такой реакции и сейчас пытался понять, что же я сделаю дальше.

Продолжая улыбаться, я резко, без замаха, подала ладонь вверх и вперед.

Хлоп!

Я сама не ожидала, что получится удар такой силы, что даже отнимутся пальцы. А еще я не думала, что Ярослав не сможет — или не захочет? — уклониться, но должна была попробовать сделать это хотя бы ради того, чтобы не потерять уважение к самой себе.

Волк промолчал, только голова дернулась, вместо этого ахнула Тиса. Судя по шуму за моей спиной, она попыталась мне отомстить, но Дранишу легко удавалось защищать мои тылы.

— Ты на кого руку подняла, безродная! — шипела рассерженной кошкой Тиса.

Ярослав вдруг улыбнулся. Широко, от души. И тут же поморщился, прикоснулся кончиками пальцев к ярко-красному, уже начинающему опухать пятну на щеке:

— Спасибо.

— Пожалуйста, — ответила я, отвешивая аристократу поклон и отправляясь обратно к скамье управителя.

— Даезаэль удавится, когда узнает, какую сцену он проспал, — неожиданно для всех сказал гном.

Тролль громко, сбрасывая нервное напряжение, расхохотался.

— Мы ему ничего не скажем, — серьезно ответил капитан.

Целитель проснулся ближе к вечеру, когда я уже почти выдохлась и собиралась передать управление фургону кому-нибудь другому. Даезаэль потянулся, зевнул, оглядел всех и тут же почувствовал неладное.

— Что случилось? — требовательно спросил он. — Я много пропустил?

Не дождавшись ответа, он повернулся ко мне и сцапал за грудки.

— Так что случилось? Я знаю, что ты в этом напрямую замешана!

— Лапы свои убери от нее! — рыкнул тролль.

— Тшшш, — ответил целитель. — Мы просто беседуем. Так кто-нибудь мне расскажет, что случилось, или свои следующие ранения будете сами заживлять?

— Мы... в очередной раз поговорили с капитаном на повышенных тонах. — Ответ я заготовила заранее, так как знала, что у Даезаэля потрясающий нюх на ссоры. А в этом случае догадаться было вообще проще простого: Тиса с Дранишем показательно не замечают друг друга, Персиваль, даже не пытаясь скрыть любопытство, переводит взгляд туда-сюда, и только Волк ведет себя как ни в чем не бывало, спокойно вычерчивая что-то на карте.

— Всего-то, — разочарованно протянул эльф. — Я думал, вы наконец-то подрались. Было бы очень обидно это пропустить.

Каменным выражениям лиц окружающих мог бы позавидовать даже королевский совет, в котором выдерживать невозмутимую мину было жизненно необходимо. Пауза затягивалась, и я заметила, как подозрительно начинают прищуриваться глаза эльфа.

Внезапно капитан хлопнул по бумагам рукой — гном даже подпрыгнул от неожиданности — и сказал:

— Что, моя очередь управлять фургоном? Или почему вы все так на меня уставились? Сейчас поедем дальше.

— А обед? — пискнул Персиваль.

— Сегодня по плану у нас только ужин.

— Если мы в скором времени не найдем нормального поселения, то придется вообще перейти на одноразовое питание, — заметила я.

— У нас так мало запасов? — нахмурился тролль.

— На завтра хватит, а потом придется на охоту идти. — Я достала свои продовольственные записи. — В последних двух городах мы не закупались из-за недостатка времени, а питались мы эти несколько дней очень сытно. Я не рассчитывала, что мы попадем в такие дикие места.

— Если бы мы плохо ели, то уже бы ноги протянули, — проворчал эльф. — Эх, жалкие создания, берите пример с нас, высшей расы. Мы можем питаться свежей листвой и цветами...

— А чего ж ты тогда на кашу так налегал? — удивился Драниш. — Сидел бы да общипывал куст, свой витаминный запас пополнял.

— Это все от того, что я, несчастный, перенимаю ваши гнусные привычки.

— Это какие же?

— Например, регулярно жрать, — тоном оскорбленной и поруганной невинности сообщил Сын Леса.

— Что-то ты заливаешь, — не выдержал тролль. — Я служил вместе с эльфами. Они все горазды хорошо поесть, и не травы с цветами, а мяса, желательно хорошо прожаренного и со специями. И винище хлебали так, что аж завидно было.

— Я же и говорю: перенимаем ваши низменные привычки, — сбить Даезаэля с толку было невозможно. — Как нежный выюнок, который обвивается вокруг дерева или забора, так и мы, эльфы, стараемся подстроиться под вкусы окружающих, чтобы их лишний раз не ранить...

— С тобой все в порядке? — заволновалась Тиса. — Может, пока ты спал, нанюхался испарений из живота Милы, и тебя развезло? Лишний раз не ранить! Да ты только и рад на рану соль посыпать и поковыряться в ней.

— Потому что я особенный, — с достоинством ответил эльф. — И даже несмотря на это, вы умудряетесь на меня плохо влиять!

— Вот заливает! — восхитился тролль.

— Бери и записывай, — надменно велел целитель. — Станешь когда-нибудь вождем немых и вонючих соплеменников, пригодится. Будешь им по утрам новую порцию мудрости выдавать, чтобы уважать не перестали.

— От них уважения одной только мудростью не добьешься, — хмыкнул тролль. — Это же не эльфы, воздушные создания, только и способные, что языком трепать.

— Не воздушные, а возвышенные, — досадливо поправил его Даезаэль.

— Ага, ну типа того. Помнится, мы служили с Чонодариэлем, помнишь, Тиса?

— Чох? Конечно, кто же его забыть сможет? — хмыкнула девушка. — Тот еще тип.

— Ну, так вот... — Драниш уселся поудобнее, жестом предложив мне расположиться у него на коленях, однако я покачала головой и осталась лежать на своих одеялах. — Попали мы как-то в засаду к кушатикам. Это такие мелкие твари, мохнатые, мне где-то по пояс, с тремя рядами зубов. Прожорливые — страшное дело. Нападают всей стаей сразу, валят, загрызают, а потом тела по норам растаскивают и жрут. А наш отряд был голодный, тощие все, как... как... — Драниш поискал сравнение, посмотрел на меня, извиняюще вздохнул и продолжил: — Тощие такие, как Мила. Нас тогда давненько толком не кормили, вот мы и двинулись в разведку, надеялись на стадо чье-то набрести или еще на что питательное.

— Стадо? — удивилась я.

— Конечно, — подтвердила Тиса. — Ульдоны молоко любят, у них коровы — загляденье. Некоторых волкодлаков специально обучают стада охранять.

— В общем, окружили нас кушатики, силы явно неравны, но нападать не торопятся. Смотрят на наши кости и не могут решить, нужна им такая еда или нет. Тут Чох опускается на колени и говорит своим эльфийским, таким певучим, сладким голосом: мы с вами одной крови и одной диеты! Пошли вместе пропитание искать, поделим по-братски.

— Что? — завопил Даезаэль. — Быть такого не может! Чтобы эльф сказал, что он одной крови с какой-то нечистью?!

— Жрать захочешь — и не так запоешь, — ответил Драниш. — Так вот, стоит он на

коленях, кушатики посовещались и решили предложение принять. Пошли все вместе. Идем-идем — стадо пасется. Большое, коровы жи-и-ирные, ну и волкодлаки, ясное дело, при них же. Порешили мы волкодлаков и сели с кушатиками добычу делить. Чох за главного. Сидит в центре, лицо просветленное, глазищи сияют, ну чисто Пресветлый Бог с небес спустился! Делили-делили, разделили все поровну, кушатиковский вождь еще несколько раз проверил, забрал добычу и ушел со своими жрать. А этот светлоликий на ноги вскакивает и говорит: быстро, валим отсюда, пока мохнатые не опомнились. Оказалось, что он честно поделил: нам — двадцать коров, кушатикам — десять волкодлаков, еще пытался одного выторговать, типа нечестный счет получается.

— А стадо мы потом ульдону продали за целый обоз крупы, — вспомнила Тиса. — Только всего одну корову и зарезали.

— Почему? — удивился Персиваль.

— А зачем нам в военных условиях стадо? Его выпасать нужно, доить. Всех коров опять же не съешь за раз, мясо испортится. Да и на запах крови от скотобойни вся окрестная нечисть бы сбежалась. Так что мы тогда сразу к ульдону в замок направились, говорим: вот, стадо чье-то нашли, не хотите ли купить? Тот аж зубами заскрипел: на стаде его клейма были, как на замковых вымпелах, но против десятка вояк ни один ульдон не выстоит, пришлось покупать. А Чоху как главному герою наша повариха заливное из языка сварила, так пахло, что даже сейчас слюна во рту появляется, как вспомню. — Тролль зажмурился и мечтательно причмокнул. А потом веско закончил: — Вот такая у вас возвышенная раса.

— Завидуй, завидуй, — буркнул эльф. — Тебе небось и в голову бы не пришло заключить мирный договор с кушатиками. Полез бы драться.

— Верно, — согласился Драниш. — Но я бы коров по-честному поделил. На такое коварство даже с кушатиками я не способен, тем более что сражались они тогда с нами на равных.

— Разве же это коварство? Чонодариэль, — эльф специально выделил голосом полное имя своего соплеменника, — поделил добычу так, чтобы вам больше досталось, проявляя тем самым заботу о своих товарищах по оружию.

— У каждого своя правда, — сказала я задумчиво. И Драниш, и Даезаэль были правы, а пострадал в итоге ульдон, который вроде бы и враг, но мне почему-то стало его жаль.

Целитель ничего не ответил, отвернулся и принялся копаться в своей сумке, что-то бормоча себе под нос на эльфийском. Он вообще после пробуждения вел себя странно — мирно и тихо, хотя выглядел неплохо.

После ревизии снадобий в сумке Даезаэль лег на свои одеяла и свернулся клубочком, закрыв глаза. Временами он морщился, будто у него дергал зуб. Я немного понаблюдала за его страданиями и наконец рискнула:

— Даезаэль, что случилось? Ты заболел? Может, тебе помочь?

Эльф ничего не ответил, хотя кончик уха у него досадливо дернулся.

— Да-да, — присоединилась ко мне Тиса, — что-то ты подозрительно себя ведешь.

— Отстаньте, — буркнул эльф.

— Тебе точно не нужна помощь? — на всякий случай уточнила я.

— Нет!

— Знаешь, Даезаэль, — задумчиво сказал Драниш, — мне кажется, мы сейчас не в том положении, чтобы терпеть капризы. Поэтому сразу говори, что с тобой случилось, дабы в случае опасности я знал, что тебя нужно кидать на самую высокую сосну, чтобы ты не мешался.

Целитель открыл один глаз, убедился, что тролль не шутит, и неохотно признался:

— У меня болит голова.

— Да? — удивилась Тиса. Видимо, она не верила, что с эльфом может такое приключиться, о чем тут же и заявила: — А разве у возвышенных рас может болеть возвышенная голова?

— Заткнись, дура, — устало сказал Даезаэль. — Я такой же живой, как и вы, и мне

тоже может быть плохо.

— Может, тебе травок каких-нибудь заварить? Или еще как-то помочь? — предложила я.

Сын Леса не пожалел сил, чтобы обжечь меня злобным взглядом.

— Кто из нас тут целитель? Ты думаешь, я не могу помочь себе сам? — ядовито осведомился он, закрыл глаза и больше не откликался.

— Что это с ним? — шепотом спросил у меня Драниш. — Это опасно?

— Думаю, это от перерасхода магической энергии, — немного подумав, предположила я. — Вот представь, ты заблудился в пещере с фляжкой воды, и тебя мучит постоянная сильная жажда. Бродил-бродил и нашел источник, скажем, капает водичка в каменную чашу по капле в час. Сначала ты выпил содержимое чаши. Потом — свою баклагу. Потом — то, что накопилось, пока ты цедил свою воду. Потом облизал стенку, по которой стекают капли. А потом все, вода закончилась совершенно, капелькой в час не спасешься. Сначала вроде жажду можно терпеть, но с каждым мгновением все хуже. Ты слизываешь капельки, но этого слишком мало! Вот и Даезаэль, наверное, дошел до такого состояния.

— Но ведь ты тоже постоянно находишься на грани магического истощения, а у тебя голова не болит. Или ты утаиваешь от меня свое истинное состояние? — Драниш подозрительно всмотрелся в мое лицо, пытаясь найти на нем следы скрываемых страданий.

— О нет, со мной все в порядке. Ну, если не в порядке, то терпимо. Люди менее магические существа, чем эльфы, для которых пользоваться магической силой равноценно дыханию, — объяснила я. — Если я напрочь утрачу свою силу, для меня это будет болезненно, но не смертельно. А вот для Даезаэля...

Я не стала продолжать, потому что и так все было понятно.

— Так что получается, наш Даезаэль — ближайший кандидат в покойники? — спросила воительница без малейшего намека на такт.

— Я еще тебя переживу, — прошелестел эльф. — И твоих детей, если какой-то слепоглухонемой придурок решит их тебе сделать.

— Вот гаденыш! — восхитилась Тиса. — Он и из гроба нас всех так обложит, что мало не покажется.

— Даезаэль не лишился магической силы, — объяснила я. — Ее у него просто очень мало, и он бережет ее для нас. А организм требует ее, чтобы полностью восстановиться. Так что его пожалеть нужно, а не смеяться.

Целитель открыл один глаз и одарил меня похвальным взглядом, после чего задремал, а мы разговаривали шепотом, боясь его потревожить.

Только Персиваль не участвовал в нашей болтовне, что-то сосредоточенно чертя на листочке бумаги. Он настолько погрузился в свою работу, что даже не сразу отреагировал, когда я потрясла его за плечо.

— Приехали, Персиваль! Сейчас будем ужинать. Ты с нами?

— А? — Он огляделся по сторонам с совершенно потеряннным видом. — Так темно уже?! А кто лампу надо мной зажег? Спасибо.

— Пожалуйста, — отозвался Драниш. — Что ты там чертил хоть?

— Усовершенствовал конструкцию фургона. Ты про коров напомнил, и я решил, что если приделать к фургону спереди и сзади подобия рогов, то мы можем толпу волкодлаков раскидать и проехать.

— А мастерскую ты где-то неподалеку видел? — иронично спросила Тиса.

— Я пытался придумать, как это сделать в походных условиях. — Персик достойно не отреагировал на подколку. — Я думаю, что мы сможем сделать защиту, если капитан даст нам хотя бы один день.

— М-да... — Тролль вертел в руках исчерканный листочек. — А что, дельная мысль. Только Ярик вряд ли нам даст возможность спокойно помастерить, но попробовать уговорить его стоит. В конце концов, мы ничего не теряем.

Персиваль просиял от радости и принялся рассказывать Дранишу о деталях будущего

переустройства фургона. Выглядел он при этом как маленький мальчик, на которого наконец-то обратил внимание вечно занятой отец, и поэтому счастливый сын пытается до отказа использовать возможность общения.

Пока я расставляла посуду и перебирала крупу для каши на ужин, Даезаэль сидел на заднике фургона, нахохлившись и зябко обхватив себя руками. Выглядел он настолько жалко, что даже капитан не рискнул его тронуть и отправить за дровами или поручить какую-нибудь другую работу.

Я возилась с разжиганием костра из принесенных веток, бегала к ручейку за водой, резала жесткое вяленое мясо, в общем, крутилась по хозяйственным делам до тех пор, пока Драниш не спросил:

— Котя, Ярик уже поручал тебе ставить защитный контур от нежити или нет?

— Ммм... Нет пока.

— Странно. — Троль почесал шевелюру, в которой при свете огня блестели капельки воды. — Уже достаточно поздно, да и ужин почти готов. Что он думает?

— Его давно тут не было, — хрипло сказал Даезаэль, который перебрался поближе к огню, где и сидел все время, почти не двигаясь. — Пропал наш капитан.

— Как это пропал? — удивился Драниш.

— Заблудился, наверное, — пожал плечами Даезаэль. — Только раз и пришел, принес охапку дров и пропал.

— Ярик не может заблудиться, — рассердился троль. — Он же не какая-нибудь кисейная барышня тебе! А где Тиса?

— Я тут. — Девушка сгрузила ветки на землю и потянулась. — Чего вам?

— Где Ярик?

— Не знаю... А что случилось? С ним... он...

С лица воительницы схлынула вся краска, в бликах огня она стала выглядеть чуть ли не привидением.

— Что ты знаешь? — Троль подскочил к Даезаэлю и схватил его за грудки. Эльф поморщился. — Куда он ушел? Как давно это было? Почему ты не сказал ничего раньше?

— Убери руки, — холодно процедил целитель. — Мало ли зачем нужно человеку уединиться? Я просто заметил, что его уединение затянулось, вот и все. Он ушел во-о-он туда. Ни криков, ни хруста костей я не слышал, хотя были какие-то подозрительные звуки, только я не смог установить их происхождение. Я бы на вашем месте побыстрее отправлялся на поиски. Ночной лес на ульдонской территории — это не место для прогулок.

— Так! — Драниш огляделся. — Мы с Тисой идем искать Ярослава. Вы — ни шагу отсюда!

— Я тоже хочу пойти с вами искать, — смело сказал Персик.

— Еще тебя не хватало, — небрежно отмахнулся Драниш.

Гном растерянно захлопал глазами, радость, которой он светился весь вечер, в нем погасла, будто кто-то задул лампу в темной комнате.

— Персиваль, иди сюда, — позвала я. — Мне нужна твоя помощь.

Но гном отрицательно покачал головой, с тоской поглядев вслед ушедшим, а потом полез в фургон.

— Такие трагедии, такие трагедии, — пробурчал эльф. — Может, хоть кто-нибудь из вас уже повесится и перестанет страдать, а?

— Тебе же скучно тогда станет. — Я помешала кашу в котелке. Готова. Но кто знает, когда вернутся все остальные? Надо будет так перевесить котелок, чтобы каша не остыла и не подгорела.

— А ты, я так смотрю, о капитане не волнуешься, — заметил целитель.

— Можно подумать, что он обо мне сильно волновался, когда меня сумасшедший старик похитил.

— Ты к нему несправедлива. Он действительно о тебе волновался. — Даезаэль протянул к огню руки. Они слегка подрагивали, эльф смотрел на это с отвращением. — Он

хочет убить тебя сам, и то, что это едва не удалось кому-то другому, его очень расстроило.

— Вы о чем? — спросил Ярослав, подсаживаясь к нашему костру.

— О том, что вы меня убить хотите, — ошеломленно ответила я. — Погодите!.. Как?.. Вы же пропали! Заблудились! Вас искать пошли!

— Зачем мне пропадать? — удивился капитан. — Я предупредил Даезаэля, что пойду искупаюсь, и довольно долго искал более-менее глубокое место в этом ручье.

— Как ты... — начала я, поворачиваясь к эльфу, но тот только потряс головой и без тени сожаления сказал:

— Ах да, что-то такое припоминаю. Но у меня такая головная боль, что я просто забыл передать твое предупреждение остальным, Ярослав. И вообще, почему тебя так на чистоплотность потянуло на ночь глядя? Какие-то особые планы?

— Ты не только не предупредил, ты еще и панику посеял, что капитан заблудился! — возмутилась я. Мое сочувствие к больному целителю испарилось без следа.

— Я не сеял панику! — защищался Даезаэль. — Я только предположил, что Ярослав мог заблудиться.

— И как этому мог поверить Драниш? — В голосе Волка звучала растерянность. — Он же знает, что в лесу я чувствую себя очень уверенно!

— Даезаэль был очень убедительным, — не удержавшись, наябедничала я.

Капитан тяжело вздохнул. Да уж, команда у него как на подбор. Все только и делают, что проверяют нервы несчастного Волка на прочность. Он помолчал, справляясь с эмоциями, и почти дружелюбно сказал:

— Я планировал тебя сегодня от дежурства освободить, но, вижу, что ты излишне деятелен, Даезаэль. Думаю, два дежурства подряд помогут направить в правильное русло твою деятельность.

— Ну и ладно, — пожал плечами эльф. — Я бы все равно не смог заснуть из-за головной боли, так что я еще тебе спасибо должен сказать.

— Скажи, — предложил Волк с непроницаемым лицом.

— Обойдешься, — ответил Даезаэль, немного смягчая хамство ослепительной улыбкой. — В конце концов, каждый из нас выполняет свою работу, да?

— Было бы здорово, если бы каждый из нас выполнял только свою часть работы и не мешал остальным. — Ярослав жестом, невольно выдающим его усталость, потер лоб ладонью. Смотрелся он при этом трогательно, но взгляд серебристо-серых глаз были холодным и неприступным, поэтому я решила, что он обойдется и без моего сочувствия.

— Капитан, я хотел бы с вами поговорить насчет переустройства фургона, — сказал Персиваль, выбираясь из повозки. За это время он набело перерисовал чертеж и на разговор с Волком шел без страха.

— Хорошо, давай посмотрим, — согласился капитан, но не успел гном толком начать, как из леса на освещенный пламенем кружок вывалились Драниш и Тиса.

Девушка выглядела до того подавленной, до того встревоженной, что при виде ее должно было дрогнуть сердце даже у Даезаэля. Но нет — быстрый взгляд на эльфа сказал мне, что он вовсе не расположен сочувствовать, а, наоборот, удобно усевшись, он с любопытством наблюдал за происходящим из-под полуопущенных век.

— Капитан! — крикнула-всхлипнула девушка, бросаясь к Ярославу. Конечно, она не бросилась к нему в объятия, а только осторожно прикоснулась к руке благородного, чтобы убедиться, что он жив.

— Ну вот, Тиса, — прогудел с явным облегчением в голосе Драниш, — я же говорил тебе, что это какое-то недоразумение и что Ярик не мог так просто взять и пропасть!

— Да, — подтвердил Волк, — это было просто недоразумение. Следующий раз думайте головой, прежде чем кидаться в ночной лес.

— Хорошо, — согласился тролль, усаживаясь рядом со мной. — Просто мы волнуемся за тебя, ты же сейчас... ммм... не в форме.

— Не стоит относиться ко мне, как к младенцу, — с досадой сказал Ярослав. — Из-за

того, что я не могу временно пользоваться магией, у меня не отсохли руки и не размягчились мозги. Зато, вижу, это произошло у вас.

— Станный эффект, — подтвердил эльф, протягивая мне свою миску. — Если с признаниями на сегодняшний вечер покончено, предлагаю поужинать.

Его шумно поддержали, и какое-то время на полянке царило умиротворенное чавканье. Потом я сгрузила грязную посуду в котелок, потому что капитан никому не разрешил теперь далеко отходить от фургона, и спрятала все в фургон — урок, преподанный застрявшей в котелке волкодлачьей головой, был в памяти очень свеж, и я старалась перед сном все прятать внутри.

Потом очертила защитный контур вокруг фургона и, шатаясь от слабости, полезла спать. Сегодня дежурство мне не грозило, потому что около костра сидел эльф, похожий на большую взъерошенную птицу, страдающую от несовершенства мира и собственного гнезда, чьи ветки колют мягкое место.

Капитан что-то тихонько говорил целителю, и я надеялась, что он не устраивал Даезаэлю выволочку, потому что мне очень не хотелось получить утром эльфа с зашкаливающим уровнем злобности.

— Спишь? — тихонько спросил меня тролль и, не получив ответа, легонько прикоснулся губами к моему лбу. Привычно укрыв меня своим одеялом, он очень скоро ровно засопел рядом.

Из глубокого сна меня вырвал ужасный крик. Это был вопль, исходивший из самого нутра живого существа, которого нестерпимо пытаются. Я вскочила, задыхаясь от ужаса, сдавившего сердце, и кинулась к передку фургона, рядом с которым было кострище.

— Котя, стой! — В руке Драниша уже тускло блестело лезвие меча.

Я увернулась от попытки меня остановить, поднырнула под локоть капитана и выбежала наружу. Пока они там решат, как действовать, осторожно будут выглядывать из-за полога, Даезаэлю станет совсем худо.

Эльф кричал, стоя на коленях, схватившись руками за голову и раскачиваясь туда-сюда. Неяркий свет углей освещал его тонкую фигурку, бросая вокруг изломанные тени.

В лесу царила тишина, и врагов в поле моего зрения не наблюдалось, поэтому я без раздумий спрыгнула вниз и бросилась к целителю.

— Даезаэль, Даезаэль! — Я упала рядом на колени, обнимая эльфа и заглядывая ему в лицо.

Оно было искажено таким страданием и мукой, что только благодаря усилию воли я не отшатнулась. Быстро плетя на крохах силы успокаивающие и обезболивающие заклятия, я прижалась лбом к его лбу, крепко прижимая к себе сотрясаемое судорогой тело.

— Тшшш, Даезаэль, успокойся, успокойся, — шептала я, ожидая, когда заклятия подействуют.

Наконец эльф перестал кричать и посмотрел на меня безумным взглядом:

— Разве ты не чувствуешь? Разве ты не чувствуешь? — Он вырвался из моих объятий и затряс меня за плечи. — *Ты разве не чувствуешь это?*

Я ахнула от боли, тут же Драниш оторвал от меня целителя и точным ударом вырубил его сознание.

— Связывать? — осведомился он, держа на руках тело эльфа, словно большую изломанную куклу. — Что-то, я смотрю, у него крыша совсем поехала.

— Вовсе нет, — сказал капитан странным напряженным голосом. — Вот что он чувствовал.

Я обернулась и, не сдержавшись, вскрикнула от ужаса.

Из леса бесшумно выходили какие-то фигуры, а защитный контур потихоньку начинал светиться ярко-фиолетовым светом.

ГЛАВА 5

Гости должны отвечать двум критериям:
1. Быть вежливыми и воспитанными.
2. Если не соответствуют п. 1, быть вкусными.
Выдержка из книги этикета для ульдонов

— Надо что-то делать, надо что-то делать, надо что-то делать, — безостановочно бормотал Персиваль.

Он сидел внутри фургона, схватившись руками за щеки, и мерно раскачивался.

— Надо что-то делать, надо что-то делать...

— Да заткнись ты! — наконец не выдержала Тиса. — Заткнись! *Заткнись!!!*

Ее голос сорвался на визг, и я закрыла уши руками. Казалось, крик девушки взорвался прямо у меня в мозгу. Тролль прижал мою голову к своей груди и ободряюще погладил макушку.

— Тиса, — негромко проговорил Волк.

— Я ненавижу паникеров, капитан, вы же знаете, а тут этот сидит и воет! Ненавижу! — Голос воительницы сорвался, она подтянула к груди колени и уронила на них голову.

— Надо что-то делать, надо что-то делать... — на одной ноте бормотал гном.

Вокруг защитной черты, куда ни глянь, колыхались бледно-серые фигуры. Мы были обречены, и это знали все.

Как только из леса начали появляться первые сайды — сосущие энергию сущности, капитан приказал:

— Быстро в фургон!

Тролль повиновался без промедления, легко запрыгнув внутрь с бессознательным телом целителя на руках. Я задержалась, следя за тем, как весь защитный контур вспыхивает фиолетовым цветом. Волк хотел было что-то сказать, но вместо этого молча обошел повозку кругом:

— Защита цельная. Но это сайды, так что постарайся отдавать в заклинание как можно меньше энергии.

Я кивнула. Про сайд нам рассказывали на магических курсах. В этих сущностях нередко превращаются те, кто был насильственно умерщвлен и у кого на земле остались важные дела. Выпивая энергию живого разумного тела, или артефакта, заряженного магом, или же заклятия, сайда становится на время материальной и, если ей удастся выполнить свое дело, просто развеивается по воздуху. А если не удастся, сайда и дальше ищет себе источник энергии. Сущности почему-то сбиваются в стаи — то ли помнят об общинной человеческой жизни, то ли так безопаснее, то ли легче искать жертв.

Боролись с сайдами по-разному. Если кто-то узнавал в бесплотной сущности, объявившейся неподалеку, близкого человека, то платил магу, чтобы позволить сайде выполнить свое дело и отпустить душу человека к Пресветлым Богам. Или же к месту обитания сайд рано или поздно являлся маг с небольшим военным отрядом и развеивал сущностей с помощью мощнейшего заклятия. Самых упорных и успевших материализоваться вояки рубили на куски и сжигали.

Ни у кого из нас не было такой силы, чтобы развеять всех сайд, которые собрались около фургона.

— Откуда же их столько набралось? — Тролль с досадой стукнул кулаком по стене. Его злил тот факт, что сила и мускулы в этой ситуации ничем не могли помочь.

— Это люди из уничтоженных деревень, — задумчиво сказал капитан. — Сбились в стаю. Кто же их будет развеивать, если никому даже не известно, что тут подобное творится! Сюда бы трех-четырех магов и с десяток солдат!..

— Сайды притянулись на нашу жизненную энергию, — грустно сказала я. Нужно было мне сразу сообразить, что происходит, и гнать фургон на максимальной скорости прочь из этой проклятой земли. Сайды очень медлительны, у нас был бы шанс спастись!

— А почему Даетаэль себя так вел? — спросила Тиса. Девушка уже взяла себя в руки, и в глазах у нее светился целеустремленный огонек. Мне даже не надо было спрашивать,

чтобы знать, что воительница разрабатывает план спасения любимого капитана.

— Даетаэль — эльф, а эльфы куда больше магические существа, чем мы, люди, — ответила я, глядя целителя по голове. Он никак не хотел приходить в себя и еле дышал, — наверное, сайды начали пить его энергию, даже несмотря на защитный контур.

— Он умрет? — деловито осведомился капитан.

— Не знаю... — Я потерла ладонями лицо. Очень хотелось проснуться и обнаружить, что это сон, просто страшный затянувшийся сон.

— Сколько у тебя еще сил? — спросил Волк. — Как долго ты еще сможешь питать защиту своей энергией?

Я пожала плечами. Как только падет защитный контур, через несколько мгновений от нас останутся только иссушенные тела. Поэтому я была намерена оттягивать этот момент как можно дольше. Впрочем, «перед смертью не надышишься», — обычно говорил Чистомир, направляясь к своему отцу для получения очередного заслуженного наказания в виде порки. Иногда он даже заранее снимал штаны, что всегда вызывало у служанок повышенный интерес.

— Я не понимаю, почему капитан не может обратиться к силе Дома, — вмешался гном. — Ведь мы тогда были бы все спасены!

— Потому... — гневно начал было тролль, но капитан остановил его движением руки.

— Потому что толку от этого не будет. Я буду мертв сразу же, как только обращусь к магии, не успею даже элементарного заклинания произнести, — спокойно сказал он. — Нужно придумать другой выход.

Гном все сидел и бормотал себе под нос, что нужно что-то делать. Я перебирала эльфийские запасы снадобий, пытаюсь придумать, как облегчить страдания целителя, а капитан просто сидел у задника фургона и смотрел на звездное небо. Оно было таким высоким и так густо усыпанным звездами, словно это маленькая девочка набрала полную корзинку сияющих ягод, да и рассыпала случайно по черному-черному полотну.

После того как Ярослав оборвал попытки Тисы заставить гнома замолчать, девушка посидела немного, а потом подняла голову и стала решительно рыться у себя в сумке.

— Что ты делаешь? — спросил Драниш с любопытством.

— Готовлюсь к смерти, — спокойно ответила воительница. — Я не хочу умереть в старой рубашке и с грязным лицом.

— В тебе проснулась девушка? — удивился тролль.

— Во мне проснулась гордость, — резко ответила Тиса.

— Во как! — уважительно протянул Драниш. — Так ты хочешь, чтобы последнее, что увидел Ярик перед смертью, — это твою умытую физиономию и причесанные волосы?

Тиса стрельнула глазами в сторону Волка, который продолжал смотреть на звезды, и тем самым себя выдала.

— Ну да, да... — начал было тролль, но девушка яростно его перебила:

— Нет! Но умираем-то мы один раз, и этот раз должен быть достойным. И что плохого, если я хочу погибнуть рядом с любимым человеком? Ты бы лучше не ехидничал, а котю свою утешил. Сидит, рыдает.

Я подняла голову и улыбнулась:

— Ты ошибаешься, Тиса. Я вовсе не плачу. Ты же сама говоришь, что смерть нужно встретить достойно, а какое достоинство в слезах? Тем более... я уже умерла два года назад, и мне не страшно. Ведь самое страшное — это не когда умирает твое тело, а когда погибает душа. А тело... Мы все же пока не умерли, а значит, нужно не к смерти готовиться, а продолжать бороться.

— Да! — выкрикнул Персиваль. — Я знаю выход, я его нашел! Ведь сайды питаются живой энергией, так? Всего-навсего нужно пожертвовать кем-то из нас, сайды отвлекутся, а мы уедем быстро-быстро, и они нас не догонят. Ведь они очень медленно передвигаются, я видел!

— Вот давай мы тебя выбросим за защитный контур, — предложил Драниш. — Как

сказал бы Даезаэль, инициатива наказуема.

— Нет, нет, нет! — Гном захихикал. — Выбрасывать за контур будем не меня, а тебя, мой дорогой тролль. Ты у нас самый физически сильный, и ты самый магиеустойчивый. Тебя сайды будут пить очень долго, и мы спасемся. А чтобы дать нам еще больше шансов, ты прихватишь с собой целителя, ведь все рано он уже не жилец, правда?

В фургоне наступила гробовая тишина. Мы все избегали смотреть друг на друга, ведь, наверное, у каждого в голове нет-нет да и появлялись подобные мысли — как спастись самому, пожертвовав своим соседом. Просто Персиваль был первым, кто решился озвучить эти постыдные мысли.

За стенами повозки шелестел листьями лес и тихонько шептались многочисленные сайды. Этот шепот был таким мучительным, словно у тебя невыносимо болит голова, а где-то неподалеку с раздражающей частотой капает вода, и совсем скоро начинает казаться, что она капает у тебя в голове, отдаваясь вспышками боли в каждом органе.

— Наверное, — вдруг неуверенно проговорил Драниш, — наверное... Персик прав.

Я подняла голову и удивленно взглянула на тролля, краем глаза заметив, что капитан тоже отвлекся от созерцания звезд и склонил голову набок, внимательно рассматривая друга.

Драниш переплел пальцы, закрыл глаза и поднес ладони ко рту, как будто молился. Я поняла, что больше никто ничего не скажет, поэтому вскочила на ноги и подбежала к троллю. Схватила его за уши и заставила поднять голову и посмотреть на меня.

— Не выдумывай! — строго сказала я. — Мы вместе попали в эту ситуацию и вместе из нее будем выбираться. Что еще за самопожертвование? Не слушай Персиваля, в нем говорит страх. Слушай Тису, она права. Нужно вести себя достойно, а не глупо.

— Во мне говорит не страх, а разум, — возразил Персик.

— Достойно — это как раз пожертвовать собой ради других, — добавила Тиса. — Мила, прошу тебя, перестань вести себя как героиня глупого романа. Разве тебе не хочется жить?

— Хочется, — согласилась я. — Но не ценой жизни другого человека.

— Это ерунда! — закричала воительница. — Мы все живем ценой жизни кого-то другого. Даже ты. Твоя мать, рожая тебя, могла умереть и была готова к этому. Я уже не говорю о том, что она потеряла огромный кусок здоровья и поэтому будет жить лет на десять меньше.

— Своей матери я отплачу тем, что, в свою очередь, рожу продолжение нашего рода, — ответила я, смело глядя в глаза Тисе. — Это закон жизни. А Дранишу я не смогу отплатить ничем.

— Пусть он тебе ребенка заделает, — предложила девушка. — Мы отвернемся, дел-то на пять минут. И ему отплатишь тем, что всю жизнь будешь мучиться с маленьким тролленком.

— Тиса, — рявкнул Драниш, — как ты можешь такое говорить?

Он посмотрел на меня, и я увидела в его глазах отблеск тщательно спрятанной надежды: «А вдруг, а вдруг она согласится?» Тролль понял, что я это увидела, и снова зажмурился, а когда открыл глаза, в них не было ничего, кроме решительности.

— Ты меня поцелуешь на прощанье? — тихо спросил он.

— Не говори глупостей, — ответила я. — Никто никем жертвовать не будет. Я могу продержаться этот контур еще достаточно долго для того, чтобы мы придумали, что делать. Или вдруг что-то случится! Возможно, рядом кто-то проедет...

— Ага, и сайды кинутся на него, забыв о нас, — язвительно проговорила Тиса. — Не ты ли только что говорила, что не хочешь, чтобы кто-то жертвовал собой ради остальных?

— Погоди, Тиса, — сказал Ярослав, и я ощутила на себе его внимательный, колюче-холодный взгляд. — Давай послушаем Милу, вдруг у нее есть какая-нибудь идея. Допустим, ты долго держишь контур, и ничего не происходит. Места здесь пустынные, а если и живут поблизости какие-то отшельники, то помогать нам они явно не будут. К тому же у нас очень мало воды в запасе, поэтому сроки ожидания чуда достаточно коротки.

Волк помолчал, ожидая моего ответа, но мне нечего было ему сказать. О том, что у нас может быть призрачный, но шанс, я пока не хотела думать. Этот шанс должен был оставаться на самый последний случай, иначе, боюсь, у меня просто не хватит решимости.

— Мила, — опять заговорил капитан, — не храбрись. Я вижу, что ты удерживаешь контур уже из последних сил. Но у меня есть план. Как бы там ни было, Персиваль прав. Без человеческой жертвы нам никак не обойтись. Кто-то обязан выжить, чтобы рассказать королю о том, что здесь творится. Обман Владетеля Сыча, ничейные территории, разоренные деревни, сайды и волкодлаки в таком количестве, в каком их даже во время войны не видели... Вы и сами должны понимать, что все это крайне серьезно, и заразу нужно останавливать до того, как она распространится по всему королевству.

Тиса встрепенулась и улыбнулась Волку. Наверное, это будет справедливо, если именно он будет тем, кто доставит донесение королю. А для девушки всегда было главным благополучие любимого, и только его.

— Итак, только у одного будет шанс выжить, — решительно сказал Волк. — А вот остальные... остальные должны будут пожертвовать собой, потому что одного Драниша, каким бы сильным он ни был, не хватит для спасения. Даже если он будет вместе с Даетаэлем. Сделаем мы это на рассвете, под первыми лучами солнца сайды ослабевают. Они тупы и кинутся на источник пищи, как стая голубей на кусок хлеба. Если мы разбежимся в разные стороны, дорога расчистится, и на поляне останется мало сайд. Маг, вооруженный эльфийским луком, который уже доказал свою эффективность в борьбе с нечистью, имеет шанс прорваться.

— И конечно же выжившим будете вы, капитан, да? — глумливо сказал Персиваль. — Я и не сомневался.

— Выжившей будет Мила, — спокойно ответил Волк.

— Что? — ахнула Тиса, и в фургоне воцарилась недоверчивая тишина.

Под колючими взглядами гнома и воительницы я поежилась и в поисках защиты придвинулась к троллю. Решение капитана и для меня было громом с ясного неба. Язык как будто отнялся, а сердце забилося, как сумасшедшее. Несмотря на свои горькие слова о том, что моя душа умерла, я хотела жить, еще как хотела! И мне было стыдно от того, что от надежды стало тяжело дышать, в то время как у остальных не осталось даже призрачного шанса на спасение. А Тиса тем временем, заламывая руки, продолжала кричать:

— Капитан, как вы могли? Почему она?

— Да, почему? — поддержал девушку визгливым голосом гном.

— Правильное решение, — одобрил тролль.

— Правильное? Для кого правильное? Для кого? — кричал Персик. — Я тоже хочу жить! Я хочу жить! Она же сама сказала, что у нее душа умерла! Зачем ей жить? А я хочу! Я лучше вас всех управляюсь с фургоном! И умею отгонять врагов, я же доказал это во время сражения с волкодлаками!

— Персиваль, успокойся, — велел капитан.

— Успокойся? Успокойся?! Ха-ха-ха! Успокойся, говорит он мне, подписав смертный приговор! Ну уж нет! Вы не заставите меня жертвовать собой ради нее! А-а-а, я понял, это все потому, что я никогда вам не нравился! Никогда! Вот вы и рады от меня избавиться, да? Я что, не понимаю, что вы все воины? Вы быстро отмахаетесь от сайд какими-нибудь украденными на войне артефактами и сбежите, оставив меня на растерзание! Ха-ха-ха...

Драниш подошел к Персику и, схватив его в борцовский захват, закрыл гному рот своей ладонью. Гном еще немного потрепыхался, издавая какие-то невнятные, булькающие звуки, потом затих, обводя нас ненавидящим взглядом.

— Я тоже хочу знать, — тихо сказала Тиса, — почему это Мила должна выжить?

— Во-первых, — капитан был непробиваемо спокоен, как человек, который уже принял решение и не откажется от него. — Персиваль, «отмахаться», как ты говоришь, от сайд можно только в том случае, если они материальны, то есть уже достаточно насосались энергии. Да, мы воины, мы крепки и сможем продлить нашу агонию, отвлекая сайд

настолько, чтобы дать шанс гонцу. Во-вторых, объясняю, почему у Милы есть шансы выжить. Жирная пища, да еще и столько кусков за раз, рассредоточит сайд и освободит путь фургону. Мила — маг, и, если какая-то сайда к ней прицепится, в ее арсенале будет не только лук, но и заклинание развеивания. И не забываем, что только у Милы есть силы для того, чтобы управлять фургоном достаточно долго, ведь накопитель практически пуст. Ах да, я еще забыл упомянуть одну деталь, не такую важную сейчас, но могущую оказаться необходимой в будущем. Мила получила хорошее образование и, уверен, сможет составить рапорт королю так, чтобы это было убедительно настолько, чтобы Вышеслав Пятый объявился здесь с армией.

— А почему не вы, капитан? — дрожащим голосом спросила Тиса. — Почему не вы? Вы ведь и родовитее, и умнее, и образованнее, и тоже маг! Уж фургон-то вы как-нибудь поведете! Особенно если воспользуетесь эльфийскими стимуляторами.

— Тиса, — Волк терпеливо улыбнулся, — подумай сама. Я же ваш руководитель, как могу бросить всех, а сам спастись?

— Можете! — с отчаянием закричала девушка. — Вы должны! Я не могу умирать рядом с вами! Вы должны жить, капитан, вы должны жить, слышите?

Ярослав никогда не любил душераздирающих сцен, поэтому поступил так же, как и всегда.

— Успокойся! — приказал Волк. — Я уже все решил.

И капитан демонстративно отвернулся, не обращая внимания на отчаянные протесты Тисы, и снова уставился на звездное небо.

— Ну и славненько, — зевнул Драниш, — раз мы все решили, можно ложиться спать, до рассвета еще несколько часов.

— Как ты можешь спать? — взвыл гном, воспользовавшись тем, что тролль на мгновение освободил его рот от своей ладони. — Ведь... бугум...

— И ты поспи, — почти нежно посоветовал Драниш, легонько стучая Персиваля по голове. Гном обмяк, и тролль бережно уложил его на одеяла. — Последняя ночь как-никак, нужно хорошо выспаться.

Я молча проследила, как Драниш, послав мне теплую улыбку, преспокойно укладывается спать, и не выдержала:

— Ярослав! Я против вашего плана!

— А тебя, как и остальных, никто не спрашивает. — Волк даже не повернул ко мне головы. — Целесообразнее всего, чтобы выжила именно ты.

— Но...

— Мы сейчас в осаде, у нас военное положение, если ты не заметила, — издевательским тоном отчеканил капитан. — Мои приказы не обсуждаются.

— Другим вы дали возможность высказаться!

— И что им это дало?

— Но...

— Ради всех Пресветлых Богов, Мила, ты же всегда была самой рассудительной в этой компании! — Ярослав так стремительно обернулся, что длинная коса стегнула его по спине. Я прижала ладонь к губам, подавляя вскрик. Я только заметила, насколько ужасно выглядел капитан. Не из-за болезни и слабости — тут мы все соревновались в том, кому досталось больше, — а из-за того, что будто бы нес на плечах уже который день тяжеленную ношу без права отдыха, и вот, наконец, его силы закончились, но он продолжает ползти к месту назначения исключительно силой воли. Голос Волка звучал умоляюще: — Прошу тебя, не усложняй мне жизнь еще больше!

Мне стало стыдно. Сейчас не время показывать свое благородство.

— Прости, Ярослав. — Я легонько прикоснулась к его плечу, желая хоть как-то приободрить.

Он кивнул и снова отвернулся. Я проследила за его взглядом и какое-то время тоже смотрела на высокое-высокое темное звездное небо, которому было абсолютно все равно,

послушала сдавленные всхлипывания Тисы, редкие стоны бессознательного Даезаэля и...

В меня будто кто-то вселился, словно распрямили тугую пружину или «пинком придали ускорения», как любил выражаться Чистомир. Я подпрыгнула, сорвала с потолка лампу и полезла на крышу. Достала из сундука все учебники по магии, которые прихватила с собой, и принялась их листать в поисках подходящих заклинаний. Сегодня ради меня никто не погибнет. Пусть лучше я сама умру, но остальные будут жить. У меня должно получиться. Я сумею разогнать всех сайд, даже если ценой за эту сильнейшую магию будет моя жизнь. Спасибо, капитан, за то, что вы дали мне шанс. Спасибо, Драниш, за то, что обрадовался за меня. Все мои спутники, даже Персиваль, не должны вот так закончить свою жизнь!

Приняв решение, я почувствовала облегчение. Теперь я знаю, что делать, и пусть какая-то часть меня скулит в ужасе, я умру, не посрамив своих предков. До рассвета было еще достаточно времени, чтобы все как следует подготовить.

Я настолько углубилась в книги, что не сразу вынырнула из мира схем, сплетения слов и магических потоков, когда кто-то принялся трясти меня за плечо. Что, уже утро?

Я подняла голову, ожидая увидеть перед собой Ярослава или Драниша, а увидела молодого ульдона. Длинная черная мантия, белая кожа, словно высушенная под солнцем пустыни, огромные черные глаза... Это было так неожиданно, что у меня из рук выпала книга, а рот сам по себе открылся.

— Тшшш... — Ульдон приложил к тонким бескровным губам длинный палец с крючковатым ногтем. — Я вот чего спросить хотел... Вы тут помирать будете или сражаться?

— Сражаться, — ошеломленно пробормотала я. — А...

— Не беспокойся, я прикрыл свою ауру, — сказал ульдон, легко взлетел и уселся на сундук с вещами. — Ничего плохого с тобой не случится, тем более что может быть хуже предстоящего сражения. О, привет!

Показавшийся на крыше капитан растерянно махнул рукой в ответ на приветствие ульдона.

— Хорошо вам сразиться, — пожелал ульдон.

— Погодите! — Я справилась с удивлением и схватила неожиданного собеседника за край одеяния. — А разве вы нам не поможете?

— Нет, с какой это радости? — удивился ульдон. — Это ваши проблемы, вы их и решайте, я-то тут при чем?

— Но это же ваши владения, если не ошибаюсь, — сказал капитан так осторожно, словно ступил на тонкий осенний ледок на озере.

— Мои. — Ульдон так выразительно скривился, что я на мгновение подумала, что его кожа, обтягивающая удлинённый череп, треснет. — Удружили мне с территорией в награду за воинские подвиги, ничего не скажешь.

— Как хозяин этих владений, вы... — начал Волк, но ульдон замахал руками так активно, что я побоялась, что он тут же улетит с крыши, и поэтому схватилась за его мантию обеими руками.

— Если вы приедете в гости ко мне в замок, тогда будете моими гостями, и я буду вас защищать, — сказал ульдон, покосившись на свой подол. — А сейчас вы так, мимо проезжающие. Я ведь мог тут и не пролетать, да? Давайте считать, что я не пролетал рядом, вас не видел и этого разговора не было.

Он попробовал было взлететь, но я держала крепко.

— Будьте милосердны, господин ульдон, — попросила я.

— А я милосерден, — сказал он, пытаюсь отцепить мои пальцы от своей мантии. Его прикосновения были неприятно-холодными, когти больно царапались, но я не сдавалась. — Только я милосерден к себе. Как бы ни повернулась ситуация, благодаря вам количество сайд на этой территории уменьшится, и тогда мои подданные будут меньше подвергаться опасности, а мне будет меньше работы. Было бы, конечно, идеально, если бы вы их всех уничтожили, но, думаю, просить вас о таком не имеет смысла, да? Ну, ладно, будьте

здоровы!

Он резко взмыл в воздух, несмотря на то что я так и не отпустила его мантию. Пальцы заскользили по жесткой ткани, и я упала вниз как раз на Волка, который пытался меня поймать. Он покорно и молча лежал на крыше до тех пор, пока я с него не слезла — рывок вверх при взлете улыдона вывихнул мне руку в плечевом суставе, и при падении я на короткое время потеряла сознание.

Подождав, пока я, постанывая, усядусь, прижавшись спиной к сундуку, Ярослав неожиданно сказал:

— Любишь ты, как я посмотрю, быть сверху.

— Что? — переспросила я, решив, что ослышалась.

— Ты любишь быть сверху? — спросил Волк и вдруг рассмеялся.

— Смотря какой мужчина снизу, — ответила я и тоже рассмеялась. Ну и что, что нас ждали толпы сайд, ну и что, что мы ходили по тонкой грани между жизнью и смертью, ну и что, что моя спина уже начинала гореть огнем, а рука повисла плетью, сейчас мы были еще живы.

— Я рад, что вы смеетесь, — заявил сверху улыдон. — Значит, вы быстро не сдадитесь. Я забыл вам вот что сказать. Рядом речка Чаянь красивая, только течение очень быстрое — неподалеку водопад. Тоже очень, очень красивый. Если выживете, обязательно полюбуйтесь его красотами. И недалеко мой замок, до него примерно полдня пути на запад, я вас приглашаю в гости. Знаете, я очень люблю гостей, только они очень редко у меня бывают.

— Еще бы, — буркнул капитан, — если вы их всех так встречаете, большинство гостей до вас просто не добирается!

Ульдон снова присел на сундук и озабоченно спросил:

— Так вы считаете, что я должен поработать над своим гостеприимством, да?

— Да, — в унисон сказали мы с капитаном.

Ульдон пожевал губами и грустно сказал:

— Ладно, я буду стараться. Честно. Вот только от сайд не просите меня вас избавить! Ведь гости должны приносить какие-то гостинцы хозяевам, правильно? Вот и будет это гостинцем для меня! Здорово я придумал?

— Смотря для кого здорово, — кисло ответил капитан. — Нам, например, это совсем не здорово.

Ульдон развел руками — мол, ничего сделать не могу.

— А не заглядывала ли к вам в гости недавно благородная девушка? — внезапно спросил Волк у улыдона, и я поняла, что его даже на пороге смерти волнует судьба сбежавшей невесты.

— Заглядывала, — подтвердил улыдон, и на лице у Ярослава заходили желваки. — Что за женщина, что за женщина! Аристократки из вашего королевства — это совсем не то, что наши женщины. Ваши — это просто чудо какое-то! Только она у меня недолго пробыла — дела, дела, спешила куда-то. А что, ваша знакомая?

— Почти, — процедил Волк.

— Ну, значит, вы с ней разминувшись, — вздохнул улыдон и хлопнул в ладоши. — Ну-с, засиделся я с вами. Заходите в гости. Если выживете, конечно. А не выживете — обещаю гостеприимно похоронить ваши косточки на этой поляне.

— Спасибо и на этом, — пробормотала я. Плечо болело невыносимо, и я просто не представляла, как мне теперь удастся осуществить все задуманное.

Подождав, когда улыдон улетит, Ярослав подошел ко мне и сказал:

— Ложись, сейчас буду тебе плечо вправлять. Зажми что-нибудь между зубами, будет очень больно.

— А вы умеете? — спросила я. Очень хотелось хоть немного потянуть время перед этой жуткой процедурой, но я понимала, что без этого не обойтись, иначе я совсем не смогу двинуть рукой.

— Вывихи вправлять я точно умею, — заверил меня капитан. — На войне была

возможность научиться.

Я зажала между зубами скомканный подол юбки и закрыла глазам. Готовься не готовься, но боль была такой сильной, что, замычав, я потеряла сознание.

Очнулась на теплых и уютных коленях тролля. Он нежно гладил меня рукой по голове и сердито выговаривал Ярославу:

— Что же ты ей даже обезболивающего не дал, а? Это же тебе не солдафон!

— Да я как-то не подумал, — оправдывался Волк.

— Не подумал он! Ярик, в твоём возрасте уже пора было научиться обращаться с женщинами!

— Поздно уже учиться, — буркнул Волк, пряча смущение за грубостью.

— Котя, — ласково промурлыкал тролль, увидев, что я открыла глаза, — я принес целительскую сумку, скажи, где там обезболивающее. Нет, нет, не двигайся, прошу тебя! Я сам достану. И плачь, плачь, не стесняйся, я же знаю, что тебе больно.

— Розовый флакончик, самый большой, — выдавила я. После пережитой боли перед глазами до сих пор плавали разноцветные звездочки, но я знала, что это только начало. Дальше будет только хуже. И намного, намного больнее.

Как только перед моими губами возник флакончик, бережно поддерживаемый ручищей тролля, я жадно принялась глотать настойку. По телу растеклось приятное тепло, а боль отступила. Все-таки эльфы — непревзойденные мастера средств для исцеления!

— Эммм... котя, — осторожно сказал Драниш, — ты бы не пила его так много... это же болеутоляющее, а его много нельзя, я прав?

— Ничего. — Я вновь чувствовала себя отлично. Нигде ничего не болело, и можно было приступить к исполнению своего плана.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался капитан.

— Замечательно.

— Хорошо, тогда мы будем начинать, вот-вот рассветет.

И действительно, ночь как-то незаметно минула, и темный мир сменился на серый, словно укутанный ватой тумана. На крыше, сундуках и волосах склонившихся надо мной мужчин блестели капельки влаги.

— Поцелуешь меня на прощанье? — жадно спросил тролль.

— Не буду вам мешать, — криво улыбнулся капитан и спустился к остальным.

— Котя, — зашептал Драниш, склонившись к моему уху, — я готов пожертвовать своей жизнью ради того, чтобы ты жила, но я также не могу допустить, чтобы Ярик погиб. Я сейчас спущусь вниз и его вырублю, хорошо? Тиса против не будет, а с гномом я разберусь. А ты уж тогда мчись на фургоне вперед, пока он не развалится, хорошо? Я так люблю вас обоих, что просто не могу допустить, чтобы кто-то из вас умер! И пообещай мне, что проживешь достойную жизнь за нас двоих, хорошо? Чтобы ни один день зря не тратила, хорошо? И... поцелуй меня, пожалуйста!

— Конечно, — кивнула я, — только прошу, чтобы вы сейчас дали мне несколько минут побыть тут в одиночестве. Когда я буду готова, тогда и начнем.

— Сколько времени тебе будет нужно? — Драниш внимательно рассматривал мое лицо, словно пытался впить его в себя. Нежно-нежно очерчивал пальцем мой подбородок, крылья носа, брови...

— Вы поймете, — пообещала я. — Знаешь, это тяжело...

— Я понимаю, — кивнул тролль. — Я знаю, ты бы хотела, чтобы все было не так, но это жизнь. И я хочу, чтобы ты знала: я действительно рад пожертвовать собой ради того, чтобы ты осталась жива.

Я обхватила мощную шею тролля руками и притянула к себе его голову.

Драниш целовался одновременно жадно и нежно, с горькой тоской первого и последнего поцелуя, который он никак не хотел заканчивать. Я полностью отдалась поцелую, плывя на волнах беззаветной любви тролля. Он гладил мои волосы, руки, плечи, а потом обхватил меня и крепко-крепко прижал к себе.

— Я бы никогда, никогда тебя не отпускал, — пробормотал Драниш в мои волосы. — Я бы хотел стать для тебя крепкой стеной, я бы хотел построить дом для нас и наших будущих детей и обеспечить вам достойную жизнь. Я бы хотел быть с тобой рядом всегда, всегда, чтобы сделать тебя самой счастливой женщиной в мире, моя единственная, моя драгоценная котя! Как же жаль, как жаль, что нам так мало довелось побыть друг с другом! Но ты, главное, живи, хорошо? Живи так, как живет Чистомир, чтобы на всю широту души! Обещаешь?

Я плакала, не скрывая слез. Почему так устроена эта жизнь, что счастливые истории любви бывают только в сказках?

— Пожалуйста, котя, — прошептал Драниш, целуя мои глаза, — не плачь. Ты должна быть сильной, ты должна спасти себя и Ярика, только не плачь. Я, когда вижу твои слезы, готов перевернуть мир! Кто знает, может, сайды мной еще подавятся? Я выживу ради тебя... нет, ради нас, только не плачь!

— Пожалуйста, оставь меня одну, Драниш, — попросила я из последних сил. — Мне нужно совсем немного времени.

Он последний раз прикоснулся ко мне губами нежно-нежно. Помог подняться и тяжело ступая, дошел до края крыши и с грохотом прыгнул вниз. Раньше я никогда не слышала его шагов, даже если тролль шел по лесу, полному сухих веточек под ногами.

Я села на колени и последний раз посмотрела на туман, который из серого постепенно превращался в нежно-розовый и золотистый под первыми лучами солнца. Это только нежить цепенела во время рассвета, а я его всегда любила. И даже родилась на рассвете; мать рассказывала, что я закричала как раз в тот момент, когда в окно ее спальни проник первый луч солнца. Да, сейчас был самый подходящий момент для того, чтобы заниматься высшей магией.

Достав из ножен свой верный старенький кинжал, я полоснула себя по запястью с едва зажившей раной от сеанса исцеления капитана после обращения к магии рода. Тогда со мной рядом был эльф, всезнающий, хладнокровный и почему-то очень близкий. А сейчас я была одна, но это не пугало. Больше всего пугает неизвестность, а я знала, что буду сейчас делать и зачем. Я должна была спасти тех, с кем пережила вместе множество опасностей. Не это ли достойное завершение собственного ничем не примечательного жизненного пути?

Кровь стекала с запястья крупными каплями. Боли не было, и я мысленно поблагодарила эльфов за чудесное обезболивающее.

Больше всего я боялась, что забуду слова заклятия, которое развеивает сайд. Жаль, что не догадалась их выписать на отдельный листочек.

Я закрыла глаза и принялась глубоко дышать, отсекая от себя все лишние мысли и чувства, кроме решимости. Достаточно было представить, что я сижу в тренировочном зале, рядом стоят учитель и отец. Учитель придирчиво сощурился, готовый поймать меня на любой, даже самой малейшей ошибке. Главное — сконцентрироваться. Я не могу посрамить своего отца и опозориться у него перед глазами, он этого никогда не простит.

— Силой своей крови, — прошептала я, — я заклинаю о помощи. Своей кровью и правом, которое мне было дано при рождении, я заклинаю о помощи.

На спине разгорался пожар. Пока я его чувствовала еле-еле, как будто шум через ватное одеяло, но знала, что скоро придет такая боль, которую не сможет сдержать и усмирить даже эльфийское снадобье.

Тук-тук-тук-тук-тук... Боль нарастала с каждым ударом сердца, с каждой каплей крови, которая стекала сейчас на лезвие кинжала, а вместе с болью нарастала и магическая сила. Казалось, что меня подхватил и закружил вихрь, и я знала, что моей задачей было усмирение этого вихря. А потом главное, чтобы достало сил направить силу магии в нужное русло заклинанием. Я чувствовала, как дрожит и видоизменяется в моей руке кинжал, впитывая в себя кровавые капли, как губка. Я открыла глаза и сконцентрировалась на его рукояти. Как только загорится рубин в изголовье, концентрация энергии достигнет своего максимума. Вихрь силы, хоть и неохотно, но подчинился мне, а боль в спине стала просто невыносимой.

Еще немного. Еще. Еще. Вот. Сейчас!

Зря я боялась, что забуду слова. Все получилось самым лучшим образом. Даже, наверное, перестаралась. Отец был бы доволен.

Последнее, что я увидела, прежде чем провалиться в беспамятство, — совершенно пустую от сайд и тумана поляну. Среди ярко-зеленой травы яркими пятнами цвели многочисленные цветы, которых заставила забыть о календаре моя магия.

Снизу, в фургоне, яростно завопил эльф:

— Как вы могли это допустить, кретины?

Все было в порядке. Теперь можно было умирать с чистой совестью.

ГЛАВА 6

Женщины? Вы спрашиваете меня, много ли хлопот от женщин? Если вы спрашиваете, это означает, что вы никогда не видели живую женщину!

Чистомир Дуб делится жизненным опытом

Голоса плыли в пустом сером пространстве, то удаляясь, то приближаясь. Они то пропадали совсем, то становились слишком громкими. Иногда они звучали приятно, а иногда резали слух острыми звуками.

Больше я не чувствовала ничего.

И это после той боли, что я испытала во время обряда, наверное, было хорошо.

— ...Кретины! Идиоты! Тупицы! Не подходи сюда, и чтобы я тебя вообще не видел! Как вы могли!..

Зачем так громко кричать, Дазеаэль? И... ты что, плачешь? Не надо...

— ...Ай! Больно! Дазеаэль, помоги! — Хнычущий голос Персиваля.

— Нет, — уставший, еле слышный — целителя, — тебе еще Чистомир говорил, что нельзя трогать чужие артефакты.

— Что это за кинжал, Ярик? Ты его так в руках крутишь, будто что-то знаешь. — Хриплый бас тролля.

— Ага, его он не режет, а меня так сразу! — хнычет Персик. — Почему?

— Потому что это старинный аристократический кинжал. — Голос капитана, как всегда, холоден и безэмоционален. — Он признал меня, потому что я дал ему попробовать своей крови. Но вот к какому Дому он принадлежит, я не знаю.

— Она еще не приходила в себя? — Равнодушный голос Волка.

— Ты меня уже достал этим вопросом! Не приходила! — Яростный — эльфа.

— Кажется, я знаю, кто такая Мила! — Бас тролля.

— Ты порылся в ее вещах? — Целитель так и сочится ядом.

— Нет, конечно. Я просто подумал.

— Ты это умеешь?..

— ...Сестра Чистомира? Внебрачный ребенок? — Почему в голосе Тисы такой испуг? — Ты уверен?

— Нет, пока она не придет в себя и мы не сможем ее расспросить. — Лед в голосе капитана был привычным, и меня радовала эта стабильность.

— Но ведь... ваше отношение к ней после этого не изменится?

— Почему мое отношение должно меняться к незаконнорожденной?

— ...Котя, ты еще с нами? Котя, ну скажи что-нибудь, прошу тебя! — Бас тролля звенит, как перетянутая струна.

— Если ты ее будешь трясти за плечи, угробишь еще быстрее, — сонно бормочет эльф.

— А разве это жизнь?

— Ну, она же дышит, значит, жизнь. Поцелуй ее, как принцессу из сказки, может быть, поможет.

— Не помогает! Не помогает!
— Или не поможет...
— Мне нужно ее осмотреть! — Капитан в ярости.
— Не притрагивайся к моей пациентке! — Голос эльфа звенит, как металл. — Хочешь голую бабу — иди смотри на Тису!
— Мне нужно знать, если ли у нее татуировка!
— Что это изменит? Пока она моя пациентка, я не позволяю тебе дотрагиваться до нее!
— ...Сколько нам еще торчать на этой поляне? — уныло спрашивает Персиваль.
— Пока Мила в себя не придет. Ты же сам слышал, ее нельзя транспортировать, — раздраженно шипит Тиса.
— Так давай ее здесь оставим с эльфом, а сами пойдем в гости к ульдону. Он же звал. Там кормят вкусно!
— Ты во мне союзницу решил найти, Персик, а? Я своих не бросаю! А если тебе не нравится моя стряпня — больше не получишь ни ложки!
— Ну, Тиса-а-а...
— Зачем ты вынес ее наружу? — холодно спрашивает капитан.
— Она всегда любила солнышко. — Бас тролля нежен, словно текущий ручеек...

Я открыла глаза — и тут же зажмурилась, таким ярким мне показался ударивший в них свет.

— Давай, давай открывай глаза, не придуривайся, — сказал где-то рядом эльф. — Полог задернут, только небольшая щель. Тут полумрак. Давай, давай, хватит уже помирать.

Я медленно открыла глаза и поморгала, стараясь избавиться от выступивших слез.

— Ну, что? — спросил Даетаэль и наклонился ко мне. — Как ощущения?

И тут на меня навалилась такая боль, что я завопила, суча ногами. Полог отдернулся, среди потока яркого-яркого света я еще успела различить массивную фигуру тролля, и потеряла сознание.

Второй раз я пришла в себя уже ночью — вокруг царила тишина, нарушаемая только привычным храпом Персиваля. Я осторожно приоткрыла глаза — крохотный огонек лампочки на потолке не отдавался болью в голове — и пошевелилась.

— Пить хочешь? — раздался шепот капитана.

— Да, — хрипло каркнула я. Голос совсем не слушался.

Он осторожно поднес мне чайник и помог приподнять голову. Я пила долго и жадно, надеясь, что это не ухудшит моего состояния.

После питья я отдыхала, а Волк сидел рядом, не спуская с меня цепкого и настороженного взгляда — это чувствовалось даже с закрытыми глазами. Вести себя прилично, то есть внять его укоризненному молчанию и исповедаться, я не спешила, и скоро Ярослав не выдержал:

— Хорошо, что ты пришла в себя во время моего дежурства. Можем побеседовать с глазу на глаз.

— О чем? — Я попробовала прикинуться деревенской дурочкой.

Капитан раздраженно зашипел:

— Сама прекрасно знаешь о чем. О твоём использовании высшей магии. Чей у тебя кинжал?

Я приоткрыла глаза. Перед моим носом пальцы Волка ловко крутили мой кинжал. Рубин на рукояти то и дело подмигивал красным огоньком, ловя свет лампы. Видеть свой кинжал в чужих руках было дико.

— Отдай! — Я, забыв про слабость, рванулась к оружию, но не успела. Рука Ярослава дернулась вверх. — Отдай!

— Котя? — сонно спросил тролль. — Котя? Ты очнулась!

— Ну вот, всех разбудила, — огорчился Ярослав.

— Отдай кинжал! — прорычала я. Ради оружия, с которым я не расставалась всю

жизнь, я была готова кинуться на Ярослава прямо сейчас.

— Чей это кинжал?

Зашуршало. О, этот звук я прекрасно знала — капитан вкладывал мой кинжал в ножны. Я скосила взгляд и увидела, как он невозмутимо цепляет их к себе на пояс.

— Мой!

— Да ну, у простой купеческой дочки, ладно, даже у богатой купеческой дочки просто не может быть родового кинжала аристократа! Ты ведь раньше его видоизменяла, да? Как и наш фургон во время встречи с ульдоном, который преследовал Чистомира, да? Чтобы никто не догадался. А как только ты перестала контролировать заклятие, полностью магически истощившись, кинжал приобрел свой первоначальный вид.

— Если ты все знаешь, зачем тогда спрашиваешь? — ответил за меня эльф. — Закрой глаза, Мила.

Он хлопнул в ладоши, ярче зажигая лампы.

— Вы всех зачем перебудили? — бурчал целитель, выслушивая мой пульс. — Чтобы порадовать нас повторением того, что и так известно?

— Это только начало, — зловеще сказал капитан. — Сегодня Мила ответит мне на все вопросы, о да! Сегодня мы узнаем, кто таился под личиной купеческой дочки.

Он помолчал, видимо наблюдая за выражением моего лица — я и не думала скрывать ярость, — и веско добавил:

— А если не ответишь, не верну кинжал.

— Ну и угроза, — фыркнул Персиваль. — Что мешает ей снова нам наврать с три короба?

— О нет, ты заблуждаешься! Если я правильно понимаю, потеря кинжала для нашей «Милы» как потеря руки или ноги, правда? — нарочито ласково спросил капитан. — Чтобы вернуть свое оружие, она расскажет нам все, и чистую правду.

— Ярик, она только пришла в себя, — пробасил тролль, и его теплая ладонь легла мне на плечо. — Зачем же ты сразу так?

— Драниш, мы это уже обсуждали, — жестко сказал Волк. — Ты и сам не прочь узнать, что за птица твоя так называемая невеста.

Я вздохнула и закрыла руками лицо. Ярослав был прав. Потеря кинжала, с которым я не расставалась с рождения, еще в колыбели играя резными ножнами и пробуя на первый зуб крепость рубина, была для меня — впрочем, как и для него — очень болезненной. Выхода не было, мне действительно нужно было открыться перед всеми. Да и, честно говоря, это нужно было сделать давно, еще когда мы нашли Чистомира, но мне было страшно. Просто очень страшно. А потом события полностью вышли из-под контроля, и я все не находила подходящего момента. Нет, буду честной хотя бы с собой. Я надеялась, что никогда не наступит тот самый «подходящий момент».

— Хорошо, — не буду отступать от принятого решения. — Я все вам расскажу. Но только сначала я хотела бы помыться. Я чувствую себя очень грязной.

— Нет! — категорически заявил Волк.

Я посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц.

— Вы отказываете мне в том, чтобы достойно предстать перед всеми, назвав свое истинное имя?

— Достоинство должно быть внутренним и не зависеть от состояния кожи, — скучным тоном проговорил Ярослав.

Остальные молча наблюдали за нашей перепалкой, переводя взгляды то на меня, то на капитана.

— Вы же сами не верите, что я купеческая дочка, — возразила я. — Почему бы тогда не начать относиться ко мне по-другому?

— По-другому — это как? Как к королевской дочери? — Капитан крутил между пальцев мой кинжал, не глядя на меня.

— А почему бы и нет? — с вызовом спросила я, пытаюсь приподняться, чтобы

выглядеть более внушительно. Однако короткая вспышка гнева истощила мои и без того небольшие силы.

— Тогда скажи, кто ты, и иди купайся, — предложил Волк.

Я, стараясь не открывать глаза широко — все же свет лампы заставлял течь слезы, — взглянула на Драниша. Он нервно почесывал грудь в вырезе сорочки и явно не мог определиться со стратегией поведения.

Ах, так! Он же клялся мне в любви! Неужели сейчас он не может защитить меня от Ярослава? Или ему тоже чрезвычайно интересно выяснить, кто я такая? Злость придала мне упрямства.

— Нет! Я пойду...

— Спо лзаю, — поправил Даезаэль, — с достоинством спо лзаю, ты еще слишком слаба для ходьбы.

— Пусть так. С достоинством спо лзаю к реке, а потом поговорим.

— Ярик, — наконец-то разобрался в своих мыслях тролль, — что ты прицепился к коте? Если она хочет сходить искупаться, зачем ее удерживать? Или ты боишься, что она сбежит? Но ведь у тебя ее кинжал. Если она аристократка, даже незаконнорожденная, она никогда не оставит свой кинжал в чужих руках!

Капитан резко вскочил на ноги, злобно зыркнул на Драниша, но ничего не сказал и вышел из фургона.

— Я провожу тебя, Мила, и помогу, — сказала Тиса. — Ночь сегодня теплая, а до утренней прохлады еще долго, ты как раз успеешь привести себя в порядок.

— Только будьте осторожны, — попросил Драниш. — Котя, тут неподалеку водопад, и течение в реке очень быстрое.

Глядя через ресницы — глаза все еще было больно открывать, я нашла большое полотенце, мыло и сменную одежду. Неимоверно противно было себя ощущать грязной, потной, со спутанными волосами. Конечно, Даезаэль не ленился меня обтирать мокрой губкой, пока я была без сознания, но разве это чистота? Тем более что на расчесывание моих волос его доброты уже не хватило.

Тролль отнес меня на руках к берегу и даже разжег небольшой костерок, чтобы я могла обсохнуть сразу после выхода из воды. Я смотрела, как его массивная широкоплечая фигура копошится возле огня, и распутывала волосы руками, к которым, казалось, привязали гири. Странно, но на мою душу снизошел покой. Я так долго скрывалась и хранила молчание, что откровенность могла стать для меня спасением. В конце концов, ничего страшного не могло случиться, взрыв негодования, да чего уж мелочиться — ярости капитана я уж как-нибудь переживу. Тяжелее всего будет вновь строить отношения с троллем. При мысли о том, что Драниш может навсегда отвернуться от меня, на миг стало больно, но чему быть, того не миновать. Благородства и великодушия в тролле куда больше, чем у всех остальных, вместе взятых, и он найдет в себе силы простить.

— Тебе пора идти, Драниш, — сказала Тиса. — Ты же знаешь, что Мила всегда очень щепетильно относится к своей наготe. Мы справимся вдвоем, и скоро ты получишь свою котю чистую-чистую.

Тролль присел на корточки передо мной и поцеловал в лоб.

— Я буду ждать, котя.

— Хорошо, — прошептала я, не решаясь на него посмотреть.

Тиса подождала, пока Драниш скроется в кустах, и принялась меня раздевать. Я была очень слаба, но желание снова быть чистой, ощутить, как струи воды ласкают мышцы, нывшие после судорог, как река уносит остатки боли, победило все доводы рассудка, говорившие о том, что мне бы еще лежать и лежать в фургоне и бессовестно пользоваться исцеляющим уходом Даезаэля. Хотя, если задуматься, не сильно он и напрягался. Судя по всему, он осуществлял лишь общее руководство, заставив дежурить возле меня всех по очереди. Надеюсь, что гигиенические процедуры он хотя бы сам проводил или поручал воительнице. Но волосы можно было и расчесать! Или хотя бы заплести!

— Тиса, — взволнованно обратилась я к девушке, — а кто за мной ухаживал? Ну, ты понимаешь, о чем я, пока я была без сознания? Ты?

— Нет, Даетаэль несколько дней к тебе вообще никого не подпускал, — огорошила меня Тиса. — Заставил нас ночевать на улице. Мы, честно говоря, думали, что ему тоже конец придет, эльф совсем плохой был, от недосыпа и слабости аж качался. Но себя разрешил подменять только тогда, когда стало ясно, что ты не умрешь.

— Ночевать на улице? — переспросила я, совершенно переставая что-либо понимать. — А почему вы не направили фургон к замку ульдона, раз он предлагал? Почему вы перегнали фургон сюда, к реке?

— Во-первых, замок ульдона находится на той стороне реки, и до переправы довольно далеко. А во-вторых, ты своей магией полностью уничтожила наш кристалл накопителя, и теперь фургон может двигаться только как обычная повозка. Капитан и так приложил массу сил, чтобы хотя бы сюда доехать. А у ульдона лошадей нет, так что еще нужно решать, что делать дальше.

— Персиваль не может починить кристалл? — спросила я, мысленно ругая себя. Не рассчитала силы магии, и мы теперь остались без средства передвижения!

— Он что-то там копается, но говорит, не хватает необходимых материалов. Я в этом совершенно ничего не понимаю. Хватит болтать, пойдем, я тебя выкупаю, а то от тебя и правда воняет.

Девушка помогла мне спуститься по крутому берегу и завела в реку по колено. Ледяная вода обжигала, позволяла почувствовать себя живой и, как ни странно, питала жизненной силой. Тиса молча ловко намылила мне голову и спину.

— Спасибо тебе, — с признательностью сказала я. — Ты не представляешь, как много это значит для меня.

— Почему же не представляю? — криво усмехнулась воительница. — Очень даже представляю. Вон, у тебя даже осанка поменялась, как только я грязь смыла. Да... Считай, я прониклась твоими словами про достоинство и все такое.

Она некоторое время сосредоточенно поливала меня из сложенных лодочкой ладоней, а потом нетерпеливо сказала:

— Так мы с тобой долго провозимся. Пойдем глубже, тебе нужно раз окунуться с головой — и всего делов, а то еще простудишься, и Даетаэль будет зудеть.

Сильное течение почти сбивало с ног, и я практически висела на Тисе. Девушка уверенно шагала по дну, только закусил губу. Вода уже достигала моих плеч, более высокой воительнице было проще, а я начала волноваться.

— Тиса...

— Знаешь... — Она внимательно посмотрела на меня. — А я ведь обо всем догадалась уже давно.

— О чем ты говоришь? — Мое сердце сжалось.

— О том, что ты специально устроилась на работу, чтобы завоевать Ярослава. Прикидывалась такой невинной овечкой, но меня не обманешь.

— Глупости. Ярослав меня интересовал меньше всего. Тиса, послушай...

— Нет, это ты послушай! — Воительница вцепилась в мои плечи так, что мне стало больно. — Я не верю в то, что Ярослав не может тебя интересоваться, ты уже совсем завралась! И мне надоели эти игры. Капитан для меня — это вся моя жизнь, и я не позволю, чтобы какая-то полудохлая благородная отобрала его у меня!

— Тиса!.. — Но я опоздала со своими объяснениями.

Воительница резко толкнула меня так, что я, не удержавшись на ногах, с головой погрузилась в воду. Течение подхватило меня и потащило спиной по камням.

Огромных усилий стоило мне вынырнуть и глотнуть воздуха. Водопад! Я должна была любой ценой выбраться на берег, иначе меня ждала мучительная и вряд ли достаточно быстрая смерть. Я гребла, гребла, гребла изо всех сил, до резкой боли в протестующих мышцах, до мучительно боли, сдавившей голову, словно обручем.

— Помогите! Помогите! — кричала я в надежде на то, что чуткие уши эльфа уловят призывы о помощи. — Помогите!

Однако течение становилось все сильнее, а шум водопада все громче, и никто не приходил на помощь. Мне не удавалось добраться до берега, сколько бы усилий я ни прикладывала. Проклятая Тиса все рассчитала.

Перед самым падением мне удалось сложить руки и прижать подбородок к груди, чтобы не сломать шею.

У-ух!

Казалось, что все внутренности остались наверху, а я полетела вниз. Это было невероятно страшно. Только громадным усилием воли я не закричала, заставив себя плотно сомкнуть рот и задержать дыхание.

Бабах!

На миг я оглохла. Пенящаяся вода швыряла меня в разные стороны, но я держала рот сжатым, хотя легкие начали гореть огнем. Я должна была, должна была выжить! Победить сайд, выдержать обращение к высшей магии и закончить все так? Ну уж нет!

Перед глазами было темно, и понять, где воздух, я не могла, а ждать, пока вода меня выбросит наверх, не было уже возможности. Действуя почти инстинктивно, я принялась изо всех сил работать руками и ногами...

...Однажды, еще будучи маленькой девочкой, я отчаянно рыдала, спрятавшись в одном из закоулков нашего огромного двора. С самого детства, когда мне было плохо, я забивалась в какую-то щель и в одиночестве переживала свое горе. Внезапно на меня упала тень. Я подняла глаза и увидела перед собой отца. Он молча стоял передо мной, в одной руке зажав толстенную книгу, в которую записывал все денежные расходы, а другой задумчиво поглаживая себя по подбородку. Отец дождался, пока я перестану всхлипывать и вытру слезы, а потом положил руку мне на голову и веско сказал:

— Если ты не можешь быть сильной, зачем тебе тогда вообще быть? Я верю, что ты сильная, иначе ты бы не была моей дочерью.

И ушел.

А этими словами я руководствовалась всю свою жизнь, потому что не могла подвести своего отца. Ведь я его дочь, и я сильная. Я сильная...

Руки, а за ними и голова, пробили водяную преграду, и я долго с наслаждением дышала. Я была жива, хотя каждая мышца тела невероятно ныла, а боль в спине была просто невыносимой. Но я была жива. Жива, а значит, была полна желания бороться за свою жизнь дальше. Потому что иначе просто нельзя.

Немного полежала на спине отдыхая, позволив потоку нести себя дальше по реке. Сейчас главным было накопить хоть немного сил для того, чтобы выбраться на берег. Я была уверена в том, что меня будут искать. Драниш — потому что любит, а Ярослав — потому что не может допустить, чтобы я вот так просто сбежала от него, не ответив на все вопросы. Наверное, где-то в глубине души он знает, что, захоти я скрыться, даже угроза утраты кинжала меня не остановит.

Что ж, время отдыхать закончилось. Рыдая от боли во всем теле, я смогла-таки выбраться на берег, благодаря всех богов скопом за лунную ночь. Где ползком, где на четвереньках я постаралась максимально удалиться от топкого берега. В зарослях камышей меня оставили последние силы, я закрыла глаза и отключилась.

...По всему телу разливалось тепло от костра и плотной ткани, которой я была укрыта. Это было невероятно приятно, но радоваться было рано: вокруг разговаривали мужчины, и их голоса мне были незнакомы.

— А если она сбежала от ульдона? Ты, это, в курсе, что он нам может сделать, когда узнает, что мы ее подобрали? — хриплым голосом ругался один.

— И что мне ее оставить там надо было? Пошел верши глянуть, а там голая баба лежит.

Ну, я ее хотел попользовать и принес сюда, пусть хоть согреется, — уныло ответил другой.

— И чего ты ее прям там не попользовал? — пробасил еще один голос.

— Так неудобно-то, в камышах! И я думал, может, вы тоже захотите...

— Тоже захотите, — передразнил хриплый. — Ты, Бутко, как первый раз в этих землях. На ульдоньей земле голые бабы просто в камышах так не валяются. Не к добру это.

— Верно, Рожик, — согласился бас. — Давай придавим ее и в реку кинем, а сами как бы ни при чем, если ульдон заявится.

— Если придавливать будем, сначала попользоваться бы, — вмешался Бутко. — Чего ж добру пропадать?

— Не давить надо, а сразу утопить. — Рожик ничего не ответил на последнее предложение. — Типа так и было.

Направление разговора мне совершенно не понравилось, и я осторожно, стараясь себя не выдать, приоткрыла глаза. Если это наемники, мне конец. Отбиться от трех опытных воинов я не смогла бы даже в лучшей своей форме, а уж теперь и подавно, но, если это трое крестьян, у меня еще был шанс.

К счастью, поглощенные обсуждением способа умерщвления, мужчины не обращали на меня совершенно никакого внимания. Легонько повернув голову, я окинула взглядом стоянку и спорщиков. На наемников они уж никак не походили. Во-первых, я нигде не заметила оружия, даже на поясах освещенных ярким утренним солнцем мужчин. Во-вторых, любой порядочный наемник за это время успел бы меня уже «попользовать» и убить, причем не один раз, и последовательность действий его при этом бы совершенно не волновала. Я поднялась — все тело в негодовании заныло, — поплотнее завернулась в плохого качества одеяло и даже успела пройти пару шагов, и тогда потом мое бегство заметили.

— Эй! — возмущенно завопил Бутко, средних лет мужичок с редкой щетиной на щеках и в заношенной рубахе. — Ты куда это?

— Туда, — лаконично ответила я, продолжая идти в сторону видневшейся среди деревьев реки.

— Стой! — Рожик подскочил ко мне и схватил за руку. Я не успела увернуться, но страха не высказала, и посмотрела на него так, как обычно мой отец смотрел на мошенника, который прикидывался калекой и клянчил деньги. Мужик сначала смущенно поскреб небритый подбородок, потом отпустил меня и несколько раз переступил с ноги на ногу. — А ты кто вообще такая?

— Так, мимо проплывала, — ответила я и пошла к реке. Углубляться в лес я не хотела, боясь заблудиться.

— Не отпускай ее! — вдруг завопил басом третий мужик. — Ты что, не понял, кто она такая? Благородная! Нам всем конец!

Я не стала дожидаться продолжения. Пусть я и была измучена, пусть каждая мышца ныла и стонала, и от боли выступали на глазах слезы, я не хотела сдаваться. Многочасовые тренировки под руководством Ярослава и Драниша сделали свое дело — я легко неслась между деревьями, опережая своих преследователей.

Я выскочила на берег — среди камышей виднелась крохотная заболоченная тропка к воде. Не раздумывая, я бросилась по ней и прыгнула в ледяную воду. Им ни за что не догнать меня, ведь плавать я училась у Чистомира, а он все лето не вылезал из воды. Уличенный в подглядывании за купающимися девушками, друг детства всегда спасался вплавь и никому не удавалось его поймать. Куда неуклюжим крестьянским размахиваниям руками до точных, скупых, экономных, но очень действенных гребков?

Я плыла до тех пор, пока за спиной не стихли вопли и плеск воды. Потом решила, что пора выбираться на берег. Зубы уже выбивали дробь, а утреннее солнце совершенно не грело. Как бы не заболеть. Впрочем, о чем это я думаю? Болезнь — это далеко не худшее, что может со мной приключиться. Я обнаженная, без оружия, совершенно одна нахожусь в стране нечисти. И беспокоюсь о том, чтобы не простыть! Я медленно поплыла к берегу, высматривая место поудобнее, чтобы выбраться на землю.

Эти берега явно были необжитыми. Заваленные буреломом, заросшие камышами. Нигде не было видно ни мостков, ни тропинок, ни даже вершей для рыб. Повсюду царила тишина.

Насколько я помнила карту нашего государства, сейчас я плыла по реке, которая была границей между нашим королевством и страной нечисти. Неужели война уничтожила всех жителей? Или они стали такими же жертвами, как и жители деревеньки, возле которой на меня напал Дубико Котов? Мне даже на миг стало жаль Волка, которому придется разбираться во всем этом безобразии, писать отчеты, выступать перед собранием благородных. Почему Сыч не упомянул о том, что его домен значительно уменьшился в размерах? Почему по его домену свободно разгуливают волкодлаки, люди бегут в соседние домены, жители столицы донельзя запуганы, а огромные территории мало того, что пустуют, так еще и принадлежат ульдонам!

Я нашла на берегу удобное местечко и побрела к нему по илистому дну. Здесь течение реки было уже не таким быстрым, как возле водопада, и поэтому мне удавалось держаться на ногах, хотя от усталости шатало. Все тело было покрыто синяками и кровоподтеками от ударов об камни. И то мне повезло, что водопад был не очень высоким, иначе я бы так легко не отделалась. Ожог на спине болел не переставая, но я уже не обращала на это внимания. Не сломала ни одной кости, и на этом спасибо.

Когда мои ноги ступили на столь желанную твердую землю, я в изнеможении опустилась на колени. Интересно, смогу ли я себя заставить собрать хоть немного хвороста и поджечь его магией, чтобы согреться? Сколько времени мне придется ждать до тех пор, пока меня найдут, и кто меня найдет? Впрочем, я сейчас была готова отдать полжизни любому существу за теплое одеяло, горячий чай и возможность хоть немного поспать.

Попытавшись подняться на ноги, я не удержалась и заплакала. Рывками подтягивая ногу одну за другой и заставляя себя переставлять руки, я поползла к видневшемуся неподалеку ивняку в надежде на то, что там удастся немного отдохнуть, устроившись на ветках. Лежать на сырой земле — первый шаг к тому, чтобы так и не дожидаться спасения.

Внезапное чувство опасности заставило меня поднять голову. Передо мной стоял волкодлак. Здоровенный, серый, голубые глаза с прищуром смотрят на меня, а верхняя губа поднялась в еле слышном рыке, обнажив острые зубы.

— О нет! — простонала я. — Только не это! Прощу тебя! Не нападай!

Волкодлак продолжал стоять и рычать. Что же мне делать?

— Ты хочешь, чтобы я убралась с твоей территории? — пробормотала я.

Зверь едва заметно кивнул. Они что, разумные? В любом случае у меня была возможность жить до тех пор, пока он на меня не кинулся. Я уже знала, что укусы волкодлаков невероятно ядовитые и болезненные, а рядом не было целителя с запасом снадобий, и мне была прямая дорога к мучительной смерти.

Я решила не злить зверя и, развернувшись, поползла обратно к реке. Рычание за спиной стихло, но я чувствовала, что волкодлак стоит и наблюдает за мной, готовый к нападению, вздумай я вернуться.

Добравшись до кромки воды, я разревелась в голос, не жалея сил на подвывания. Да что же это такое, а? Судьба решила предоставить мне возможность накопаться на всю жизнь вперед?

Сзади снова зарычал волкодлак, я взяла себя в руки и побрела в глубину, собравшись плыть дальше. Может быть, мне повезет, и я найду какой-нибудь никем не занятый остров?

Плыть с каждым гребком было все больнее, и внезапно мое тело пронзила судорога, схватившая мышцы на обеих ногах. Боль была настолько нестерпимой, что я не удержалась от крика и тут же с головой ушла под воду. Вынырнула раз, другой, а потом мне стало все безразлично.

Желание бороться, быть достойной своего отца, не посрамить свой род куда-то исчезло. Наверное, я просто дошла до предела сил как физических, так и моральных, и даже боль от ожога уже не могла меня спасти.

Сколько можно бороться? Сколько можно плыть против течения судьбы? У меня просто закончились силы и терпение. Я больше не могу сопротивляться, не могу больше быть стойкой, не могу и все. Хватит. Ведь смерть — это только мгновение, и если она принесет мне освобождение от войны со всем миром, которую я веду уже больше двух лет, значит, так тому и быть.

Прости меня, Чистомир, что я не могу смотреть на мир со смесью оптимизма и цинизма, как ты. Тебе так и не удалось научить меня всегда с честью выходить из любой ситуации.

Прости меня, няня, что я так и не вернусь домой. Уверена, что без тех волнений, которые я тебе приносила, твоя жизнь станет куда спокойнее.

Прости меня, Драниш, но я говорила, что нам никогда не быть вместе. Лучше я умру тогда, когда ты еще надеешься на наше счастье.

Прости меня, отец. Я не ты, и у меня нет такой силы, как у тебя. Прости, что снова подвожу тебя, но это уже последний раз.

Все.

Я сдалась.

Это конец.

Вы знаете, когда смотришь на солнце через толщу воды, оно кажется таким большим, теплым и ласковым, будто не умеет больно обжигать...

Кап...

Кап...

Кап...

На мою щеку с раздражающей равномерностью стекали капли холодной воды. Это было неприятно, особенно если учесть, что всему остальному телу было тепло.

Кап...

Я умерла?

Кап...

Вместе с возвращением сознания заныло и тело. Синяки, шишки, мышцы. Боги были так милосердны, что решили, что мне рано отправляться в посмертие?

Кап...

Я открыла глаза. Перед моим лицом висели пряди волос, с кончиков которых капала вода. Я поморгала, борясь с изумлением. Эти волосы могли принадлежать только Ярославу, уж что-что, а цвет выгоревших, слегка вьющихся от постоянного пребывания в косе волос нашего капитана я с ничьим другим не спутаю. Я скосила глаза направо... и увидела худой впалый живот с кубиками мышц. Я что, лежу у него на коленях?

Э-э-э...

Обнаженная. Хорошо, укрытая одеялом, но сути это не меняло.

И он тоже без одежды.

Что же происходит?

Точно ли я жива?

Ярослав, я и такая интимная обстановка... Я начинала подозревать, что слишком сильно ударила головой, ныряя в водопад.

Кап...

Какие бы безумные видения меня ни постигали, но больше терпеть этот мерный и раздражающий холодный душ я была не намерена!

Я пошевелилась — мышцы застонали, и Ярослав склонил голову вниз. Холодные мокрые волосы мазнули меня по щеке, я поморщилась, и он перекинул их на спину.

— Прости, — сказал он, поворошив угли, чтобы мне стало теплее. — Я рад, что ты пришла в себя. Думал, что к приезду Даетаэля у меня на руках будет хладный труп. Ты не могла избрать более удобное место или время для того, чтобы утопиться?

Я открыла рот, но не придумала, что сказать.

— Я еле успел, — сказал Волк, изучая меня безжалостным взглядом холодных серебристо-серых глаз. — Если бы не лесорубы, которые до сих пор не могут прийти в себя после твоего эффектного бегства по лесу в их одеяле, вряд ли бы мне удалось тебя разыскать.

— Лесорубы? — выдавила я. Горло нещадно болело.

— Да. Они очень раскаиваются в том, что хотели тебя убить, — сообщил Волк. — И готовы предоставить нам в пользование свою стоянку и все припасы, если мы захотим вернуться. Так что давай приходи в себя, и пойдем назад. Кстати, именно под одним из их одеял ты сейчас лежишь. Я выбрал самое чистое.

Я закрыла глаза и вздохнула, а потом повернула голову, чтобы посмотреть на ярко пылавший огонь, рядом с которым мы сидели. На больших палках была развешана одежда капитана, сушились расшнурованные сапоги.

— Я бы предложил тебе чаю, — сказал Ярослав. — Но, извини, котелка не захватил. Очень уж спешил тебя разыскать. Какого... почему тебе вздумалось сбежать посреди ночи, к тому же таким опасным путем, а потом еще и утопиться?

— Я не сбегала, — ответила я, с достоинством глядя на него. — И ты должен это понимать.

Волк тяжело вздохнул и провел руками по волосам, собирая мокрые непослушные пряди в один пучок на затылке. Я немного поспорила со своей совестью, та проиграла, и я добавила:

— И не топила. Просто закончились силы, даже ни одного гребка не могла сделать.

Ярослав кивнул.

— Спи, — велел он. — Тебе нужны силы восстанавливать.

Я послушно закрыла глаза и тут же провалилась в глубокий и спокойный сон.

Когда я проснулась, то обнаружила, что уже ночь, и я лежу на еловых ветках, облаченная в рубашку и штаны капитана. Сам он спал рядом в одних подштанниках и поясе, на котором висели оба кинжала — мой и его. Подавив желание тут же забрать свой, я осторожно освободилась от его руки, которой он обнимал меня за плечи, и отправилась в кусты. Рубашка Ярослава была мне велика, если ему она доходила до середины бедра, то мне была по колени. Хотя Волк был худощавым, но в его одежду можно было поместить еще двух меня. Что-то наши приключения самым пагубным образом сказываются на моей фигуре! Скоро будет ветром уносить.

Вернувшись, подкинула веток в костер и села на импровизированную лежанку, обхватив руками колени. Сейчас проснется капитан, и меч, который висел над моей шеей, с треском опустится. Только от меня зависело, будет казнь медленной или быстрой.

— Ты долго так сидеть собираешься? — хриплым со сна голосом спросил Ярослав. Я вздрогнула — оказывается, успела сидя задремать. — Или ты уже достаточно набралась сил?

— Смотря для чего достаточно, — ответила я не поворачиваясь. — Для разговора — вполне.

— Хорошо. — Ярослав встал, потянулся и обошел костер кругом, чтобы сесть напротив меня.

— Расскажи, пожалуйста, о том, что произошло, — попросила я, глядя на огонь. Сквозь языки пламени тело Волка казалось коричневым.

— Вскоре после того, как вы ушли купаться, Тиса вернулась и завопила, что ты решила сбежать, ударила ее и вплавь отправилась на тот берег, при этом заявив, что увольняешься. По словам Тисы, ты только прикидывалась слабой и успешно переплыла реку. Даетаэль сказал, что такое вполне возможно. Драниш кинулся на тот берег, а я оставил фургон на эльфа и отправился вниз по реке.

— Почему? — Я подняла взгляд на лицо мужчины.

Он пожал плечами:

— Не то чтобы я не верил словам Тисы, но рассудил, что тебя все же вероятнее будет найти за водопадом.

— Зачем ты вообще пошел меня искать? — требовательно спросила я.

— Наверное... — Ярослав задумался. — Тебе какую версию? Что я не мог не вернуть сотрудника, который рисковал жизнью, чтобы спасти всех нас? Или что я не мог отпустить тебя, так и не узнав, кто ты? Или потому, что должен был исправить ошибку, которую допустила моя излишне ретивая слуга?

Я поняла, что честного ответа я от него не дожусь, поэтому просто заметила:

— Ты меня быстро нашел.

— Да, — согласился капитан. — Чтобы ускорить поиски, немного поплавал. Да, пришлось нырнуть в водопад. Интересное ощущение. Потом я нашел стоянку дровосеков и с ними побеседовал.

Наверное, после той беседы мужики навсегда зареклись подбирать бессознательных девушек не только в камышах, но и где угодно. Мне даже на миг стало жаль лесорубов, несмотря на то что они хотели меня «попользовать».

— Немного пробежался по берегу. А потом я увидел, как ты тонешь. Достал из воды, ты несколько раз приходила в себя, пока я делал тебе искусственное дыхание и массаж, но, думаю, этого не помнишь. Потом убедился, что ты прямо сейчас не умрешь, разжег костер и стал ждать.

— А волкодлак? — спросила я. — Я встретила тут волкодлака, он чуть выше по течению не дал мне выбраться на берег.

— Мы с ним побеседовали, — обыденным тоном, словно о разговоре в гостиной о погоде, ответил капитан. — И он решил, что мне можно предоставить возможность попользоваться его владениями.

— Побеседовали? — искренне удивилась я. — Никто и никогда не говорил мне, что волкодлаки разумны!

— Они не совсем разумны в человеческом понимании этого слова. Но значительно умнее собак, а есть такие экземпляры, которые соображают очень хорошо. Когда они в стае, им больше присуще поведение диких животных, но поодиночке с ними можно договориться, — просветил меня Волк. — Но мы сейчас говорим не о волкодлаках, а о тебе. Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, не простыла?

— Какая трогательная забота, — пробурчала я, заливаясь краской при мысли о том, как он мало того что видел мое тело, так еще и трогал его, массировал, переодевал. После этого мне оставалось только убить себя, не в силах вытерпеть поруганную честь, либо...

Я закрыла глаза, стараясь дышать равномерно. Когда взяла себя в руки, открыла глаза и смело посмотрела на Ярослава. И я, и он понимали, что наступила самая главная часть разговора.

Волк сидел и разглядывал меня, склонив голову набок. Удивительно, но, пока я спала днем, он не только высушил волосы, но успел их причесать пятерней и даже заплести в косу. Конечно, она была далеко не такой опрятной, как всегда, и кончик, не сдерживаемый кожаным шнурком, расплелся. Однако даже полуобнаженный, растрепанный Ярослав Волк умудрялся выглядеть настоящим благородным аристократом чистейшей крови и безупречного происхождения, потомком многих поколений Владетелей доменов.

Нас разделял костер — невысокие языки пламени, дым и поднимающийся дрожащим маревом в воздух жар. Но мне казалось, что теперь нас разделяет куда большая пропасть, чем расстояние между сыном Владетеля Ярославом и купеческой дочкой Милой. Пропасть, через которую я не хотела перебрасывать мост, но мне нужно было это сделать хотя бы ради того, чтобы не презирать саму себя.

— Можно я задам тебе один вопрос, на который прошу ответить честно? — сказала я, обхватив себя руками для храбрости.

— Я буду честен с тобой до конца, — спокойно произнес Волк, положив руку на сердце. — Не только в ответе на этот вопрос. Клянусь честью Дома.

Я кивнула. Этой клятвы было достаточно.

— Скажи, ты рисковал своей жизнью, прыгая в водопад, разговаривая с волкодлаком, и

проявлял такую заботу обо мне только... только ради домена или ради меня? — Я сделала это! Я спросила и даже не отвела взгляда.

Ярослав смотрел на меня напряженно, словно про себя что-то взвешивал и решал, и, наконец, пришел к окончательному решению.

— Я не поверил Тисе, что ты сбежала, — сказал он. — Насколько я успел узнать тебя, ты бы никогда не сбежала, и уж тем более не уволилась, не выполнив до конца свою работу. Но я не стал останавливать Драниша, потому что шанс, что она не соврала, все-таки был. И когда... — Он на миг прикрыл глаза, потом открыл их, и я не увидела привычного льда в серебристо-сером омуте. — И когда я доставал тебя из реки, я доставал именно тебя, ту девушку, которая не боялась со мной спорить и ужасно раздражала своими требованиями соблюдать правила приличия. А потом, когда ты пришла в себя первый раз и я понял, что ты выживешь, то вдруг вспомнил. Вспомнил, в какой книге видел тот герб, который изображен на рукояти твоего кинжала. И уже внимательнее посмотрел на тебя. Ведь это древний герб твоего рода, да, Ясноцвета?

Имя прозвучало на уединенной полянке недалеко от безмятежно бегущей реки, как удар грома. Мне понадобилось все самообладание, чтобы достойно встретить горько-насмешливый взгляд Ярослава.

Я знала, что увидел Волк, когда я пришла в себя первый раз. Серебристо-серого цвета, уже не подверженные маскировочному заклятию глаза. Того самого цвета, который бывает только у настоящих чистокровных аристократов. И тогда же, вероятно, он вспомнил, что в геральдической книге, которую обязывают вызубрить любого благородного ребенка, был изображен мой кинжал, принявший теперь свою истинную форму. Старинное наследие Дома Крюков, редко дающееся в руки, поэтому практически неизвестное широкой публике.

— А домен конечно же — это приятная награда за мои труды, — продолжал Волк, отцепляя от пояса ножны со своим кинжалом. — Прости, что приходится это говорить в такой обстановке, но...

Он встал, обошел костер кругом и встал на одно колено, протягивая мне свой кинжал:

— Ясноцвета Крюк, согласна ли ты выйти за меня замуж?

ГЛАВА 7

Запомните, самые страшные травмы тупыми предметами бывают у пациентов после внутрисемейного выяснения отношений. Свадьбы, поминки и дни рождения — это время повышенной опасности. Чем громче гуляют, чем активнее будут драться!

Дазеазль Тахлаэльбрар читает лекцию перед студентами-целителями

Передо мной, склонив голову, стоял на коленях великолепный, красивый, мужественный и гордый аристократ. Чистокровный благородный, сын Владетеля. Длинная коса змеилась по спине, пламя костра освещало старые шрамы и татуировку Дома. Я некоторое время озадаченно смотрела на протянутый кинжал, решая, как поступить. Ярослав с детства мечтал о собственном домене. Глупо было предполагать, что, обнаружив Ясноцвету, он начнет интересоваться мнением невесты относительно происходящего. Но что Волк будет *настолько* прытким, даже не подозревала. Мой смех, пусть немного нервный, но и презрительный тоже, прозвучал на поляне диковато.

Волк вскинул голову, и по блеснувшей в его глазах ярости я поняла, что он вовсе не настолько мил, заботлив и смиренен, насколько хочет казаться.

— Какая глупость, Ярослав, — произнесла я насмешливо, — думать, что я соглашусь выйти за тебя замуж!

Отвергнутый жених вскочил на ноги, и мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Оно было искажено от злости и унижения, но, если я не боялась Волка, будучи в облинии Милы Котовенко, то уж Ясноцвету Крюк вид разгневанного

благородного не пугал и подавно.

— Разве, — выдавил Ярослав, изо всех сил стараясь держать себя в руках, — ты не присоединилась к нашему отряду ради того, чтобы быть ко мне поближе?

— Баек Тисы наслушался? — холодно спросила я. — Я не знала о том, что отец решил меня выдать замуж до тех пор, пока ты сам об этом не сообщил! Пресветлые Боги, да родитель два года скрывал, что его дочь исчезла! И ты думаешь, я участвовала в обсуждении кандидатуры собственного мужа? К твоему отряду я присоединилась по чистой случайности, потому что так захотел Драниш!

Я попыталась отвернуться, но Ярослав схватил меня за руку и больно сжал.

— Как долго после того, как ты узнала, что мы с тобой обручены, ты собиралась скрывать свое истинное имя и продолжать миловаться с троллем?

— Всегда. — Я тоже умею изображать ледяное спокойствие, с удовольствием наблюдая, как Волка прямо затрясло. Ярославу пора понять, что я тоже умею больно бить и не забыла, как он называл меня подстилкой Чистомира! — Мне очень жаль, что пришлось выдать себя. Но в какой-то момент я поняла, что лучше быть живой Ясноцветой, чем мертвой Милой. Отпусти мою руку, Ярослав.

— Ну уж нет! — прорычал он. — Ты, наверное, не поняла, что у тебя нет выбора? Ты *должна* согласиться на этот брак!

— Очень романтично, — фыркнула я. — Ярослав, этим предложением ты превзошел даже самого себя!

Мы, словно мечи, скрестили взгляды серебристо-серых глаз. При использовании реального оружия у меня не было против Волка никаких шансов, но на этом поле мы играли на равных. Если на его чаше весов была возможность стать Владетелем домена, то на моих лежала вся жизнь. Я знала, что муж будет дан мне исключительно из соображений пользы для рода и домена, но хотела одного — чтобы Ярослав перестал видеть во мне только пропуск к желанному домену и понял, что я тоже человек со своими желаниями!

— И ты даже не хочешь подумать о чувствах своего единственного друга? — Да, это нечестно, прости меня, Драниш, но, если есть возможность позлить Ярослава, я это сделаю!

— Брак благородной и тролля? Не смей меня, Ясноцвета! Драниш более благоразумен, чем ты, и он все поймет.

— Ты потеряешь друга!

— Я приобрету домен! — возразил Волк жестко.

— Отпусти мою руку, Ярослав! — Внутри меня поднялась волна жгучей ярости, готовой смести все на своем пути. — Можешь забыть о домене! С моей помощью ты его точно не получишь!

— Я не ясно выразился? — процедил он, глаза его метали в меня ледяные молнии. — У тебя нет выхода, Ясноцвета! Я женюсь на тебе, даже если весь мир будет против!

У меня уже давно кружилась голова, но сейчас держаться на ногах стало почти невозможно. Я уже неделю питалась только жидкими снадобьями, которые в меня вливал эльф, а последние сутки во рту не было ничего, кроме речной воды. Взрыв эмоций явно не пошел мне на пользу, но упасть сейчас и сдаться на милость победителя не входило в мои планы.

— Отпусти мою руку, — тихо, но внятно попросила я. Да что же это такое? Как он смеет обращаться со мной, словно с крестьянкой!

Наверное, было что-то такое в моем взгляде и тоне, что Волк не только разжал пальцы, но и отступил на шаг.

Можно было считать, что сражение воле я выиграла, только это не принесло мне никакого удовольствия. Я развернулась и принялась стаскивать сорочку капитана.

— Что это ты делаешь? — поинтересовался он.

— Хочу, чтобы ты увидел во мне человека, — безразлично ответила я. — Если другого способа нет. Хочу, чтобы ты думал не только о домене!

Моей силы воли хватило только на несколько движений. Как сказал бы Даезаэль:

«Такую эффектную сцену испортила таким неэффектным обмороком!»

Ехать на спине Волка оказалось необыкновенно приятно. Она была хоть и твердой, но достаточно широкой и теплой. Он удобно устроил мою голову на своем плече, обхватил меня под коленками и мерно шагал по лесу, переступая через корни и обходя буреломы под ярким светом утреннего солнца. Ярослав был настолько заботлив, что даже перекинул косу на другую сторону, чтобы волосы не лезли мне в рот.

Я снова была одета в просторную сорочку капитана, а вот кисти рук, перекинутых ему на грудь, были связаны.

— Ярослав, — прошелестела я благородному в ухо, боясь, что на большее меня не хватит, — зачем ты меня связал?

— Чтобы ты не упала, — объяснил он. — Ты уж прости, дочка Сиятельного, но нести тебя на руках, как поется в балладах, слишком тяжело, даже если ты вешишь, как связка костей.

— Спасибо, — ядовито сказала я.

— Ты давно на себя в зеркало смотрела? — поинтересовался Волк медовым голосом.

— Уверена, что ты на меня сегодня насмотрелся в разных видах, — не осталась я в долгу, добавив еще больше сладости, — так что послушаю твое мнение.

— Сама же предлагала, чтобы я в тебе увидел не только возможность получить домен. Вот я и смотрел, — парировал Волк. — Было бы на что смотреть. Более тощей и страшной девушки я не видел. Даже Тиса рядом с тобой — писаная красавица. На нее хоть как-то мужчина реагирует, а ты понравилась только оголодавшим бродячим собакам. Честно признаться, я так и не понял, что в тебе есть хорошего, кроме домена.

— Что? — задыхнулась я от возмущения и совершенно потеряла над собой контроль.

Наверное, мой новоявленный жених решил побить все рекорды хамства. Движимая только злостью и горькой обидой, я отомстила единственно возможным мне способом — изо всех сил укусила Волка за ухо.

Капитан охнул, вздрогнул и разжал руки. Я проскользила по его спине вниз, испугавшись, что задушу его связанными руками. Но капитан, обладавший превосходной реакцией, взмахнул кинжалом, разрезая веревку. Я мешком свалилась на землю и тут же вскочила, готовая защищаться. Лицо Волка, схватившегося за ухо, было настолько страшным, что я не сомневалась — мне придется дорого заплатить за вкус Волчьей крови на губах.

Я попыталась отступить, но из-за приступа головокружения упала. Ярослав, одетый только в сапоги и подштанники, смотрел на меня сверху вниз. На лице у него ходили желваки.

— Ты, став Ясноцветой, раздражаешь меня не меньше, чем будучи Милой, — прорычал он.

Я испытывала к Волку сейчас такую ненависть, что боялась открыть рот, чтобы не сказать что-нибудь такое, что навсегда разрушит между нами возможность взаимопонимания. Я могла устраивать сцены, могла ненавидеть, могла плакать, но знала точно: отныне у меня нет другого пути, кроме как стать женой Волка. Теперь у меня был выбор — прожить жизнь в замужестве кошмарно или все же хоть как-то исправить ситуацию.

Видимо, Ярослав думал примерно о том же самом. Он походил, успокоился, пару раз стукнул близрастущее дерево и миролюбиво предложил:

— Предлагаю отложить выяснение отношений до тех пор, пока ты в состоянии будешь хотя бы ровно стоять и не падать через каждые несколько минут.

Он перекинул меня через плечо и мерно зашагал.

— Боюсь, к тому времени станет поздно что-то выяснять, — вздохнула я. — Ты же хочешь жениться на мне как можно скорее?

— Да. — Капитан не стал отрицать очевидного. — Как только окажемся в замке

ульдона, сразу же поженимся. Он, как владетель этой земли и подданный государства, с которым у нас мир, имеет на это право, и брак будет признан Вышеславом Пятым.

— Чтоб ты сдох! — пробормотала я.

— О, что за выражения из уст дочери Владетеля домена? — притворно удивился Ярослав. — Мне на миг показалось, что я несу дочь купца на плече. Но ведь этого же не может быть, правда? Нет, дорогая невеста, я не — как ты изволила выразиться — сдохну, тем более, когда мечта всей моей жизни сейчас у меня в руках. Мой сын будет править северным доменом!

— Назло тебе нарожаю только дочерей, — бессильно пообещала я. Мне было плохо и морально, и физически. Сил на то, чтобы бороться или парировать словесные уколы, уже не осталось. Мне нужна была передышка, хотя бы маленькая.

— Я рад, что ты уже смирилась с необходимостью нашего брака, — сказал Волк, и я не сомневалась, что при этом на его лице появилась довольная, но холодная улыбка.

— Так ты меня в замок к ульдону тащишь? — спросила я. — Всю жизнь мечтала выйти замуж в одной сорочке с чужого плеча! И в мужских штанах, которые мне велики! Чучелом...

— Нет, не в замок. Как бы я этого ни хотел, у меня есть еще обязанности, кроме вылавливания из речек невест. Я несу тебя к дороге, по которой раньше ездили крестьяне. Мы договорились с Даезаэлем, что он после полудня будет по ней проезжать. Сейчас утро, так что у нас даже будет возможность отдохнуть. Ульдон сказал, что ниже по течению есть брод. Мне необходимо встретиться с ульдоном в официальной обстановке, чтобы поговорить...

— О свадьбе?

— Ты очень эгоцентрична, Ясноцвета. Нет, о его владениях. Нужно узнать, каким образом то, что официально считается территорией домена Сыча, стало считаться землей ульдонов.

Я тяжело вздохнула. Личные проблемы личными проблемами, а работу никто не отменял.

— Капитан, снимите меня с плеча, — официальным тоном попросила я. — Можно я пойду ногами или, в крайнем случае поеду у вас на спине? Мне больно и неудобно вот так висеть.

Волк молча поставил меня на землю, потом присел:

— Хватайся за плечи, только постарайся не задушить. И ногами за талию обними.

Я не стала ничего отвечать и просто положила ему голову на плечо, постаравшись заснуть. Впереди меня ожидали несчастный Драниш и любопытный Даезаэль. Уж этот-то, я уверена, своего не упустит, поиздевается всласть.

Молчащий Ярослав, да еще и со спины, был вполне терпимым спутником, поэтому я позволила себе расслабиться и уснуть.

Разбудил меня ядовитый голос эльфа:

— Ну вот, я-то надеялся, они скандалить будут, а они прям идиллию демонстрируют!

Я открыла глаза и подняла голову, моргая от ослепительного солнца. Я спала, устроив голову на плече капитана, который сидел на обочине заросшей травой дороги, баюкая меня на руках, как ребенка. Удивительно, как ему удалось снять меня со своей спины, даже не разбудив. Или я настолько ослабла? В объятиях Ярослава было бы даже уютно и приятно, если бы... если бы он испытывал ко мне хоть капельку теплых чувств.

Перед нами стоял фургон, на козлах сидел довольный жизнью целитель. На его лице было явно написано предвкушение зрелища акта жизненной драмы, из которой он не собирался упустить ни мгновения. Я впервые после болезни присмотрелась к целителю повнимательнее и ахнула. Шелковистые, типично эльфийские волосы золотистой волной сбегали ниже плеч. За какое же время он успел их так отрастить? Парик, насколько мне помнится, у него был черный.

Эльф заметил мою реакцию и горделиво провел по струящемуся золоту рукой. Но

быстро прекратил самолюбование, расположившись поудобнее и приготовившись наблюдать за представлением.

— Котя! — На землю прыгнул тролль, держа в руках одеяло. Переживания наложили на его лицо явный отпечаток, под глазами залегли глубокие тени, а губы были обкусаны.

Мне стало неимоверно жаль тролля, чьи мучения только начинались. Я прямо взглянула ему в глаза. Когда взгляды серебристо-серых и карих глаз нашли друг друга, тролль резко остановился, словно натолкнулся на невидимую преграду, а челюсть у него отвисла.

— Драниш, хочу представить тебе свою невесту, Ясноцвету Крюк, — официальным тоном проговорил Волк, помогая мне подняться на ноги.

Теперь жених был образцом галантности. Ярослав забрал из безвольных рук тролля одеяло и укутал меня собственническими движениями. Я не шевельнулась. Я не могла отвести взгляда от тролля, в глазах которого недоумение сменилось пониманием, а потом болью.

Широкое добродушное лицо Драниша приняло по-детски растерянное и обиженное выражение, став совершенно жалким. Я почувствовала, как в горле комом встали слезы, и заставила себя отвести взгляд. На скамье управителя эльф потирал руки и даже слегка наклонился, чтобы ничего не пропустить. Судя по всему, он еще и поучаствовать собирался.

— Ого! — искренне удивился Персиваль, прерывая всеобщее молчание. — Та самая сбежавшая невеста?

Рядом с гномом стояла Тиса. На меня она не смотрела, и лицо у нее было совершенно отрешенное.

— Да, та самая, — подтвердил капитан и позвал: — Тиса!

Она на мгновение подняла взгляд, но он быстро потух, и она покорно подошла к Волку.

— Я не знаю, что произошло вчера, когда вы пошли купаться, — ровным голосом проговорил благородный, — но уверен, что без тебя не обошлось.

Тиса молчала, опустив голову.

— Ты знаешь, какое наказание применяется к тем, кто поднял руку на Сиятельную? — Волк достал из ножен свой кинжал. Лицо у него было решительным.

— Ярик! — ахнул Драниш, но не тронулся с места.

— Я не знала, что она Ясноцвета Крюк! — взвизгнула Тиса. — У нее на спине ведь нет татуировки! Я думала, что она внебрачная дочь Дуба! Я хотела сделать как лучше, капитан, я кланюсь!

— Да, Ярик, — сказал эльф с интересом, — почему ты решил, что она именно Ясноцвета Крюк? Где доказательства?

Волк взглянул на меня, но я не собиралась ему помогать, состроив на лице внимательно-любопытствующую гримасу.

— Во-первых, посмотрите на цвет ее глаз! — начал капитан, взглядом намекнув, что этот демарш он запомнит. — Серебристо-серые глаза подобного оттенка могут быть только у чистокровных благородных.

— Не факт! — возразил Даезаэль. — Это, конечно, доминантный признак, однако если ее матерью была какая-нибудь аристократка, то вполне возможен такой цвет глаз... А, не обращайте внимания, я просто хотел сказать, что с точки зрения целительской науки цвет глаз не является показателем того, что это точно Ясноцвета.

— Серые глаза могут не передаваться по наследству, — возразил Волк. — Но именно такой оттенок глаз — это следствие вмешательства магии рода. Так что это — самое достоверное свидетельство благородства происхождения. Во-вторых, кинжал, который Ясноцвета маскировала. Теперь он принял свой обычный вид, и это кинжал Дома Крюков!

— Ничего подобного, — дрожащим голосом возразил Драниш. — Я учил вместе с тобой геральдику. На рукояти кинжала герб вовсе не Крюков!

— Ты учил геральдику не так серьезно, как я, — возразил Ярослав. — Дом Крюков в нашем королевстве появился относительно недавно, всего лет двести назад. Они пришельцы

из Свободных княжеств. И то, что изображено на рукояти кинжала, — их первый герб, который потом был изменен согласно правилам нашего королевства. Это древний артефакт их рода, такой же, как и гитара Чистомира.

— Чистомир украл этот кинжал. — Я поймала искрящийся весельем взгляд эльфа и решила поддержать игру. — Украл у Крюков и отдал мне, любит он меня, свою сестричку.

Капитан явственно заскрипел зубами.

— В-третьих, у нее, — он указал на меня, поостерегшись уже называть по имени, — ожог на том месте, где должна быть татуировка Дома! Значит, она ее свела, и поэтому ей так долго удавалось водить нас за нос!

— Ярослав, — медовым голосом спросила я, — а ты точно знаешь, в каком месте у Крюков располагается татуировка? У тебя она — на плечах, у Чистомира — между лопатками и поясницей... Ты видел много обнаженных представителей Дома Крюков?

Волк стиснул зубы и посмотрел на меня взглядом, полным ледяной ненависти. «Я знаю, что ты Ясноцвета, — говорил этот взгляд, — и ты со своим доменом от меня никуда не денешься!»

— Как хорошо, что ты ошибся, — с облегчением сказал Драниш. Он страстно мечтал, чтобы я не оказалась Ясноцветой, и поэтому был готов заставить себя поверить любому доводу. — В самом деле, ну что делать благородной аристократке, наследнице домена, в нашем фургоне? Да она бы всех своими капризами замучила! И уж точно не смогла бы готовить так вкусно! Да?

Этот голос, полный скрытой надежды, но очень печальный, разрывал мне душу. Я не думала, что буду настолько сильно чувствовать боль Драниша. Наверное, тролль занял в моей душе куда большее место, чем мне казалось.

«Каждое твое действие — это бросок камня в воду, от которого по поверхности идут круги, — сказал мне как-то отец. — Если ты бросила камень в лужу, то она выйдет из берегов, в озеро — по воде пойдут ощутимые круги, а в море этого может никто не заметить, но это не значит, что на самом деле ничего не было».

Мой отец, когда снисходил до собственных детей, всегда говорил мудрые вещи, которые мы не понимали, но неизменно рано или поздно проверяли их истинность на своей шкуре. Полтора месяца назад, присоединившись к этой группе королевских посланников, я бросила камень в лужу и все это время смотрела, как он летит. Что ж, он долетел, вода вышла из берегов, и пора платить по счетам.

— Я не ошибся, — жестко сказал Волк. — Неделью назад эта девушка применила высшую магию, которая доступна только чистокровным аристократам. Выброс магии был настолько силен, что у нас расплавились на фургоне все артефакты, а эльф мало того, что полностью выздоровел, еще и успел на остатках магии волосы отрастить. Я уж не говорю о сайдах, которые полностью развоплотились!

— Но вы после своей магии, когда спасли нас от вурдалаков, только сутки в себя приходили, — заметил Персиваль. — А Мила, или Ясноцвета, неделю на грани смерти была.

— А это потому, что не стоило сводить татуировку, облегчающую доступ к магии Дома, — пожал плечами капитан. — Кстати, только отпрыски северных родов, таких, как Ножи, Штыки и Крюки, могут владеть настолько сильной магией. Я, например, не осилил бы заклятие маскировки, которое Ясноцвета наложила на фургон, а она даже не обращалась к магии рода! И, кстати, именно тогда ее засекли маги Дома и отправили сообщение Сычу о вероятном пребывании Ясноцветы на территории его домена. Ясноцвета, все остальное время нашего путешествия ты использовала силу едва-едва, да?

От голода и слабости у меня мутилось в голове, поэтому я ляпнула не подумав:

— Конечно, а то бы нашли... ах!

Эльф хлопнул в ладоши:

— Ну вот, а я уже его почти уговорил поверить в то, что ты не его невеста. Эх, что ж ты, Мила-Ясноцвета?! Еще чуть-чуть, и стала бы ты женой тролля, а теперь все пропало!

Я слабо улыбнулась Даезазлю, а лицо Ярослава приняло жесткое выражение.

— Тиса! — позвал он девушку, все так же молча и покорно стоявшую около него. — Что произошло на реке той ночью?

Воительница ссутулилась и едва слышно произнесла:

— Я хотела утопить вашу невесту, господин. То есть я тогда не знала, что она ваша невеста, я просто решила, что вы слишком... слишком... Я видела, как вы... В общем, я подумала, что так будет лучше для всех.

Волк кивнул, словно слова Тисы лишь подтвердили то, что он знал, и почти без размаха, сильно ударил ее по лицу. Девушка покатилась по земле, даже не попытавшись защититься. Приподнялась, прижала ладонь к разбитой губе, потом вытерла ее об подол рубашки, встала на ноги и стала ждать продолжения наказания.

Я посмотрела на Драниша. Его лицо потемнело, он закусил губу, но не тронулся с места. И он и я прекрасно знали, что благородный Волк волен распоряжаться жизнями своих вассалов, и никто бы не посмел упрекнуть его, даже если бы он убил Тису. Поэтому тролль не вмешивался. Он отвернулся и сцепил ладони. Я вспомнила, что рассказывала воительница о том, как маленького Волка высекли кнутом, и что он с тех пор никогда и ни при каких обстоятельствах не поднимал руку на подчиненного, и побрела к нему. Я стала причиной нарушения благородным своего слова, и нужно было вмешаться.

Земля под ногами качалась и пружинила, будто я шла не по траве, а по мягкой постели. Несмотря на это, я успела загородить собой Тису, когда Волк снова поднял руку.

Ярослав не смог совсем остановить удара. То ли был слишком зол, то ли решил на Тисе выместить все раздражение.

Удар пришелся по скользящей — по плечу, но этого хватило, чтобы я упала на землю и очумело затрясла головой.

Нежно приводить в чувство невесту Волк явно не собирался, поэтому схватил меня за плечи, несколько раз встряхнул и рывкнул:

— Я запрещаю тебе вмешиваться в мои отношения со слугами!

— Прекрати, Ярослав, — попросила я. Как ни странно, от тряски в голове прояснилось и даже земля перестала прыгать туда-сюда. — Не стоит из-за меня нарушать собственные принципы. Я не могу допустить, чтобы мой будущий муж себя так вел!

— А тебе какое дело? — возмутился Волк.

— Привыкай, — посоветовала я. — Ты же очень хотел жениться, а о том, что твоя жизнь с этого момента изменится, не подумал? Владелец — это не капитан солдат! И к тому же... разве ты забыл, кто из нас двоих наследница домена? Так что, будь добр, считайся с моим мнением!

Волк так сжал зубы, что я испугалась, что они у него раскрошатся. Медленно-медленно, по одному пальцу, он отпустил мои плечи, и так же медленно повернулся к Тисе. Я знала, что внутри его бушует такая злость, что, снова напади на нас стая волкодлаков, Ярослав порвет их голыми руками и не заметит.

— Моя невеста неприкосновенна, — процедил Волк Тисе, а она испуганно кивнула, отступив на несколько шагов.

Кажется, такой, дошедший до крайней точки кипения, Ярослав пугал ее куда больше.

— Да! — завопил со своего зрительского места эльф. — Да! Я, можно сказать, больше месяца ради этой сцены жил! Да! Правильно, Ясноцвета, поставь его на место! И коленки, коленки свои прикажи ему облобызывать, всего лишь жалкому младшему сыну! Хочет домен — пусть ублажает тебя по-всякому! Хочешь, идей подкину?

Спина Ярослава напряглась, но он продолжал стоять, ни на кого не глядя и сжимая кулаки.

— Подожди-ка, — Драниш удивленно повернулся к Даезаэлю, — ты сказал — больше месяца? Ты что же, знал, кто она такая?

— Ну конечно же! — Сын Леса наслаждался своим триумфом. — Я сразу увидел ее истинный цвет глаз, я же целитель как-никак. И мне стало интересно, во что же это выльется! А когда я понял, что она и есть Ясноцвета, моя жизнь обрела смысл! Только такие

идиоты, как вы, могли принимать поведение благородной дамы, воспитанной в замке лучшими учителями, за поведение купеческой дочки!

— Благородные дамы себя так не ведут, — огрызнулся капитан. — Ты думаешь, я не посмотрелся в свое время на дочек Сиятельных?

Драниш согласно кивнул. Сейчас они начнут выяснять, правильно или неправильно я себя вела, и зачем я так себя вела, и можно ли было что-то понять по моему совсем неблагородному поведению.

Я поняла, что это надолго, и опустила на землю. В голове с каждой минутой шумело все сильнее, а перед глазами порхали черные бабочки.

— Ты посмотрелся на аристократок в их естественной среде обитания, Ярик, — тем временем издевательски говорил эльф. — А Ясноцвета уже два года, если не ошибаюсь, сама себе на пропитание зарабатывает... О, что-то я заговорился. Смотрю, моя пациентка уже снова помирает.

Усилием воли я подняла голову, желая возразить, но не смогла. Из горла раздался лишь слабый хрип.

Драниш и Ярослав одновременно кинулись ко мне, но тролль, уже протянувший руки, чтобы помочь подняться, внезапно остановился. Я с трудом перевела взгляд и увидела, как Волк холодно смотрит на своего друга, взглядом проводя между мной и троллем ледяную черту, а потом наклонился и взял меня на руки.

Пользуясь своим состоянием, я малодушно опустила глаза, когда Ярослав проносил меня мимо Драниша. Тролль ссутулился и спрятал лицо в ладонях.

Целитель напоил меня горькими снадобьями, заставил съесть заэ-инн, целебный эльфийский хлебец, и уложил спать. Во время процедур Ярослав молча сидел рядом, уставившись в одну точку. Вид у него был нерадостный. Я позлорадствовала про себя и заснула.

Проснувшись, когда уже вечерело. Полог был отдернут, и багровые лучи солнца окрашивали все предметы в кровавые оттенки. То ли меня морозило, то ли похолодало, я поежилась и зевнула. Вылезать из-под одеяла не хотелось, я чувствовала себя слабой-слабой, даже рукой пошевелить было трудно. Поэтому я повернула голову и стала смотреть на небо, гадая, что ждет меня завтра, когда сегодняшние страсти улягутся. Внезапно на лицо упала тень. Я перевела взгляд с тревожного неба с тяжелыми облаками и слабо улыбнулась Персивалю, который рассматривал меня, словно ученый новый вид бабочек.

— Ты и правда Ясноцвета? — бесцеремонно спросил он.

— Правда, — подтвердила я.

— Это плохо, — огорчился гном. — Из-за тебя все переругались. Теперь, если на нас нападут, мы не сможем выступить единой командой и погибнем.

Я подивилась такой военной мудрости. А Персик-то опыта набирается просто гигантскими скачками!

— Это сказал Драниш, — признался гном, сразу же сняв с себя лавры военачальника. — Пока ты спала, он пытался поговорить с Ярославом, но у него ничего не вышло. Капитан неумяемый, только и рычит, чтобы тебя никто не смел трогать, потому что ты его невеста и должна в целости и сохранности дожить до свадьбы. Теперь Тиса и Драниш утешают друг друга на крыше, а капитан с эльфом ругаются, потому что ушастый не хочет какой-то обряд проводить.

— Я все слышу! — завопил со скамьи управителя Даезаэль. — И не «какой-то обряд», а исцеление с помощью крови чистокровного!

— А почему? — спросила я, не повышая голоса.

— Потому что я запрещаю капитану сейчас прибегать к высшей магии! Я не могу один и исцелять, и фургон вести, и за вами всеми следить, чтобы не перерезали друг другу глотки ночью от ревности. Я протестую!

Волк, сидевший рядом с целителем, что-то негромко буркнул, в ответ эльф разразился целой тирадой, проклиная тяжелую жизнь и нас, бесчувственных идиотов, так и

мечтающих покончить с жизнью как можно быстрее и мучительнее. Капитану скоро надоело это слушать, поэтому он зашел в фургон и сел рядом со мной.

— Ясноцвета, — сказал он после продолжительного молчания, — почему ты ушла из дома два года назад? Из-за матримониальных планов твоего отца?

— Да нет, — ответила я честно. — Просто я поняла, что мне нужно начать жить своим умом и набираться жизненного опыта. Всю жизнь под крылышком родителей не просидишь.

— Большинство твоих ровесниц так не думают. Они сначала подчиняются родителям, а потом мужьям, и счастливы, — заметил Ярослав с некоторым унынием в голосе.

— Все может быть, — не стала я возражать. — Но, пойми, я с детства наблюдала, как отец расширяет границы домена. Он — истинный Владелец, но не очень хороший отец. От детей он требовал того же, что и от взрослых. Пускай мое обучение было попроще, чем у брата, но отец требовал, чтобы все в семье были готовы принять бразды правления в любой момент. Поэтому мирно сидеть и вышивать, ожидая, что кто-то возьмет за руку и проведет по жизни, я не умею.

Не умею, но я так об этом мечтала! Я закрыла глаза, чтобы спрятать свои чувства и воспоминания о том, как я мечтала быть хрупкой, слабой женщиной, которую бы любили просто так, а не за достижения в бухгалтерском деле или эльфийском языке. Чтобы хоть какой-нибудь мужчина смотрел на меня с нежностью, оберегал, защищал от жизненных невзгод, а не отправлял еще подростком с небольшим отрядом в ненастье вести переговоры со взбунтовавшимися жителями деревни. «Я просто хотел проверить, как ты усвоила уроки». — Отцовской нежностью тут и не пахнет, правда? Если бы не начальник охраны, сумевший выкрутиться из опасной ситуации и спасший мне жизнь, отец получил бы доказательства проваленного экзамена в виде моих останков.

Когда мне исполнилось пятнадцать, отец вызвал меня для серьезного разговора. «У тебя, Ясноцвета, есть право только на три ошибки. Потом не обижайся, но я буду обращаться с тобой, как с безмозглой курицей».

Ясноград Крюк никогда не бросал слов на ветер, и я не сомневалась, что свое обещание он сдержит. Если бы он не дал мне свободу воли, мое бегство из дома никогда бы не удалось. При желании отец мог меня отыскать даже на другом континенте, что бы я ни делала, пытаясь спрятаться. Но чуть больше двух лет назад, в грозовую ночь, он великодушно позволил мне совершить вторую ошибку. И я боялась, что, объявив о нашей с Волком помолвке, он явно намекает, что я могу совершить третью ошибку или все-таки оставить себе фору на будущую глупость.

— Ты говорила, что кому-то дала слово пойти на войну, — вспомнил Волк. — Зачем?

Я пожала плечами. Теперь, пожив походной жизнью, я понимала, что то обещание было навеяно юношеским максимализмом и романтизмом. А потом я просто уперто шла к цели, потому что не знала, что делать и как жить дальше.

Безмозглая курица, да, и трех ошибок не надо совершать, чтобы теперь себя такой чувствовать.

Чем обернулась моя свобода воли? Я лежу без сил, а рядом со мной сидит человек, который хочет жениться на мне только ради осуществления своей мечты о власти. Какая уж тут защита и нежность! Волку от меня нужны были только бумаги на право стать Владелем и сын.

Конечно, мало кто из чистокровных благородных женился по любви, но между супругами всегда существовали хотя бы привязанность и взаимоуважение, не говоря уже о том, что наследница домена обычно долго перебирала женихов, руководствуясь своим вкусом и желаниями.

С другой стороны, отец вряд ли отдал бы домен, плод его многолетних трудов, кому попало. Наверное, он все взвесил не один раз. Ярослав ради собственного домена сделает все, что угодно, и Владелем он будет прекрасным. А его боевой опыт пригодится в нашем приграничье.

Но... как же я?

За два года, которые я прожила как Мила Котовенко, несмотря на то, что случалось и голодать, а иногда у нас и печь топить было нечем, я чувствовала себя живой полной жизнью, своей жизнью, а не марионеткой властного отца, которую дергают за ниточки, запрещая открывать рот и постоянно заставляя склонять голову.

— Думаю, война дала бы мне неоценимый жизненный опыт, — ответила я наконец на вопрос Волка, поняв, что еще немного — и он просверлит во мне дырку своим ледяным взглядом.

— Это тебе Чистомир посоветовал?

— Нет! Конечно же нет! — ужаснулась я. — Мирик, наоборот, отговаривал меня из всех сил. Он никогда бы не поступил так со мной.

— Ты любишь Чистомира? — спросил Ярослав напрямую.

— Да, — просто ответила я, смело взглянув ему в глаза. — Больше, чем кого-либо еще.

— Что ж он не женился на тебе, твой драгоценный Мирик? — угрюмо спросил капитан.

— У него пока другие цели в жизни, — улыбнулась я.

Если бы я его попросила об этом, Чистомир не отказал бы. Но я как никто понимала, как важна и нужна ему была свобода, поэтому, даже когда пребывала в полном отчаянии, мысль о том, что я смогу решить свои проблемы с помощью замужества, мне и в голову не приходила. Это было бы несправедливо по отношению к моему лучшему и единственному другу.

— Если ты мне изменишь, — прошипел капитан, наклоняясь ко мне и сжимая руку в кулак, — я тебя убью!

— Что за глупости ты говоришь? Крюки не нарушают данного слова, — гордо заявила я. — Если мне понадобится другой мужчина, я тебя убью, а уже потом буду устраивать свою личную жизнь.

Сидевший тихо, как мышка, во время нашего разговора Персиваль не удержался и хихикнул.

Капитан метнул на него убийственный взгляд, и гном спрятался под одеялом. Смеяться ему расхотелось, как и подслушивать чужие разговоры. Однако запретить эльфу издевательски хохотать Ярослав не мог, и Даезаэль веселился в свое удовольствие столько, сколько хотел.

— Я уже приехал к броду, — отсмеявшись, крикнул он. — Предлагаю поужинать отвратительной кашей, которую нам приготовит Тиса, и завтра утром попробовать перебраться на тот берег. Что-то мне переправа не нравится, на ночь глядя туда соваться глупо.

Капитан вышел, позвал Драниша, и вскоре я услышала, как бывшие друзья принялись обсуждать ночевку холодными и деловыми голосами.

Пока я ела кашу, которую принес эльф, он обустроивал свое новое спальное место. Согласно распоряжению капитана, я теперь спала между ним и целителем.

— Как-то непродуманно Ярик объявил меня надежным типом, — хмыкнул Даезаэль, усевшись на свои одеяла. — Почему он не верит, что я не откажусь наставить ему рога?

— Ты же сам много раз говорил, что человеческие женщины тебя не прельщают, — напомнила я.

— Ясноцвета, ты меня не слушаешь, — строго сказал эльф. — Я не сказал, что ты меня возбуждаешь. Я сказал, что мечтаю наставить Ярику рога. Это будет очень интересно!

— Только без меня! — поспешила я отказаться. — Я в этом точно не участвую!

— А кто тебя спрашивать будет? — удивился Даезаэль. — Пара капель настойки в пищу — и ты сама будешь за мной бегать и кричать: «Возьми меня, я вся твоя!»

Я с подозрением понюхала кашу. Пахла она отвратно — Тиса умудрялась из крупы, соли и воды приготовить совершенно несъедобное блюдо.

— Настойка без вкуса и запаха, — проинформировал меня целитель. — Но пока можешь не бояться, я еще этими событиями не насладился. Кстати, да, я чуть не забыл

спросить. Мы веселимся сегодня ночью?

Я подавленно кивнула, чувствуя облегчение, что не придется объясняться самой. Какой умничка все-таки Даезаэль, что все заметил сам!

— Это хорошо! — Эльф радостно потер руки. — У меня, видишь ли, есть замечательная идея, которую я хочу проверить и посмотреть, что будет.

Моя благодарность к Сыну Леса тут же бесследно испарилась. Не знаю, что он придумал, но вряд ли это будет что-то невинное и приносящее удовольствие! То есть это точно принесет удовольствие, но только Даезаэлю, а не непосредственным участникам.

Теперь я ждала грозы, которая должна была быть ночью, с удвоенным страхом.

ГЛАВА 8

*Если тебе кажется, что твой родитель — идиот, то подожди еще лет десять, и ты поймешь, кто из вас двоих был идиотом.
Подсказка: не родитель.*

Владелец Ясноград Крюк о воспитании детей

Даезаэль ничего не сказал Волку про надвигающуюся грозу. Целитель растянулся на своей постели и улыбался, погруженный в собственные мысли.

Я лежала без сна, слушая, как Персиваль тихо бормочет что-то Тисе, а она коротко и зло огрызается. Кажется, гном пытался утешить девушку, но она не хотела ничего слушать, тем более от него. Однако Персик оказался удивительно настойчивым в своих утешениях, за что получил по физиономии. После этого Тисе явно полегчало, а гном принялся скулить, не рассчитывая, впрочем, на помощь целителя, который обращал на скулеж не больше внимания, чем на жужжащую муху. Через какое-то время эльф почесал ухо и раздраженно взмахнул рукой. От этого движения по стенам фургона, тускло освещенным лампочкой на потолке, шарахнулись причудливые тени. Персиваль намек понял и утих.

У костра царила тишина, хотя там сидели капитан и тролль. Я знала, что они еще толком не поговорили и не обсудили сложившуюся ситуацию, иначе их разговор, смакуя каждую подробность, мне в лицах передал бы Даезаэль. Неужели из-за меня их многолетняя дружба закончится? Если они не найдут в себе силы поговорить до утра, я должна буду вмешаться, даже если это вызовет приступ нездорового интереса у нашего ушастого ценителя прекрасного. Пребывать на вражеской территории в то время, как две основные боевые единицы видеть друг друга не могут, действительно слишком опасно.

Когда в фургон зашел Ярослав, я закрыла глаза и притворилась спящей. Он погасил лампу и лег рядом, тихонько позвав:

— Ясноцвета...

Я ничего не ответила, равномерно дыша. Я больная, слабая, в моей жизни одна неприятность сменяется другой. Я устала и сплю! Мне сейчас не до разговоров по душам!

Раздался шорох, и Ярослав что-то положил на мою юбку. Потом улегся, и я уж было расслабилась, надеясь, что больше он меня не потревожит, но вдруг внезапно почувствовала, как Волк взял прядь моих волос. Зачем? Удивляется тому, как я могу спокойно лежать мало того что с распущенными, так еще и с нерасчесанными волосами? Какой позор для благородной так себя вести! Но Ярослав ничего не сказал, через какое-то время отпустил прядь, и несколько минут спустя его дыхание стало ровным и спокойным.

Я полежала еще немного, прислушиваясь к тишине в фургоне, а потом приподнялась, шаря руками по подолу. Кинжал! Мой драгоценный, мой родной кинжал, Волк все-таки вернул его! Я почувствовала себя сильной и смелой и поняла, что мне нужно сейчас сделать. Я подвесила кинжал к поясу, подхватила одеяло и почти бесшумно вышла наружу. Воровато огляделась — никто не пошевелился, и спустилась на землю.

Около костра, повернувшись к нему спиной, сидел тролль. Он задумчиво крутил в пальцах прутик так, что до меня доносился свист рассекаемого воздуха. В нерешительности

я замерла около фургона, однако Драниш вопросительно поднял голову, всматриваясь в темноту. Я знала, что ночью он видит очень хорошо, поэтому скрываться не было смысла.

— Можно подойти? — спросила я, чувствуя, как отчаянно заколотилось сердце.

Он несколько мгновений, показавшихся мне вечностью, помедлил, а потом кивнул.

Троль казался таким как всегда, несокрушимым и надежным, как скала. Я села рядом и только тогда увидела, как горестно опущены уголки его губ и как тяжело и мрачно глядят потухшие глаза, в которых всегда горели искра жизни и смешинка. Видеть Драниша без обычной теплой улыбки, обращенной ко мне, было необычно и страшно. Я поежилась, но троль упорно молчал, предоставляя мне право первой начать разговор.

— Пожалуйста, прости меня, Драниш, — попросила я от всего сердца, до боли сжав кулаки, чтобы удержаться от слез.

Троль посмотрел на меня удивленным взглядом печальных карих глаз.

— За что ты просишь прощения?

— За то, что так получилось. За то, что я — Ясноцвета, невеста твоего лучшего друга, а не Мила, купеческая дочь. Прости, что не сказала тебе об этом раньше. Прости, что причинила тебе боль.

Троль сломал прутик и выбросил его в траву.

— Ты ни в чем не виновата, — возразил он спокойным голосом. — Мне не за что тебя прощать, ведь ты была честной со мной. Ты предупреждала, что мы не можем быть вместе, а я, дурак, не слушал... А то, что ты не сказала своего настоящего имени... Я верю, что у тебя на это была уважительная причина. Так что все в порядке, успокойся, кот... Ясноцвета. Ты сейчас выглядишь такой потерянной. Не бойся, все будет хорошо.

У меня как будто взорвалось сердце. Душевная боль и вина грозили разорвать меня на части, и никто мне не мог в этом помочь.

— Как... как тебе такое удастся? — прошептала я. — Почему ты считаешь меня лучше, чем я есть на самом деле? Я причинила тебе столько боли, а ты меня оправдываешь! Ты говорил, что любишь меня, но даже не возражал, когда Ярослав объявил меня своей невестой!

На миг в глазах Драниша полыхнули такие чувства, что я отшатнулась — настолько он стал похож не на воспитанного, добродушного и благородного парня, которого я знала, а на истинного, яростного, жестокого и кровожадного троля. Он заметил мою реакцию и закрыл глаза, скрестив руки на груди. Через какое-то время Драниш справился с собой и проговорил:

— Здесь я ничего не могу поделать. Вы оба — чистокровные благородные, поэтому вполне естественно, что должны быть вместе. Я не хочу позволять... своим чувствам... становиться между мной и Яриком, ведь это все равно что обижаться на то, что зимой идет снег. Я бы поборолся за Милу Котовенко, купеческую дочь, да, еще как бы поборолся, но я не буду пересекать дорогу Ясноцвете Крюк.

— Почему? — отчаянно спросила я, сама не понимая, зачем мне необходим ответ на этот вопрос. Кажется, я пыталась отогреться в душевном тепле троля после общения с холодным и равнодушным Ярославом.

— Потому! — взорвался Драниш, и напускное спокойствие вмиг слетело с него, как пылинка, которую гонит ураганный ветер. — Потому что ты ни разу не дала мне понять, что я для тебя значу больше, чем друг! Если бы ты любила меня, Ясноцвета, я бы не дал никому и никогда стать между нами, наплевав на твое происхождение! Мне не нужен твой домен, мне не нужны твои деньги — ничего! С самого первого мига, как только я увидел тебя, я понял, что мне нужна только ты, ты вся без остатка!.. Но я же не слепой, Ясноцвета, я же видел, что для тебя я только добрый и заботливый Драниш, к которому ты, возможно, относишься с нежностью и привязанностью, на чьих коленях удобно спать, но... ты меня не любишь. Поэтому прошу тебя, не нужно извиняться! Ты вела себя так, как вела, и была честной со мной. Это моя вина, что я, как дурак, на что-то надеялся...

Я склонила голову, молча выслушивая горькие слова Драниша.

— Ты не зря говорила, что я очень хорошо тебя понимаю, — продолжал он. Не в силах усидеть на месте, тролль принялся ходить кругами. — Поэтому, мне кажется, ты сейчас очень расстроена, что твоя тайна открылась и Ярослав стремительно начал действовать. Да, ты чего-то ждешь от меня, но что я могу дать тебе... я тоже живой, и я тоже... чувствую. Как бы я тебе ни сочувствовал, но это твоя жизнь, Ясноцвета, поэтому разбирайся в ней без моей помощи!

— Да, — сказала я, поднимаясь. Казалось, все кости налились свинцом. — Конечно, я понимаю. Еще раз — прости меня, Драниш.

Закутавшись в одеяло, я направилась в сторону леса, подальше от реки. Хватит с меня воды, и так внутри бушуют такие эмоции, что вот-вот снесут плотину напускного спокойствия и хлынут наружу.

— Куда ты? — почти обычным заботливым тоном окликнул меня тролль.

— Мне нужно побыть одной, — еле выговорила я.

Он ничего не ответил, а я дошла до деревьев и кинулась в спасительную темноту, все быстрее и быстрее пробираясь между ветками, кустами и корнями. Несколько раз падала, кубарем катилась по земле, вся исцарапалась; наконец, совершенно обессилив, упала на колени рядом с каким-то большим деревом и зарыдала, колотя кулаками землю. Пользуясь моей душевной слабостью, все мысли и воспоминания, которые я так долго прятала от самой себя, принялись стучаться в голову, делая боль в сердце почти невыносимой...

...Сколько я себя помнила, я должна была быть подтянутой, серьезной и ответственной дочерью Сиятельного. Мать, безумно любящая отца, старалась сделать из нас с братом таких детей, которые были бы ему приятны и не посрамили род Крюков.

Никакой слабости. Никакой поблажки. Учеба. Занятия с кинжалом. Этикет. Танцы. Учеба. Навыки управления доменом...

Одни и те же учителя что для брата, что для меня. Почти идентичные программы; брат не учился готовить, а я проводила значительно меньше времени в тренировочном зале. Отец был перестраховщиком во всем и всегда. Если бы с Пребыславом что-то случилось, домен все равно должен был перейти в надежные руки.

Когда со мной впервые случилось беспамятство во время грозы — мне тогда было лет пять, — очнувшись, я увидела у своей кровати отца вместе с главным магом рода Крюков.

— Новомир, — отец кивнул на мага, своего двоюродного брата, — сообщил мне, что у тебя довольно сильный магический дар. Я рад, потому что уже начал в тебе разочаровываться. Крюки всегда были сильными магами, и мне не хотелось бы, чтобы моя дочь прервала эту славную традицию. С сегодняшнего дня ты будешь учиться магии.

Чем лучше я овладевала магическим даром, тем сильнее становились мои приступы во время грозы — все благородные за обладание мощной магией расплачивались болью в том или ином виде. Поэтому я и сбежала из дома во время ненастья, что была уверена: именно в этот момент за мной не будет слежки. Тогда я находилась в состоянии полного магического и душевного опустошения, поэтому не боялась, что неконтролируемый выброс магической энергии погодного безумства как-то повредит окружающим. В то время, когда родные думали, что я переживаю грозу, запершись в своей комнате, я кралась потайным ходом прочь из замка. Со мной была только няня, которая категорически не одобряла побега, но оставить своего «цыпленочка» в одиночестве просто не могла.

Это была самая тяжелая ночь в моей жизни. Моя душа рвалась из тела к тучам, разум постоянно мутился. Чтобы не потерять сознания, я постоянно до крови колола себя кинжалом.

Едва живые, мы добрались до маленького охотничьего домика на границе двух доменов — Крюка и Дуба. Об этом домике знали только двое — я и Чистомир, и мы там периодически устраивали тайные встречи, потому что, как только я вступила в брачный возраст, отец категорически запретил мне иметь с молодым Дубом хоть какие-то отношения. Зайдя в домик, я просто упала посреди холла. Няня, которая тащила меня на себе почти весь путь, лежала рядом со мной и плакала. Последнее, что я запомнила из этой безумной

ночи, — ее полные слез и муки глаза...

...Неподалеку ударил раскат грома. Я вздрогнула, а потом расслабилась. Я далеко от всех, в одиночестве, посреди темного леса. Бояться было нечего. Ни одна нечисть и нежить не приблизится к безумному магу, для этого у них слишком сильно развито чувство самосохранения, а если случится выброс магической энергии, то он повредит разве что деревьям.

Я получше закуталась в одеяло, спасаясь от первых капель, которые уже шелестели в листве. В принципе я была согласна заболеть, лишь бы не принимать вымученную заботу Ярослава о беспамятной во время грозы невесте. Как же, ведь я могу что-то себе повредить и, уберегите Пресветлые Боги, не дожить до дня свадьбы! Запрокинув голову вверх, я подставила лицо тяжелым и холодным небесным слезам, смешивая их со своими, жгуче-горячими...

...Наверное, мы бы так и умерли в том домике, если бы не Чистомир. Не знаю, как он почувствовал, что мне плохо, но Мирик прискакал к охотничьему домику на следующий вечер нашего «славного» прибытия в убежище, бросив все свои дела и загнав по дороге несколько лошадей. Когда он ворвался внутрь, мы так и лежали посреди холла, не в силах подняться. У няни вылетел позвоночник, а я все еще была без сознания.

Не знаю, сколько усилий и умений пришлось приложить другу детства, чтобы привести нас в порядок. Я очнулась только через несколько дней, уложенная на кровать и, судя по тяжести на теле, заботливо накрытая несколькими одеялами. Рядом, подложив под спину несколько подушек, сидел Чистомир и читал книжку. Я протянула к нему руку, успев удивиться, насколько она исхудала, и погладила его по бедру.

Мирик повернул голову и улыбнулся:

— Ну, как ты себя чувствуешь? Я впервые, знаешь ли, занимался исцелением, так что лучше тебе ответить, что все хорошо.

— Все хорошо, — послушно сказала я. — Мирик, какой день я тут нахожусь?

— Четвертый. — Лицо Дуба стало серьезным, он явно ожидал от меня объяснений.

— Меня ищут, — честно сказала я.

— Я догадался, — кивнул он, — поэтому не применял высшую магию, а этот домик мы с тобой вместе зачаровывали от возможности быть найденным как с помощью магии, так и с помощью собак. Против совместной магии Крюков и Дубов у них нет шансов.

— Я ушла из дому, — призналась я Чистомиру. — И хочу покинуть Дом.

Он ничего не сказал на это и только удивленно поднял брови.

— Я не могла больше находиться в замке!.. — торопливо принялась объяснять я.

— Стоп! — Молодой Дуб закрыл мне рот ладонью. — Я не хочу слушать о твоих моральных страданиях. Что сделано, то сделано. Я, как твой лучший друг, должен задать только два вопроса: ты приняла это решение, хорошо подумав? Ты взвесила и учла все возможные последствия этого поступка? Теперь твоя жизнь полностью изменится, и я хочу знать, готова ли ты к этому?

— Да, — твердо проговорила я, смело встретив его обеспокоенный взгляд.

— Что ж, — Мирик пожал плечами, — набивать свои собственные шишки я тебе никогда не мешал. Я могу только приложить к ним лед, если потребуется.

— ...Ах, Чистомир, Чистомир, — застонала я. — Какой же глупой я была! Разве может бегство от судьбы спасти от самой себя? Разве может бегство от проблем решить эти проблемы? Почему я этого не понимала?

Мои стоны смешались с воем ветра в кронах деревьев.

Схватившись за голову, я мерно раскачивалась, продолжая звать к Мирику. Наверное, где-то в глубине души я ждала и надеялась, что неунывающий друг придет ко мне на помощь...

— ...Ну, чего ты ноешь? — вырвал меня из переживаний звонкий мальчишечий голос.

Я торопливо вытерла лицо рукавом и подняла глаза. Передо мной, невесть как очутившийся на заднем дворе нашей небольшой усадьбы в деревеньке на границе домена,

стоял худощавый светловолосый мальчишка чуть постарше меня, одетый в какие-то жуткие лохмотья.

— Не смей таким тоном разговаривать с дочерью Сиятельного! — строго сказала я ему.

— Это почему же? — удивился мальчишка, присаживаясь передо мной на корточки. Я посмотрела на него внимательнее и наконец-то заметила высокие скулы, характерные для аристократов, и ясные серебристо-серые глаза чистокровного благородного.

— Здравствуйте, Сиятельный! — Я вскочила и присела в реверансе: — Ясноцвета Крюк, младшая дочь Владетеля Крюка. С кем имею честь знакомиться?

Мальчик махнул рукой:

— Не разводи церемоний! Я — Чистомир Дуб.

Ага, Дубы — Владетели соседнего домена, на границе с которым мы как раз и находились.

— Ты неправильно представился! — топнула я ногой. — Мой отец говорит, что это унижает достоинство благородного!

— Мой отец тоже так говорит, — вздохнул Чистомир. — Только что они понимают, эти взрослые? Подойди ближе.

Я нерешительно подошла, не зная, чего ожидать от этого странного мальчишки. Он наклонился к моей разбитой в кровь коленке и подул на нее. Потом огляделся по сторонам, сорвал какой-то листочек, плюнул на него и ловко прилепил к ранке, затем погладил мою ногу и пробормотал:

— У Милки больше не боли, у злодея заболи!

Как ни странно, но саднящая коленка тут же перестала болеть, но я все равно упрямо сказала:

— Я не Милка! Я Ясноцвета!

— Не-э-э, — протянул Чистомир. — Ты Милка! Потому что ты такая милая, но милой называют девушек только взрослые парни. Вот когда вырастешь, тогда будешь милой, а сейчас ты просто милка. Давай дружить, а то мне скучно! Мама увезла меня сюда в гости, а отец сказал, что выпорет, если я не буду себя прилично вести. Ты себя хорошо ведешь?

— Конечно! — важно кивнула я.

— Вот и здорово! Если что, прикроешь! — Чистомир вскочил на ноги и схватил меня за руку. — Побежали!..

...Перед моим лицом калейдоскопом замелькали лица. Они вращались и вращались, грозя окончательно затянуть меня в омут из воспоминаний, мыслей, чувств и вины, из которого я потом уже не смогу выбраться.

— Ну, хватит! — сердито проговорил знакомый голос.

Я открыла глаза и увидела перед собой брата. Конечно, это был он, всегда и во всем копировавший поведение отца, но только у Пребыслава никогда толком терпения не хватало ни на что, и самой действенной фразой он считал «ну, хватит!».

— Что ты хочешь от меня? — в отчаянии спросила я. — Ты ведь женат, у тебя есть ребенок-наследник! Что тебе нужно? Ты ведь всегда был равнодушен ко мне, так почему сейчас... почему?!

Громовой удар развеял мое видение, а может быть, оно исчезло потому, что я зажмурилась так сильно, что стало больно глазам, сжавшись в комочек и обхватив себя руками.

Через некоторое время, сотрясаемая дрожью, я снова подняла голову. На меня пронзительно смотрели суровые глаза отца. Владетель Крюк унаследовал от своих предков, аристократов из северных удельных княжеств, пушистые волосы и невысокий рост, которые потом передал мне. Мы были очень похожи, но жаль, что только внешне!

— Отец, — пролепетала я, — простите меня, отец! Я признаю свои ошибки, но все исправлю! Я не буду больше убегать. Я докажу вам, что достойна носить фамилию Крюк и быть наследницей домена! Я больше не буду разочаровывать вас, отец!

Ледяные глаза отца чуть потеплели, и перед глазами снова завращался калейдоскоп из

лиц и событий.

— Мирик, Мирик! — прошептала я, усилием воли выхватив из мелькающих образов самый яркий. — Почему все так происходит? Почему? Почему я совершаю ошибку за ошибкой? Мирик, прошу, ответь мне, ведь ты всегда, всегда все знал лучше меня!

Внезапно мое видение обрело объем и реальность. По лицу Чистомира, высоким скулам и крючковатому носу стекали капли воды, а мокрые пряди светлых волос прилипли ко лбу и щекам. Он смотрел на меня, и в серебристо-серых глазах, сияющих в отблесках молний, словно две звезды, застыла тревога. Я совершенно не удивилась такой четкости и подробности видения — во время грозы со мной чего только не происходило! Я протянула к Мирику руки.

— Значит, так нужно, — ответил он и прижал меня к себе, согревая в объятиях. — Это жизнь. Так ты набираешься опыта.

— Но это больно! — Я уткнулась ему носом в грудь и с наслаждением вдохнула запах взрослого и уверенного в себе мужчины. Как же быстро мы выросли! Сколько бы я отдала за то, чтобы вновь стать беззаботной девочкой, с хохотом спешащей за босоногим мальчишкой, в котором так трудно было узнать сына Владетеля!

— Когда ты училась ходить, тебе тоже было больно, — возразил Чистомир и нежно добавил: — Не плачь, девочка моя, все наладится.

— Мирик... — Я снова чувствовала себя четырехлетней девочкой с разбитой коленкой. Крохотной для своего возраста, в тяжелом многослойном платье, которое умудрилась порвать, споткнувшись обо что-то во дворе и покотившись кубарем. — Мирик, а заговор от боли сейчас не поможет?

— Наверное, нет, — со вздохом сказал он. — Но я рядом с тобой.

— Как всегда?

— Как всегда.

Я прижалась лбом к его груди, и это все, что было нужно для того, чтобы спокойно провалиться в беспамятство.

Высоко над головой звонко пели птицы. Солнечный луч скользнул по моему лицу, когда ветер пошевелил ветки деревьев. Я поморщилась и поежилась, только сейчас ощутив утреннюю прохладу. А потом, сообразив, что с одной стороны мне слишком тепло, резко рванулась. Обернувшись, потерла в изумлении глаза, поморгала, и только после этого пришлось признать, что списать *это* на видения, навеянные грозой, было никак нельзя.

Рядом лежал Ярослав, до недавнего момента прижимавший меня к себе в крепком объятии. Разбуженный моими движениями, он неохотно открыл глаза и зевнул. Потом несколько раз моргнул, фокусируя взгляд и сказал:

— Доброе утро, Ясноцвета.

— Доброе утро, Ярослав, — ошеломленно проговорила я, осматриваясь.

Мы лежали под огромным дубом. Сверху на ветвях были натянуты одеяла, образуя что-то вроде крыши. Внизу Ярослав устроил нам наподобие постели, наломав веток и накрыв это еще одним одеялом. Благодаря его заботе я провела ночь в практически сухом месте, и, хотя волосы и одежда были еще сырыми, мне было зябко, но не холодно. Правда, приходилось признать, что прижиматься к горячему телу Волка было куда приятнее, чем сейчас быть полностью открытой для свежего утреннего ветерка.

Ярослав молча смотрел на меня, и взгляд у него был какой-то странный... настороженный... внимательный... готовый к любой неожиданности. Я поняла, что он предоставляет мне право первой начать беседу.

— Э-э-э... — Я прокашлялась и поежилась.

Волк молча привстал, выдернул из-под себя одеяло и укутал им меня, а сам уселся на ветки, отбросив назад длинные пряди распущенных волос.

— Спасибо за заботу. Ну, и за все это. — Я обвела рукой одеяла, лежанку... Рука, описав круг, указала на Волка, я смутилась и принялась расправлять юбку.

Ярослав молчал, и я подумала, что он подбирает слова, чтобы как можно яснее высказать свое мнение относительно моего ночного бегства в лес, да еще во время грозы. Но Волк снова меня удивил:

— Пожалуйста. Мне было приятно о вас позаботиться.

Я не сумела скрыть изумления. Волк едва заметно улыбнулся.

— Я прошу вас свои извинения, Ясноцвета. — Он встал и отвесил полный изящества и достоинства поклон, более уместный в замке Владетеля, чем посреди мокрого леса. — Находясь под воздействием эмоций, я повел себя с вами просто недопустимо. Я понимаю, что мои слова и действия вызвали у вас неприятие вплоть до того, что вы были вынуждены уйти в одиночестве в лес. Умоляю вас простить меня и готов сделать все, чтобы искупить свою вину. С этого момента и впредь я обещаю вам относиться к вам, как должно относиться к наследнице домена и моей невесте.

Я сидела на ветках, прикрытых старым, теплым и колючим армейским одеялом, в юбке из крепкого, но дешевого домотканого полотна, в теплой байковой рубашке. На голове творился форменный ужас из нечесанных и слипшихся волос. А этот аристократ, который сейчас склонил передо мной голову так низко, что длинные волосы стелились по земле, предлагает мне почувствовать себя невестой благородного!

— Ха-ха-ха-ха! — Я расхохоталась и не могла остановиться.

Волк вздрогнул, но позы не изменил.

Постепенно хохот перешел в истерические всхлипывания. Ярослав сел рядом и обнял меня за плечи, прижимая к себе, терпеливо ожидая, пока я успокоюсь.

— Ярослав, — сказала я, вытирая слезы, — зачем все эти церемонии? Тебе ведь нужен только домен. Зачем ты ломаешь себя ради этого? Я уже никуда не денусь, замок ульдона близок, и не позднее, чем сегодня вечером, мы будем женаты. А потом...

— Да, мне нужен домен, — спокойно подтвердил Ярослав. — Но это не значит, что я запру вас после свадьбы в высокой башне или отправлю в отдаленное поместье, как часто поступают с неугодными женами.

— Конечно, не значит, — серьезно кивнула я. — Я даже и не думала о таком. Прежде чем прогнать меня с глаз долой, ты обзаведешься наследником, а лучше — двумя, так надежнее. И дочкой, чтобы потом можно было устроить ей замечательный — для твоих планов — брак. А вот после рождения детей я уже буду не нужна.

Как мать Чистомира, которую Владетель Дуб вместе с лишним младшим сыном отправил так далеко, как смог. Впрочем, за это я ему благодарна. Иначе бы у нас никогда не было с Мириком счастливого совместного детства.

— Вы это говорите, основываясь на опыте своей матери? — поинтересовался Волк.

— Нет, мой отец любил и до сих пор любит мать. — Я не смогла сдержать улыбки при воспоминании о том, как комично они смотрелись вместе: высокая, стройная мать и маленький, едва ей по грудь, лысоватый, весь какой-то усохший отец. Когда мама надевала тяжелые и пышные церемониальные платья, то отец на ее фоне совершенно терялся, чем вовсю и пользовался, проворачивая на балах под прикрытием женой юбки самые разнообразные дела, далеко не всегда соответствующие королевскому законодательству. — Он отправлял нас в южное поместье, когда в замке становилось слишком опасно. Он всю жизнь расширял и укреплял свой домен и, наверное, не думал, что его половина принесет дочери несчастья.

— Вы ошибаетесь. — Волка совершенно не тронула моя последняя фраза. — Ведь это именно ваш отец выбрал меня на роль вашего супруга. Неужели вы думаете, что он желает своему ребенку горя? Если бы не сговор Владетеля Крюка с моими родителями, я бы продолжал строить свою карьеру на поприще королевского посланника, даже не думая о создании своей семьи. Я понимаю ваше нежелание снова менять свою жизнь, возвращаясь к прежней, от которой вы убежали, однако прошу вас немного подумать и постараться понять и мои чувства. Как бы я ни относился к вам, Ясноцвета, и как бы ни желал добра и счастья Миле Котовенко, однако я не могу отказаться от возможности стать Владетелем. А вы не

можете перестать быть Ясноцветой Крюк, наследницей домена.

Я прикусила язык. Все, что говорил Волк, было истинной правдой. А мне пора было уже прекращать вести себя как избалованный ребенок и становиться той Ясноцветой Крюк, которую растил отец. Давно пора было заметить, что Милка, которая с веселым смехом носилась с чумазым Мириком по полям, катаясь по крестьянским стогам и воруя яблоки из садов, давно выросла. Да и Мирика уже нет, есть Чистомир Дуб, который нашел свое призвание в тайной королевской службе, выполняя самые таинственные и щекотливые поручения.

— Волки всегда уважительно относились к своим женам, — виноватым тоном сказал Ярослав. — Я очень подвел свой род тем, что обращался с вами так... неучтиво и не соответственно вашему положению. Я понимаю, что нельзя все списывать на эмоции и на необычную ситуацию, поэтому снова прошу у вас прощения. Если нужно, я принесу клятву на крови, что с этой минуты я буду вести себя только соответственно вашему положению и ничего не требовать взамен.

Я посмотрела в его глубокие серебристо-серые глаза. Обычно Волк старался тщательно скрывать свои мысли и чувства, но сейчас позволил себе быть откровенным. Я поняла, что он был предельно серьезен, и это не могло не тронуть.

— Не нужно клятв. — Мой голос дрожал. — Я верю вам.

Он кивнул и стал на одно колено. Отцепил от пояса свой кинжал в ножнах и на ладонях протянул его мне.

— Ясноцвета Крюк, я прошу вас стать моей женой.

Я встала на ноги, как могла, поправила одежду и пригладила волосы. Если немного напрячь воображение, то можно представить, что я стою в центре главного зала родного замка. За моей спиной в кресле сидит отец, нетерпеливо и едва слышно постукивая об маленькую скамеечку ногой — отец считал, что прыгивающий с высокого родового трона Владелец выглядит смешно, поэтому всегда строго следил, чтобы на торжественных мероприятиях скамеечка стояла под ногами. Рядом сидит мать и поглядывает то на меня, то на отца. За спинкой отцовского кресла с одной стороны стоит Пребыслав. Он рад, что непутевая сестра наконец-то пристроена. С другой стороны подремывает вполглаза начальник стражи, сложив на груди мощные руки. Он терпеть не мог всех этих церемоний, однако положение главного военного советника отца обязывало. Так как во время церемонии обручения нападений на Сиятельного вражьиими силами не планировалось, Вел расслабился и позволил себе отрешиться от происходящего.

Через огромные витражные окна льются разноцветные лучи, освещая гобелены на стенах и почтительно выстроившихся у стен вассалов, магов и прочих заинтересованных лиц. Только родителей Ярослава я представляла очень смутно, поэтому в воображаемой сцене они представлялись неясными фигурами в официальных праздничных одеяниях.

— Я согласна, Ярослав Волк, — торжественно произнесла я и будто бы услышала, как по огромному залу гуляет эхо от моего звонкого голоса. — Вверяю вам себя и судьбу своего домена.

Потом взяла его кинжал — как необычны были для меня его вес и размер! — и прикрепила ножны к своему поясу. На протянутые руки Волка я медленно положила свое оружие. Большой рубин вспыхнул кровавой искрой, когда отразил луч утреннего солнца. Я почувствовала, что старинному артефакту было так же тяжело расставаться с владелицей, как и мне с ним. Теперь — и до моей смерти, когда брак будет расторген, — кинжал со старинным гербом Крюков будет принадлежать моему мужу.

Длинный узкий кинжал в потертых кожаных ножнах и с серебряной волчьей головой на рукояти теперь был моей защитой, помощником в повседневных делах и необходимым инструментом для обрядов высшей магии.

Волк поднял голову. Его глаза потеплели, на лице было написано облегчение. Кажется, он до конца не верил тому, что я соглашусь.

— Спасибо, — от души поблагодарил он. — Вы не пожалеете о своем согласии,

Ясноцвета.

Он взял мою правую руку и приник теплыми губами к ладони. Я вспомнила слова учителя. Он говорил, что должен был символизировать этот жест. Получалось, что теперь Ярослав без страха возьмет с моей руки все, что ему будет мною предложено. На самом деле в аристократических семьях частенько бывало, что из рук жены принимал не муж, а специально обученный маг, способный распознать яд. Оставалось только надеяться на то, что мы с Ярославом в своем противостоянии до такого не дойдем.

После того как Волк торжественно прикрепил к своему поясу мой — уже не мой! — кинжал, с церемониями было покончено.

Лицо капитана приобрело обыкновенное холодное и непроницаемое выражение, он сел на ложе из веток, достал из кармашка гребешок и принялся заплетать волосы. Я очередной раз подивилась тому, как ловко он разбирается со своими длинными прядями.

— Ясноцвета, можно вам задать личный вопрос? — Ярослав внезапно отвлекся от своего занятия и поднял голову, успев поймать мой заинтересованный взгляд, направленный прямо на него. (Я смутилась и залилась краской, хотя так и не поняла почему. Я что, не имею права рассматривать своего жениха?) — Вы обрезали свои волосы тогда, когда ушли из дома?

Я невольно коснулась «вороньего гнезда» у себя на голове, в которое превратилась моя прическа. Гребешка конечно же у меня с собой не было, пришлось раздирать колтунны пальцами.

Мои волосы едва доставали до лопаток, тогда как у всех аристократов, даже тех, кто посвятил себя военной карьере, они были ниже пояса — у кого длиннее, у кого короче. Даже у моего отца с затылка спускалась тоненькая косичка, которую он холил и лелеял, а у мамы волосы были до колен.

— Да, — подтвердила я. — Когда собиралась начать новую жизнь, где не было времени и возможности возиться с прической.

— А почему вы ушли из дома? — напрямик спросил Волк.

Я давно ждала этого вопроса, поэтому не смутилась:

— Я хотела пойти на войну с нечистью, а родители были против.

— Ах да, помню... Вы кому-то обещали пойти на войну. Могу я спросить кому?

— Одному очень важному для меня человеку, — неопределенно ответила я.

Ярослав то ли понял, что подробностей не услышит, то ли удовлетворился этим ответом, и молча доплел косу, перевязав ее кожаным шнурком, который, бережно свернутый, достал из кармана.

Я представила, как он вчера ночью разыскивал меня посреди темного дождливого леса, обустроив временную стоянку, а потом расплел волосы, чтобы лучше сохли, и аккуратно спрятал шнурок в карман. Да, наверное, с таким дотошным Владетелем моему домену действительно ничего не грозит, и даже больше — Волк наверняка успешно продолжит дело моего отца и будет расширять свои владения.

Мы собрали одеяла и пошли по направлению к фургону. Я не могла не испытывать к Волку благодарности — если бы не он, мне бы пришлось долго бродить по лесу и аукать, потому что я совершенно не представляла, в какой стороне находится наш лагерь.

Мы прошли совсем немного, как вдруг из кустов серой молнией метнулась тень, и капитан, переплетаясь в смертельном объятии с огромным волкодлаком, покатился по земле, ломая подлесок. Огромное животное рычало, из распахнутой пасти капала слюна. Ярослав схватил волкодлака за челюсти, не давая пасти сомкнуться. Мышцы благородного вздулись от напряжения, он лежал на земле, придавленный весом огромных лап, но сдаваться не собирался.

Волкодлак замотал головой, стараясь избавиться от помехи, Ярослав ощерился не хуже, чем нечисть. Он пока держал оборону, но мне было понятно, что долго так продолжаться не сможет. Даже троллю, который превосходил силой любого человека в несколько раз, в этой ситуации волкодлака не победить.

— Ясноцвета, — прохрипел Волк, и наши взгляды встретились.

Он просил о помощи, ведь у меня на поясе висел длинный кинжал Дома Волков. Он просил о помощи, но не умолял, давая мне возможность самой решить, хочу ли я ему помочь или предпочту убежать и тем самым избавиться от него навсегда.

Я отступила на несколько шагов, не отрывая взгляда от лица моего жениха. Сейчас он воплощал в себе все то, что я ненавидела и от чего сбежала два года назад. Если я сейчас развернусь и убегу, Волк будет сражаться до последнего, давая мне шанс спастись. И этот шанс был вполне реальным, в крайнем случае я бы могла успеть залезть на дерево и дожждаться подмоги из лагеря. Волкодлак, не накачанный магией, прыгает недостаточно высоко, а лазить благодаря постоянным тренировкам я умела прекрасно. И никто и никогда не узнал бы о том, что произошло, и никто не осудил бы меня, лишившуюся жениха, отважно отдавшего свою жизнь ради моего спасения.

Жизнь холодного, равнодушного, жесткого и честолюбивого Ярослава и жизнь Милы Котовенко, королевской посланницы, возлюбленной заботливого и ласкового тролля. Жизнь без шанса на взаимную любовь в холодной постели и жизнь в тепле любящего сердца. Удушающие тиски правил приличия, этикета и обязанностей и возможность жить и вести себя так, как хочется.

Я отступила еще на несколько шагов. Ярослав на миг зажмурился, а когда открыл глаза, то смотрел уже не на меня, а на волкодлака, и в его взгляде были не сожаление, а только боевая ярость и желание победить.

Внезапно время для меня замедлилось. Я плавно, словно во сне, отставила ногу, оттолкнулась от земли, побежала, на ходу вынимая кинжал из ножен, прыгнула на спину нечисти и с силой резанула кинжалом по горлу, пробиваясь сквозь густую шерсть и мускулы и добираясь до артерий и дыхательных путей. Потом поднырнула вниз и глубоко вонзила кинжал волкодлаку в живот, разрезая от паха до грудной клетки.

Брызнуло кровью, и из разреза, который раскрылся, словно кто-то толкнул двустворчатую дверь, повалили сине-красные кишки. Я откатилась в сторону, чувствуя на своем лице и руках теплую и жгучую волкодлачью кровь.

Ярослав поднапрягся, со страшным, животным рыком сбросил с себя быющее в конвульсиях тело и подполз ко мне.

Он был настолько страшен, весь в крови — своей и чужой, слизи, слюне, что я не выдержала и меня стошнило.

Капитан перевернул меня на бок, чтобы я не захлебнулась, а потом помог подняться на ноги, грубо встряхнув.

— Пойдем скорее, я должен тебя вывести к фургону, пока могу стоять. Тварь... слишком сильно меня укусила. Не раскисай!

От встряски перед моими глазами перестали плавать разноцветные круги, и я взяла себя в руки. Перекинула через плечи руку Ярослава, помогая ему идти, и заставила себя выбросить из головы воспоминание о горячих волкодлачьих кишках.

Мы выбрались на заброшенную дорогу, на которой стоял фургон, совершенно обессиленные. Ярослав, у которого сил хватало только на то, чтобы указывать путь к лагерю, уже почти полностью висел на мне, едва перебирая подгибающимися ногами.

Спина невероятно горела огнем, я закашлялась и сплюнула кровь.

— Чахи и дрыхли б вас взяли! — завопил эльф, который увидел нас первым. — Я думал, они сексом занимаются, а они в какую-то дрянь вляпались! Вы что там сдохнуть не могли? Сюда-то чего переться было? Да куда ты его тянешь, дубина, в реку давай — отмывать обоих от яда!

Троль молча кивнул и подхватил капитана на руки, мне помогла идти Тиса. Персиваль раздувал огонь в уже потушенном костре и ставил на него котелок, чтобы закипела вода.

Воительница со всего размаху толкнула меня в мутную после грозы воду, я с головой окунулась и не успела толком показаться над водой, как девушка уже остервенело полоскала мои волосы.

— Мыло! — крикнул Персиваль и метко кинул по кусочку Дранишу и Тисе.

Когда достаточно чистая, в липнувшей к телу холодной одежде, я вышла на берег, меня там уже ждал эльф с большим полотенцем. На лице у него было написано очередное осознание трагичности бытия — как же, получить вместо душещипательной сцены воссоединения двух благородных кучу работы по исцелению, это любого выведет из себя!

— Там вода уже закипает, — кисло сказал он мне. — Я насыпал в ваши кружки травяную смесь, заваришь и выпьешь. А капитана я сам буду отпаивать.

Пока я переодевалась и возилась с котелком, уже еле держась на ногах, Даезаэль приказал положить обнаженного капитана около костра и уныло мазал глубокие рваные раны от когтей волкодлака на плечах Ярослава.

— Что ты стоишь? — рявкнул он на меня. — Ветки в огонь кидай, чтобы горел ярче. Мне еще простуды у вас двоих не хватало! Бедный я, несчастный, ни сна, ни отдыха...

Я тупо кивнула, уже почти ничего не соображая.

— Зачем ты ее гоняешь? — возмутился тролль, которому была вручена нитка с иглой — зашивать раны. — Ей же плохо!

— Мне нужно, чтобы она продержалась на ногах до того момента, когда я смогу ею заняться, — буркнул эльф, проводя ладонями по телу капитана. — Как можно было так надорваться! Он что, мешки таскал?

— Вам встретился волкодлак? — спросил Персиваль.

— Ярослав схватил его за пасть, а я зарезала, — пояснила я. Кружка в руках задрожала, разбрызгивая на меня обжигающе горячую жидкость. — Наверное, когда волкодлак прыгнул из кустов, именно тогда поранил капитана.

— Не только поранил, — бросил целитель. — Он и ребра ему сломал, когда в агонии трепыхался. Но как же не вовремя! Ложись, я тобой займусь. И ты надорвалась! Мышцы болят? Еще нет? Будут! Если я не помогу, а мне придется... Ну что же это делается, а? Ну что, тяжело было заблудиться вчера в лесу с концами?

— Мы бы ей не позволили заблудиться, — заметил тролль.

— Ты молчи уже, страдалец! — раздраженно сказал Даезаэль Дранишу, пока я нежилась под умелыми ладонями целителя. — Какие дрыхли тебя толкнули помогать ночью Ярику в поисках невесты? Видишь, чем все это закончилось?!

— Было бы лучше, если бы ее одну волкодлак сожрал? — огрызнулся тролль.

— Конечно, лучше, возни было бы меньше.

— А как же твои любимые жизненные драмы? — спросил Драниш. Он зашивал раны Волка так же быстро и умело, как пришивал пуговицы к своей куртке. — Если бы ко... Ясноцвета погибла, их было бы меньше!

— Ничего, я бы вдоволь налюбовался унылой рожей капитана, чей домен уплыл бы в руки какого-то крюковского родственника, — сбить с толку эльфа было невозможно. — И что теперь? Нам нужно переправляться на другой берег, а у нас половина команды — увечные инвалиды!

— Почему половина? — заикнулся гном. — Треть.

— Половина! — с нажимом сказал Даезаэль. — Кое-кто здесь увечный на голову, и это я тоже посчитал!

— А нам обязательно нужно переправляться сегодня? — спросила я.

— Да. У нас совершенно нет еды — только дичь, на которую поохотился тролль. А в вашем состоянии сплошное мясо вредно. Но, что хуже всего, у меня заканчиваются все целительские запасы, остались какие-то уж совсем неиспользуемые. Например, от половых болезней. Никто не хочет заразиться? А то такие таблеточки пропадают... Если на нас еще кто-то нападет, или кто-то что-то себе поранит, или отравится, будем лечиться крепким словом и надеждой на лучшую жизнь. Но это еще не все, дорогая Ясноцвета! Механизм с артефактом, который двигает наш фургон, скорее мертв, чем жив, и чем быстрее мы доберемся до цивилизации, тем меньший отрезок пути нам придется толкать фургон по дороге.

— У меня не было необходимых материалов, чтобы починить, — принялся оправдываться гном.

— А я разве тебя в этом виню? — Эльф тяжело вздохнул. — Просто говорю, что нам нужно переправиться сегодня. Тем более что нам нужен толковый маг, или мне нужно хорошенько подумать в спокойной обстановке.

— Зачем? — спросил тролль.

— Затем, что некоторые из здесь валяющихся сначала выжигают собственные татуировки, а потом обращаются к силе Дома. А потом они не могут толком закрыть канал, по которому циркулирует магическая энергия. Так что, если кое-кому здесь не оказать как можно быстрее квалифицированной магической помощи, кое-кто точно скоро обессилит и умрет, перед этим потрепав хорошенько нервы всем окружающим.

— А ты не можешь закрыть этот канал? — испуганно спросила я. Мне когда-то что-то про такой побочный эффект говорил дворцовый маг, но я его не слушала. Или слушала только из вежливости, в общем, в голове у меня остались одни смутные воспоминания о том, почему нельзя обращаться к магии рода без татуировки.

— Ясноцвета, не тупи. — Даезаэль устало потер щеки. — Если бы я мог, я бы уже давно это сделал. Пойми, меня не учили быть магом для чистокровных аристократов, и я получил по вашей высшей магии очень отрывочные и неполные знания. Ладно, будем как-то пытаться переправиться, все равно другого выхода нет.

Я с трудом села, разминая мышцы. Как бы мне ни было плохо, дорога была каждая пара рук.

После грозы уровень воды в реке поднялся, течение стало сильнее. Да еще и брод, которым давно уже никто не пользовался...

Наверное, Даезаэль был прав. Умереть сразу было куда проще.

ГЛАВА 9

Дешевая рабочая сила — товар, который всегда в цене.

Название раздела учебника об управлении доменом

Драниш с Персивалем частично разгрузили фургон. Удивительно, сколько у нас было вещей! Сумки, сумищи, рюкзаки, ящики, мешки и мешочки заполнили всю дорогу.

— Я так понимаю, что четыре одеяла, которые Ярослав брал с собой в лес, можно уже списывать? — занудным тоном поинтересовался эльф.

— Ой! — Я только сейчас вспомнила, что перед нападением волкодлака капитан нес наши одеяла! — Они в лесу остались. Сейчас принесу.

— Все в волкодлачьей крови и кишках, — скривился Даезаэль. — Сплошная антисанитария. И ты думаешь, я допущу, чтобы ты их в фургон затащила? И к тому же, как ты собираешься их идти искать? Хочешь дать повод троллю героически вывести тебя из чашобы? Лучше перетряси все наше барахло и выброси ненужное. Если артефакты фургона отдадут концы, нам это все на себе переть. Да и в любом случае, сомневаюсь я, что оси, которые починил наш умелец, выдержат переправу через реку...

— Почему ты так думаешь? — спросил подошедший к нам тролль. — Мы вместе с Персиком чинили оси, и в них я уверен.

— Умные создания всегда заранее готовятся к худшему, — с надменным видом объяснил Даезаэль. — Но ты к ним конечно же не относишься, так что продолжай наслаждаться своим идиотским оптимизмом, пока есть время.

Драниш пожал плечами:

— Спасибо за совет.

Эльф фыркнул, но к вежливому ответу придраться не смог и ушел нудить к Персивалю, который лежал под фургоном с молотком в руках.

— Драниш, — тревожно посмотрела я на тролля. — Даезаэль сказал, что ты помог

Ярославу найти меня в лесу. Почему?

Было заметно, что троллю не очень хочется говорить на эту тему, но, немного помявшись, он все же ответил:

— Как это почему? Ясноцвета, как я мог оставить тебя одну в лесу, да еще и во время грозы! Тем более что Ярик проснулся после первого удара грома и выбежал тебя искать. Но в темном лесу я куда лучше ориентируюсь и могу следы прочитать, даже не пользуясь огнем.

— А взять одеяла — чья это была идея?

— Моя, — признался тролль. — Я подумал, что вам нужно побыть немного вдвоем. Тем более нести тебя обратно по лесу во время грозы... согласишься, это далеко не лучшая идея.

— Драниш, почему ты нам помогаешь? — прямо спросила я.

— Ярик — мой лучший друг, — ответил он, честно и нежно глядя на меня теплыми карими глазами. — А ты... думаю, я могу считать тебя своим другом?

— Да, — кивнула я, хотя в груди его слова отозвались глухой болью. Почему Драниш так добр ко мне? Откуда у него столько сил, чтобы продолжать заботиться о любимой девушке, даже когда она уже невеста другого, и ничего при этом не требовать взамен?

— Поэтому я хочу, чтобы у вас все было хорошо. — Тролль посмотрел на Волка, которого целитель погрузил в крепкий сон, «чтобы не мешался, а спокойно выздоравливал». — Понимаешь... ведь когда ты пропала, Ярик мог и не отправляться тебя искать, а поручить это мне и эльфу. Ты, наверное, не в курсе, но тогда как раз резко поменялась погода, стало очень тепло, и он мучился страшной головной болью. Ему даже моргать было больно, а не то что в водопад за тобой прыгать.

— Э-э-э, — пробормотала я озадаченно, — ты хочешь сказать, что у Ярослава ко мне какое-то... особое отношение?

Драниш пожал плечами:

— Не уверен... Понять чувства Ярика ты сможешь только в том случае, если с ним серьезно поговоришь, и без этих ваших формальных аристократических штучек.

Тролль поднялся и собрался было уходить, но я удержала его за рукав сорочки:

— Драниш, а он...

— Прости, — он аккуратно освободился от моих пальцев, — я и так сделал больше, чем мог. Я не хочу больше обсуждать твои отношения с Ярославом. У меня тоже есть чувства, Ясноцвета!

— Извини, — я опустила голову, — я веду себя слишком эгоистично.

— Не без того, — согласился тролль.

Я сидела рядом со спящим Волком и расчесывала волосы, наблюдая, как Драниш и Тиса исследуют дно реки с помощью больших шестов. Вода доходила троллю до пояса, значит, немного воды попадет и на козлы. Даетаэль, наверное, будет возмущаться.

— Брод терпимый, — наконец вынес вердикт тролль, возвращаясь на берег и стряхивая с себя капли воды. — Никаких затопленных коряг или веток, — видно, все снесло ночью, когда вода прибыла. Но дно не очень, давно не пользовались дорогой. Можем загрузнуть посредине, там яма.

— Сносить будет, — озабоченно сказала Тиса. — Вода до брюха достает.

— Может быть, загрузить сумки обратно? — робко спросила я.

— Если засядем, тогда груженный фургон не вытащим, — возразил Драниш. — Ты как, Даетаэль, сможешь справиться с управлением?

Сын Леса буркнул что-то нечленораздельное, что можно было трактовать и как уверенность в своих силах, и как мнение «а куда я денусь», и как пожелание «чтоб вы все провалились», и полез на козлы. Драниш привязал к передку фургона два каната и позвал Персиваля:

— Раздевайся и бери канат. Привяжем к чему-нибудь на том берегу, чтобы подстраховаться от сноса.

— По-хорошему, надо бы из фургона паром сделать, — вздохнула Тиса. — Протянуть

канаты от нашего берега к тому, привязать...

— Материалов нет, — перебил гном ее рассуждения. — Совсем. Лебедка нужна — это во-первых, а во-вторых...

— Тогда плывем на тот берег и привязываем канаты, — оборвал его тролль. — Так будет хоть какая-то гарантия, что не придется вылавливать фургон ниже по течению.

— У нас три мага, — вздохнул Персик. — А мы себе головы ломаем.

— Я целитель! — рявкнул с козлов эльф. — Меня не учили повозки через реки переправлять!

— Нужно разбудить капитана, — заикнулся было гном.

— Ему еще не стоит заниматься магией, — заметил Даезаэль. — Особенно если учесть, что мы лезем в логово недавнего врага. Мага, владеющего хоть какой-то боевой магией, стоит беречь.

— Верно, — кивнул Драниш. — Это будет нецелесообразное использование ресурсов. Кроме Ярика, с ульдоном никто не справится.

Персик покосился в мою сторону, но ничего не сказал. Всем видом выражая недовольство, он разделся до трусов, взял канат и побрел в воду. Следом за ним отправился тролль, подбадривая Персиваля легкими тычками ниже спины.

Даезаэль что-то прошептал, воздел руки к небу, потом прижал их к сердцу и закрыл глаза, чем немало меня удивил. Я-то думала, что не в привычках этого циника уповать на помощь богов, но, видимо, ситуация была критической.

Уже начинало вечереть, когда были закончены все приготовления к переправе. За это время уровень воды немного упал, а эльф начал нервничать. Остаться на исконной территории нечисти, да еще и ночью, он никак не хотел, но до темноты мы уже вряд ли успевали добраться до замка ульдона.

— Давай! — крикнул тролль, стоящий на противоположном берегу.

Фургон взял разгон по сухому месту и, образовав две огромные волны, нырнул в реку.

Я ахнула и вскочила на ноги, прижав ладонь к губам.

Тяжелая повозка с шумом ехала по дну реки, не сбавляя скорости. На том берегу Тиса, Персиваль и Драниш тащили на себя канаты, помогая фургону держаться брода. Примерно до половины реки все шло хорошо, и я уже начала надеяться на благополучный исход дела.

Внезапно задняя часть повозки задралась кверху и нелепо задержалась.

— Назад! — закричал тролль. — В яму попал.

Фургон отъехал назад, немного изменил направление и рванул вперед. И снова неудача. И еще раз. И еще.

Было понятно, что сил троих ребят на том берегу не хватит, чтобы помочь фургону преодолеть яму, которую течением вымыло на дне, а езда туда-сюда только пророев в мягком грунте колеи и тогда фургон сядет намертво. Без помощи мага было не обойтись, но как я могу помочь, когда у меня нет никаких сил! Стоп! Как это нет сил? Ведь Даезаэль говорил, что при обращении к магии рода я из-за испорченной татуировки не смогла толком закрыть энергетический канал и из меня постепенно утекают магические силы. Осталось только направить эти силы в нужное русло.

Наверное, Мила Котовенко могла бы стоять на берегу и ахать, но Ясноцвета Крюк, которую учили и воспитывали быть ответственной за своих людей и всегда помнить о силе, которая дана от рождения, была обязана предпринять хоть что-то даже ценой собственного здоровья. Мы никак не можем потерять транспорт, тем более на опасных вражеских землях. Внезапно мне послышалось, что со стороны реки раздался отчетливый треск ломающейся колесной оси, и я, не давая себе больше времени на раздумья и сомнения, выхватила из ножен кинжал Дома Волка.

— Ну, миленький, послужи новой хозяйке, — пробормотала я, резанув себя по запястью и прокричав слова заклинания.

Фургону нужен был хорошенький рывок, чтобы он выбрался на сушу, и с помощью магии я его обеспечила.

В спину ударило такой болью, что я упала на колени и завывала, не в силах сдержаться. Зато фургон легко проскочил яму и, промчавшись по оставшемуся отрезку дна, вылетел на берег.

Последнее, что я почувствовала, прежде чем провалиться во тьму, — вкус крови из прокушенной губы.

— Мне вот интересно, почему ты еще не умерла? — задумчиво спросил Даезаэль, когда я открыла глаза.

— Наверное, — слова приходилось выкашливать, — из-за твоего целительского искусства?

Эльф прикоснулся к переносице и поморщился. Выглядел он плохо — лицо было все в кровоподтеках, словно его жестоко избивали.

— Что с тобой? — спросила я, приподнимаясь на локтях и осматриваясь, я лежала на одеялах на нашем берегу в окружении вещей, и даже еще не совсем стемнело, значит, пробыла без сознания совсем недолго.

— Это все из-за тебя! — рывкнул Сын Леса, тряся передо мной указательным пальцем. — Нужно было хотя бы предупредить, прежде чем магию использовать!

— Он не был готов к такому рывку фургона вот и ударился лицом со всей силы о приборную доску, — объяснил подошедший к нам Волк и подал мне руку, помогая сесть.

— И упал в воду! — ворчливо пожаловался эльф. — А еще от твоих воплей проснулся он, — целитель ткнул пальцем в капитана, — и тут же принялся командовать. Теперь тролль с гномом чинят ось, которую ты, — он ткнул пальцем теперь в меня, — сломала своим неумелым обращением с магией!

— Ничего подобного! Ты ее сломал как раз перед тем, как я... — Мою возмущенную речь прервал жестокий приступ кашля, заставивший согнуться.

Теплые и сильные руки Ярослава обхватили меня за плечи, не давая упасть.

Когда кашель закончился, я посмотрела на ладони, которыми прикрывала рот. Они были в крови.

— Домагичилась? — нежно спросил меня Даезаэль, подавая кружку с водой. — Будешь в следующий раз знать... Если, конечно, доживешь, в чем лично я очень сомневаюсь.

— Можно ли как-то помочь Ясноцвете? — спросил Волк.

— Помочь? Я ее только что — в очередной раз, прошу заметить! — спас от смерти, а ты у меня спрашиваешь, можно ли ей помочь! Да у меня даже на себя любимого сил не хватает, ты что, не видишь, какие у меня синяки? Помочь! Вы меня совсем не бережете!

— Прости, Даезаэль, — попросила я, ласково касаясь его руки. — Пожалуйста, прости, что тебе постоянно приходится нас спасать! Мы не специально, просто так получается. Но ты у нас самый замечательный, без тебя мы бы уже давно умерли! Я хочу назвать первого сына в честь тебя!

— Меня такой детской лестью не возьмешь, — отмахнулся эльф, вставая. Но как целитель ни пытался этого скрыть, было заметно, как он доволен услышанным.

— Нашего сына будут звать Даезаэль Волк? — задумчиво спросил у меня Ярослав.

— Не будут, — успокоила я его. — Во-первых, тебе король даст другую фамилию, так как образовался новый домен, а во-вторых, я обещала рожать одних дочек.

Аристократ неожиданно тепло улыбнулся и провел пальцем по моей щеке, стирая капли крови.

— Это все неважно, — сказал он. — Ты, главное, береги себя.

Накинул на мои плечи свою куртку, нагретую теплом тела, и, взяв несколько сумок, пошел к кромке воды.

Я, немало удивленная его поведением, проследила за ним взглядом. Оказывается, у реки Тиса уже успела соорудить небольшой плот. Капитан погрузил на него сумки, закрепил веревкой, и девушка побрела на тот берег, толкая плот перед собой.

— Живее, живее шевели ногами, — крикнул ей эльф со своего наблюдательного поста

на небольшом пригорке. — Водные процедуры полезны для здоровья.

— Взял бы да помог, — огрызнулась воительница.

— У меня за этот день переработок набралось уже на неделю отпуска, а еще и производственная травма! — нудным голосом заявил эльф. — Вон, тебе Ярик поможет.

Тиса обернулась. На берегу капитан топориком деловито обрубал ветки у небольшого деревца.

— Капитан! — закричала девушка. — Зачем вы это делаете?! Вы же ранены! Вам нельзя!

Волк молча поднял голову и посмотрел на Тису. Не знаю, что она прочитала в его взгляде, но сразу сникла и снова побрела к противоположному берегу.

— Любовный многоугольник, — промурлыкал эльф. — Это так интересно! Я все жду, когда же кто-нибудь кого-нибудь прирежет.

— Зачем?

Сидеть в куртке Ярослава было тепло. Она была значительно легче, чем тролля, из мягкой кожи и просто невероятно чувственно пахла. Как здорово сейчас было бы очутиться в объятиях сильного, уверенного в себе и надежного мужчины. Наверняка он будет со мной нежен. Я посмотрела на реку. Там практически обнаженный Волк уже переправлял через реку очередную партию вещей. При каждом его движении мускулы на спине перекачивались, и казалось, татуировка волка на плечах шевелится. Зрелище было завораживающим. У меня даже кончики пальцев зачесались от желания прикоснуться к тонким шрамам на спине, обвести по контуру татуировку, расплести длинную косу, запустить пальцы в шелковистые волосы...

Я помотала головой, стукнув по лбу кулаком. О чем это я думаю? Щеки горели, в животе образовался горячий ком, а сердце билось, как сумасшедшее.

Что со мной такое? Я ведь не первый раз вижу Ярослава в таком возбуж... раздетом виде! И волосы его я уже расчесывала, расплетая прическу после бала у Сыча. Конечно, я не могла не признать, что он очень привлекательный мужчина, впрочем, как и большинство чистокровных, но такого острого желания Ярослав не вызывал у меня никогда.

Я с подозрением покосилась на эльфа. Ушастый шутник разглядывал меня, словно редкую бабочку, наколотую на иголку.

— Даезаэль, — тихонько сказала я, зная, что он все равно меня услышит, — что ты со мной сделал?

— Я тебя от верной смерти спас, — пафосно ответил эльф.

— Нет, что ты сделал, что я... мм...

— Мне, как целителю, ты можешь рассказать все, — вкрадчиво сказал Даезаэль. — У тебя какие-то странные ощущения? Ты бы хотела чего-то необычного? Я все должен знать, ведь это изменения в твоём состоянии, а оно и так нестабильное!

— Даезаэль! — Я сказала это почти шепотом и умоляюще сжала руки. — Со мной такое... такое...

Эльф подсел ближе и даже слегка наклонился, желая узнать подробности. Я резко схватила его за ухо и прошипела:

— Ты что со мной сделал, а?

— Отдай! — Сын Леса мотнул головой и легонько стукнул меня по руке. — Хочешь как лучше, а ты... неблагодарная! У меня почти все снадобья уже закончились, а исцелять тебя только магией с твоим открытым каналом — это что воду носить ситом! Я старался, поил тебя каплями, возвращал к жизни. Разве ж я виноват, что эти капли улучшают кровообращение, а заодно имеют такой интересный эффект? Губки набухли, в животе тепло...

— А капитана ты ими тоже поил? — перебила я описание побочных эффектов, и так все прекрасно чувствуя.

— Зачем его поить? Если ты вдруг на него накинешься, он, думаю, совсем не будет против. Он же твердо намерен исполнять любую твою прихоть, чтобы ты до свадьбы опять

не передумала.

Сказав это, эльф обиженно надул губы и сцепил руки на животе, перебирая пальцами. «Не цените вы меня, а я ради вас надрываюсь!» — говорила его поза.

— Даезаэль, извини меня, пожалуйста, я сегодня то и дело тебя обижаю! — проникновенно сказала я, правильно расценив его молчаливый намек. — Я из-за последних событий совсем соображать перестала, веду себя просто ужасно. Готова сделать все, чтобы искупить свою вину!

— Все? — заинтересовался эльф.

Испуганная его явным энтузиазмом, я тут же поправилась:

— В рамках приличия и обоюдного желания!

— Пффф... — Даезаэль отвернулся. — Не буду я вас больше исцелять, все, буду трястись над своими синяками!

— Хорошо. — Я подумала о том, что нам еще нужно доехать до замка ульдона и что эльф действительно постоянно заботится о нашем здоровье. Целителя срочно требовалось ублажить. — Что ты хочешь?

— Первую ночь! — Он повернулся ко мне с горящими от возбуждения глазами.

— Чего?.. Об этом с Ярославом договаривайся...

— Да не участвовать я хочу, глупая женщина, посмотреть хочу! Я еще никогда не видел, как это происходит. Не в смысле вообще — это я видел и участвовал и... ладно, не будем об этом. А вот первая брачная ночь у благородных... Наверное, у вас там ритуалы есть какие-то особые, слова...

— Ты извращенец, — устало сказала я.

— Я — ученый! — возразил он. — Если что-то пойдет не так или ты ребенка не сможешь выносить, к кому вы побежите? Ко мне! Так лучше знать начало, чтобы потом успешно разобраться с последствиями!

— Мы не к тебе побежим, а к магам Дома, — возразила я.

— Зная Ярика, могу тебе со стопроцентной гарантией заявить, что побежите вы ко мне, проверенному и квалифицированному целителю, досконально знающему особенности вашего организма и к тому же не имеющему возможности разнести по всему Дому сплетни о ваших проблемах!

Мне пришлось признать, что эльф прав.

— И куда же я тебя дену в первую брачную ночь? На балдахин кровати сверху посажу?

— Мне нравится, что ты согласилась и уже начала планировать *нашу* совместную незабываемую ночь! — Даезаэль прищелкнул языком. — Надеюсь, что у Ярика ничего не отвалится, когда я в самый пиковый момент скажу ему «бу!», а потом — «ах, ах, упал? Но это твоя жена мне разрешила!».

Я закрыла лицо ладонями, содрогаясь от смеха. В то, что Даезаэль может такое учинить, я верила безоговорочно, и мне даже было интересно посмотреть на лицо Ярослава в тот самый «пиковый» момент.

Смех перешел в кашель, и на этот раз рядом не было Волка, чтобы помочь мне справиться с приступом. Эльф, изо всех сил стараясь больше не перерабатывать, снова ограничился только подачей мне фляги с водой.

На этот раз мне понадобилось куда больше времени, чтобы прийти в себя.

— Не нервничать. Не переутомляться. Не смеяться. Не раздражаться, — продекламировал эльф. — Иначе ты просто не доедешь до замка ульдона. И домен помашет Ярославу на твоей могиле крылышками бесплотного призрака. Но ты не волнуйся, я ему уже об этом сказал. Чувствуешь заботу? — Даезаэль кивнул на куртку Ярослава, в которую я до сих пор куталась.

— Ясноцвета, — надо мной наклонился тролль, — хватайся за шею. Мы уже перевезли все вещи и отремонтировали фургон. Сейчас тебя переправим и поедем.

— А... — Я немного наклонилась, чтобы выглянуть из-за тролля и найти взглядом Ярослава. Как он отнесется к тому, что Драниш меня будет нести на руках? Но уже было так

темно, что я даже не увидела противоположного берега.

— Ярик разрешил, — с грустным смешком сказал тролль. — Точнее, он настоял на этом, потому что очень о тебе волнуется, а сам, к сожалению, не в том состоянии, чтобы носить кого-то на руках.

— А кто меня на руках отнесет? — закапризничал эльф.

Тролль устало вздохнул:

— Тебе это очень нужно или ты все же ногами через реку перейдешь?

Даезаэль закатил глаза, но промолчал.

Я протянула руки к троллю. Он бережно-бережно поднял меня и прижал к себе. Его походка была такой осторожной, что я даже не поняла, что мы вошли в воду.

— Почему ты себя совсем не бережешь? — внезапно спросил Драниш. — Опять обратилась к магии Дома! Или ты не знала, чем это тебе грозит?

— Почему же? Очень хорошо знала, но я хотела помочь вытащить фургон на берег и сделала все, что смогла, — ответила я, уютно устроив голову на его груди.

— Фургон бы выехал и сам, — сказал тролль.

— Но я слышала, как сломалась ось!

— Она треснула, — поправил меня Драниш. — Как раз бы ее на последний рывок хватило. Ну, в крайнем случае, мы бы просто дошли пешком до замка ульдона, взяв минимум вещей.

— И нас бы по дороге съели волкодлаки?

— Вовсе нет. На той стороны реки власть ульдона безгранична, поэтому нас никто бы не тронул.

— Да-а-а? А я думала... и Даезаэль сказал...

— Эльф всегда сгущает краски, — усмехнулся Драниш. — Но это совсем не повод унывать. Ну-ка, улыбнись! А то что-то ты совсем духом упала.

— Я просто устала. Очень устала. И конца-края не видно нашим неприятностям, а у меня уже нет сил. Совсем нет сил. Совсем-совсем. Даже улыбнуться.

— Знаешь, — голос тролля потеплел, — я был совсем еще малышом, когда мне впервые пришлось убить. Меня тогда в схватке очень сильно ранили. А у мамыши был один метод лечения — плеснуть водки на рану, прижечь головней или зашить. И водку внутрь. И я тогда единственный раз в жизни сказал, точнее, завопил, что лучше бы я умер. А мамаша мне такой подзатыльник отвесила, что чуть голова не оторвалась, и сказала: не ты себе жизнь дал, вот и живи, пока Пахан ее не заберет. Ему виднее, зачем тебе эти страдания, но он всегда даст на них сил! Пахан всегда справедлив.

Я представила маленького шестилетнего мальчишку, на дом которого напало враждующее племя и который был вынужден защищаться, убивая и видя, как гибнут его близкие. Я представила маленького черноволосого тролленка, плачущего от боли и ужаса, пока его мать ковыряется в открытой ране, а вместо утешения отвешивает подзатыльник. И этот ребенок вырос во взрослого, невероятно сильного и милосердного мужчину, который всегда умеет найти нужные слова.

— Ты прав во всем, — сказала я. — Моей силы хватает только на принятие глупых и необдуманных решений и храбрые мысли «а вот я бы...». А потом... Я такая жалкая... Отец бы...

— Меньше думай об отце, — посоветовал тролль. — И не совершай больше глупостей. Иначе ты потеряешь все мое расположение.

Мне нечего было на это ответить. Не уверять же Драниша в том, как мне важно его мнение. Он и так об этом знает, да и что изменится от моих слов? Поэтому мы в молчании дошли до фургона, в котором Драниш осторожно разместил меня на чьих-то одеялах и присел рядом, помогая устроиться поудобнее.

— Как вы, Ясноцвета? — Ярослав наклонился надо мной, загородив тусклый свет лампы. — Потерпите еще немного, скоро мы приедем к замку ульдона, а там, я уверен, должен быть целитель. Я вынужден вас покинуть, чтобы управлять фургоном.

— У вас получится? — слабым голосом спросила я. — Там же темно.

— Драниш мне поможет, — ответил Волк. — Должен вам напомнить, что накопителя у нас нет и фургоном может управлять только маг. Поэтому, как бы мне ни хотелось быть с вами рядом, я должен вести повозку.

— Ничего страшного. — Я выдавила из себя улыбку. Заботливый Волк, даже если его поведение было продиктовано заботой исключительно о будущем домена, меня пугал.

Капитан кивнул и ушел. А Драниш поправил на мне одеяло и улыбнулся:

— Ну что, Ясноцвета, ты доживешь до замка ульдона? Смотрю, даже заулыбалась.

— Да, — кивнула я. — Доживу.

Фургон тронулся, когда в него влез мокрый и злой эльф, тащивший одеяла, на которых я лежала на берегу.

— Где Персик? — рявкнул он. — Я хочу сорвать на нем свое плохое настроение!

— Обойдешься, — глухо пробормотала куча баракла в углу фургона. — Вон у тебя Ясноцвета для опытов есть.

— На пациентах срываться — последнее дело. — Даезаэль подошел к гномьему убежищу и слегка пнул его ногой. — Ты что здесь устроил? Что это за бардак?

— А ты не командуй! — Куча заворочалась и немного уменьшилась в высоту. — Я отдыхаю в окружении любимых вещей!

— Ты деградируешь, Персик! — заявил эльф, снимая с себя мокрую одежду. — Желание закапываться в норки из опавших листьев присуще сусликам и барсукам, а не разумным существам.

— Это не опавшие листья! — обиженно раздалось из кучи.

— Какая разница — опавшие листья или вытащенные из сундука вещи? Ты просто используешь доступный материал, как животное, движимое инстинктами, вот и все.

Гном что-то обиженно проворчал, однако из своего убежища не вылез. Даезаэль немного постоял задумчиво, почесал спину между торчащими лопатками и нырнул к гному в кучу одежды. Персик заверещал, как поросенок, и вскочил на ноги, разбрасывая в разные стороны свитера и связанные заботливой мамочкой утепленные подштанники.

Пока он возмущенно тряс кулаком, не в силах промолвить ни слова, из изрядно уменьшившейся кучи высунулась рука эльфа, нашарила на полу несколько свитеров и затащила их обратно.

— Что у вас творится? — с крыши сначала свесилась голова Тисы, а потом девушка, заинтересованная происходящим, спрыгнула вниз.

— Он!.. Он!.. Он!.. — возмущенно задышался Персик. — Он! Он сказал, что я деградирую! Деградирую в суслика!

— Или барсука, на выбор, — добавил к его возмущенной речи ехидный голос эльфа.

— А потом! Залез ко мне на постель! И начал! Начал! Начал...

— Начал что? — всерьез заинтересовалась Тиса.

— Целоваться!!! — завопил гном, остервенело вытирая щеки. — Целоваться! Он же знает, что я берегу себя для единственной! Он надругался над моими чувствами!

— Опять, — довольно уточнил эльф.

Тиса расхохоталась, а я изо всех сил старалась сдержать рвущийся наружу смех, помня о приступах кашля.

— Ты дурачок, Персик, — насмевшись, сказал девушка. — До суслика тебе, конечно, далеко, но нужно было ему коленом между ног залепить, за уши дернуть — да все, что угодно, только не отдавать ему свою уютную и теплую норку. Он же просто погреться хотел!

— И что мне теперь делать? — растерянно спросил гном. — Пинать уже поздно, или еще можно?

— Я тебе пну! — злобно рявкнул эльф. — Иди на крышу, звездами любуйся!

— Тиса! — воззвал к помощи Персик, но девушка развела руками и снова рассмеялась.

Тогда Персиваль сел рядом со мной, трогательно обхватив колени руками, и стал жаловаться на жизнь:

— Я ведь тоже устал, не только этот ушастый работает! Я снова ось ремонтировал, а ведь это очень тяжело! И еще я помогал тащить фургон! И это были мои вещи! Моя идея сделать из них домик! А он! Он! А я ведь уже смелый, я умею волкодлаков убивать! Я бы никогда и ни за что не отдал ему нагретое место, если бы он не начал целоваться! Ты должна меня понять, ведь ты тоже придерживаешься правил приличия. И теперь капитан не может тебя ни в чем упрекнуть, кроме Драниша, конечно, но все равно. И я тоже хочу, чтобы моя единственная получила меня целиком, беспорочного, а поцелуй эльфа...

Сначала я просто кивала в такт его прочувствованной речи, а потом задремала, но увлеченный гневной тирадой Персиваль, кажется, этого не заметил.

Я проснулась от шума. Прислушавшись к крикам команд, скрипу и грохоту, который ни с чем нельзя было перепутать, — к звукам опускающегося подъемного моста замка, я поняла, что мы наконец-то приехали в гости к ульдону.

Фургон прогрохотал по деревянному мосту, потом колеса застучали по мощеной мостовой.

Тиса и Персиваль убежали на козлы смотреть, а Даезаэль принялся прихорашиваться, даже достал из сундука со своими вещами запасной парик, поправил заплетенные косички и тщательно спрятал под него свои истинные золотистые волосы. Выглядел наш целитель сейчас почти так же, как в день нашей встречи, только разве что был намного худее, и под глазами залегли глубокие тени от усталости и магического истощения.

— Ясноцвета! — в фургон ворвался Волк. — Тиса вам поможет привести себя в порядок. Вы позволите перебрать ваши вещи, чтобы найти что-нибудь более подходящее к данному случаю, чем то, в чем вы сейчас одеты?

Не дожидаясь ответа, Ярослав взобрался на крышу, а воительница усадила меня ровно, мало заботясь о моих ощущениях, и принялась расчесывать мои волосы, нещадно дергая пряди. Я молчала, стоически сохраняя доброжелательное выражение лица. Если девушка надеялась, что я буду стонать или попрошу оставить себя в покое, то она просчиталась.

Драниш потоптался рядом, глядя на нас, вздохнул и тоже отправился искать чистую одежду.

К тому времени, как в фургон спустился Ярослав, несущий в охапке свою и мою одежду, у меня уже были заплетены две косы, которые начинались от висков — самая простая прическа благородной девушки и, наверное, единственная, которую смогла освоить Тиса. Волк одобрительно кивнул и, кинув в воительницу моими вещами, задернул занавеску, отгораживая нас от переодевающихся мужчин.

Я молча выдержала процедуру переодевания, мечтая о том дне, когда я смогу с чистой совестью навсегда освободиться от «заботы» верной служанки Волка.

Так хорошо вся наша группа королевских посланников не выглядела уже очень и очень давно. Если бы не следы усталости и скудного питания, которые были видны на всех без исключения, можно было подумать, что у нас не служба, а праздник.

Опираясь на руку Ярослава, я вошла в замок. Следом за нами шел торжественно-мрачный Даезаэль, по лицу которого было понятно, что ничего хорошего от пребывания во владениях ульдона он не ждет и поэтому заранее готов ко всем испытаниям, и хмурый Драниш, рука которого то и дело тянулась к мечу. Когда я обернулась, он послал мне ободряющий взгляд и даже выдавил из себя улыбку.

Тиса была настороженной и шла походкой, очень напоминающей кошачью, словно боялась, что из-за угла на нее кто-то накинется. А вот Персиваль топал с открытым ртом, по-детски непосредственно разглядывая все вокруг.

А посмотреть действительно было на что.

Народная молва (которой и я верила, честно говоря) предписывала ульдонам жизнь, совершенно отличную от человеческой, вплоть до купания в ванной с кровью невинных младенцев, которых воруют с приграничных территорий нашего Чаянского королевства. Согласно слухам, по коридорам замка бегают волкодлаки с оскаленными пастьми, а самая разнообразная нечисть предается самым разнузданным оргиям прямо в тронном зале.

Однако действительность оказалась весьма далекой от рассказней. Внешне замок был небольшим, аккуратным трехэтажным строением, а мощный камнями двор, в котором нас встречали слуги, одетые в ливреи, ничем не отличался от подобных дворов в человеческих замках. От массивных входных дверей начиналась небольшая, но широкая лестница ступенек на десять, ведущая в огромный, хорошо освещенный сотнями факелов зал, окруженный колоннами из черного гранита. Двери комнат — самые обыкновенные, деревянные, и даже неокрашенные — на втором и третьем этажах выходили на галереи, украшенные резными деревянными перилами. Справа от двери в нише за колоннами стоял длинный стол со множеством стульев. Неужели ульдон ужинает здесь со своими домохозяевами? Или у него часто бывают гости?

Сам ульдон сидел в конце зала в большом, удобном кресле, стоящем на возвышении, покрытом черной блестящей тканью с искусно вышитыми звездами.

— Подходите поближе, гости дорогие, — приглашающе махнул рукой ульдон. — Я скрыл свою ауру.

Когда мы приблизились, хозяин замка встал с кресла и церемонно поклонился:

— Тар Уйэди к вашим услугам. Рад, что вы заглянули.

— Ярослав Волк. — Капитан изящно склонился в поклоне, одновременно не унижающем его достоинство и выражающем уважение к ульдону. — Это... — Громкий хлопок дверей прервал его слова, однако Ярослав даже не поморщился. — Это моя невеста, Владетельница Ясноцвета Крюк. Прошу простить нас, к сожалению, она не может выразить вам свое почтение, ибо очень больна.

Я была благодарна Волку за эти слова, потому что сомневалась, что смогу поклониться и не упасть при этом.

— О, я вижу, — кивнул Тар Уйэди. — Магия из вас так и хлещет, Сиятельная Ясноцвета. В нашу последнюю встречу вы выглядели куда лучше. Но ничего, я смогу сделать из вас счастливую невесту.

— Невесту? — переспросил за нашими спинами голос, от которого мое сердце сначала замерло, а потом рухнуло вниз. Я зашаталась. Ярослав схватил меня за руку и обеспокоенно заглянул в лицо, готовый в любую минуту подхватить на руки. — Как она может быть невестой Волка, если она моя жена?

Медленно-медленно, чувствуя себя хрупкой, словно тонкий ледок под весенним солнышком, я обернулась, чтобы увидеть самое любимое, самое дорогое лицо для меня в этом мире.

Лицо моего законного мужа, Жадимира Ножова.

Жадимира, которого я уже два года считала умершим, но который сейчас стоял передо мной в прекрасном здравии, со вкусом одетый и даже хорошо упитанный. Его светлые пушистые волосы, которые я так любила перебирать пальцами, были заплетены в обычную косу аристократов, и из нее, как всегда, выбилось несколько завитков, напоминающих перышки.

Улыбка Жадимира вспыхнула перед моими глазами, словно взрыв магического шара, и мир стал невыносимо ярким.

ГЛАВА 10

Читать романы? Зачем? Жизнь куда интереснее всего, что можно придумать!

Специалист по жизненным драмам Даезаэль Тахлаэльбар

Это было необыкновенное чувство, корнями уходящее куда-то в детство. Я лежала на большой, мягкой кровати, под пушистым и невероятно теплым одеялом. Над кроватью был бархатный балдахин темно-зеленого цвета с желтыми кистями. Я потянулась, нежась, и тут с удивлением поняла, что у меня впервые за долгое время ничего не болит и движения

приносят только удовольствие. Я от души потянулась еще раз, раскинув руки, и тут же наткнулась на чье-то тело. Резко села, прижимая к себе одеяло, чтобы прикрыть наготу, и осторожно повернула голову.

Повернувшись ко мне спиной, на второй половине кровати мирно спал, закутавшись в одеяло по шею, золотоволосый мужчина. Сначала мое сердце пропустило один удар — неужели это?.. Но потом я увидела кончик острого уха и вздохнула с облегчением. Конечно, мне все показалось. Быть такого не может, чтобы я видела воочию собственного супруга, он же давно умер! Наверное, это все истощение, магическое и физическое, плюс новые впечатления так повлияли на мой разум. Был бы жив Жадимир и если бы он действительно находился в замке ульдона, он вряд ли бы позволил, чтобы со мной в постели спал какой-то эльф, пусть даже и целитель.

— Даезаэль! — негромко окликнула я. — Просыпайся!

Сын Леса пробурчал что-то невнятное, но, судя по всему, ругательное и натянул на макушку одеяло. С другой стороны одеяла на свет показались две розовые пятки.

Я повернула голову в другую сторону. На углу подушки лежали ножны с кинжалом. Моим старым кинжалом, с рубином в рукояти. Это могло многое значить, а могло не значить ничего. Я решила оставить разрешение этого вопроса на потом.

Я встала с кровати, радуясь ощущениям, которые дарило чистое и здоровое тело. Рядом стояло глубокое кресло, обитое бархатом, а на нем — пушистый халат. Я закуталась в него и подошла к окну, чтобы распахнуть портьеры.

Слабый солнечный свет, до сих пор пробивавшийся в комнату через узкую щель между шторами, хлынул в комнату, играя золотыми бликами на обоях. Комната была роскошной, отделкой ничуть не уступающей комнатам в замке отца.

Я выглянула во двор. При солнечном свете он выглядел таким же мирным и обычным, как и ночью, и все так же ничем не отличался от обычного замкового двора богатого аристократа.

Но все же это выглядело слишком непривычным для поместья пограничного региона, с которым только два месяца назад закончилась затяжная война. Ни следов атак и осад замка, ни следов поспешного ремонта. Все смотрелось так, будто это замок в центре процветающей страны, давно не знавшей никаких проблем.

Я посетила роскошную ванную, потом побродила по комнате, перебирая пальцами ног ворсинки ковра. Это было так приятно! Только проведя несколько лет практически в нищете, попутешествовав почти два месяца в фургоне, я поняла, от чего когда-то добровольно отказалась. Иногда комфорт может заменить даже счастье. Впрочем, большинство людей так и живут, заменяя комфортом существования собственно жизнь.

Вдруг в дверь постучали. Я направилась было открыть, но меня остановило шипение, раздавшееся с кровати:

— Куда? Ложись обратно!

Я обернулась. Даезаэль стоял на кровати, как капитан корабля на мостике, и махал мне рукой, другой приглаживая волосы.

— Халатними! — Он ловко перепрыгнул с кровати в кресло, которое жалобно крякнуло, и протянул ко мне руки.

Два года назад от этой фразы я бы упала в обморок от смущения и возмущения. Два месяца назад я бы долго взвешивала «за» и «против». Сейчас я не колеблясь сунула халат в руки эльфу, который тут же в него завернулся, и нырнула под одеяло.

— Ты — тяжело больна и без сознания, — проинструктировал меня Даезаэль.

Я послушно прикрыла глаза, оставив тоненькую щелочку между веками.

Целитель не спеша открыл дверь.

— Что так долго? — раздался встревоженный голос Ярослава.

— Я спал, — буркнул Даезаэль. — У меня была трудная ночь. Вы ведь хотите, чтобы с вашей любимой, невестой и женой все было в порядке?

В комнату вошли ульдон, Драниш, Ярослав и... мое сердце сначала замерло, а потом

заколотилось так быстро, что я испугалась, что оно лопнет... мой уже-не-умерший супруг. Я изо всех сил сохраняла умиротворенное выражение лица. Отец был бы мной доволен.

— Как она? — спросил Волк.

— Как и должна быть, — расплывчато ответил целитель. — Причин для беспокойства нет.

— Что ж, господа, визит окончен, — проговорил Тар Уйэди. — Пойдемте, не стоит утомлять больную.

— Выздоровливающую, — поправил Даезаэль. — Но в остальном ты прав.

Он подождал, пока посетители выйдут, и запер дверь. Я открыла глаза и вздохнула. Предвкушающий взгляд любителя жизненных драм мне совершенно не нравится. Еще вопрос, где бы я себя чувствовала уютнее: в лесу, кишашем волкодлаками, или один на один с эльфом, дорвавшимся до тщательно скрываемых тайн прошлого. От волкодлаков хоть на дереве спрятаться можно.

— Ну что ж, Ясноцвета. — Целитель удобно устроился в кресле. — Я готов.

— К чему? — спросила я, пытаюсь оттянуть момент истины.

— Милая моя, не стоит казаться глупее, чем ты есть на самом деле, — плотоядно улыбнулся Даезаэль. — Ты же прекрасно понимаешь, что я хочу услышать все, и с самого начала.

— Тогда почему ты приказал мне притвориться перед Волком? Уверена, что он хочет того же самого.

— О, конечно же хочет! Так хочет, что наш мудрый хозяин развел всех твоих возлюбленных по разным камерам в подвале и там запер. Чтобы не поубивали друг друга в попытках выяснить, кто первый будет с тобой спать. И, пока они там за решетками сидят, я на их месте. Здорово, правда?

— Что? — переспросила я. — О чем ты говоришь? Пока я лежу тут, в шикарной комнате, они в тюрьме? За что?

Даезаэль тяжело вздохнул, сообразив, что ему придется рассказывать первому, иначе я буду переживать за сидящих в подвале и все равно толком ничего не смогу поведать.

— После того как ты свалилась в обморок, ульдон приказал отнести тебя в эту комнату. Пока мы поднимались сюда по лестнице, между твоим мужем номер один, предполагаемым мужем номер два и наиболее вероятным мужем номер два начались мелкие стычки. Поэтому ульдон приказал слугам развести их в разные комнаты, окружить всем возможным комфортом, дать вдоволь питья и еды и запереть. И пока мы тут самоотверженно спасали твою жизнь, Драниш напился, разнес всю комнату, сломал дверь и пошел бить морду твоему мужу номер один. Вот и пришлось нашему гостеприимному хозяину посадить горячих мужчин в камеры. Не волнуйся, он им даже одеяла выдал. И сюда водит на экскурсии два раза в день.

— Сколько времени я была без сознания? — Чем дольше я вылеживаюсь в кровати, тем большего градуса достигнет ярость Ярослава. Как же, благородный аристократ, который уже было получил домен в свои руки, оказывается мало того, что с носом, да еще и в тюремной камере! Он меня убьет!

— Третьи сутки, — довольно сказал эльф.

Я не пыталась скрывать эмоции, которые меня обуревали, и он пил их, словно вкуснейший нектар.

— Что-то быстро я стала себя хорошо чувствовать, — удивилась я.

— О, это ульдон. — В голосе целителя проскользнули явные завистливые нотки. — Ему доступна такая магия, которая вашим магам даже и не снилась! А я все подсмотрел, теперь буду тренироваться, когда ты или Ярик в очередной раз помирать будет. Правда, результат не гарантирую, но ведь нужно на ком-то новые знания отрабатывать? А потом вернусь домой и...

Он немного помолчал, мечтательно глядя на свои ладони.

— Ну что, ты все, что хотела, узнала? — спросил он.

— А как Тиса и Персиваль? — из вежливости спросила я, хотя, признаться честно, их судьба меня волновала меньше всего.

— Персик отъезжает, а Тиса живет под дверями камеры Ярика. Теперь она тебя не любит еще больше, чем раньше. — Эльф сказал это с нескрываемым удовольствием.

— Догадываюсь, — кивнула я. Теперь лучше не оборачиваться к Тисе спиной, особенно учитывая то, что защита Ярослава-жениха на меня теперь не распространяется.

— Рассказывай, — потребовал эльф.

— Это долгая история, и я еще никому ее не рассказывала, — предупредила я. Я этого не хотела, но потребность выговориться у меня все же была, и немалая. Тяжело все время носить в себе груз трагических событий и фатальных ошибок.

— Никому, кроме Чистомира, — возразил Даезаэль.

— Нет. — Я подложила себе под спину подушку со второй половины кровати и села, обхватив согнутые ноги руками. Так я казалась себе маленьким, но сильным комочком. Как в материнской утробе. Ты еще совсем крохотный, но уже готов бороться за свою жизнь всеми доступными способами, иногда даже убивая свою мать. Не со зла, а просто потому, что не можешь сдаться. — Чистомир почти все выяснил сам, а потом ему было достаточно задать только несколько вопросов, чтобы составить полную картину.

Даезаэль подбодрил меня движениями бровей. Я грустно улыбнулась и начала.

Три года назад я поехала с родителями на бал в домен Ножа. Отец недавно успешно женил Пребыслава и теперь надеялся так же выгодно выдать замуж меня, и этот бал, куда собирался весь аристократический свет северной части королевства, был прекрасным местом для того, чтобы заняться подбором женихов.

Меня, если честно, бал и выбор суженого волновали мало. Я была уверена, что люблю Чистомира и что больше мне никто в этой жизни не нужен. Но мой отец молодого Дуба страшно ненавидел, и его начинало трясти, стоило только услышать имя «этого хлыща». Как раз недавно Владетелю Крюку шпионы донесли, что я встречалась с Мириком и даже посмела веселиться с ним на деревенском празднике, а потом удалилась в неизвестном направлении. Трудно описать бурю, которую я выдержала. Отец от избытка чувств даже несколько раз стукнул кулаком по ручке кресла, на котором сидел, хотя из себя выходил крайне редко. Это произвело на меня неизгладимое впечатление, хотя покаяться так и не заставило — все же не зря папа частенько говорил, что упрямством я пошла в Крюков в отличие от Пребыслава, который обладал куда более мягким характером.

Как бы там ни было, на бал мы ехали в ледяном молчании. Мы с отцом друг на друга не смотрели, а мама всегда боялась вступать между нами, тем более что — я это знала — удалой красавец Мирик ей всегда нравился. А кому не понравится тот, кто ради встречи с твоей дочерью готов взобраться по каменной замковой стене, да еще и проделать это так, что никто не заметил? Мирик как вежливый и воспитанный парень сначала заглянул в ее окно и поздоровался, а потом уже полез ко мне.

Многодневные балы у Ножей всегда отличались роскошью и были знамениты огромным количеством заключенных на них союзов. Для участия в празднествах приезжали даже с юга. Родителям перзрелых девиц на выданье ради успешного брака своей кровинушки не тяжело было две недели трястись по дорогам королевства.

После приезда на бал я почти сразу потеряла родителей из виду: меня закружила в вихре развлечений молодежь, пока старшее поколение степенно и размеренно решало судьбы и планировало будущее.

Однажды днем, когда мы с подругой гуляли по парковым дорожкам, я увидела *его*.

Он сидел на бортике фонтана, задумчиво глядя в воду. Длинные, как у всех благородных, волосы против всех правил были распущены и свободно развевались от легкого ветерка. Солнечные зайчики играли на пушистых золотистых прядях и путались в длинных черных ресницах, оставляя на щеках тени. Лицо парня было очень и очень красивым, немного необычным для точеных черт аристократов. Высокие, острые скулы

благородных смягчались, нос был небольшой и аккуратный, полные губы были полураскрыты, только подчеркивая редкую для наших краев круглолицость. Ворот белой шелковой сорочки был не завязан и виднелась грудь, обычная мужская грудь, покрытая золотистым пушком, но меня как будто ударили в живот чем-то большим и горячим. Несмотря на холодную погоду, куртка парня была просто наброшена на плечи, совершенно не скрывая фигуры.

Я замерла на дорожке, не в силах отвести взгляда от молодого человека.

— Что ты? — потянула меня за руку дочка Ножа, Звонкорада. — Пойдем.

— Кто это? — прошептала я.

Она проследила за моим взглядом.

— А! Это Жадимир Ножов. Не обольщайся его именем, это сын моей двоюродной тетки, и родителям разрешили дать ему такое имя в честь заслуг перед отечеством старика Ножова. Он далеко не благородный, и вообще... Что? Познакомить тебя с Жадимиром? Только ты ничего себе не придумывай, он девушками не интересуется, все в облаках витает.

— Я ничего не придумываю, — запротестовала я, но предательская краснота залила щеки и даже шею. — А он что, из *этих*?

В кругу девушек ходили щекочущие нервы слухи о некоторых молодых мужчинах, которые устраивали тайные вечеринки, на которых предавались запрещенным утехам. Что такое запрещенные утехы, никто из нас не знал, но это так волнующе звучало!

— Да нет, — махнула рукой Звонкорада. — Просто мечтатель. Такой не от мира сего. Правда, знает десять или одиннадцать языков. Жадимир, познакомься, это ее Сиятельство Ясноцвета Крюк, младшая дочь Владетеля Крюка. Это господин Жадимир Ножов.

Жадимир медленно, словно приходя в себя после долгого сна, затрепетал ресницами и посмотрел на меня пронзительно-голубыми глазами, которых не было у чистокровных аристократов. Вскочил с бортика фонтана и изящно поклонился. С этого момента я окончательно поняла, что пропала навсегда.

Согласно этикету, я должна была только кивнуть и потянуть руку для поцелуя. Хорошо, что не нужно было делать реверанс, иначе я бы просто упала — такими ватными сделались мои ноги. Я протянула Жадимиру дрожащую руку, и от его прикосновения теплыми губами к кончикам моих пальцев в меня словно ударило молнией.

Звонкорада посмотрела на нас, пожала плечами и убежала, а я осталась на маленькой площадке возле фонтана, словно заколдованная.

О чем мы тогда говорили с Жадимиром, не помню, все как будто плыло в золотистом тумане.

Вечером, после ужина, мы танцевали вместе, и еще ни один партнер, кроме Чистомира, так меня не чувствовал и не вел так в танце. Мы словно были одним целым и не танцевали, а плыли или летели по воздуху. Такого счастья я еще никогда не испытывала.

Днями мы вместе с Жадимиром бродили по парку, ночами — танцевали и расставались только на время сна и приема пищи — мое положение было куда выше, чем положение обедневшего аристократа, пусть даже и не очень дальнего родственника Владетеля.

Отец вызвал меня на серьезный разговор через три дня.

— Жадимир не тот человек, которого я бы хотел видеть в роли своего зятя, — прямо сказал он.

— Зятя? — удивилась я. — Отец, но я даже не думала...

— Ты, может, и не думала, но я прекрасно вижу, к чему все идет. Собирайся, мы едем домой.

Я покорно согласилась и даже не успела попрощаться с Жадимиром. Но во время пути домой, когда я попробовала привычно подумать о Чистомире, перед моими глазами появилось лицо Жадимира в обрамлении пушистых золотистых локонов, которые всегда выбивались из тугой косы.

А через два дня я начала неимоверно скучать. Мне не хватало его голоса, прикосновений его рук, его запаха, его взгляда... Я потерянной тенью бродила по коридорам

замка, и любое дело валилось у меня из рук, аппетит совершенно пропал, и даже няня вызывала только раздражение.

Глядя на это, мать как-то уговорила отца сменить гнев на милость, и к нам приехал Чистомир. Однако даже друг детства не смог развеять моей тоски.

— Что ж, — сказал он после нескольких неудачных попыток меня растормошить, — диагноз понятен. Это любовь.

— Любовь? — удивилась я. Почему-то именно так назвать мои чувства к Жадимиру я еще не догадалась.

— Любовь, — сказал Мирик и печально вздохнул. — Знаешь, а я ведь ревную. Не знаю, как я смогу отдать мою любимую Милку в руки какого-то мужика, пусть даже он и вызывает в твоих глазах такое сияние.

Он крепко обнял меня, уткнувшись подбородком в мою макушку.

— Скажи, только честно, что ты сейчас чувствуешь? — прошептал он.

— Я хочу, чтобы это был не ты, — честно ответила я.

— Ясно. — Мирик на миг прижал меня еще крепче, так, что стало больно, и сказал: — Не унывай. Если он испытывает к тебе те же чувства, что и ты к нему, все у вас будет хорошо.

— А если нет? — Страх сжал мое сердце. Так я не боялась даже перед грозой.

— Если нет, тебе будет больно, — с состраданием сказал Чистомир. — Но это ты переживешь, обещаю. В любом случае я хочу, чтобы ты всегда помнила о том, что я на твоей стороне и что я тоже люблю тебя.

Когда Чистомир уезжал, нанеся необходимый визит вежливости моему отцу, я даже не вышла его проводить. Я просто сидела на кровати и ждала, а чего — сама не знала.

И дождалась.

Через два дня отец вызвал меня к себе в кабинет. Я вошла, апатичная ко всему, склонилась в дежурном поклоне, только после этого подняла глаза... и увидела Жадимира.

Пространство и время каким-то образом сжались, и буквально через секунду я была уже около любимого, обвив руками его шею.

Жадимир холодно придержал меня, чтобы я не упала, и осторожно освободился от объятий. Его лицо, как и остальных присутствующих в кабинете, ничего не выражало.

— Ясноцвета! — ледяным тоном произнес отец.

Этого мне хватило, чтобы прийти в себя.

— Прошу прощения, — прошептала я виновато.

— Я хотел бы поговорить с тобой с глазу на глаз, — сказал отец.

За моей спиной раздался шорох. Низко кланяясь, Ножовы — отец и сын — вышли из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

— Беркут Ножов просил твоей руки для своего сына, — сообщил отец. (Я попыталась сохранить на лице спокойствие, но мне это не удалось. Рот так и расплывался в улыбке.) — Что ты думаешь по этому поводу?

— Я люблю Жадимира и очень хочу выйти за него замуж.

Отец отвернулся от моего счастливого и преисполненного надежды лица и долго смотрел в окно, пока я не успокоилась и мое лицо не стало способным удерживать на себе спокойную и вежливую маску.

— Как я уже сказал, — после долгого молчания произнес он. — Жадимир — это не тот зять, которого я бы хотел иметь. Однако я понимаю, что запрещать тебе сейчас что-либо бесполезно. Поэтому запомни, Ясноцвета, что у тебя есть право совершить только три ошибки. Потом, не обижайся, я буду обращаться с тобой, как с безмозглой курицей. Можешь выходить за него замуж.

— Спасибо! — Никогда в жизни я не была так благодарна отцу.

— Но!.. Я хочу выдвинуть несколько условий.

Как же без этого!

— Я на все согласна, — поспешно ответила я.

Отец поморщился, будто я была ему противна, и позвонил в колокольчик, который стоял на письменном столе.

Когда в кабинет вернулись Ножовы, отец озвучил свои условия нашего брака с Жадимиром.

— Во-первых, Ясноцвета не отдаст свой родовой кинжал. Для совершения обряда замковые маги изготовят копию.

Беркут Ножов кивнул. Было бы глупо рассчитывать на то, что Ясноград Крюк позволит старинной реликвии, которая досталась мне в результате решения магов Дома еще в день моего рождения, уйти из рода. Этот кинжал перерезал не только мою пуповину, впервые вкусив мою кровь, но и пуповины многих и многих Крюков до меня еще тогда, когда они еще даже не были Крюками, а простыми, но крайне властолюбивыми аристократами из удельного княжества.

— Во-вторых, брак будет заключен деревенским жрецом, а не магами Дома.

— Что? — одновременно крикнули мы с отцом Жадимира.

Брак, который заключил жрец, мог быть расторгнут в любой момент, причем даже не королем, а Владетелем — или его уполномоченным — того домена, на чьей территории обвенчалась пара. Только обряд брака, который совершали маги Дома, считался нерушимым, на всю жизнь, и только тогда на магическом гобелене в королевском тронном зале между нашими с Жадимиром именами протянется золотая нить.

— Да, — сказал отец. — Я согласен на брак только при таких условиях. Если через три года Ясноцвета по-прежнему будет хотеть быть женой Ножова, я позволю магам Дома их обвенчать. Естественно, что дети, рожденные в этом браке до его магического заключения, будут Крюковыми.

— Я согласна! — пропела я. Что за глупые условия! Самое главное — я буду рядом с ним, моим любимым!

— Я не согласен! — прошипел Беркут Ножов, подходя ближе к столу и нависая над сидящим отцом. — Что это за бессмысленное условие?

— Сиятельный Владетель Крюк, — подсказал отец. — Ты забыл это добавить.

— Приношу свои извинения, — процедил сквозь зубы Беркут. — Сиятельный Владетель Крюк.

— Очень даже осмысленное условие, — хищно улыбнулся отец, которого совершенно не взволновала злоба Ножова. — И ты это знаешь. Если не согласен — убирайся из моего замка. Я завтра же выдам дочь за младшего Дуба, и он быстро ее утешит.

На лице Ножова ходили желваки, а Жадимир нежно мне улыбался.

— Хорошо, — сказал, как выплюнул, Беркут.

— Сейчас подпишем договор.

Отец достал из папки, лежавшей на столе, уже составленный договор и протянул каждому из нас по экземпляру.

— Вижу, вы уже подготовились, Сиятельный Владетель Крюк, — буркнул Ножов.

— Не люблю сюрпризов, особенно неприятных, и всегда стараюсь их предугадать, — пожал плечами отец. — Я уже послал за надежным жрецом.

Так я стала женой Жадимира Ножова. Ни роскошного платья, ни гостей, ни празднеств, как во время свадьбы брата, ни оглашения соседям, но все это и не было нужно. Главное — я была рядом с любимым!

Мы отправились жить в наше южное поместье — то, где много лет назад я познакомилась с Чистомиром. Отец выделил нам приличное ежемесячное содержание, и я с помощью няни с головой окунулась в обустройство нашего быта. А Жадимир днями пропадал в библиотеке.

Он очень любил читать и обладал обширными познаниями во многих областях знаний. Его семья была очень бедной, и Жадимир большую часть своего времени проводил в поместье Ножа, где с удовольствием учился. Владетель этому не препятствовал, а с недавних пор даже начал использовать двоюродного племянника в качестве подручной энциклопедии.

Мой отец тоже вскоре оценил познания зятя и, когда приезжал к нам в гости, подолгу проводил с ним время, запершись в библиотеке.

— О чем вы говорили? — спрашивала я у мужа.

— О том о сем, — пожимал он плечами.

Я никогда не углублялась в расспросы, потому что это мне казалось далеко не самым важным в моей жизни. Самым важным были наши ночи.

Рядом с Жадимиром я была готова проводить в постели по несколько суток. Даже только прикасаясь к его волосам, проводя рукой по груди, покрытой золотистыми волосами, или бедрам, я получала необыкновенное удовольствие. А что творили со мной его прикосновения! Я таяла и плавилась от его ласк, превращаясь в жидкий огонь, то возносясь к небесам, то стремительно падая вниз, когда в животе становилось легко и щекотно.

Через четыре месяца и два дня с момента нашей свадьбы, когда я лежала в сладкой дреме в объятиях Жадимира, он неожиданно сказал:

— Я отправляюсь на войну с нечистью.

Меня будто холодной водой окатили.

— Зачем? — пролепетала я непослушными губами.

— Чтобы заработать денег, — ответил муж. — Я же мужчина и не хочу всю жизнь прожить на подачках твоего отца.

— Дорогой, но я же все-таки богатая наследница! — Я приподнялась и заглянула ему в лицо. — Я могу забрать все деньги, полагающиеся мне по праву, хоть завтра. Если тебе так противно видеть моего отца, мы можем уехать... куда угодно. Купить себе собственное поместье, и даже на новую библиотеку для тебя хватит.

— Ясная моя, дай мне возможность проявить себя! Я хочу, чтобы наши дети гордились мной, как я горжусь своим отцом. Не переживай так! — Жадимир приподнялся, толкнул меня обратно на простыни и навис сверху. Его дыхание щекотало мне кожу, и способность возражать улетучивалась с каждым миготом. — Я много знаю, к тому же аристократ. Уверен, мне достанется ответственная и денежная должность. Совсем скоро я вернусь к тебе со славой и деньгами.

Что я могла на это возразить? Как верная жена только согласиться, как бы больно ни было.

— Обещай, — попросил Жадимир перед отъездом, — что, если со мной что-то случится, ты отомстишь нечисти за меня!

— Конечно! Клянусь! — Я выхватила его кинжал, который за эти месяцы стал мне почти родным, и провела лезвием по руке, чтобы выступила кровь. — Клянусь, что я отправлюсь на войну с нечистью, если с тобой что-то случится!

— Со мной ничего не случится, — улыбнулся Жадимир своей сияющей улыбкой, которая согревала мое сердце. — Ведь меня дома будешь ждать ты!

После его отъезда родители настояли на том, чтобы я вернулась в замок, а няня поддержала их в этом решении. Еще через три месяца, когда весь мир был засыпан снегом по колено, как траурным белым покрывалом, пришло известие, что Жадимир погиб.

— Этот удар был так силен, что я едва его пережила, и несколько месяцев меня кормили с ложечки и боялись оставлять одну. Потом внезапно я очнулась и поняла, что моя жизнь еще не кончена, что у меня есть обещание, которое я дала любимому. дождалась первой грозы и во время нее сбежала из родительского дома, — закончила я свой рассказ.

Эльф облизнулся, как кот, вдоволь наевшийся сметаны.

— А зачем татуировку было сводить? — спросил он.

— Я не собиралась возвращаться домой, — объяснила я. — А по татуировке меня можно было легко вычислить, если бы отец организовал поиски. Тем более, когда я обращаюсь к высшей магии, да что там, даже когда использую свою магическую энергию в полную силу, меня легко могут засечь маги нашего Дома, как это случилось, когда я прикрывала наш фургон маскирующим заклятием в домене Сыча. Конечно, отец мог

приложить усилия и отыскать меня даже в том случае, если бы я не применяла магию, но он убедился, что обычный поиск ничего не дал, и разрешил мне совершить вторую ошибку. Поэтому я изменила внешность, взяла себе другое имя и замаскировала кинжал. Заклятие маскировки все-таки мой конек.

Эльф помолчал, переваривая услышанное, а потом с удовольствием сказал:

— Эта клятва, бегство из дома, сведение татуировки — какая все-таки феерическая глупость! Высший уровень идиотизма!

Я пожала плечами:

— Тогда мне так не казалось.

— А сейчас? — проницательно спросил Даезаэль.

Я только вздохнула. Сейчас бы я поступила совсем по-другому. Совсем. Но что зря жалеть, ведь все равно себя нынешнюю в минувшее время не вернешь.

— Одного я не могу понять. — Эльф задумчиво переплел пальцы в замок. — Как твой умерший муж мог оказаться в замке у ульдона?

— Может быть, он нежить? — предположила я дрожащим голосом.

— Нет. — Даезаэль покачал головой. — Уж нежить я чую сразу. Думаю, скорее всего извещение о его смерти было ошибкой. Может, он просто пропал без вести и потом как-то прибил к Тару Уйэди.

— Нет, такого не может быть. Мой отец после извещения провел собственное расследование, чтобы быть уверенным в этом. Ведь он бы не смог меня замуж повторно выдать! — Я вспомнила дни ожидания расследования, когда горькие слезы прерывались надеждой — а вдруг? Вдруг он жив! Я была готова принять Жадимира любым, даже калекой, лишь бы он вернулся ко мне.

В тот ужасный день отец самолично пришел ко мне в спальню и сказал:

— Надежды нет. Жадимир Ножов мертв.

Я молча осела на пол, а он подошел ко мне и положил руку на мою голову, требовательно протянув вторую. Я дрожащими руками отцепила от пояса ножны с кинжалом Жадимира. Теперь он вернется в семью Ножовых, а рядом со мной снова будет мой кинжал, с красным рубином на рукояти. Но я бы отдала полжизни за то, чтобы и дальше носить простенький кинжальчик в дешевых ножнах с гербом Ножова!

— Будь сильной, — сочувственно сказал Ясноград и ушел.

— ...Интересненькое дело. — Из воспоминаний меня вырвал голос эльфа. — Вставай и одевайся, там в шкафу что-то подходящее должно найтись. Будем выяснять правду!

Он кинул мне халат и встал на четвереньки, нашаривая под кроватью свои сапоги. В шкафу оказалось множество одежды — как моей, аккуратно развешенной кем-то на плечиках, так и чьей-то — целое отделение пышных и ярких платьев. Я достала скромный, но не унылый комплект юбки с блузой и с радостью обнаружила на нижней полке свою сумку с личными вещами. Появляться перед всеми с растрепанными волосами я не хотела.

— Ты пока одевайся, и вообще, чтобы была в лучшем виде! — Эльф потер руки. — А я пойду все приготавливаю.

— Может быть, не надо? — умоляюще простонала я. От энтузиазма Даезаэля мне стало страшно. Я была согласна выяснить все с глазу на глаз с Жадимиром и извиниться перед Ярославом. Однако целитель, в этом можно было не сомневаться, явно планировал извлечь из драмы моей жизни все возможные удовольствия. — Я хочу поговорить с Жадимиром сама!

— Не думаю, что Ярослав тебе это позволит, — заметил Даезаэль.

— Он не сможет мне это запретить, — возразила я.

— Как бы там ни было, он *твой жених*, выбранный *твоим* отцом, который был уверен, что ты вдова. — Я открыла рот, желая что-то возразить, но эльф предостерегающе поднял руку и договорил: — И он твой начальник. Если ты решишь внезапно прервать службу, чтобы заняться семейной жизнью, он должен будет об этом услышать из первых уст. И я тоже должен присутствовать при этом разговоре, потому что ты моя пациентка. Вдруг

излишнее нервное напряжение на тебя негативно подействует?

— Признайся, — вздохнула я, — что тебе просто хочется посмотреть!

— Конечно, — спокойно согласился целитель. — У каждого в жизни свои удовольствия, почему я должен отказываться от своих?

К тому моменту, как он привел Ярослава и Жадимира, я приняла надлежащий вид и даже успела усесться в кресло, попытавшись скопировать величественную позу отца во время приема посетителей.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вплыл лучащийся счастьем Даетаэль, а за ним шли мои мужчины.

— Вот, — промурлыкал эльф. — Можете спокойно разговаривать. Наш любезный хозяин взял с них обещание, что смертельно при этом разговоре никто не пострадает.

Я кивнула, глубоко вдохнула, как перед нырком в воду, и подняла глаза.

На Ярославе пребывание в камере никак не отразилось, более того, выглядел он даже лучше, чем в ночь прибытия в замок. Отоспался, отъелся и, вероятно, был качественно исцелен. Лицо его ничего не выражало. Я рискнула взглянуть в серебристо-серые глаза. Они были такими холодными, что меня пробрала дрожь. Безмолвно Волк обещал мне, что придется хорошенько потрудиться, чтобы вымолить у него хотя бы прощение, не говоря уже о том, чтобы вернуть к себе хорошее отношение.

С трудом вырвавшись из ледяного плена, я перевела взгляд на Жадимира. Мой супруг за эти годы ничуть не изменился, словно мы расстались только вчера, разве что одежда была другой. Высокий, круглолицый, почти с мальчишечьим телосложением. Если Ярослав выглядел словно поджарая, мускулистая охотничья борзая, готовая чуть что вцепиться в глотку хоть рыси, хоть медведю, Жадимир был и остался похож на комнатного терьера, который тоже умеет лаять и даже кусаться, но делает это как-то неубедительно.

Странно. В первый раз я думаю о муже именно так. Нужно признаться самой себе, что раньше я вообще о нем никак не думала. Я любила его и все. Он был для меня всем, был самым Пресветлым Богом. Почему же сейчас я подумала о нем, как о мелкой собачонке?

Голубые глаза Жадимира потеплели, встретив мой взгляд. Ножов сказал мягким тенором, который раньше заставлял меня дрожать, а сейчас не вызвал никакого отклика:

— А ты очень изменилась, Ясная моя. Я даже не сразу тебя узнал. Ты стала такой... худой. Почему ты обрезала волосы?

Я в изумлении вытаращила глаза. «Почему ты обрезала волосы»? Это его прежде всего интересовало во время встречи с женой, которую он не видел два с половиной года?

Ярослав хмыкнул. Я справилась со своим удивлением и бросила на Волка гневный взгляд. Он скривил губы, а я разозлилась. Почему меня должно волновать его мнение? Он вообще в этом разговоре третий лишний, не считая Даетаэля. Впрочем, эльфа во время выяснения отношений нельзя было сбрасывать со счетов, потому что даже одной репликой он был способен превратить крохотный уголок в пламя.

— Волосы мне мешали, — ответила я. — Скажи, пожалуйста, Жадимир, ты живой?

— Конечно, — немного удивленно проговорил он и протянул мне руку. — Можешь сама убедиться.

Я посмотрела на его гладкую, без единой мозоли ладонь и почему-то не смогла заставить себя ее коснуться.

— И ульдон не проводил над тобой никаких опытов? — уточнила я.

— Нет, — твердо ответил он.

— Тогда почему, — голос у меня зазвенел, я несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, — почему ты не давал знать о себе два года? Я думала, ты умер!

— Я боялся, — не смущаясь ответил он. — Видишь ли, твой отец хотел меня убить и даже почти преуспел в этом.

— Мой отец... что? — удивилась я.

— Хотел убить меня, — четко повторил Жадимир. — Я не понравился ему с первой встречи, и он никогда не забывал мне напомнить о том, что я недостойн его дочери. Никогда.

И он послал меня на войну.

— Я думала, ты на войну отправился по собственному желанию, — пробормотала я, пытаюсь выстроить новую картину мира, пока старая рассыпалась вдребезги. — Чтобы наши дети могли тобой гордиться.

— Да нет же, это все Ясноград, — терпеливо, словно ребенку, объяснил Жадимир. — Он часто приезжал к нам, запирался со мной в библиотеке — помнишь? — и начинал свою долгую проповедь: и недостойн я тебя. И живу я на его деньги, как последний бездельник. И что мне нужен свой источник дохода.

Три года назад я бы безоглядно бросилась защищать Жадимира, но теперь только пожала плечами, не понимая, в чем был не прав мой отец. Он все верно говорил.

— Именно поэтому он настойчиво предложил мне должность при штабе, и мне ничего не оставалось делать, как отправиться на войну. А там меня очень активно пытались убить! — воскликнул Жадимир, сжав кулаки.

— Мальчик, — презрительно сказал Ярослав, — на войне все время пытаются кого-то убить.

— Ну уж нет! Я бы согласился, если бы это были враги, но меня пытались убить наемные убийцы ее отца! — Ножов обличительно ткнул в меня пальцем.

Ярослав дернулся по направлению к Жадимиру, но я остановила его отрицательным покачиванием головы. Это мой муж, и мне с ним разбираться.

Я медленно отвела руку Жадимира от своей груди и встала. Конечно же он как и был, так и остался выше меня, но сейчас я почему-то чувствовала себя не крошкой, жаждущей объятий любимого, но дочерью Владетеля, которого посмел оскорбить никчемный аристократишка. Я размахнулась и вlepила Жадимиру оплеуху, да такую, что он покачнулся и ахнул, схватившись за голову. Да, дорогой, месяц тренировок под руководством настоящих воинов даром не проходит.

В глазах мужа было изумление и что-то еще... что-то темное, которое на миг вынырнуло откуда-то из глубины. Но у меня не было времени разбираться в этом.

— Ты забыл, с кем ты разговариваешь? — холодно спросила я. — Ты разговариваешь с Сиятельной, отца которой ты только что обвинил в попытке организовать убийство. Да как ты смел открыть свой поганный рот?! Мой отец никогда бы не нарушил своего слова! Он обещал подождать три года и он бы их дождался.

— Три года? — Ярослав вопросительно поднял бровь.

— Наш брак заключен с помощью...

— Ты не должна объяснять подробности нашей личной жизни кому попало! — прервал меня Жадимир.

— С помощью деревенского жреца, — продолжала я, демонстративно игнорирую мужа. — И только через три года, если бы я все еще хотела быть его женой, отец дал бы разрешение на магический обряд.

— Теперь понятно, почему о нем никто не знал, — сказал Волк и неприятно ухмыльнулся. — Я не «кто попало», Жадимир. Я — жених Ясноцветы, причем наша помолвка была заключена по всем правилам.

— Неправда! — крикнул Жадимир, совершенно выходя из себя. — Ее кинжал при ней!

— Я его вернул, — спокойно произнес Ярослав. — У меня есть понятие о чести.

Несказанное «в отличие от некоторых» ощутимо повисло в воздухе.

— Жадимир, почему ты не подал о себе весточку? — холодно спросила я. — Почему позволил мне больше двух лет думать, что ты мертв? Ты же знал, под каким именем я буду жить в том случае, если покину Дом, мы с тобой обсуждали это. Почему тебя не нашли люди моего отца? Он приложил много усилий, чтобы удостовериться, что ты мертв.

— Удостовериться, — с нажимом произнес Жадимир.

— Да, — согласилась я. — Удостовериться. Даже если им двигало не сочувствие к убитой горем дочери, а желание побыстрее выдать меня замуж за более подходящего, с его точки зрения, кандидата, отец все равно искал доказательства твоей смерти. И он их нашел.

— Конечно же нашел, знала бы ты, сколько труда я положил на инсценировку! — крикнул Жадимир, доведенный до бешенства и на миг утративший контроль над собой.

— Ах, та-а-ак, — зловеще процедила я, уже не удивляясь тому открытию, что я совершенно не знаю человека, которого называла своим мужем.

Мой тон заставил его опомниться. Ножов облизнул губы, и вдруг передо мной снова возник любящий золотоволосый мальчик с ясными голубыми глазами.

— Я делал это все ради нашей любви, Ясная моя, — простонал Жадимир, протягивая ко мне руки. (Я отодвинулась, когда он невзначай ко мне притронулся. Но... голубые глаза смотрели на меня так же, как и три года назад, — пронзительно, любяще, маняще. Мое сердце забилося, как сумасшедшее. А по телу пробежали искры предвкушения, которые муж всегда умудрялся высекать из меня одним только намеком на близость.) — Да, я скрывался, я прятался здесь, у этого ульдоны, который милостиво подобрал меня, всего израненного, и приютил, дав возможность строить фундамент для нашего будущего. Я теперь обладаю такими знаниями, что тебе и не снилось, Ясная моя! Мы будем богаты даже без поддержки твоего отца. Теперь наши дети будут мной гордиться! И ты тоже, ведь я же люблю тебя, Ясная моя!..

Я была готова поверить, была готова кинуться к нему в объятия, была готова забыть эти кошмарные два с половиной года, лишь бы с этого момента быть всегда рядом с ним, любимым, единственным, желанным... но что-то меня удерживало.

— Обладать знаниями — еще не значит быть хорошим мужем, Жадимир, — сказала я, усилием воли подавив зов плоти и заставив себя мыслить хладнокровно.

— Почему ты мне не веришь? — горько сказал он, и мне неудержимо захотелось прижать его голову к своей груди и погладить мягкие, пушистые волосы, успокаивая и уверяя в том, как я его люблю. Но вместо этого я просто пожала плечами. Ответа на его вопрос у меня не было. Это было просто интуитивное знание, выработанное подсознанием благодаря двум годам жизни впроголодь в крохотной квартирке и почти двум месяцам путешествия в фургоне. — Я так люблю тебя! Поверь, я буду для тебя самым лучшим мужем и прекрасным Владетелем...

Он взглянул в мои глаза и осекся. Конечно, если бы не противостояние Ярославу, для которого главным в наших отношениях был этот пресловутый домен, я бы просто кивала головой, соглашаясь, и, наверное, поверила бы Жадимиру, но его последняя фраза была для меня словно ведро холодной воды на голову.

— О, — сказала я, крайне довольная тем, что смогла сказать это нейтральным тоном, — так ты слышал о домене?

— Да. — Глаза мужа сузились. Наверное, он мысленно проклинал тот момент, когда ляпнул про Владетеля. — Про него все слышали. Твой отец в данный момент предпринимает активные поиски своей сбежавшей дочери, тем более что твоя магия была обнаружена как раз на этих территориях. Ты не забыла, что мы теперь союзные государства? Исчезновение наследницы домена относится к важным международным новостям, которые доходят даже до нашей глуши.

— Не думаю, что ты станешь хорошим Владетелем, Жадимир, — беспощадно сказала я.

— Почему? — искренне удивился он.

Я задумалась, не зная, как ему объяснить, что я чувствовала. Наверное, это было такое же чувство, как и у опытной кухарки, на глазок определяющей степень свежести мяса. Меня с рождения воспитывали как возможную Владетельницу, замену брата. А может, отец уже тогда готовил почву для разделения домена на два и именно поэтому так не хотел, чтобы я выходила замуж на Жадимира?

Эта мысль мне пришла в голову впервые, и я прокрутила ее в голове так и эдак, но потом решила обдумать на досуге.

Как бы там ни было, и меня, и Ярослава, и Чистомира воспитывали как возможных Сиятельных. Хотя методы воспитания различались, суть была одной и той же. Мы никогда

не были бедными родственниками, которых терпят из любезности или вообще не замечают. Мы никогда не были теми, кого обливают презрением слуги при одной только просьбе принести чашку чая.

Самостоятельная жизнь, во время которой мне пришлось столкнуться с самыми разными людьми, научила меня, что ощущение и мировоззрение бедного родственника практически невозможно вытравить из себя, какое бы богатство ни удалось приобрести. Можно стать просто богатым аристократом, но никак не Владетелем.

— Потому что, — прошептала я, и от пришедшей в голову мысли на миг похолодела, но все же нашла в себе храбрость, чтобы высказать ее прямо, — потому что я не хочу, чтобы ты был Владетелем моего домена.

Лицо Ножова потемнело, а Ярослав, все так же храня на лице отстраненное выражение, склонил голову набок, просто-таки пронзая меня взглядом. Даезаэль сидел на кровати, и лицо у него было, как у ребенка, впервые в жизни увидевшего фейерверк. Ну хоть кто-то из нас был счастлив!

— Я вижу, что ты изменилась значительно больше, чем я думал, жена моя, — холодно произнес Жадимир, меняясь прямо на глазах. Из безобидного терьера он превращался в уверенного в себе, умного, хитрого и расчетливого зверя. Эти перемены были пугающими, но я держалась стойко и спокойно. — Но у меня будет возможность убедить тебя в том, что ты ошибаешься.

Неуловимым движением он схватил меня за запястья, больно сжав. Я поморщилась от боли. Не думала, что в его худосочных руках столько силы!

— Я уже вижу, что ошибалась в тебе, — проговорила я, смело глядя в его глаза, которые были все так же пронзительно-голубыми, но уже не теплыми, а холодными, как небо зимой.

Неужели я была так слепа? Неужели за этого человека я вышла замуж? По нему горевала два с половиной года? Или он тогда был совсем другим и за это время его тоже обкатала жизнь?

Нет. Какой бы ни была жизнь, человек не может измениться настолько, чтобы намеренно причинять боль любимому. Жадимир сжимал мои запястья так сильно, что мог в любой момент сломать мне кости. Я из последних сил держала на лице маску равнодушной и высокомерной аристократки.

Внезапно к его шее прижался кинжал Волка. Капитану надоело быть статистом, и он решительно вмешался в события.

— Оставь Ясноцвету в покое, — ледяным тоном процедил Ярослав.

— Какое тебе дело? — огрызнулся Жадимир. — Она моя жена, и я вправе делать все, что хочу.

— Она моя невеста и находится под моей защитой, — твердо проговорил Волк. — И, если я правильно понял, согласно вашему контракту, ей совсем недолго осталось быть твоей женой. А я крайне заинтересован в том, чтобы она стала *моей* женой, будучи здоровой и довольной жизнью.

Казалось, между ними даже воздух звенел от напряжения.

Внезапно с кровати раздался смех. Оба гневно обернулись к Даезаэлю, но он замахал руками:

— Пожалуйста, продолжайте! Не обращайтесь внимания, прошу вас! Я просто не сдержался, хе-хе-хе!

— Она не твоя невеста, — прошипел Жадимир, и его прекрасные, когда-то так любимые мной черты исказила ярость. — Ты вернул ей кинжал. Помолвка расторгнута!

— Вернул, — согласился Ярослав. — Но это не значит, что я перестал о ней заботиться. И кстати, она не возвращала *мой*, я его просто взял попользоваться. Так и знал, что оружие обязательно пригодится.

Я удивленно посмотрела в серебристо-серые глаза Волка. Они были холодными, словно лед, но где-то там, за толщей льда, светило солнце, рассыпаясь бликами по

поверхности. Не отводя взгляда от этих удивительных глаз, я резко повернула руку, освобождаясь от захвата Жадимира, — уроки Драниша не прошли даром. Ножов отступил, отпуская мою вторую руку, и боковым зрением я увидела, как он прижал ладонь к шее, где кинжал Волка оставил длинную кровоточащую царапину.

А я уже протягивала Ярославу свой кинжал.

— Прошу великодушно меня простить, Ярослав, за недоразумение с моим браком. Как только мы попадем на территорию нашего королевства, уверена, я найду способ это уладить. Прошу вас позаботиться обо мне и о моем домене.

Ярослав склонил голову и принял кинжал.

— Это честь для меня. — Он отцепил ножны со своим и протянул мне.

Жадимир, глядя на это, лишь сердито засопел.

— Браво! — завопил целитель на кровати, горячо аплодируя. — На бис! Убей ее, Жадимир, она неверна тебе! Хе-хе!

— Даезаэль! — возмутилась я. — Ты за кого вообще?

— За представление, дорогая моя, только за представление! Это было хорошо! Давайте продолжение! Вы еще не все решили!

— Ничего, ничего, — проскрипел Жадимир. Сейчас он был страшен. — Еще ночь не пришла, да, Ясная моя?

Он, лаская, провел по моей ладони пальцем. Я трусливо спрятала руки за спину. Что бы я там себе ни думала и ни планировала, так, как на Жадимира, мое тело еще ни на кого не отзывалось.

Внезапно дверь моей комнаты распахнулась, и в нее влетел Тар Уйэди. Только взглянув на него, я поняла, что ульдон в ярости и совершенно не скрывает своей ауры.

— Вы!.. Вы!.. — Хозяин замка задыхался от ярости. — Вы были отвлекающим маневром! Казнить всех!

В комнату ворвались стражники. Жадимир отодвинулся от нас подальше, почти упершись спиной в шкаф.

— Я не понимаю, о чем вы? — осведомился Волк, загораживая меня собой.

Эльф спрыгнул с кровати и стал рядом с капитаном.

— Вы отвлекли мое внимание, используя свою магию! — прорычал ульдон. — А я-то дурак, вам еще помог и приютил!

— Клянусь Домом, я не понимаю, о чем вы, — так же спокойно, как и прежде, проговорил Волк, но его спина напряглась.

— Не понимаете? — переспросил ульдон. — Но как тогда объяснить ту армию, которая внезапно оказалась у меня перед замковой стеной?

— Что?! — дружно выдохнули мы. — Какая армия?

— Гм... — Тар Уйэди оглядел нас, видимо поверил нашему искреннему удивлению, и давящее ощущение могучей ауры уменьшилось. Он махнул рукой стражникам, и они опустили оружие. — Ведь не врете... Что ж, тогда приглашаю полюбоваться!

Ульдон выбежал из комнаты, и нам ничего не оставалось, как следовать за ним. По пути к замку к нам присоединились Тиса с Персивалем и Драниш, которого выпустили из камеры, как только Ярослав ушел беседовать со мной.

Мы взбежали по крутой лестнице на замковую стену — Жадимир по пути отстал — и посмотрели вниз.

Все поле перед замком было занято только что подошедшей армией. Были слышны отрывочные команды офицеров. Кажется, неожиданные враги уже перестраивались для атаки.

— Это же воины Сыча, — изумленно проговорил Драниш, указывая рукой на флаги. — Что они здесь делают?

Ответ на этот вопрос мы получили практически сразу.

— Сдавайся, проклятая нечисть! — прокричал кто-то в рупор. — Иначе мы разнесем твой замок по камешку!

— Но ведь война закончилась, — растерянно пролепетал ульдон, посмотрев нас, и я в очередной раз поняла, насколько маг-перерожденец еще молод. — Я не нарушал никаких законов. Что происходит?

Мы переглянулись. Ни у кого из нас не было ответа на этот вопрос.

ГЛАВА 11

Женщинам никогда не хватает терпения в игре в шахматы. Зато они могут часами подбирать именно тот оттенок платья, который произведет наибольший фурор среди окружающих.

Ярослав Волк об умении стратегически мыслить

— Нечисть, у тебя есть только час для принятия решения, — предупредил голос с помощью рупора, пока мы стояли и таращились на армию у подножия замка.

— Что делать? — спросил ульдон, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Защищаться, — ответил Волк.

— У меня не получится! — В голосе ульдоны проскочили панические нотки. — Этот замок не предназначен для долгой осады, разве вы не видите?

— Угу, — буркнул тролль, свесившись вниз с парапета и изучая обстановку. — Пару ударов тараном — и ворота рухнут. Как можно было такое строить на границе?

— Я не строил, — ответил Тар Уйэди, заламывая руки. — Мне этот замок достался, когда Совет решил наградить меня землями. Да тут и военных действий никогда не было.

— Как это не было? — удивился Волк.

— Не было, ну, во всяком случае, последние пять лет. Мы жили мирно, друг друга не трогая...

Мы переглянулись. Если на этих землях не было военных действий, чего же тогда боялись жители главного города домена, Сычёвска? Почему они принимали такие меры безопасности?

— Никаких стычек, инцидентов, стай неподконтрольной нечисти? — спросил Драниш.

— Да нет же! — воскликнул ульдон. — Всех своих подданных я знаю, все, кто живет на моей земле, принесли мне клятву верности, даже тот волкодлак, которого вы убили четыре дня назад! Может быть, были какие-то одиночные инциденты, как у вас в то утро, но не больше!

Как ни странно, но я ему поверила. Было заметно, что Тар Уйэди говорит правду.

— Если вы не виновны ни в чем, тогда нужно сдаваться, — влез в разговор Персик.

Тиса дернула его за руку, но гном с возмущением вырвал ее из захвата воительницы. Кажется, мы все за последнее время изменились больше, чем хотели.

— Я не могу сдать! — возразил ульдон. — Кажется, эти люди совершенно не настроены решить ситуацию мирным путем. Одно дело, если они казнят только меня, а другое дело, если они убьют всех обитателей замка. Я должен защитить тех, кто служит мне!

Мой взгляд встретился с глазами Ярослава, и между нами протянулась ниточка взаимопонимания. Мы оба знали, что хозяин должен сделать все, чтобы обитатели замка не пострадали.

— Я думала, что все они люди, — сказала я. — Зачем Сычу убивать людей?

— Люди? — удивился Тар Уйэди. — Нет, они — койладон, наш народ. Вы их зовете нечистью.

Он подошел к одному из стражников и заставил повернуть его голову так, чтобы я смогла пристально посмотреть ему в лицо.

Глаза того, кого я всего несколько мгновений назад принимала за человека, были совершенно нечеловеческими. Они были абсолютно черными, без белков — как у ульдоны, и из них шла слабая магическая сила.

— А... — сказала я и закрыла рот.

Что, в сущности, я знала о стране, в которой находилась? К стыду своему, почти ничего. Я владела несколькими языками, меня учили прекрасные учителя, но о нашем южном соседе я знала только то, что это страна нечисти, и что правят в ней ульдоны, и населена она исключительно теми, кем пугают непослушных детей. Ну, и еще я думала, что по ночам тут зомби толпами ходят. Отец считал, что мне нужно куда больше знать о Свободных княжествах, с которыми граничил наш домен, чем обо всех остальных. К знаниям мой родитель подходил сугубо практически.

Армейские побасенки тролля тоже ничего не добавили к моим познаниям, более того, я утвердилась в мысли, что на этих территориях царит полная анархия, и для меня было сюрпризом, что тут существует какой-то Совет.

— Как бы там ни было, нужно кого-то отправить на переговоры, чтобы выяснить, что здесь происходит. — Ульдон почесал щеку пальцем с длинным когтем и красноречиво посмотрел на меня.

— Нет! — одновременно сказали Жадимир, Ярослав и Драниш.

Троль даже подошел поближе, и я ощутила спиной тепло, которое исходило от его тела.

— Почему же? — удивился Тар Уйэди. — Все логично. Она — Сиятельная, значит, должна уметь вести переговоры, и ее слово будет что-то значить для моего противника. А все остальные мне понадобятся, если придется оборонять замок.

— Вы не думаете, что мы не будем оборонять замок, а просто откроем ворота вражеской армии? — холодно спросил капитан.

Ульдон долго глядел в его серебристо-серые глаза, а потом покачал головой:

— Не думаю, капитан Волк, что вы на такое способны. Уверен, для вас честь — это не пустой звук.

Ярослав усмехнулся:

— Три месяца назад я сражался против вашей страны.

— Война закончилась, — сказал ульдон. — Клянусь, капитан Волк, ни я, ни мои подданные ничего не сделали, чтобы нарушить мир.

— Хорошо, я вам верю, — спокойно сказал Волк. — Но Ясноцвета не отправится в одиночку вести переговоры.

— Нет, Ярослав. — Я покачала головой, чувствуя, как внутри кишки сворачиваются в ледяной узел, но не показывая охватившего меня страха. — Тар Уйэди прав, я должна отправиться к Сычу. Драниша и Жадимира он просто не станет слушать, а вы, капитан, нужны здесь на всякий случай. Тем более что наш гостеприимный хозяин спас мне жизнь, а ведь мог этого и не делать.

— Вы так уверены, что старый Сыч не станет слушать Драниша, несмотря на все его звания, а вас будет? Ясноцвета, вы знаете Сыча, да?

— Да, — коротко ответила я.

Высшие аристократические круги знали откровенную неприязнь Владетеля Сыча ко всем расам, кроме человеческой. В его домене даже были запрещены межрасовые браки. Впрочем, не-людей на его территории почти не было — а зачем, если есть куда более лояльно настроенные Владетели? Сыч знал меня и, как мне казалось, очень уважал моего отца, поэтому я рассчитывала, что он не откажет мне в аудиенции.

— Теперь понятно, почему ты так не хотела идти в замок на прием к Томигосту, когда мы гостили у Сыча! — Драниш хлопнул себя по бедрам. — И почему ты перед ним такую рожу скривила, когда он к нам пришел. Они бы тебя узнали!

— Во время нашего знакомства молодой Сыч произвел на меня очень сильное впечатление, — сказала я. — Мне бы не хотелось это повторить.

— О! — сказал молчавший до сих пор эльф, который разглядывал враждующую армию с выражением скуки на лице, но при упоминании Томигоста несколько оживился. — Вот мы и узнаем интимные тайны нашей неприступной аристократки!

— Он что-то сделал с вами, Ясноцвета? — спросил Волк, и в его голосе я расслышала

неподдельное волнение.

— Не со мной, — покачала я головой. — Но возобновлять знакомство с Томигостом мне очень не хочется. В любом случае я готова служить делегатом и узнать, что привело армию Владетеля под стены этого замка.

— Спускаемся вниз. — Тар Уйэди с облегчением воспринял мое согласие. — Я выделю нескольких воинов вам в сопровождение.

Я не очень-то торопилась спускаться, оттягивая выход за ворота насколько возможно. Но и не пойти я тоже не могла. Это было сродни тому чувству, которое заставило меня обратиться к высшей магии, когда на нас напали сайды или когда Ярослав сражался с волкодлаком один на один. То, что себе могла позволить Мила Котовенко, не могла позволить Ясноцвета Крюк. Наверное, это была еще одна причина, по которой я, несмотря на все лишения, выпавшие мне за последние два года, не возвращалась в родовой замок.

— Вы должны выяснить причину агрессии, — на ходу инструктировал меня Волк. — Если Сыч потребует, чтобы мы покинули замок, — отвечайте отказом. Вы еще помните, что мы — королевские служащие? Наша задача — урегулировать конфликт мирным путем, потому что новая война Вышеславу Пятому не нужна. Боюсь даже предположить, как отреагируют остальные ульдоны на демарш Сыча.

Я молча кивала, глядя на ступеньки. Во всех вооруженных конфликтах с соседями во время расширения нашего домена отец держал нас с матерью в южном поместье под охраной, а моего брата таскал за собой. Так что сегодня я впервые была рядом с армией, готовой к бою. Мне требовалось все самообладание, чтобы не показать свой страх Ярославу.

Волк обогнал меня на несколько ступенек и повернулся ко мне лицом, загоразивая проход. Я подняла глаза и встретила с его серьезным взглядом. Обычно мне приходилось смотреть на нашего капитана снизу вверх, но теперь наши лица были на одном уровне. Волк взял мою ладонь обеими руками и слегка сжал:

— Не волнуйтесь, Ясноцвета. Что бы ни произошло, Сыч не позволит, чтобы с вами что-то случилось. Наследниц домена у нас в королевстве слишком мало, чтобы приносить их в жертву собственной неприязни.

— Я... — Мой голос звучал хрипло.

— Я понимаю, — перебил меня Ярослав. — Я тоже боюсь. Бояться в такой ситуации совершенно нормально, но не позволяйте своему страху испортить переговоры.

Я смотрела в серьезные глаза Ярослава и пыталась понять, что таится в их глубине. Только недавно он стал моим женихом и победил в гонке за домен, и вот мне приходится идти к другому Владетелю, который может разыграть меня как собственную карту в политической партии. Волнуется Волк за меня как за подчиненную или как за невесту? О чем он сейчас думает? Мне казалось, что вот-вот я смогу заглянуть за непроницаемую серебристую завесу и увидеть душу Ярослава, как вдруг сзади меня кто-то обнял.

— Позвольте мне переговорить с моей женой, капитан Волк, — промурлыкал Жадимир. — Я должен подбодрить ее так, как это дозволено только мужу.

— Пока еще мужу, — сказала я, понимая, что если я сейчас начну вырываться, то Волк мне с радостью поможет. Перед военными действиями было крайне неразумно обострять обстановку в замке еще больше.

— Пока еще мужу, — согласился Жадимир.

Глаза Ярослава стали ледяными, но он отпустил мою руку, развернулся и ушел по лестнице вниз, ни разу не оглянувшись.

— Меня ждет ульдон, — напомнила я Ножову, выворачиваясь из его объятий.

Он отпустил меня и молча пошел следом. Я вздохнула с облегчением. Не знаю почему, но мне не хотелось, чтобы Жадимир меня касался или обнимал. Наверное, помня о том, как реагировало на него мое тело три года назад, я не доверяла сама себе и была даже благодарна Ножову, что он не стал настаивать на дальнейших объятиях.

Следующие события еще раз доказали, что я совсем не знала человека, который называл себя моим мужем.

Жадимир стоял в стороне, пока я разговаривала с ульдоном и знакомилась со стражами, которые будут меня сопровождать. И только когда мы подошли к огромной решетке замковых ворот, он вразвалочку приблизился ко мне, мирно улыбнулся и вдруг впился в губы поцелуем, одной рукой схватив за затылок, а другой обвив мою талию. Я не могла двинуться с места, успев только удивиться, каким сильным он стал. Но ощущение его руки на талии, его мягких губ, его поцелуя внезапно утопило меня в волне желания, такого же, как и в наш медовый месяц. Мои колени подогнулись, и я была вынуждена уцепиться за рубашку Ножова руками, чтобы не упасть. И даже мысль о том, что я это делаю на глазах у всех, меня не остановила. Да что же это со мной такое?!

— Вали ее на брусчатку! — раздался во всеобщем молчании азартный голос Даезаэля. — Давай же, что ты медлишь, юбку ей задирай!

Его голос привел меня в чувство. Желание тут же ушло, и я вырвалась из объятий Жадимира.

— Что ты творишь?! — прошипела я, глядя в его лицо с безмятежными голубыми глазами.

— Я просто хотел доказать тебе, что ты все еще меня любишь, — улыбнулся он. — Ведь ты не можешь обмануть ни себя, ни окружающих в том, что тебя так и тянет ко мне. Ну-ну, Ясная моя, ты никогда не была трусихой. Признай очевидные вещи и верни капитану Волку его кинжал. Разве сможет он жить с тобой, зная, что ночами ты мечтаешь обо мне?

Внезапно ненависть заполнила все мое тело от макушки до пяток. Это была не жгучая ненависть, когда хочется крушить и ломать все вокруг, это была холодная ненависть, превратившая сердце в кусок льда и сделавшая мысли предельно четкими.

— Никогда больше, — тоном, сделавшим бы честь даже Ярославу, процедила я, — не смей прикасаться ко мне без моего разрешения.

Жадимир открыл рот и посмотрел на меня, собираясь что-то сказать. Не знаю, что он прочитал в моем взгляде, как вдруг в его голубых глазах промелькнуло нечто темное, что я заметила еще в спальне. Ножов тут же справился с собой, его глаза снова стали безмятежными. Так ничего и не сказав, он легонько поклонился и сделал приглашающий жест в сторону поднимающейся решетки, которая раньше перегораживала выход к мосту через ров, окружающий замок.

Я, не оборачиваясь и высоко держа голову, пошла на встречу с Сычом. За мной, периодически лязгая металлическими частями доспехов, потащились два воина. Один из них нес белый флаг на древке.

Стоило мне ступить на землю по ту сторону замкового рва, как раздался скрип поднимающегося моста. То ли ульдон не верил в то, что я вернусь, то ли не доверял Сычу и решил обезопаситься на всякий случай.

В военный лагерь меня пропустили без проблем, и один из рядовых провел нас к роскошному шатру главнокомандующего и что-то шепнул охраннику. Тот кивнул, откинул полог и крикнул внутрь:

— Владелец! Переговорщики от ульдона просят вашего Сиятельного внимания.

— Пусть войдут, — раздался скрипучий старческий голос.

Один из воинов ульдона двинулся было ко входу, но я перегородила ему дорогу рукой и, пристально глядя на охранника шатра, скушаяще произнесла:

— Объяви как следует. Сиятельная Ясноцвета Крюк, дочь Владетеля Крюка, наследница домена, просит оказать ей честь аудиенцией.

— Да кто... — начал было охранник, потом взглянул в мои глаза попристальнее и нервно сглотнул: — Будет сделано, Сиятельная.

Я молча ждала, не выказывая нетерпения, до тех пор, пока охранники с поклонами не раздвинули передо мной полог шатра и не подкатали под ноги ковравую дорожку.

Войдя, на миг остановилась, поморгав, чтобы привыкнуть к полумраку после яркого дневного света.

Владелец Сыч сидел на высоком кресле в роскошном ярком плаще. Только подойдя

поближе, я увидела, насколько жестокими, к нему были те несколько лет, что мы не виделись, — из крепкого, полного достоинства и власти пожилого мужчины он превратился в совершенную развалину.

Я споткнулась, не в силах скрыть удивление и шок, но постаралась как можно быстрее овладеть своими чувствами.

Владетель издал неприятный смешок:

— Что, страшный?

Для того чтобы что-то сказать, мне понадобилось прочистить горло.

— Нет, что вы, Владетель. Просто... я не ожидала, что годы будут так к вам беспощадны.

— Да вы тоже, крошка, не похорошели. — Сыч растянул тонкие, синеватые губы в улыбке. — Что делает дочка Крюка в этой дыре, да еще и в таком виде?

Я оправила простую юбку из дешевой материи, вставая после реверанса, которым, согласно этикету, приветствовала Владетеля.

— Работаю королевским посланником с капитаном Волком, — ответила я.

— Как работаешь? — удивился Сыч. — В то время, как отец разыскивает тебя по всему королевству, ты просто работаешь?

Я неопределенно пожала плечами и перешла к делу:

— Владетель, на каком основании вы напали на замок этого ульдона? В данный момент у нас с этой страной мирный договор.

— Ясноцвета, что же ты не нанесла положенный визит, когда была с Волком у меня в замке? — попенял мне Сыч. — Хм... да, к делу. Проезжая через мои земли, ты разве не видела, какие разрушения нанесла нечисть моим владениям? Фактически весь юг домена превратился в пустыню. Ни одного человеческого поселения! Ни налогов! Ни продовольствия! Я должен за это отомстить. Разве твой отец спустил бы это своему врагу с рук?

— Мой отец не стал бы развязывать военные действия через два месяца после подписания мирного договора, — ответила я.

— Ну а мне недолго осталось, как видишь, — горько усмехнулся Сыч. — Я не могу оставлять сыну разоренный домен и должен сделать все, чтобы у него не было проблем с управлением и финансами. Хотя бы первое время, если уж не навсегда.

— Владетель, осмелюсь вам заметить, что разрушения на ваших землях были произведены не вчера, и даже не два месяца назад, а не менее чем полгода назад! — сказала я. — Почему вы решили требовать сатисфакции прямо сейчас? Почему вы не отразили истинное положение дел в ваших докладах королю? Почему скрыли эти вопиющие факты перед нами, королевскими посланниками?

— Потому что, — задумчиво начал отвечать Сыч, но потом его настроение резко изменилось. — Почему, почему! Потому что я не обязан вам отвечать!

— Владетель, я являюсь королевским гласом, и в моем праве знать, почему вы решили нарушить мир между государствами. Почему вы не потребовали материального возмещения тогда, когда подписывался мирный договор? Насколько мне известно, там были учтены все претензии сторон!

— Какой ты королевский глас! — рявкнул Сыч, и на миг в дряхлом старикане промелькнул прежний Владетель. — Ты просто своевольная девчонка, сбежавшая из дома!

Я вздохнула.

— Владетель, это не конструктивный разговор. В стенах замка ульдона находится еще его Сиятельство Ярослав Волк. Если я вас не устраиваю, можете переговорить с ним. Но от этого положение вещей не изменится — вы самовольно нарушаете мирный договор, идя вопреки воле короля.

Лицо Сыча скривилось.

— У нас нет и никогда не будет мира с нечистью! — взревел он. — Все, кто стоит на их стороне, будут уничтожены, пусть даже это Сиятельные! Предателям нет прощения!

На его крики вбежали охранники, доставая мечи. Воины ульдона приготовились защищаться, но Сыч протянул вперед дрожащую руку, и из нее вырвался зеленый огонь, и койладон упали. Из их ртов полилась кровь, неестественно черная в полумраке шатра.

Владетель повалился на кресло, тяжело дыша.

— Девчонку — в шатер и стеречь пуще зеницы ока! И если хоть волосок упадет с ее головы, разделите участь этих. — Он брезгливо ткнул пальцем в трупы воинов ульдона.

— Но, Владетель Сыч! — закричала я в отчаянии. — Как вы можете?!

— Я могу все, что хочу, а тот, кто не понимает этого, будет наказан!

— Но мы же пришли с белым флагом...

— Я не веду переговоры с нечистью.

— Тогда отпустите меня, чтобы я могла исполнить свой долг как королевский посланник!

— Чтобы ты направилась на стены, защищать этот паршивый замок? Ну уж нет! За поимку своей дочери Крюк дает большое вознаграждение. Деньги никогда лишними не бывают. Что вы стоите?

— Просим простить нас, Сиятельная, — робко сказали охранники. — Пожалуйста, не сопротивляйтесь!

— Да сейчас! — сказала я, вытаскивая из ножен кинжал. — Ну, кто осмелится меня ранить? Кого не страшит гнев Владетеля Крюка и моего жениха, капитана Волка?

Мужчины попятились.

— Вот как, — задумчиво сказал Сыч. — Смотрю, ты, Ясноцвета, времени зря не теряешь. Ты теперь не только дочка Крюка, ты еще и будущая невестка самого Владетеля Волка? Ого! Твоя цена возрастает вдвое! С такой ценной вещью нужно обходиться очень бережно. Не хотел я этого делать, но, вижу, иначе никак...

Он протянул ко мне руку, и последнее, что я увидела, — это белый, нестерпимо яркий свет...

В последнее время я веду жизнь, совершенно не подходящую ни дочери Владетеля, ни дочке купца. Разве должна приличная девушка постоянно приходить в себя в незнакомом месте и бесплодно пытаться понять, что случилось с ней за то время, пока она была без сознания?!

Я лежала в небольшом походном шатре на мягкой и теплой лежанке. Судя по роскоши убранства, палатка принадлежала офицеру армии Сыча. Я встала — в голове зашумело — и увидела, что на маленьком столике возле кровати стоит кувшин с водой.

Попив и умывшись, я пригладила волосы рукой и, слыша грохот, издаваемый воинами, штурмующими замок, задумалась.

Владетель Сыч совершил одно из самых тяжких преступлений для аристократа, владеющего магией, — он применил ее ко мне. Уже много веков существовал закон, строго запрещающий применять магию чистокровным аристократам против чистокровных же. Дело в том, что большинство членов коротких фамилий владели магией такой силы, что даже простая дуэль один на один могла причинить огромный ущерб всем окружающим. Магия против чистокровного не применялась даже во время военных действий, и то, что Сыч позволил себе такое против наследницы домена, говорило, что он зашел слишком далеко. Либо он знает, что умрет в самом скором времени и не понесет наказания, — но он должен успеть прожить достаточно долго, чтобы оставить сыну безопасный и богатый домен, — либо у него есть какой-то план, в котором я внезапно стала пешкой.

Ну уж нет!

Я подошла к выходу и выглянула наружу. Тут же передо мной возникли два охранника и, пряча глаза, вежливо попросили:

— Сиятельная, нам не велено вас никуда выпускать. Просим прощения, но вы должны оставаться в этом шатре.

— Ах так! — возмутилась я, старательно разыгрывая избалованную гордячку. — В

таком случае не желаю никого видеть! И если меня кто-то побеспокоит, убью на месте! Вы все... все...

Я развернулась и резко задернула за собой полог шатра под извинительное бормотание охранников.

Так, прекрасно, теперь они меня не побеспокоят.

Их ошибка, как и ошибка Сыча, была в том, что они относились ко мне, как к обычной благородной девушке — изнеженной, балованной, слабой, способной танцевать на балу, вести интриги и считать приход-расход в хозяйственной книге. Нормальная благородная сейчас бы лежала и рыдала, колотя кулачками по земле и пытаясь добиться своего только таким способом.

Я села, сосредоточилась и изменила внешность. Конечно, Владелец Сыч наложил на мою магию спутывающие узы, но за два года заклинание маскировки стало для меня таким же естественным, как дыхание. Я была способна творить его даже на остатках магии, даже в бессознательном состоянии. Только раз заклинание подвело меня: когда я воспользовалась силой рода, но это особый случай, который не подорвал мою уверенность в собственных возможностях.

Достала кинжал — уже не величественный родовой кинжал Волка, а небольшой кухонный ножик — и осторожно прорезала ткань шатра около земли. Спасибо Чистому, он меня научил, как это делать так, чтобы снаружи повреждения не были заметны и шатер не упал и не перекосялся. Удивительно, сколько всего я знаю только благодаря ему! Тогда это казалось мне глупостью, а сейчас спасает жизнь. Может быть, он предвидел это? Но вроде же никогда не распространялся о своем пророческом даре! Надо будет спросить при встрече.

Выглянув наружу — лагерь был пустынен, все сражались, — я ужом выползла из палатки, проползла к следующей, еще к одной, поднялась и с независимым видом потопала в противоположную от замка сторону.

Я знала, что в каждой армии есть определенное количество путешественников с ней женщин, поэтому надеялась, что я смогу сойти за одну из них. Простая одежда, растрепанные волосы яркого оттенка, подоткнутая юбка — что еще нужно?

— Эй, девка! — окликнули меня от одного из костров.

Хотя мое сердце заколотилось так, что стало больно дышать, я повернулась туда с улыбкой, которая, как я надеялась, вполне сходилась за развязную.

— Чего?

— Что шляешься без дела? Ты сейчас тут никому не нужна! — Повар и его помощник, помешивающий кашу в огромном котле, заржали, словно молодые жеребцы. — Сходи-ка лучше воды принеси. Да помойся, мы тебя потом от...

— Конечно, мальчики, — с улыбкой пропела я, виляющей походкой подходя за ведром. — Очень мне нужно помыться, а то господин офицер так активно перед боем поднимал свой... боевой дух, что я вся в... нем!

Мужланы шутку оценили и заржали еще громче.

Я медленно, хотя по спине стекали струйки пота, дошла до ручейка, который тек в сторону замкового рва, бросила ведро, наклонилась и нырнула в густые кусты.

Я ползла до тех пор, пока не выбилась из сил и не потеряла лагерь из виду, а потом поднялась и побежала прочь от сражения. Помочь в битве я ничем не могла, но вот подставлять свою голову под удары в противостоянии двух магий совершенно не хотела.

Через какое-то время я добрела до лесной тропинки и залезла на огромный дуб, росший прямо над ней. Вдруг будет ехать по ней кто-то, кого я смогу попросить о помощи! Уверена, улыдон с помощью магии уже отправил сигнал бедствия. Главные дороги перекрыты войском Сыча, значит, вся надежда как раз на такие тропинки.

Я сидела на ветке, тихо молясь всем богам, которых знала, даже Пахану, чтобы мои друзья, защищающиеся сейчас в замке, уцелели, как вдруг услышала стук копыт.

Опустив глаза вниз, я увидела предводителя группы всадников и так удивилась, что свалилась с ветки прямо на одного из мужчин.

Несмотря на неожиданность падения, молодой человек моментально отреагировал и поймал меня в крепкие объятия.

— О! — сказал он, просияв улыбкой, которая зажгла серебряный огонек в его глазах чистокровного благородного. — Ясноцвета Крюк! Вот вы-то мне и нужны!

Вооруженные всадники тут же окружили нас, удивленно и возбужденно переговариваясь, а я закрыла глаза, снимая с себя маскировку, — что уж тут таиться, если этот молодой черноволосый, смутно знакомый маг узнал меня даже сквозь нее!

Наверное, все-таки стоило остаться в охраняемом шатре.

ГЛАВА 12

Бедные родственники — это не только головная боль, но еще и возможность эксплуатировать их на самых неприятных работах.

Владелец Ясноград Крюк о родственных связях

— Ясноцвета? — Огромный мускулистый мужчина с седыми висками спрыгнул с коня и подошел к нам.

Я взглянула на благородного, который все так же держал меня в объятиях, и он позволил мне соскользнуть на землю, не сказав ни слова.

— Да, — сказала я, поправив одежду. — Это я, дядя Вел.

Огромная ручища начальника стражи замка Крюка нежно взяла меня за подбородок и покрутила мою голову в разные стороны. Я не протестовала. Дядя Вел был одним из тех, с кем у меня ассоциировались безопасность и уют. Даже в самую страшную грозу я могла ему довериться, ему же пожаловаться на синяки или боль в мышцах от тренировок или прибежать к нему, перепуганная ночным кошмаром, если няня казалась недостаточно надежным убежищем. Под мышкой у огромного сильного мужчины я ничего не боялась. Когда я была маленькой, он казался мне настоящим великаном, и даже сейчас я не могла не подивиться его физической мощи. Когда он стоял за спинкой трона моего отца, Владелец казался не более чем ребенком, за которым присматривает заботливый отец.

Да. Как-то так получилось, что начальник стражи очень часто был мне бо льшим отцом, чем Ясноград Крюк.

— Хм... — сказал дядя Вел, закончив осмотр. — Что-то ты, цыпленочек, довольно паршиво выглядишь.

Я развела руками, подумав: «Видели бы вы меня несколько дней назад». Сначала я хотела вцепиться в начальника стражи Крюка руками и умолять поехать вместе со мной выручать из осажденного замка моих друзей, но что может сделать группа из десяти солдат против армии Владетеля? Я решила выяснить, что делают воины Крюка так далеко от дома, а потом уже думать, что делать дальше.

— Хотя живая — и ладно, — вынес Вел свой вердикт. — Тогда возвращаемся домой.

— Что? — спросила я. — Как домой?

— Так. Чем быстрее, тем лучше.

— Я никуда не поеду, пока вы не объясните, что происходит! — Я скрестила руки и всем своим видом дала ясно понять, что настроена крайне решительно.

— Мы вас искали, и вот нашли, — сказал за моей спиной благородный, не потрудившийся спешиться. Кто же это такой, ведь я же его знаю!

Я требовательно посмотрела в глаза дяде Велу.

— Хочу представить тебе, Сиятельная Ясноцвета, специальный отряд по твоему возвращению домой, — сообщил начальник стражи.

Вооруженные мужчины спешили и склонились передо мной в глубоких поклонах.

— И что все это значит? — спросила я. — Выкладывай напрямик, дядя Вел, прошу тебя.

Огромный мужчина замялся. Долгие разговоры никогда не были его коньком, но

сейчас ему не отвертеться.

— Для разговора нам лучше расположиться поудобнее, — сказал аристократ. (Его голос прозвучал слишком близко, и я вздрогнула. Что-то у меня последнее время паранойей развивается, очень не люблю, когда ко мне так тихо подкрадываются.) — Ясноцвета, вы же не хотите, чтобы эти люди стояли в поклоне во время всего разговора? Это может отрицательно сказаться в том случае, если мы окажемся втянуты в бой, который идет неподалеку.

Я покраснела. Долгое существование в облике Милы Котовенко все-таки дало о себе знать. Я просто забыла, что должна разрешить людям выпрямиться. Махнув рукой, я обернулась к благородному. Он уже вел коня прочь от дороги, даже не сомневаясь в том, что остальные последуют за ним.

— Кто это такой и почему он тут распоряжается? — спросила я у дяди Вела, не тронувшись с места.

— Это Сиятельный Мезенмир Нож, младший сын Владетеля Ножа, — ответил он. — Очень здравомыслящий молодой человек и сильный маг. Это он тебя нашел.

— А-а-а... — протянула я, вспомнив. Конечно же! Мезенмир! Я была очень хорошо знакома с его сестрой и именно в их замке познакомилась с Жадимиром. Мезенмир редко снисходил до забав молодежи, увлеченный магическими экспериментами, а лет восемь назад уехал в столичный магический университет. Что его привело на юг в составе спасательного отряда?

Я задумчиво посмотрела вслед Мезенмиру. Составляя планы, нельзя не брать в расчет его Сиятельство такой силы, но вся проблема была в том, что я вообще не могла предугадать его действий. Мы даже в детстве ни разу не играли, и я не имела никакого представления о характере Ножа. Звонкорада редко упоминала о брате, считая его книжным червем.

Мезенмир почувствовал мой взгляд и обернулся, изобразив на лице вежливое ожидание. Играть лицом он умел куда лучше Ярослава, который, как правило, выражал только презрение и надменность разной степени холодности.

— Понятно, — пробормотала я, усилием воли загнав плохое предчувствие поглубже.

— Не думаю, что понятно, — осторожно сказал Вел. — Его магическая сила равна силе твоего отца.

Я почувствовала, как мои губы удивленно округляются. Крюки всегда считались самыми сильными магами в северных доменах, Владетели которых, в свою очередь, были самыми сильными магами в королевстве. То ли сказывалась кровь предков из удельных княжеств, то ли перекрестные, хорошо просчитанные браки.

Мы расположились на небольшой полянке, и Мезенмир обошел кругом весь отряд, ставя защиту. Теперь ни подслушать, ни даже близко подойти к нам было невозможно. Благородный постелил на траву плащ и подал мне руку с улыбкой и не пытаясь скрыть серебряные огоньки в глазах.

— Ясноцвета, я снял с вас узы, спутывающие вашу магию, — сообщил он. — Если рядом идет бой, вы должны быть готовы сражаться за свою жизнь в любой момент. Так что имейте в виду.

Я милостиво кивнула Ножу и обратилась к начальнику стражи:

— Рассказывай.

— После того, как ты... нас покинула, — со вздохом начал Вел, — твой отец создал отряд по твоей поимке. Мы должны были найти тебя и вернуть домой. И вот наконец мы тебя нашли.

— Какая-то это слишком сокращенная версия, — нахмурилась я.

— О чем еще рассказывать? — пожал плечами старый воин. — О том, как мы пытались тебя найти? О том, в какой ярости был твой отец и как ему пришлось усмирить себя и признать, что ты его переиграла и получила свое право на пресловутую ошибку? О том, что эти два года большинство магов Дома занимались только тем, что пытались отследить проявления твоей магии? О том, что твой дружок Чистомир нам ничего не сказал, хотя — я

уверен! — он знал, где ты? Или о том, сколько слез пролила твоя мать?

— Гм... — Слышать о неприятных вещах мне откровенно не хотелось, поэтому я решила сосредоточиться на главном. — А что, отец до сих пор на меня злится?

— Нет, — ответил Вел, и я почувствовала, как у меня гора с плеч свалилась. — Сейчас он даже доволен тем, что ты смогла выжить, будучи полностью самостоятельной. Теперь он считает, что ты будешь куда лучшей Владетельницей, набравшись жизненного опыта, чем если бы он тебе преподнес домен на блюдечке пару лет назад. Но когда ты только...

— Сбежала, — подсказал Мезенмир.

— Сбежала, — почти свирепо подхватил Вел. — Ясноград был в такой ярости, что уволил меня с поста начальника стражи!

— Что? — удивилась я. Представить стражу замка Крюка без Вела, в любую погоду проверяющего посты или гоняющего по двору новобранцев, было невозможно. — Как он мог?

— Он считал меня виновным в том, что ты смогла ускользнуть. И с тех пор единственной моей задачей были твои поиски в том случае, как только ты себя обнаружишь достаточно сильной магией. Вот, создал отряд, тренировал его потихоньку и ждал.

Я покосилась на окружающих нас солдат. Всех я помнила еще по жизни в замке. Старая, проверенная, заслуженная гвардия.

— Я могла и совсем не воспользоваться сильной магией, — упрямо сказала я.

Вел пожал плечами:

— Тогда рано или поздно твоему отцу надоело бы ждать, и он нашел бы тебя своими методами.

— А если бы ты захотела выйти замуж, то кинжал, сменив владельца, создал бы возмущения в магическом поле, — сообщил Мезенмир, в упор глядя на мой кинжал.

Я скосила глаза и увидела, что позабыла снять с него маскировку. Интересно, видит ли маг истинный вид кинжала?

— Должен сказать, что я удивлен, — продолжал бывший начальник стражи. — После той грозовой ночи ты как будто в воду канула. Ни единого следа, даже маги Дома не могли тебя найти!

«Ну, конечно! — подумала я. — Только ради того, чтобы этого не случилось, я вынесла невероятную боль, выжигая у себя на спине татуировку Дома. Ради того, чтобы меня не смогли засечь, я два года пользовалась лишь крошечной частью своей магической силы».

— Как только вы допустили достаточно сильный всплеск своей магии, Владетель Крюк объявил по всему королевству о вашем поиске, и наш отряд двинулся в путь, — пояснил Мезенмир.

— Три недели назад, — пробормотала я про себя. От домена отца до домена Сыча можно было добраться за две недели, если ехать достаточно быстро.

— Извините, Ясноцвета, — резко сказал Нож, — если вам кажется, что мы не достаточно быстро кинулись к вашим ногам. Вы хоть представляете, как тяжело было вести ваши поиски только по вспышкам магии? Последние три дня я вообще не мог вас почувствовать!

Лицо Мезенмира было непроницаемым, однако в глубине глаз горел яростный огонек. Я не понимала, почему он так зол. Мои отношения с отцом — это наши внутрисемейные проблемы, каким боком к ним причастен Нож?

— Нечего на меня так смотреть! Я не просила меня искать, — выпалила я и поняла, как по-детски беспомощно это прозвучало, совсем недостойно наследницы домена.

— Вы — нет, — горько сказал Мезенмир. — Но ваш отец — очень даже.

— Отлично. Но домой я не поеду!

— А мы вам не подчиняемся, госпожа Ясноцвета, у нас на этот счет особые распоряжения, — хрипло сказал вислоусый вояка со шрамом через все лицо. — Владетель требует, чтобы вы как можно быстрее вернулись домой и приняли на себя обязательства Владетельницы домена. Вы хоть знаете, что вы теперь наследница?

— Знаю. Мм... Хус, правильно?

Вояка кивнул.

— Я рад, что вы меня помните.

— Еще бы, — буркнула я. Однажды мы с Чистомиром натянули в темном коридоре замка веревку, не особо рассчитывая, что кто-то попадется в такую примитивную ловушку. В нее попал выпивший Хус, который потом долго гнался за нами по коридорам, гулко бухая по каменному полу подбитыми гвоздями сапожищами. В теории мы знали, что он не имеет права поднимать руку на их Сиятельств, но на практике проверять это не захотели. — Почему такая спешка? — недовольно спросила я. — Домен ждал меня два года, подождет еще немного!

— Вы, наверное, не в курсе того, что творится сейчас в королевстве? — спросил Мезенмир. — Дело в том, что в стране происходят некие... центробежные волнения, и отсутствие законного владельца земель может на этих землях отразиться крайне негативно.

— Так, — негромко произнесла я. Это что же, гражданская война, которая так давно назревала, наконец-то созрела? Час от часу не легче! Интересно, что по этому поводу говорится в моем рабочем контракте?

— Если тебе было известно, что ты стала наследницей, то почему ты не вернулась домой? — спросил начальник стражи.

— Потому что узнала об этом совсем недавно, и к тому времени у меня уже были обязательства, которые я не могла нарушить.

— Это какие же? — заинтересованно спросил Мезенмир.

— Я служу королевским гласом, — высокомерно сообщила я ему. — Пока не закончится мое назначение в инспектируемом секторе, я не могу заниматься личными проблемами.

— Можешь, — пожал плечами Нож. — Службу королевских гласов распустили.

— Почему? Когда?

— Несколько дней назад. Восточный регион охвачен войной, но не только поэтому. Слишком много групп королевских посланников пропали без вести, особенно в приграничных регионах, и Совет благородных заволновался.

Я понимающе кивнула. К каждому отряду гласов приписан аристократ высокого ранга, у которого было право судить и приговаривать к смерти любого, включая благородных. Если королевские посланники пропадали, могу представить, какой вой подняли семьи, лишившиеся своих отпрысков.

— Откуда вам известны последние новости? — спросила я.

Мезенмир молча достал из сумки притороченной к его поясу большой шар. Я вытаращила глаза, не в силах совладать с удивлением. Неужели это?..

— Переносной артефакт для связи с Владетелем, — сказал Нож. — Выдан мне из сокровищницы Крюка и совсем недавно отремонтирован гномами. К сожалению, на этой территории не работает, но как только мы попадем туда, где есть магия Владетелей, сразу сообщим вашему отцу радостные вести.

Я даже не знала, что в нашем Доме такое хранится. Переносной артефакт был большой редкостью, и его наличие у Мезенмира лучше всего сказалось мне, каким невероятным уровнем силы он обладал, раз мог пользоваться этой вещью. Становиться поперек дороги молодого Ножа я бы не рискнула.

— А что случилось с восточным регионом? Княжества или Ломбир? Кто на нас напал? — спросила я.

— Никто, — тяжело сказал Вел. — Владетель Рис решил отхватить кусок у соседа, тот не дал, а потом и остальные подтянулись. Там сейчас идет такая грызня за территории, что королю пришлось стягивать на восток большую часть армии, а это дало возможность южанам творить все, что захочется. На западе решили объявить автономию и вообще не платить налогов. Только в центре и на севере более-менее спокойно. На севере тишина только благодаря усилиям твоего отца, Дуба и Ножа. Мы не можем сейчас позволить себе

ослаблять наши позиции, и поэтому ты должна вернуться домой, принять владение доменом и выйти замуж за человека, который поможет тебе сделать новый домен сильным.

— С замужеством некоторые проблемы, — тихо сказала я, не решаясь поднять глаза. — Мой муж, Жадимир Ножов, жив.

Послышались удивленные возгласы. Все солдаты, прибывшие с Велом, давно служили у нас в замке и знали о моем замужестве.

— Как он может быть жив, если я самолично проводил расследование обстоятельств его гибели? — раздался среди возбужденных шепотков изумленный голос бывшего начальника стражи. — Ты уверена?

— Конечно, — кивнула я, чувствуя себя несчастной. — Я его видела не далее как сегодня утром в замке ульдоны.

— А ты уверена, что это именно он, а не морок, наведенный ульдоном? — спросил мелодичным голосом Мезенмир.

Я резко повернулась к нему.

— Конечно! Неужели я бы не смогла узнать своего мужа, когда он...

Я вовремя закрыла рот и даже умудрилась не сильно покраснеть. В любом случае, даже если Тар Уйэди создал такую иллюзию или просто оживил Жадимира, только живой человек мог так целоваться. Жадимир при поцелуе всегда легонько прикусывает мне нижнюю губу, по-своему ласкает уголки губ, и скопировать это невозможно. В общем, я была совершенно уверена, что мой муж жив-здоров и собирается оставаться таким как можно дольше.

Я внезапно осознала, что на поляне царит тишина и что на меня уставились десять пар любопытных мужских глаз и еще одна пара насмешливых. Я уже было открыла рот, чтобы сказать хоть что-то, способное прервать это мучительное молчание, как дядя Вел сказал тщательно контролируемым голосом:

— Если вся проблема в разводе, то у меня есть полномочия вас развести, даже если мы находимся не на территории нашего королевства. — Воин вынул из-за пазухи кожаную папку и открыл ее. Там была куча бумаг, украшенных вензелями домена Крюка и с личными печатями Владетеля.

— Вот это да! — удивилась я. — А не много ли полномочий для бывшего начальника стражи?

Мезенмир фыркнул, остальные солдаты прятали улыбки.

— Что смешного? — требовательно спросила я, заподозрив неладное.

— Ясноцвета! — Вел взял меня за руки, глядя прямо в глаза, как в детстве, когда он сообщал мне что-то важное и боялся моей реакции. — Ты не задумывалась, почему твой отец, сторонник строгой иерархии, никогда не возражал, чтобы ты обращалась ко мне «дядя Вел»?

— Я думала, это потому, что ты со мной с детства... — начала было я, но потом замолчала и почувствовала, как у меня некрасиво и совсем неприлично для наследницы домена отвисает нижняя челюсть. — Ты... — прокашлявшись, я все-таки нашла в себе силы спросить: — Вы мой дядя?!

— Единокровный младший брат Яснограда Крюка Велимор Крюков. — Он грациозно поднялся и отвесил мне поклон, сделавший бы честь любому придворному.

Я глазела на такого знакомого и одновременно незнакомого человека, чувствуя себя последней душой. Теперь мне стало понятно, почему отец так легко отнесся к возможности появления у меня детей от Жадимира. Тогда, почти три года назад, я думала, что это потому, что мы с Ножовым всегда будем вместе, но на самом деле отец был готов сделать из моих не совсем чистокровных детей помощников в правлении. Никто лучше не прикроет тебе спину, чем правильно воспитанный близкий человек. И именно поэтому Велимор был всегда рядом с Ясноградом, и отец доверял ему, как никому другому. Дядя может сколько угодно рассказывать о том, что его понизили в должности, однако кому еще мог поручить отец возвращение наследницы домена?

— Я даже и представить не могла...

— Так и было задумано, — пожал плечами Велимор. — Все окружающие должны были быть уверены, что я простой вояка. Осторожность — второе имя твоего отца. Ему бы не хотелось, чтобы кто-то был поводом для возможного шантажа Дома Крюка.

В голове у меня зашумело. Наверное, для меня на сегодня событий было более чем достаточно.

Кто-то тронул меня за руку. Я обернулась и увидела внимательный взгляд Мезенмира.

— Может быть, вам дать воды?

Наверное, он думает обо мне так же, как и остальные, что я капризная девчонка. Я мысленно прикинула, что лучше: чтобы он думал, что я слаба, или показать ему свою силу. В конце концов, решила, что сильной я всегда успею побыть, а вот если он меня недооценит, то это может оказаться полезным.

— Пожалуйста, — пролепетала я и обратилась к дяде: — Какие сюрпризы меня еще ждут?

— Как я уже сказал, отец очень обеспокоен текущей политической ситуацией и хочет, чтобы твой домен был сильным. Поэтому я хочу тебе представить твоего вероятного мужа, Мезенмира Ножа.

Несколько недель назад я, узнав, что отец решил выдать меня замуж за Ярослава Волка, не смогла сдержать эмоций. Теперь, когда меня окружало уже трое мужчин, так или иначе желающих меня заполучить, появление еще одного я уже могла вынести спокойно. Привычка — великое дело!

Дядя достал из папки бумагу и протянул мне. Я машинально взяла ее и опустила глаза на ровные строки. Это был уже подписанный Владетелями Крюком и Ножом, а также их поверенными брачный контракт. Я уже держала в руках подобную вещь три года назад, но тогда печатей и вензелей было куда меньше. Ну конечно, союз наследницы домена и младшего сына Владетеля — это не временный брак между младшей дочкой Владетеля и мелким аристократом.

Строчка для подписей новобрачных была пустой.

— Я готов подписать контракт хоть сейчас, — сказал Мезенмир, протягивая мне флягу с водой. В его глазах где-то в глубине была горькая насмешка, но я не могла понять, что его так забавляет и огорчает одновременно.

Я снова опустила глаза на контракт и все, о чем я могла связно подумать, так это: «Даетаэль будет счастлив».

— Ясноцвета! — окликнул меня дядя. (Его голос доносился до меня, словно я была закутана в толстое одеяло.) — Цыпленочек, ты меня слышишь?

Мне в губы ткнулась холодная фляга с водой. Я вздрогнула и несколько раз моргнула, чтобы сосредоточиться. Денек сегодня выдался не из легких, а если учесть, что я сегодня еще не завтракала (да и вообще не ела минувшие три дня), удивительно, что я еще держалась на ногах. Я попила воды, и перед глазами перестали плавать разноцветные круги. Я заставила себя поднять голову, чтобы поблагодарить за воду.

Передо мной на коленях стоял Мезенмир и кривил губы так, как это могут делать только чистокровные благородные, словно не мог решить, что будет уместнее — пожалеть, подбодрить или посмеяться над моей слабостью. Я решила, что благодарить не буду, в конце концов, он был обязан проявить обо мне заботу.

— Смотрю, у отца не сменился секретарь. — Я снова посмотрела на ровные строчки, выписанные идеальным почерком.

— Вы чуть в обморок не упали, — ровным голосом произнес Нож. Его лицо напоминало бесчувственную маску. — Вот это реакция на известие о предстоящем браке!

— Я не ела несколько дней, — сказала я, усилием воли заставляя себя держаться ровно.

— Пресветлые Боги! — воскликнул Вел. — Почему?

— Наверное, потому что старалась не умереть, — пожала я плечами.

— Понятно, — сказал Нож. — Вот почему я не мог уловить вашей энергии, хотя до этого всю неделю она из вас постоянно сочилась. Прошу, подождите немного, я вам помогу.

Он встал и подошел к своему коню. Долго рылся в седельных сумках, потом всыпал что-то во флягу и протянул ее мне:

— Выпейте это, Ясноцвета, пока мы приготовим вам поесть.

Велимор уже отдавал распоряжения бывшим стражникам.

— Я не буду это пить, — заявила я, с подозрением глядя на флягу.

— Почему? — нахмурился Мезенмир. — Уверяю вас, у меня достаточно квалификации, чтобы приготовить вам укрепляющий напиток.

— И достаточно квалификации, чтобы опоить меня и силком вернуть отцу?

Его лицо искривилось от гнева.

— Я не играю нечестно, Ясноцвета! Это оскорбление — предполагать, что я могу совершить подобное!

Такой реакции мне было вполне достаточно. Ничего не ответив, я выпила снадобье, и мне действительно стало легче, причем настолько, что я была готова начинать новый этап наших переговоров.

Глядя на его Сиятельство, я медленно вытащила из ножен кинжал, который все так же выглядел как безобидный ножичек. Держа его на ладонях, я сняла маскировку. Солнце засияло на серебряной волчьей голове на рукояти. Мезенмир настолько откровенно удивился, что я поняла, что через маскировку кинжала он пробиться не смог. Это радовало.

А вот дядя отреагировал на кинжал громким криком. От избытка чувств он хлопнул себя по коленям и, прищелкнув языком, покачал головой.

— Я не могу выйти за вас, Мезенмир, — сладким голосом пропела я, — потому что обручена с его Сиятельством Ярославом Волком. Ведь, насколько мне известно, именно его отец хотел бы видеть кандидатом в мои мужья номер один? Поэтому можете забыть о ваших мечтах о моем домене.

— Ага, — негромко пробормотал Мезенмир, с интересом разглядывая кинжал. Из его глаз исчезла горькая насмешка. — Вот что это были за остаточные эманации! Магия кинжалов!

— Интересный факт. — Крюков потер лоб. — Однако мы можем только предполагать, где находится младший Волк. Последний раз, когда до меня доходили слухи, он был в замке Сыча.

— О, это не проблема, — сказала я, — потому что мне точно известно, где находится мой жених. Капитан Волк сейчас в замке ульдона Тара Уйэди, который осажден войсками Владетеля Сыча.

— Еще более интересный факт, — пробормотал мой дядя.

— Он согласен на вас жениться? — спросил Мезенмир.

Мне показалось, что это для него было куда важнее, чем информация о том, что Владетель Сыч напал на ульдона.

— Да, — холодно ответила я. — Или вы думаете, я у него кинжал силой отобрала?

— Замечательно! — сказал Крюков, копаясь в своей папке. — Для этого случая у меня есть брачный договор, подписанный Владетелем Волком.

Да уж, отец все предусмотрел!

— А зачем вы скрывали кинжал? — Во взгляде Мезенмира было облегчение. Странно, почему?

— Потому что Владетель Сыч взял меня в плен, — ответила я. — В тот момент, когда мы встретились, я как раз совершила побег из его военного лагеря. Согласитесь, светить родовым кинжалом было бы очень некстати.

Крюков издал неопределенный звук, но его Сиятельство не обратил на это внимания.

— Что-то вы не очень хорошо скрывались, — насмешливо сказал он. — Прямо мне в руки свалились. Вы называете это хорошей маскировкой?

— Я упала, потому что узнала Вела... Велимора, — ответила я, пристально глядя в его глаза в обрамлении пушистых черных ресниц. Вообще-то чистокровные благородные редко бывали черноволосыми, но в нем, как и во мне, явно проявилась кровь предков. — Слишком

удивилась.

— Удивилась, значит, — протянул он. — А я думал, что наследницы домена ничему не удивляются.

— Наследницы домена много чего делают, — мягко сказала я. — Только вы об этом узнаете тогда, когда найдете себе следующую жертву для своих честолобивых планов стать Владетелем.

— Так вы думаете, что я потащился через всю страну, постоянно напрягая свои магические силы, ради домена?

Мне показалось, что вокруг все заиндевело. Его взгляд требовал подчиниться, склонить голову, прервать этот поединок силы воли, но на этот раз я решила не уступать. Отец, Чистомир и Ярослав меня хорошо натаскали в умении сопротивляться самому ледяному взгляду благородных. Тогда, когда простолюдины уже склонили бы головы и униженно просили прощения, я лишь добавила еще больше холода в голосе:

— Именно так я и думаю. Только глупцы, желающие просто так отхватить себе домен, могут соглашаться подписывать брачный договор, видев невесту мельком, и то в детстве. Ах да, нельзя забывать о тех нескольких минутах, которые мы сегодня провели вместе. Достаточное основание для брака. Меня от вас тошнит, Мезенмир!

Я отвернулась от Ножа, совершенно проигнорировав, что он начал что-то говорить.

— Дядя Велимор, я прошу вас помочь мне остановить Владетеля Сыча до того, как он убьет Ярослава!

— Не думаю, что это возможно, Ясноцвета, — ответил он. — Я буду только «за», если ты выйдешь за молодого Волка, однако рваться спасать его, рискуя тобой... Нет. Приказ твоего отца был совершенно однозначным: найти тебя и как можно скорее вернуть домой.

— Я никуда не поеду, — заявила я, поднимаясь на ноги. — Если вы не будете мне помогать, значит, я сама что-то придумаю, однако оставлять в осажденном замке тех, с кем пережила столько опасностей, я не намерена.

— Не глупи, — посоветовал мне дядя, протягивая руку.

Я отшатнулась.

— Вы хотите спасти не Сиятельного Волка, а вашего первого мужа? — внезапно спросил у меня Мезенмир.

— Нет, Ярослава, — ответила я, не успев подумать, и внезапно поняла, что это правда.

Жадимир был мне дорог, и я была уверена, что его любила. Однако в сегодняшнее утро во мне умерло — или родилось — что-то такое, заставившее меня ответить на вопрос Мезенмира именно так.

— Цыпленочек, — ласково сказал Велимор, — я стараюсь понять твои чувства, однако у меня есть приказ.

Я окинула взглядом поляну, прикидывая, что делать дальше. Расстановка сил была явно не в мою пользу, но это не значило, что я собиралась сдаться.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Давайте поедим перед дорогой.

«Пожалуйста, Ярослав, — подумала я со всей силой, — прошу тебя, только не погибни! Пресветлые Боги, чахи и дрыхли, умоляю — помогите!»

Ни Ярослав, ни боги не ответили, и я поняла, что придется рассчитывать только на свои силы.

— Что случилось? — взволнованно спросил меня Мезенмир. — Что вы сделали? Почему я почувствовал от вас мощнейший выброс силы? Предупреждаю, Ясноцвета, если вздумаете избавиться от нас с помощью магии, я тоже могу применить силу. Возможно, вы унаследовали способность использовать сильнеешие заклинания, но я куда более искусен в обращении с магией.

— Да не хотела я сбежать, — устало ответила я. — Разве вы не слышите? Бой продолжается! Я не хочу геройствовать в одиночку. Я просто молилась о том, чтобы Ярослав выжил. Или вы готовы запретить мне даже это?

— Нет. — Нож покачал головой и успокаивающе пожал мне руку. — Молитесь.

Возможно, именно ваша сила сейчас уберегла Волка от стрелы или удара мечом. Молитвы близких всегда воздействуют на судьбы.

— Детки, давайте поедим, а потом уже решим, что делать дальше. — Велимор протянул мне миску с подозрительным варевом, хотя запах этой малосъедобной на вид субстанции показался знакомым.

— Что это? — спросила я.

— Это каша на основе заэ-инн, — сказал Мезенмир. — Специально для вас.

Теперь я узнала запах. Даезаэль кормил нас чистым заэ-инн, но даже перемешанный с крупой, эльфийский хлебец был очень полезным. Я ела медленно, опасаясь, что желудок взбунтуется, однако целебный бисквит творил чудеса. Когда я доела, то почувствовала необыкновенный прилив сил и готовность претворить в жизнь только что придуманный план.

— Куда ты? — спросил дядя Велимор, увидев, что я поднимаюсь.

— Мне нужно уединиться, — холодно сказала я. — Или вы пойдете меня сопровождать?

— Дай мне слово чести, что не сбежишь! — попросил он.

— Дядя! — ахнула я. — Мне нужно особое разрешение, чтобы уединиться по интимным делам?!

Я залилась краской и даже прикрыла лицо руками, издав слабый вскрик. В шелку между пальцами я заметила, как побагровели все вояки, а дядя открывал и закрывал рот, словно выброшенная на берег рыба.

Благородные воспитанные девушки никогда не упоминают при мужчинах о таких потребностях, а мужчины, вынудившие их это признать, нарушали все нормы этикета, и их осуждали.

— Гхм... — наконец выдавил дядя. — Да, иди, конечно.

Я направилась в кусты с видом разгневанной королевы и, удалившись на достаточное расстояние, бросилась бежать.

Я только-только почувствовала радость от того, что мне удалось вырваться на свободу, как кто-то прыгнул на меня, обхватив руками, и мы покатались по земле, собирая мелкий мусор и ломая тоненький подлесок.

Когда я снова могла нормально дышать и точно определить, где земля, а где небо, то обнаружила себя лежащей под Мезенмиром. Он сморщился и чихнул прямо мне в лицо.

— Прошу прощения!

— Вы так сильно ходите на мне жениться? — спросила я.

Он смешно наморщил нос и скептически улыбнулся:

— Почему выдумаете только о свадьбе, Ясноцвета! Неужели вы так же пустоголовы, как и моя сестра?

— Слезьте с меня! — приказала я. Я, видите ли, о свадьбе думаю! Да это они все кругом как сговорились!

Нож скатился на землю. Встав, отряхнулся и протянул мне руку. Я скептически посмотрела на него снизу вверх.

— Не нужно обижаться, Ясноцвета, — просительно сказал он. — Это ведь вы попытались сбежать.

— А вы, значит, пошли за мной. Извращенец.

— А где же ваше «я не буду геройствовать в одиночку»? — парировал он.

Я поднялась без его помощи, мрачно посмотрев на его Сиятельство снизу вверх. Мезенмир был ниже Ярослава, однако мне, унаследовавшей субтильную конституцию тела от отца, слишком на многих приходилось смотреть вот так, и это меня не смущало. Поэтому я постаралась вложить в свой взгляд все презрение к подглядывающему за интимными делами аристократу. Мезенмир не удержался и начал оправдываться:

— Ваше возвращение домой мне куда важнее ложной стыдливости. Тем более что я не смотрел, просто решил рядом... прогуляться. Только когда услышал ваш топот, никак не

связанный с... делами, то понял, что пора действовать.

Я тяжело вздохнула.

— Отпустите меня, Мезенмир.

— Вам так дорог Волк?

Я тщательно сформулировала ответ:

— Я не могу оставить своих спутников и отправиться домой, не попытавшись хоть что-то предпринять для их спасения. Это дело чести. — Раз уж переговоры с Сычом я доблестно провалила, хоть что-то же должно у меня получиться!

Аристократ закусил губу. Я даже затаила дыхание, чтобы не мешать ему думать.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я отпущу вас и даже разрешу поисковому отряду помочь вам — да, я наделен подобными полномочиями. Только с одним условием. Если вы здесь и сейчас сможете меня победить. Тогда я признаю, что у вас достаточно сил, чтобы постоять за себя, и мы не нарушим прямого приказа Владетеля Крюка.

Я согласно кивнула. Это действительно был минимум, на который Нож был согласен в сложившейся ситуации. По иерархии власти он стоит выше Велимора, но ниже Яснограда Крюка (и, кстати, ниже меня, но мое мнение как раз в расчет не берется; отец хорошо подстраховался и заранее учел, что дочь может быть... не в восторге от открывающихся перспектив). Заявлять, что поединок нечестный, я не собиралась. Конечно, Мезенмир превосходит меня по опыту и уровню магической силы, но я страстно желала победить и должна была хотя бы попытаться.

— Я согласна.

Мезенмир подобрал большую палку и начертил на земле два небольших круга, раздвигая прошлогоднюю листву и вырывая с корнем молодую траву. То ли он срывал таким образом злость, то ли вообще не привык делать что-то вполсилы.

— Никаких заклинаний, просто поединок силы воли, как во время дуэли. Если вы своей силой заставите меня выйти из круга — вы победили. Я не буду вас атаковать, это было бы слишком несправедливо. — Улыбка тронула его губы.

Я встала в свой круг и постаралась максимально расслабиться, глубоко дыша и закрыв глаза. У меня был всего лишь один урок магических дуэлей, в то время как брат умел сражаться в совершенстве. Отец считал, что это может спасти ему честь и жизнь. Но спасибо хотя бы и за это. Девушки никогда не сражались на дуэлях, разве что признанные магессы — за получение более высокого уровня.

Я собрала всю магию, которой обладала, представила ее в виде тарана и метнула в сторону Ножа. Он даже не покачнулся. Я все наращивала и наращивала уровень силы, выжимая из себя все, на что была способна, до тех пор, пока не почувствовала знакомое жжение на спине.

На мгновение мелькнула мысль, что мне нельзя обращаться к магии Дома, но я затолкнула ее подальше. Ради того, чтобы победить Мезенмира, я была готова на все.

Как только жжение достигло критической точки, и я поняла, что еще чуть-чуть, и уже ничего нельзя будет исправить, у меня как будто появилось второе дыхание. Новая, свежая сила окатила меня, как ледяная вода из колодца, и я услышала шум и треск.

Открыв глаза, я увидела Ножа, медленно сползающего по стволу большого дуба, который рос в нескольких шагах от его круга.

Мезенмир не вышел из обозначенного места. Его оттуда вышвырнуло. Осталось только понять, что это была за сила такая и как я смогла победить мага, равного моему отцу по силе.

ГЛАВА 13

Обиженная женщина нарежет ваше сердце на кусочки и съест его даже без соли. В этом плане магия куда безопаснее, один взрыв — и все, не нужно больше мучиться.

Мезенмир Нож о том, почему он выбрал магическую карьеру

Ледяная сила ушла, словно ее и не было, но чувствовала я себя отлично, не было привычного после использования энергоемкой магии опустошения. Я подбежала к Мезенмиру. Сердце у меня испуганно колотилось. Я вовсе не хотела убивать его Сиятельство, который, по сути, не сделал мне ничего плохого.

— Вы живы? — пролепетала я, прикладывая пальцы к его сонной артерии.

Пульс слабо бился. Я похлопала Ножа по щекам, и он открыл мутные глаза.

— Как вы? — спросила я. — Простите, я не хотела...

— Вы... — Он закашлялся и сплюнул кровь. Потом прикрыл глаза, и я почувствовала, как вокруг мага сплелся кокон исцеления. Через несколько мгновений его щеки порозовели, взгляд приобрел ясность, а дыхание стало ровным. — Почему вы не сказали мне, что обменялись кровью с Волком?

— Э-э-э... — Я помнила, как давала свою кровь Ярославу, чтобы провести обряд высшей магии после нападения волкодлаков, но совершенно не помнила, чтобы он делал со мной то же самое. Это было после того, как я воспользовалась силой Дома, чтобы спасти нас от сайд? Нет, тогда эльф ему строго-настрого запретил заниматься магией. И вдруг перед моими глазами всплыло воспоминание: я, измученная долгим плаванием, одетая, как чучело, Ярослав протягивает мне кинжал, а по руке у него змеится длинная царапина. То-то у меня были силы не только относительно терпимо себя чувствовать, но еще и над ним издеваться, а я все удивлялась! И рискнул же, в одиночку. — Вы не спрашивали, — ответила я Мезенмиру.

— Только не говорите мне, что вы еще и обагрjali родовой кинжал Волка своей кровью! — Мезенмир сидел, привалившись к дереву, отдыхая от исцеления.

— Ну-у... да, — ответила я недоуменно. — Что все это значит?

На его лице появилась насмешливое выражение.

— Так вы не знаете? Ваш отец, так старающийся выдать вас замуж именно за чистокровного, вам ничего не рассказал?

— Нет, — ответила я, отодвигаясь от Ножа. Раз у него есть силы демонстрировать свое превосходство, моя поддержка ему явно не нужна. — Я вышла замуж за простого аристократа, а потом ушла из дома. Ничего про обмен кровью мне не рассказывали, и в курсе обучения такого не было.

— А я думал... Нет так нет. — Мезенмир попытался подняться, держась за ствол дуба, но ноги у него разъезжались. (Я даже и не думала ему помогать, скрестив руки на груди.) — Это, видите ли, тайна высшей магии Домов.

— И?... — спросила я, когда он замолчал.

— И все. Тайна.

— Мезенмир, — сказала я серьезно, — если вы сейчас мне не расскажете, придется выбить из вас это силой, тем более что я вдруг стала на это способна. Прежде чем отправляться на помощь к Ярославу, я должна знать, что происходит!

Нож смерил меня внимательным взглядом.

— Вы действительно готовы выбить из меня информацию силой! — удивленно сказал он. — Надо же! А ведь все о вас отзывались, как о недалекой и слабавольной девице, которая делает все, что ей скажут ее мужчины!

Я просто подняла брови, выразив этим свое вежливое недоумение. Ты, многоуважаемый, не учел того факта, что перед отцом я трепещу, Мирика люблю, а Жадимира... любила. Как их было не слушаться? Но почти два месяца в фургоне с Ярославом любого научат думать своей головой.

— Считайте, что я изменилась.

Мезенмир кивнул.

— Я уже понял. Итак, когда двое обрученных обмениваются не только кинжалами, но и кровью, а также обагряют кровью свои новые кинжалы, вступает в действие высшая магия. Теперь вы можете заимствовать силу Домов друг друга.

— Но Ярослав не... — начала было я, но потом до меня дошло, что сейчас идет битва и мой кинжал может быть в крови не только врагов. Ярослав ранен! Я сглотнула, беря себя в руки, и спросила: — А почему это тайна?

О существовании высшей магии, которая была доступна только отпрыскам Сиятельных, было известно всем, хотя пользоваться ею в полную силу могут только маги Домов. Интересно, сколько тайн высшей магии неизвестно большинству аристократов?

Мезенмир снисходительно улыбнулся:

— Потому что в мирной жизни никому не нужны слишком сильные союзы магов. Сиятельные и без высшей магии создают столько проблем Совету, что только успевай разгребать. Однако, если уж отношения Сиятельных доходят до такого уровня доверия, как обмен кровью, ничего другого не остается, как посвятить их в происходящее и взять на особый контроль.

Я задумалась. Действительно, чтобы жена ради мужа согласилась на болезненный и небезопасный ритуал, ситуация должна быть экстраординарной. Как правило, рядом с благородными всегда находится маг Дома, способный и исцелить, и обратиться к силе рода. А муж ради жены... На роды, когда жизни женщины угрожает опасность, мужчину не пускают, чрезвычайные ситуации в хорошо укрепленном замке случаются редко, да и повод избавиться от опостылевшей женщины и подыскать себе молоденькую слишком соблазнительный.

— А вы откуда знаете эти подробности? — спросила я подозрительно.

— Потому что до того, как началась эта история с женитьбой на вас, я мечтал войти в Совет магов.

— Зачем тогда вам жениться на мне, недалекой и слабовольной девице? Строили бы свою магическую карьеру! — немного уязвлено сказала я.

Лицо Ножа замкнулось, и он снова надел свою непроницаемую маску аристократа.

— Но вы же считаете, что всем нужен домен? Зачем я буду вас переубеждать?

Он с трудом, но все же поднялся и даже предложил мне руку:

— Пойдемте, я проведу вас к Велимору и исполню свое обещание. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы выручить вашего Ярослава.

— Не только его. — Я покачала головой. — В осажденном замке есть и другие, с кем я последние месяцы делила кров и еду. Они тоже дороги мне.

— Как скажете, — поклонился Мезенмир. Он шел по лесу легко, словно эльф.

Я опиралась на его руку, и все равно иногда спотыкалась и цеплялась волосами за ветки, чувствуя себя неуклюжей.

— Расслабьтесь, Ясноцвета, — вдруг сказал Нож. — Попробуйте почувствовать лес вокруг вас. Деревья, кустарники — это все живое. Перестаньте думать, как и куда вы идете. Позвольте вашим чувствам вести вас.

— Я так не умею.

— Не спешите, просто позвольте вашей магии ощутить все окружающее. Почувствуйте, как течет сок по стволам деревьев, как он идет от корней к ветвям, маленьким веточкам и листочкам. — Голос Мезенмира был размеренным, словно стук больших часов с маятником. — Просто не думайте.

Я попыталась, но у меня ничего не получилось. Более того, я налетела на тонкое деревце, которое стегнуло меня по лицу ветками.

— У меня не получается, — обиженно сказала я, потирая горевшую огнем щеку. Кажется, крови не было, все равно приятного мало.

— Главное — тренировки, — улыбнулся мне маг открытой, довольной улыбкой, которая зажгла в его глазах серебряные лучики. — Именно так ходят по лесу эльфы. Они никогда не спотыкаются и заблудиться тоже не могут. Те, кто обладает такой мощной магией, как мы с вами, тоже могут этому научиться.

Я задумалась. Все те случаи, когда нужно было побыть в одиночестве и я убегала в лес, как правило, никогда не заканчивались хоть какими-то серьезными повреждениями.

Казалось, деревья просто расступаются передо мной, позволяя убежать как можно дальше, чтобы прийти в себя в спокойной обстановке.

— А зачем вы учите этому меня? — спросила я.

Мезенмир пожал плечами, как будто сам не знал.

— Наверное, потому что мне нравится учить. А тут такой подходящий материал!

Эта фраза меня покорила.

— Я не материал!

— Не обижайтесь, Ясноцвета, и не будьте такой злоюкой. Вы даже представить себе не можете, какое нас с вами может ждать блестящее будущее.

Я будто налетела на невидимую стену. Нож повернулся ко мне и вопросительно заглянул в глаза.

— Я хочу, чтобы вы кое-что уяснили себе, Мезенмир. У нас с вами не будет блестящего будущего! — резко ответила я.

Он устало прикрыл глаза, а когда открыл, то в них я увидела горькую насмешку. Ох, как же мне не хотелось, чтобы она предназначалась мне! Я знала, что иметь молодого Ножа в недоброжелателях очень опасно, но ничего не могла поделать. Пора было уже определить наши отношения, чтобы он знал, через какие границы не стоит переходить.

— Не будет, говорите? — переспросил благородный. — Это вы зря, Ясноцвета. Ведь, если его Сиятельство Волк сейчас погибнет в осажденном замке, вы и оглянуться не успеете, как станете моей женой. И тогда у нас с вами будет долгое совместное будущее до тех пор, пока наш сын не сможет управлять доменом. Я не хочу, чтобы вы заблуждались, Ясноцвета. Я не желаю этого брака так же, как и вы. Наверное, даже больше, чем вы. Но в случае необходимости я буду действовать решительно, даже если в первую брачную ночь мне придется привязать вас к кровати.

— Очень романтично, — едко сказала я. — Именно этого я жду от будущего Владетеля домена.

— Будущий Владетель должен уметь добиваться своего любой ценой, разве не так?

Я не могла поспорить с последним убеждением, однако просто так оставить этот разговор тоже не могла:

— Вы должны знать, Мезенмир, что браку с вами я буду сопротивляться до последнего. Мне не нравится, что мой отец готов продать меня кому угодно, лишь бы обеспечить безопасность куска земли. Ничего личного, но мне не нравится положение, в которое я попала. У меня тоже есть самоуважение.

— Ничего личного? — На лице Мезенмира появилась горькая улыбка. — Недавно вы утверждали, что вас от меня тошнит.

— Я прошу прощения за свою резкость, я была... под впечатлением о полученных новостях, — примирительно сказала я. Злить могущественного мага в то время, как Ярослав нуждается в моей помощи, крайне глупо.

— Кажется, я начал понимать, что нашел в вас капитан Волк, — вдруг сказал Нож.

— Ага, я тоже это понимаю. Это домен.

— Ни один домен не стоит того, чтобы навсегда привязывать к себе человека силами высшей магии, — произнес Мезенмир и не стал слушать моих объяснений, просто приложив к моим губам палец.

Мне где-то вдалеке послышался издевательский голос Даезаэля: «Куси его, ату!» И я едва сдержалась, чтобы не цапнуть аристократа за палец. Определенно, эльф плохо действовал на мое поведение.

Взгляд молодого мага был серьезным и таким пронзительным, словно он хотел заглянуть в мою душу.

— Пойдемте скорее, иначе ваш дядя забьет тревогу.

Его Сиятельство Нож был настолько разумным, настолько серьезным, что сердиться на него или продолжать отстаивать свою точку зрения было невозможно. Я шла с ним под руку, и мне в голову лезли всякие глупости, типа сценки: «Уважаемый муж! Я решила уйти от вас

к эльфу!» — «Уважаемая жена, давайте взвесим все положительные и отрицательные стороны этого поступка!» — «Я уйду к Дазеэлю!» — «В таком случае здесь только отрицательные последствия!» — «Что? Я не хочу, чтобы ко мне уходили! Я хочу издеваться над твоим мужем, будучи любовником!»

— Ясноцвета? — позвал меня голос аристократа, и я с трудом вынырнула из своих фантазий. — Чему вы смеетесь?

— Ммм... — Я покраснела и от этого еще больше смутилась. — Извините, наверное, я просто пытаюсь сбросить нервное напряжение.

Мезенмир погладил мне костяшки пальцев на руке.

— Я понимаю вас. Не волнуйтесь так, Ясноцвета, как бы там ни было, выручить Ярослава Волка — в моих интересах. Между привязыванием вас к кровати ради получения законного наследника и сражением с армией Сыча я выберу армию. Мне кажется, это куда безопаснее.

— Очень мило, — буркнула я. — И как, скажите на милость, я должна на это реагировать?

Взгляд благородного был невинным и чистым, как у младенца, а на лице не выражалось ни одной эмоции.

— Я просто реально оцениваю ваши возможности, — нейтральным тоном сказал мой спутник. — Самое страшное — это иметь за спиной супругу, готовую в любой момент вонзить в тебя кинжал или подсыпать яда. С армией разобраться куда проще.

— Логично, — пришлось согласиться мне.

Мы наконец-то пришли к стоянке поискового отряда. Дядя Велимор встретил нас внимательным взглядом, отметил общий потрепанный вид и остатки сора на одежде и, не скрывая ухмылки, спросил:

— Ну что, подписываем брачный договор?

— Думаю, это преждевременно, — ответил Мезенмир. — Я пообещал Ясноцвете, что мы попробуем спасти ее спутников из осажденного замка.

— Нет, — отрезал Велимор. — Никаких спасений. Ясноцвета едет домой.

— Велимор, — мягко сказал Нож, — кажется, вам пора напомнить, кого Владелец Крюк поставил руководить этим отрядом.

Крюков подошел к Мезенмиру и навис над ним так, как только он умел это делать. Благородный встретил его взгляд совершенно спокойно и не двинулся с места, хотя я постыдно спряталась за спину Ножа, чувствуя себя маленькой провинившейся девочкой.

— Ты не забыл, что случится, если ты ее упустишь? — тихо прорычал Велимор.

Я почувствовала, как Нож судорожно вздохнул, но его голос прозвучал ровно:

— Как я могу забыть? Но всю ответственность беру на себя.

Набравшись храбрости, я вышла из-за спины Мезенмира и спросила, глядя на обоих мужчин:

— Что я пропустила?

— Вам лучше этого не знать, — ответил его Сиятельство. — Это наши личные дела с Владетелем Крюком.

Я пожала плечами, поняв, что настаивать бесполезно. Наверняка отец провернул какую-то многоходовую интригу. Главное сейчас — это спасти Ярослава.

Как бы там ни было, в качестве мужа он меня устраивал куда больше, чем проницательный, логичный и слишком умный Мезенмир. Мне казалось, что с Ярославом я смогу ужиться лучше, тем более что Волк так горячо мечтал о домене, что будет прекрасным Владетелем в отличие от этого мага.

Я сменила облик и села на запасного коня. Как же давно я не ездил верхом! Это незабываемое чувство во время скачки, когда под тобой ходят мощные мускулы, когда ветер бьет в лицо и кажется, что в этом мире нет никого, кроме вас двоих и окружающей природы! И даже резкий и терпкий конский запах не вызывал у меня отвращения, как у большинства девушек моего круга, которые брезговали чистить животных после прогулки. Я потрепала

своего скакуна по шее, проведя пальцами по жесткой от пыли шерсти, радуясь тому, что в простой юбке можно сидеть в седле по-мужски. В богато украшенных и многослойных юбках аристократок нужно было ездить в дамском седле, а это было ужасно неудобно, особенно в поездках по неровной лесной дороге. Я на миг прикрыла глаза, вспоминая уже слегка подзабытое удовольствие от верховой езды, и тут же почувствовала на себе внимательный взгляд. Резко обернулась и успела поймать мгновение, когда Нож совсем неприлично меня рассматривал каким-то настороженным и требовательным, особенным, мужским взглядом.

— Что случилось, Мезенмир? — спросила я.

Он вздрогнул и покачал головой:

— Извините, Сиятельная. Я забылся.

Я досадливо вздохнула. Даже несмотря на постоянно поджидающие неприятности и опасности, работать королевским гласом было куда проще, чем общаться с благородными. В фургоне, во всяком случае, чувства выражались открыто. Даезаэль в этом случае сказал бы какую-то колкость, Драниш признался бы в том, что его привлекает моя спина, а Волк показательно презирал бы меня за что-то.

Мы объехали лагерь Сыча вокруг, чтобы появиться со стороны реки.

— Сделаем вид, будто мы ехали из его домена, — сказал Велимор.

Когда нас остановил вооруженный пост, Мезенмир надменно сказал:

— Его Сиятельство Мезенмир Нож, спешу на помощь Владетелю Сычу.

— Но... — начали было стражники, переглядываясь.

— Как вы смеете меня останавливать? — рявкнул Мезенмир. — У меня сообщение от сына Владетеля!

Воины молча расступились, видно, решив, что с благородным лучше не связываться. Я облегченно вздохнула, потому что не думала, что мы проникнем в лагерь так просто.

— Простачки, — пробурчал Хус, которого приставили следить за мной. — Нас бы Владетель казнил, если бы мы хоть кого-то через пост пропустили.

— Даже если это Сиятельный? — спросила я.

— Да хоть сам король. У вашего отца с этим строго.

— Почему же у Сыча не так? — озадаченно спросила я.

— Да это в большинстве доменов такое попустительство. Если у Сиятельного есть хоть какое-то приблизительно правдивое объяснение его поступкам, никто не станет с ним связываться, потому что это себе дороже.

— Никогда об этом не задумывалась, — призналась я.

— Потому что вы, госпожа, никогда не стояли между молотом и наковальней — двумя разъяренными Сиятельными, требующими исполнения противоречивых приказов. Если наниматель несправедлив, приходится худо.

— А мой отец?

— О, — Хус тепло усмехнулся, — у Владетеля Крюка только одно правило: чтобы выполнялись его приказы, и ничьи больше. Он суров, зато своих людей всегда защищает.

— Хус, почему ты вызвался меня искать? Ведь эта работа тебе совсем не нравится? — как бы невзначай спросила я, но посмотрела на стражника так, чтобы ему стало ясно: я требую ответа. Несколько лет назад Хус ушел с постоянной службы и удачно женился на вдове мельника.

— Эх, госпожа Ясноцвета! Да разве ж я выбирал себе эту работу? Владетель сам назначил в поисковый отряд тех, кого посчитал нужным. Заодно предупредил, что неудача карается смертью.

Я удивленно покачала головой. Не слишком ли отец строг?

— А вы, Сиятельная, как специально усложняете нам работу! Ехали бы уже домой, а не ерундой занимались! — в сердцах закончил Хус.

— Вот как? — Я подняла бровь. — Разве я спрашивала тебя о том, что мне делать?

— Извините, — опустил голову старый вояка.

Мы выехали из леса на луг перед замком, где расположился военный лагерь. Я долго смотрела на гриву коня, не решаясь поднять взгляд, а когда все-таки взглянула на замок, то не смогла сдержать крик.

Огромные ворота были проломлены, и, судя по всему, бой шел уже внутри. У меня замерло сердце. Лица Даезаэля, Драниша и Ярослава замелькали перед глазами, и я, бросив поводья, прижала ладони к вискам, чтобы успокоиться. Они выживут. Они сильные. Они умелые. Они выживут, ведь не может же Даезаэль погибнуть и больше никогда не наслаждаться сценами скандалов! Ведь он даже еще не знает о том, что у меня объявился новый жених!

Ведь не может же Драниш попасть под смертельный удар и никогда не осуществить свою мечту о собственном племени троллей?

И Ярослав не должен дать убить себя, ведь его мечта о владении доменом вот-вот осуществится!

Держитесь, ребята, прошу вас!

Я почувствовала, что конь подо мной задвигался, и открыла глаза. Хус молча шел впереди к шатру главнокомандующего и вел моего скакуна за поводья. Когда мы добрались до палатки Сыча, я уже овладела собой. Пустые переживания сейчас никак не смогут изменить ситуацию и помочь моим друзьям, так что я полностью сконцентрировалась на предстоящем разговоре со старым Владетелем. Мезенмир уже вел переговоры с охранниками Сыча, и, судя по всему, достаточно успешные, потому что один из стражей скрылся в шатре и практически сразу вышел и пригласил нас пройти внутрь. Хус помог мне спешиться, и я подошла к Мезенмиру.

— Пойдите-ка! — остановил меня Велимор. — Вы что же, собираетесь зайти к Сычу вдвоем?

— Да, — кивнул Нож. — Владетель довольно подозрителен и согласился принять только меня, а также мать своего будущего внука.

— А? — слабым голосом спросила я, даже не пытаясь скрыть удивление.

У дяди так вообще натурально отвисла челюсть, и он переводил взгляд с Мезенмира на меня и обратно.

— Э-это же оскорбление! — наконец выдавил он из себя. — Приписывать Ясноцвете такое! Да Владетель Крюк если бы узнал, то...

Я протянула Мезенмиру руку:

— Пойдемте, ваше Сиятельство!

Он подмигнул Велимору и повел меня в шатер Сыча.

Уже второй раз сегодня я была на аудиенции у Владетеля домена и на этот раз была уверена, что добьюсь своей цели.

Во время церемониальных приветствий я скромно стояла в стороне, пока Сыч не позвал скрипучим голосом:

— Подойди-ка сюда, девушка!

Я подошла настолько близко, насколько позволяли приличия, опустив голову, и присела в глубоком реверансе.

— Значит, молодой Нож, ты утверждаешь, что Томигост сделал этой девушке ребенка и направил вас обоих ко мне? — спросил Сыч.

Мое сердце колотилось от волнения где-то в горле. Хоть бы Владетель меня не узнал! Наверное, стоило сильнее изменить внешность. Или придумать другой план. Или...

— Дело в том, что Милонег Псова не желает избавляться от плода и собирается подать прошение королю о признании ее ребенка наследником вашего домена.

Ага, вот какую историю придумал Мезенмир! В принципе такое было вполне возможно, и периодически все общество обсуждало очередной скандал, когда какая-то мошенница пыталась выдать своего ребенка за ребенка наследника домена и получить деньги и власть. Я помнила, как отец строго наставлял брата, чтобы он ни в коем случае не попал в такую ситуацию, а меня пригласил послушать и проникнуться важностью

обсуждаемой темы.

— Какая упертая девица! — Взгляд Сыча сверлил мне затылок. — И что хочет мой сын?

— Дело в том, что нам удалось перехватить эту девушку, когда она уже собиралась ехать в столицу, и ваш сын просит, чтобы вы как-нибудь разрешили эту неприятную ситуацию.

— Ясно, — горько сказал Владетель. — Как же это похоже на моего сына! Девушка, подойди поближе!

Я поднялась и подошла к его креслу. Он схватил меня ледяной морщинистой кистью за подбородок и принялся внимательно разглядывать.

— Кажется, я тебя где-то видел... — пробормотал он.

— А как же! — ответила я, сбрасывая маскировку. Мой кинжал острием уже упирался старику в шею. — Еще раз здравствуйте, Владетель Сыч.

— Ясноцвета! — пораженно воскликнул Сыч, стараясь не двигаться, и очень осторожно убрал от меня свою руку. — Что вы здесь делаете?

— Я пришла предложить вам, Владетель, как можно быстрее прекратить атаку замка ульдона, — сказала я. — Или вашему сыну останется разоренный домен и война с нечистью, а я уж позабочусь, чтобы информация о вашем предательстве дошла до короля и Совета ульдонов. Через полгода о домене Сыча будут помнить только вороны, вдоволь попиравшие на костях вашего рода.

— Это жестоко, — проскрипел Сыч и слегка сдвинулся, отчего кинжал прочертил по его горлу царапину. В его ладонях появился было сверкающий шар, но мгновенно погас.

— Э нет, — рассмеялся за моей спиной Мезенмир. — Ясноцвета рассказала мне, что вы очень любите применять запрещенные приемы, и я подготовился. Вы сильны, Владетель, однако я сильнее вас и сейчас полностью блокирую вашу магию.

— Ну? — спросила я, усиливая нажим. Тоненькая струйка крови побежала на расшитый золотом кафтан старого аристократа.

— Ты не сможешь меня убить, девочка, — проскрипел Сыч. — Так что прекращай свой блеф и давай вместе найдем решение, которое устраивало бы всех.

— Посмотрите на меня, — серьезно сказала я. — Посмотрите на меня внимательно. Там, в замке, мой жених, будущей владетель моего домена. Ради него я убежала из дома, преступив волю отца. После этого убить вас ради Волка кажется мне пустяком. Посмотрите на меня, Владетель Сыч, и решите прямо сейчас, хотите ли вы оставлять свой домен в таком состоянии? Я приму любой ваш ответ, потому что мне наплевать на все, кроме жизни Ярослава Волка!

Светлые, выцветшие от старости глаза Сыча посмотрели в мои, и веки его дрогнули.

— Я сейчас отзову солдат, — прошептал он медленно-медленно полез в карман и достал серебряный свисток с выгравированным сычом. Похожим свистком, только с изображенным волком, нас когда-то будил по утрам Ярослав, и я знала, что чистый серебряный звук разносится далеко-далеко. И в замке, и в лесу армия Сыча услышит приказ командующего.

Владетель просвистел сложный код, известный только ему и его офицерам. Переливчатые звуки наполнили палатку и сладкой музыкой отозвались в ушах. Владетель отнял свисток от губ и спросил:

— Может быть, вы теперь уберете кинжал от моей шеи, Ясноцвета?

— Нет. — Я покачала головой. — Я не знаю системы ваших сигналов, и, пока не буду убеждена в том, что армия вернулась в лагерь и построилась для марша обратно в домен, я вас не отпущу.

— А если я дам слово чести?

— Я вам не верю.

— Неужели вам не хочется узнать, как там себя чувствует ваш драгоценный Волк? — ровным голосом спросил Сыч. — Возможно, ему требуется помощь... или ваша кровь для

обряда высшей магии, а вы тут...

Мой кинжал слегка дрогнул.

— Ясноцвета, — со вздохом сказал Мезенмир, — прошу вас, оставьте это дело мне, уверяю вас, я смогу позаботиться о Владетеле Сыче так, как он этого заслуживает. Отправляйтесь к Ярославу.

Молодой маг сделал несколько пассов руками. Сыч сдавленно хрюкнул и как будто заledenел, только его глаза, яростно сверкая, бешено вращались в глазницах.

— Так я его смогу удерживать долго, — улыбнулся Мезенмир и сел рядом с тронem, достав из ножен кинжал. Он был узкий и длинный, скорее похожий на короткую шпагу, чем на кинжал. Рукоять венчал оникс с выгравированным гербом Ножей.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась я, чувствуя, как с моей души упал камень, и выбежала из палатки.

Как и ожидалось, дядя без энтузиазма отнесся к моей идее поехать в разрушенный замок, однако не слишком протестовал. Оставив трех воинов охранять Мезенмира, Велимор подвел ко мне коня и молча помог на него взобраться.

Мне не нравилось его предгрозовое молчание, но Велимор должен был понять, что я уже не та бестолковая и беспечная девочка, которую он помнил, а, как ни крути, наследница домена.

Мы помчались по лагерю, где шумели вернувшиеся солдаты, в сторону замка и уже практически выбрались на луг, испещренный следами и остатками боеприпасов, как вдруг нас остановил отряд с бравым конным офицером во главе.

— Приносим вам свои извинения, но вы же — Ясноцвета Крюк? — спросил он.

Я кивнула.

— В чем дело? — спросил Велимор.

— Сожалею. — Офицер смотрел только на меня. — Но нам приказано вас убить.

Прежде чем разум осознал эти страшные слова, я успела увидеть, как солдаты Сыча бросаются на моих стражников и как офицер с мечом в руке направляет ко мне своего коня.

ГЛАВА 14

Когда я буду умирать, пусть хор юных невинных эльфийских дев исполнит надо мной похабные тролльи частушки.

Из завещания Даезаэля Тахлаэльбрара

Больше месяца каждый день Ярослав и Драниш гоняли нас как новобранцев. Физические упражнения, работа с оружием и снова физические упражнения до тех пор, пока мышцы не начинали болеть и дрожать так, что даже лежать было больно.

Мы ныли и жаловались, стонали по ночам, а днем с трудом заставляли себя двигаться, но факт оставался фактом: умения, полученные во время жестокой муштры, мне уже не раз спасали жизнь.

Так и на этот раз.

Я еще не успела осознать того факта, что вероломный Сыч не только дал приказ отступить, но и велел одному из отрядов убить меня, как уже лежала на земле. Как я прыгнула с коня, увернувшись от удара меча, не помнила. В голове лихорадочно просчитывались варианты — пешей у меня больше шансов спастись, затерявшись среди палаток и солдат. Раз меня до сих пор никто не остановил, значит, приказ об убийстве был дан только избранным, и это было мне на руку.

Я подхватила юбку и бросилась петлять между солдатами, сворачивающими лагерь, не обращая внимания на шуточки. Мне нужно было всего лишь несколько мгновений спокойствия, чтобы сосредоточиться и применить магию, но пока это было невозможно. Честно говоря, меня совершенно не волновала судьба моих стражей. В конце концов, они сами были умелыми воинами и могли постоять за себя, а сейчас главным было спасти

собственную жизнь.

— Держите ее! — закричал за моей спиной офицер. — Приказ Владетеля!

Я выжимала из своего тела все, на что оно было способно, уворачиваясь от попыток меня схватить. К счастью, офицер Сыча не приказал убить меня на месте. Возможно, не хотел, чтобы в убийство Сиятельной было замешано слишком много народу. Я сжимала в правой руке кинжал Волка и молилась лишь о том, чтобы он меня не подвел. Несколько раз я вполне успешно отбила попытки меня удержать, но так не могло продолжаться бесконечно. В какой-то момент меня схватили сразу несколько солдат — за юбку и за руки.

— Отпустить немедленно! — рявкнула я таким тоном, что сама удивилась. От такого крика перед моим отцом склонялись даже самые буйные жители из присоединенных деревень Свободных княжеств.

Солдаты взглянули в мои глаза и вздрогнули, машинально пряча руки за спину. Спасибо Хусу, который открыл мне глаза на некоторые привилегии жизни чистокровной!

Воспользовавшись замешательством в рядах противника, я побежала к выходу из военного лагеря, направляясь к замку. Еще немного, и я бы успела вырваться на свободу, а там и магию использовать легче и, может быть, ко мне бы пришла подмога.

Однако путь перегородили конные воины, я обернулась и поняла, что меня взяли в окружение. Я замерла, опустив руки и стараясь восстановить дыхание. Пока жива, я могу бороться. Хорошо еще, что окружившие солдаты не подходили близко и у меня для маневров было несколько шагов.

— Ясноцвета, — мужчины расступились, и появился офицер на коне, — вы создаете проблемы. Пойдемте со мной.

Он протянул мне руку в перчатке таким галантным жестом, как будто предлагал мне просто совместную прогулку.

— *Сиятельная* Ясноцвета, — надменно уточнила я достаточно громко и четко.

Офицер холодно улыбнулся:

— Сиятельная. Прошу вас, от вашего поведения зависит жизнь ваших людей. Уверяю, если вы будете более сговорчивы, с ними ничего не случится.

— Ах да, — протянула я, — и ничего не случится с теми, кто знает, что вы вероломно собираетесь убить наследницу домена Крюка? Вы думаете, это вам сойдет с рук?

Среди солдат раздалась взволнованные шепотки. В своих предположениях я была права. Владетель Сыч еще не до конца утратил разум и не хотел, чтобы о его преступлении знали простые солдаты. Убить Сиятельную!

Нет, конечно, среди чистокровных частенько бывали войны за власть, а яды были очень частой приправой к блюду неугодного аристократа, как и кинжалы под ребра, разнообразные несчастные случаи и неприятности на охоте. Но такими вещами занимались только доверенные лица, потому что оставшиеся в живых, а также многочисленные родственники имели неприятную привычку жестоко мстить. Простые солдаты и наемники слишком ценили жизнь и благополучие своих родных, чтобы связываться с такими вещами. Еще у всех на слуху был случай, когда Владетель Мак после гибели своего наследника сровнял с землей несколько деревень, где жили родственники наемников, так легкомысленно согласившихся на убийство. Мак потратил несколько лет на расследование и нашел всех убийц. Их доставили к нему живыми и поговаривали, что он до сих пор держит их в клетках и пытается каждый день, провозгласив, что смерть — слишком легкое наказание. Кстати, заказчика от этой участи не спасло даже аристократическое происхождение. С мощью Владетеля его небольшая семья даже не пыталась соперничать, выдав провинившегося и радуясь, что еще так легко отделались.

Мой отец был слишком известным даже в этой части королевства, чтобы планируемое убийство его дочери не вызвало волнения среди простых солдат.

Я заметила, как мужчины отступили подальше, фактически оставляя меня наедине с офицером.

— Вы просчитались, — заметила я. — Нужно было подождать, пока я выйду из лагеря

и там прирезать меня по-тихому.

— Нужно было, — согласился офицер спокойно. — Однако моя честь не позволила бы такое сделать. Я должен убить вас, Ясно... Сиятельная Ясноцвета, это приказ моего Владетеля. Я не могу ему не подчиниться. Я не хочу вмешивать в это других. Когда ваш отец начнет мстить, я хотел бы, чтобы его гнев коснулся только меня. Но, раз вы вышли на публичный уровень...

Офицер спрыгнул с коня и снял с себя головной убор с плюмажем, открывая аристократическую косу. Что ж, я так и думала. Кому попало Сыч бы не отдал такой приказ, это наверняка один из его родственников, а может быть, и следующий претендент на наследство после Томигоста. Очень умно, ничего не скажешь: и от меня можно избавиться, и от слишком активного и верного долгу племянничка, который пользовался любовью подданных. Вон как охотно солдаты кинулись исполнять его приказ и даже сейчас, хоть и не вмешиваются, все равно не отходят далеко.

— Давайте решим это дело между нами. — Аристократ достал кинжал. — Я — Светокол Сычев, вызываю вас, Сиятельная Ясноцвета Крюк, на поединок!

Я засмеялась. Вот ничего с собой не могла поделать — засмеялась и все! Уже второй раз за этот бесконечный день меня вызывают на поединок, и снова встает вопрос о жизни и смерти, только на этот раз моей, а не моего жениха. Отказаться от поединка я не могла, согласно правилам чести, да еще и в присутствии стольких свидетелей. И Светокол нашел для себя самый выгодный вариант решения проблемы. Победив меня на поединке, он хоть как-то был защищен от гнева Владетеля Крюка, а дяди, которому я, согласно правилам, могла перепоручить защиту своей чести, рядом не было. (Надеюсь, после схватки он остался цел!) Я улыбалась, чувствуя, как напрягаются щеки — трудно было удерживать приветливое выражение лица.

— Хорошо, — почти весело сказала я после небольшой паузы, — я принимаю ваш вызов. — И подняла свой кинжал, синхронно повторяя движение Сычева.

А потом просто ударила его магической волной точно так же, как и Мезенмира чуть раньше. Только на этот раз я знала, что делать, процесс подготовки прошел значительно легче, и ледяная сила рода Волка, пришедшая на помощь, уже не удивила.

И Сычева, и стоящих рядом солдат силой магии отбросило на приличное расстояние. Будто бы по лагерю полосой прошелся смерч, сметая и людей, и лошадей в одну огромную кучу. Будут знать, как становиться на дороге у Крюков! Я не мешкая помчалась в сторону замка, чувствуя, как в ушах свистит ветер, а бурлящая в крови магия позволяет телу двигаться значительно быстрее обычного.

Да, я нарушила правила проведения поединка, но о своей чести буду беспокоиться позже. Честь важна только тогда, когда ты жив. Честь не обнимешь и не прижмешь к себе холодной ночью. Думаю, даже Ярослав с этим согласится.

Я бежала так, словно за мной гнались все чахи и дрыхли, слыша, как меня настигает стук копыт. Кто за мной гонится, я не знала и надеялась, что успею нырнуть в дыру в воротах замка и спастись там среди развалин. Хоть бы преследователи не начали стрелять! Быть быстрее стрелы я уж никак не могла.

Я мчалась, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться о чей-то труп или валяющееся тут и там оружие, пока не врезалась во что-то твердое так, что даже искры из глаз посыпались. Силы удара хватило, чтобы свалиться вместе с неожиданной преградой на землю.

Перед моими глазами была толстая форменная куртка королевской армии с серебряными заклепками.

— Когда бегаешь, Ясноцвета, нужно смотреть не только под ноги, но и вперед, — сдавленно произнес Ярослав, который после попытки меня остановить оказался в лежащем положении.

Я чуть приподнялась на руках и обнаружила, что его голова перевязана так же, как и в нашу первую встречу, волосы растрепаны, а щеку пересекал свежий глубокий порез, кое-как

стянутый магией.

Я посмотрела в его серебристо-серые, ледяные глаза и пролепетала, чувствуя, как с души свалился огромный камень:

— Вы живы, да?

— Да, — просто ответил он.

Я прижалась лицом к его груди, схватила руками за куртку, царапая ладони о серебряные детали, и зарыдала в голос.

Ярослав помолчал не двигаясь, а потом положил мне руку на голову и неумело погладил, другой рукой обхватив меня за талию.

— Успокойся, девочка моя, — хриплым голосом сказал он. — Теперь все наладится.

Потом, не выпуская меня из объятий, он медленно сел и принялся баюкать меня, как ребенка. Я постаралась загнать свои рыдания вглубь — нехорошо так себя вести перед строгим Волком. Но слезы текли и текли, вырываясь судорожными всхлипами, отчего все мое тело сотрясало, несмотря на все попытки взять себя в руки. Вопреки моим ожиданиям Ярослав ничего не говорил, лишь изредка прикасался губами к макушке только для того, чтобы вызвать очередной приступ всхлипываний.

— Очень не хочется прерывать такую душещипательную сцену, — раздался над нами едкий голос Даезаэля, — но там Драниш умирает. Не хотите попрощаться?

Эти слова моментально привели меня в чувство, поселив в животе ледяной ком. Я вскочила на ноги и уставилась на Даезаэля. Выглядел целитель куда лучше, чем я ожидала. И вообще, я только сейчас заметила некую странность: во дворе на постах стояли стражи ульдона, и практически все они выглядели так, будто только что отдыхали на курорте, а не сражались в смертельном бою — розовощекие, так и брызжащие силой и здоровьем. И эльф сиял в лучах солнца золотистыми, хоть и растрепанными волосами, которые всегда первыми реагировали на все неприятности, становясь тусклыми; а на теле, кажется, не было ни царапинки, даже сорочка целая. Что здесь происходит? Но задать вопрос я не успела, потому что Ярослав спросил:

— Где он?

Мне показалось или голос капитана задрожал?

Даезаэль просто поманил нас пальцем, не говоря больше ни слова.

Я в первый раз видела двор замка после бойни, и от зрелища пробирала дрожь. Почти все хозяйственные постройки были разрушены, тут и там лежали трупы животных, людей и койладон, брусчатка была залита кровью и выбита на местах магических взрывов. Тара Уйэди нигде не было видно, как и Тисы с Персивалем. Интересно, они живы? Я взглянула на Волка, на лице которого была непроницаемая ледяная маска, и не решилась спросить.

Драниш лежал под замковой стеной с закрытыми глазами. Его густые курчавые волосы слиплись от крови, а лицо было серым и израненным. Дышал он редко, с ужасным хрипением, из полураскрытого рта после каждого выдоха появлялась розоватая пена. От пяток до груди он был укутан в теплое одеяло, на котором уже расплылись кровавые пятна. Я остановилась. Нет, я не хотела этого видеть. Я не хотела! Драниш — веселый, добрый, заботливый и надежный, как скала, просто не мог быть *этим*! Ошибка, определенно ошибка! Ведь он же опытный воин, он... он всегда победит всех! Я не хочу на это смотреть, я не хочу! Я сейчас закрою глаза, а когда открою, то окажется, что Даезаэль все перепутал и там, под стеной, лежит один из солдат Сыча, но не Драниш.

Ярослав повернулся и прижал мою голову к своей куртке. Его дыхание вырывалось с каким-то свистом, а рука, которую он положил на мой затылок, подрагивала. Я плотно-плотно закрыла глаза, но все равно перед ними всплыло тело, укрытое окровавленным одеялом.

— Мужество, — прохрипел Волк. — Мужество.

Я поняла, что он хотел сказать, и отстранилась. Конечно, Владелец всегда должен быть мужественным. Владелец должен достойно провожать в посмертие своих соратников.

В глаза как будто насыпали песка, а ноги одеревенели. Закусив губу до крови, я изо

всех сил пыталась быть мужественной.

— Вот, — непривычно печально сказал Даезаэль, присаживаясь рядом с Дранишем на корточки. — Можете признаваться в любви и клясться в вечной памяти.

Я упала на колени перед Дранишем и схватила его за руку. Обычно горячие пальцы тролля сейчас были ледяными. Он никак не отреагировал на мое пожатие. Взгляд Драниша был устремлен куда-то ввысь, и меня пробрала дрожь. Неужели он уже видел облачную пещеру Пахана и самого бога, приветственно машущего рукой?

Я почувствовала рядом со своим ухом тяжелый вздох и, обернувшись, увидела Ярослава. Глаза у него сверкали. Если бы это был не несгибаемый Волк, я бы сказала, что он пытается сдержать слезы.

— Можно... — чтобы овладеть голосом, Ярославу пришлось прокашляться. — Можно ли что-нибудь сделать?

— Все, что можно было сделать, я уже сделал, — с искренним состраданием произнес целитель. — Драниш впал в боевое безумство, и ты же видел, скольких он положил. И все. Он исчерпал себя.

— Драниш, — прошептала я, погладив его руку. Странно, почему мне так же больно, как и когда я узнала о смерти мужа? Неужели за два месяца тролль сумел занять в моем сердце столько места? — Драниш, пожалуйста, не умирай!

— Он тебя не слышит, — сказал Даезаэль без следа обычной насмешки.

Ярослав тяжело осел на брусчатку, словно из него вынули внутренний стержень, и закрыл лицо руками.

— Я сожалею, — сказал тихо эльф. — Я правда сожалею, но... я бы и рад попытаться, но магия ульдона не даст мне это сделать. А только моих собственных сил не хватит, чтобы исцелить тролля с таким количеством внутренних повреждений, особенно учитывая, как сильно эта раса сопротивляется магии. Все, что я смог, — это максимально обезболить, чтобы умер он спокойно.

Я обеими руками держала огромную ладонь Драниша, как будто это могло удержать его тут, рядом с нами, и бестолково глядела на рукав черной форменной куртки с серебряными заклепками. На черном кровь кажется лишь пятном, которое слегка темнее ткани. На груди, полускрытые одеялом, были такие же капитанские нашивки, как и у Ярослава, хотя Драниш никогда не заморачивался насчет собственного звания. Мне вспомнилось, как он предлагал мне стать генеральской женой, шутливо рассуждая о том, что придется съездить в штаб, чтобы получить причитающиеся повышения. Странно, почему в такие моменты в голову лезут всякие глупости?

— У меня есть кое-какое предложение, но оно вам не понравится... — начал Даезаэль, но нерешительно умолк.

Я подняла глаза. Эльф сидел напротив нас, закусив губу и уставившись невидящим взглядом в одну точку.

— Говори, — прохрипел сквозь сомкнутые ладони Волк.

— Мы могли бы сейчас найти жреца или попросить Тара Уйэди и официально поженить Ясноцвету и Драниша. Супружеская пара, особенно если обряд был совершен по всем правилам, имеет куда больше возможностей для выживания, чем одинокий тролль. Ясноцвета может попытаться вытащить Драниша, используя свою магию.

Супружеская пара... Мне даже показалось, что у меня в голове что-то щелкнуло. Нервное потрясение напрочь лишило меня способности думать, но теперь я вспомнила! Ведь мы с Ярославом теперь можем пользоваться объединенной магией обоих родов! Это огромная сила, которая поможет Даезаэлю вылечить Драниша.

Я уже была готова кричать об этом и потребовать от целителя взять нашу магию, но встретила с серьезным и предупреждающим взглядом Сына Леса и... промолчала, обратив внимание на Ярослава.

Волк тяжело дышал, сжав руки в кулаки, на лице у него ходили желваки.

— Женьба, — пробормотал он, — по всем правилам...

— Это навсегда, — качнул головой Даезаэль. — Правда, я не могу дать гарантий, так что вполне возможно, что Ясноцвета пробудет женой совсем недолго — полдня, день... Тролли живучие и умирают долго. А может быть, это как раз то, что необходимо, чтобы Драниш выздоровел.

Ярослав посмотрел на меня. Во взгляде его были отчаяние и нестерпимая мука.

— Навсегда, — проговорил он. — Навсегда!

Он ударил сжатыми кулаками о брусчатку так, что сбил костяшки в кровь. Я отшатнулась — настолько страшным был его взгляд.

— Драниш — мой лучший друг, но могу ли я ради спасения его жизни перечеркнуть все, к чему стремился? Могу ли я? Могу? — Он уже кричал, и крик его, казалось, исходил из самого сердца.

— Это только тебе решать, — шепнул Даезаэль. — Ясноцвета не против.

— Я... — Ярослав сглотнул, будто проглатывал колючку. — Я... только надеюсь, что Драниш возьмет меня к себе помощником, когда станет Владетелем.

Я перевела взгляд на Даезаэля. Эльф сиял, умильно сложив руки на груди. Лицо у него было довольным-довольным, будто он был купцом, у которого оптом внезапно скупил весь залежавшийся товар.

Когда стоишь на коленях, бить очень тяжело, но я вполне успешно нанесла удар, врезав целителю кулаком по челюсти. Даезаэль, не ожидавший от меня такого, завалился на спину, дернув ногами.

Эльфийская челюсть оказалась довольно твердой, и я со стоном потрясла кистью. Пресветлые Боги, что со мной происходит? Почему я уже второй раз за день кого-то бью? Если бы мой отец это узнал, то, наверное, поседел бы от ужаса. Впрочем, что отец! Рядом сидит Ярослав, и уж он-то мне этого не спустит.

Волк молчал, и это молчание было хуже всяких слов. Я сидела, опутив взгляд на окровавленное одеяло, и, честно говоря, откровенно боялась посмотреть в сторону капитана.

Даезаэль тем временем поднялся, потер челюсть и деловито спросил:

— А что ты предлагаешь? Ясноцвета, эй! Я к тебе обращаюсь.

— Мы с Ярославом можем теперь объединять силу наших родов, — скороговоркой пробормотала я.

— Что? — удивился Волк. — Как ты...

— Ты это точно знаешь? — перебил его Даезаэль, дождался моего кивка и воодушевленно сказал: — Прекрасно! Двойная сила — это как раз такая мощь, которая нужна. Давай мне свою руку и делай то, что нужно для этого объединения. Только учти, твой удар я не забуду и не прощу.

— Мы об этом еще поговорим, — спокойно пообещал Ярослав, зажимая между своими ладонями мою.

Целитель схватил мою правую руку и без предупреждения резанул по запястью кинжалом, выхватив его с поистине нечеловеческой скоростью и ловкостью из моих ножен. Я вскрикнула.

— Я только начал, — со злобной улыбкой пообещал эльф и резко потянул из меня энергию.

Я решила отложить все эмоции на потом и просто сконцентрировалась на магии. В этот раз процесс соединения двух магий пошел еще легче, чем во время поединка с Сычевым, вот только силы целителю требовалось значительно больше и отнюдь не на мгновение. Я почувствовала, как снова отозвался болью ожог на спине, как пришла ледяная сила Волка, но этого все еще было недостаточно.

Ожог на спине болел все сильнее, и мне все труднее было сдерживать стоны. Прошло еще мгновение — годы? — и я уже кричала в голос. Тело требовало прекратить издеваться над собой, но силы воли хватало на то, чтобы не выдернуть свою руку из ладоней Волка, а Даезаэль держал цепко, скороговоркой бормоча заклинания.

С Дранишем не происходило никаких видимых изменений. Неужели все, что мы

делаем, зря? Неужели даже объединенной силой двух Домов не удастся исцелить тролля?

Боль на месте ожога стала нестерпимой, и я упала лицом на грудь Драниша, прямо на кровавое пятно. Каким же холодным оно было! Каким холодным...

Мне казалось, что я дома, в южном поместье. Наша супружеская кровать, на которой мы с Жадимиром проводили упоительные ночи, была покрыта очень мягкой периной. Каждый вечер ее взбивали несколько горничных так, что, укладываясь спать, я проваливалась в пушистый и теплый сугроб, в котором было невероятно уютно.

Жадимир ложился позже, подкатывался ко мне и обнимал, целуя в затылок. Тогда у меня, как и у каждой аристократки, были длинные, почти до колен волосы, которые няня заплетала в тугую косу. Если я не просыпалась, то муж отыскивал в постели кончик косы и щекотал мне нос. Если же и это не помогало, то он просто прижимался ко мне и тоже засыпал.

Утром я просыпалась рано и долго нежилась, впитывая каждой клеточкой тела это невероятное ощущение — объятия любимого мужчины, стук его сердца и размеренное дыхание. Как правило, пушистые волосы Жадимира за ночь растрепывались и золотым ореолом разлетались по подушке. Я осторожно, стараясь не разбудить любимого, гладила шелковистые пряди.

А у Ярослава волосы совсем не такие, как у Жадимира. Волк — чистокровный благородный, плод многовековых браков между аристократами, и волосы у него жесткие, и прямые и из прически не выбиваются.

Я вспомнила, как выглядел капитан после того, как вытащил меня из реки, и впервые задумалась о том, что я тогда увидела в его взгляде, кроме удивления, что я оказалась Сиятельной? Что там было такое едва уловимое, такое необычное?

Мысли о Ярославе вернули меня к реальности, и я почти сразу же поняла, почему проснулась с мыслями о прошлом — рядом действительно лежал Жадимир, обхватив меня рукой, и несколько прядей его волос пересекали мое лицо, издавая едва уловимый лавандовый аромат. В комнате было темно, и только бледный свет луны пробивался через сомкнутые шторы. В голове теснились миллионы вопросов. Сколько времени я пробыла без сознания? Удалось ли нам исцелить Драниша или же он умер? Что с Таром Уйэди, Тисой и Персивалем? И почему рядом со мной Жадимир? Где Ярослав? Или Даетазель на худой конец!

Я попробовала отстраниться, но тело не слушалось, и как я ни старалась, мне не удавалось сдвинуться с места. Самое страшное, в глубине души мне нравилось лежать в объятиях первого мужа. Но почему? Я ведь считала, что Жадимиру уже нет места в моем сердце, что я похоронила свою любовь, как только узнала, что он два года скрывался, заставив меня оплакивать его смерть.

— Жадимир, — шепотом позвала я. — Жадимир!

— Ммм, — пробормотал он в полусне и уткнулся носом мне в плечо.

— Жадимир, проснись же! — Я решила попробовать метод, который несколько лет назад всегда помогал. — Мой отец приехал!

— Что? — Ножов подскочил на кровати, резко сев. — О, Пресветлые Боги, Ясноцвета, какой отец! Мы же в замке ульдона!

«Ага, — отметила я про себя, — в глубине души ты все же еще боишься моего отца!»

— Что ты делаешь в моей кровати, Жадимир? — спросила я.

— Как это что? Ты же была при смерти, а я как-никак твой муж! Я должен быть рядом.

— Ммм... — Я опять попробовала пошевелиться, и у меня снова ничего не вышло. — Почему я была при смерти?

Жадимир через меня наклонился к прикроватной тумбочке и зажег лампу, потом уселся поудобнее и перекинул волосы на спину.

— Почему? Станный вопрос. Ты такая глупышка, Ясная моя! Зачем ты обращалась к силе рода? От последствий обращения к ней в прошлый раз тебя с трудом смогли избавить

ваш эльф-целитель совместно с Таром Уйэди! Скажи, ты ищешь смерти?

— Нет... нет, совершенно нет! Просто я должна была помочь Дранишу. Как он?

Жадимир рассмеялся.

— Никогда не перестану тебе удивляться! Ты сама балансируешь на грани жизни и смерти, а тебя волнует только тролль?

— Я не думаю, что умираю, — возразила я. Да, я не чувствовала тела, однако у меня ничего не болело и дышать было легко.

— Ах, это все потому, что я рядом. — Жадимир погладил меня по голове. — Разве ты не знаешь? Связь между мужем и женой очень прочная.

— Жадимир, я ведь уже говорила. Я не хочу, чтобы наш брак продолжался, и я уже обручена с Ярославом.

Ножов продолжал улыбаться, но голос его был холоден:

— Ясная моя, видишь ли, мне абсолютно все равно, что происходит между тобой и Ярославом. Ты моя жена. Что бы ты себе ни придумывала, ты все равно моя жена и будешь ею еще сколько?.. Около трех недель, если меня не подводит память.

— Не подводит, — буркнула я.

— Скажи, разве ты меня не любишь? — ласково спросил муж.

— Я не думаю, что до сих пор люблю тебя, — откровенно сказала я. — И не думаю, что это изменится. Я повторяю: ты был хорошим мужем, я не могу этого отрицать, но ты не будешь хорошим Владетелем домена.

— Почему не буду? — удивился Жадимир. — Я ведь уже и есть Владетель домена.

— Как это? — пролепетала я.

— Я понимаю, ты очень слаба и тебе тяжело думать, но разве это не очевидно? — Ножов снисходительно улыбнулся. — Ты — наследница домена, а я твой законный муж. Значит, согласно законам королевства, я — Владетель.

— Но мы же с тобой разведемся...

— Ясноцвета! — Жадимир навис надо мной, поставив руки так, что моя голова оказалась в тисках. — Забудь ты эту ерунду про развод. Я не позволю тебе развестись со мной! Ну, ну, не делай такое лицо. Разве я был плохим мужем? Поверь, став Владетелем, я стану еще лучшим! Все, что тебе нужно для счастья, — насыщенные ночи, новая одежда, драгоценности, — все, что захочешь! Я даже разрешу тебе видаться с твоим любимчиком Чистомиром, правда, только после того, как ты родишь мне сына.

— Ты не можешь стать Владетелем! Ты не Сиятельный!

— Какая глупость! Тебе стоило бы лучше знать историю собственного государства, Ясная моя! Далеко не всегда Владетелями становились прямые потомки Сиятельных. Процесс нанесения магической татуировки Дома абсолютно у всех делает глаза серыми и дает доступ к огромной силе. Да и вообще, кто бы говорил! Разве не твои предки совсем недавно не имели никакого отношения к нашему королевству?

— Мои предки всегда были благородными и всегда правили! А вот из какой семьи ты? — Я твердо смотрела в голубые глаза Жадимира, в которых отражались блики света от ночника, и поэтому я никак не могла уловить их выражения. — Пойми, быть Владетелем — это не только носить татуировку Дома и иметь определенный цвет глаз, это большая ответственность. Особенно у нас, в приграничье. И особенно сейчас, когда в стране идет гражданская война. Домену нужен сильный Владетель, который сможет защитить жителей. И не только защитить — не допустить голода и нищеты, не позволить алчным правителям из независимых княжеств оттяпать кусок нашей земли... Разве *ты* сможешь это все потянуть? Ты же книжный червь, мечтатель!

Жадимир расхохотался.

— Вот как ты думаешь обо мне? Ты ошибаешься, моя маленькая женошка! Я знаю и умею куда больше твоего разлюбезного Волка, для которого учеба была мукой. В моем распоряжении были библиотеки двух крупнейших северных доменов!

— Так ты давно уже это спланировал, да? — прошептала я.

Ножов пожал плечами.

— Мой отец слишком бедный, чтобы устроить мою жизнь с помощью денег. Поэтому я с детства знал, что моей силой будут знания и хорошо проработанные планы на жизнь.

— Если бы не мой отец, который тебя подозревал и постоянно к нам навещался, я так и была бы наивной влюбленной дурочкой до тех пор, пока бы не пришла пора делить домен на два? Ведь это только я ни о чем не задумывалась, а ты наверняка знал, когда женился, что так и будет! — горько проговорила я.

Жадимир снова улыбнулся.

— Любой дальновидный человек знал, что твоему отцу придется разделить домен, я только немного ошибся в сроках. Уж не знаю, как это ему удалось, но он сумел уговорить короля отложить решение о разделе домена. Но... почему быть наивной влюбленной дурочкой так плохо? Разве ты не была счастлива со мной? Вспомни, за те несколько месяцев, что мы жили в браке, мы хоть раз поругались? Хоть раз ты жалела о том, что мы женаты? — Ножов помолчал, а у меня в голове было пусто и гулко. Наверное, так мой мозг сам себя закрывал от душевной боли. — У нас и твоего домена все будет хорошо. Ты знаешь, чем я занимался минувшие два с половиной года, после того, как мне пришлось скрыться от убийц твоего отца? Я управлял землей, которая принадлежит Тару Уйэди!

— Ты? — удивилась я.

— Конечно! Этот молодой ульдон получил кусок территории в конце войны, когда стало понятно, что Владелец Сыч так слаб, что не будет особо протестовать. И именно я занимался развитием земель, я смог добиться, чтобы эти территории приносили доход, чтобы здесь селились жители! Тару Уйэди никогда не была интересна эта, как он говорил, мышьяная возня за крупу, и поэтому он позволял мне делать все, лишь бы был результат. Так что поверь, Ясная моя, я смогу стать достойным Владетелем твоего домена.

Мне вспомнились опустевшие деревни, которые мы встречали на своем пути, и рассказ бывшего жреца о том, что произошло с жителями, и я спросила внезапно охрипшим голосом:

— Значит, то, что я видела в бывших деревнях домена Сыча, это твоих рук дело?

— А? Нет, не моих. Это Тар Уйэди, он любит всякие эксперименты проводить. Но я постарался, чтобы даже это пошло нам на пользу.

Меня пробрала дрожь от того, как спокойно говорил Жадимир об опустевших деревнях. Столько человеческих жертв ради эксперимента, и он постарался, чтобы это пошло на пользу!

— И тебя не ужасало то, что вы делали с Таром Уйэди? — спросила я.

— Нет. — Он покачал головой и его пушистые волосы упали мне на лицо. (Я постаралась их сдуть, но не очень-то преуспела.) — О, извини!

Жадимир ласкающими движениями убрал волосы, не забыв погладить мое лицо. В животе возник тугий и горячий ком. Ну почему, почему Ножов всегда так на меня действует?

— Иногда иметь зомби под рукой куда лучше, чем живых людей, — рассудительно заметил Жадимир. — Я мог бы тебе показать теоретические экономические выкладки и результаты, которые я в итоге получил и получаю, но не буду забивать этим твою прелестную, но маленькую головку. Просто согласись, что я стану хорошим Владетелем.

— Очень интересно, как же ты собирался стать Владетелем, находясь от меня так далеко? Как только истек бы срок брачного контракта, у тебя не было бы никаких шансов. Зная моего отца, я могу с уверенностью утверждать, что он выдал бы меня замуж в тот же день, — сказала я.

— О, Ясная моя, неужели ты искренне думаешь, что я бы пустил дело на самотек? Я собирался появиться перед тобой, как сияющий рыцарь! Я прекрасно спланировал свое возвращение, как вдруг засек твою магию в домене Сыча, а потом и совсем близко. Зачем мне было совершать лишние движения, когда моя жена сама стремилась ко мне в объятия?

— Вот как, — глухо проговорила я и попыталась отвернуться.

Глаза Ножова хищно блеснули — или это снова игра света? — и он наклонился к моему лицу. Его волосы упали по сторонам, создав между нами и миром шелковистую

золотую завесу.

— Я могу быть хорошим Владетелем, и я — лучший муж для тебя, Ясная моя, — прошептал он и принялся покрывать мое лицо поцелуями. — Возможно, я допустил некоторые ошибки, но я исправлюсь. Ты не пожалеешь!

Жар внизу живота все разрастался, и я вдруг почувствовала руки и ноги, смогла пошевелить пальцами. Это была очень хорошая новость, однако я решила ее приберечь. События последних дней научили меня осторожности рядом с бывшим возлюбленным.

— Нет, Жадимир, нет! Я прошу тебя! — Из-за сумасшедшего стука сердца я сама себя не слышала. — Нет!

— Почему нет? — промурлыкал он, прокладывая горячую дорожку по моей шее. Мое тело непроизвольно выгнулось, стремясь быть ближе к мужскому. — Разве хоть на кого-то еще ты так реагировала? Я подарю тебе счастье, Ясная моя, каждую ночь!

— Нет, — простонала я. — Я не могу позволить такому, как ты, завладеть моим доменом!

— Такому, как я? — Он горячо дышал мне в ложбинку между грудями. — Что плохого в достижении своей цели любым путем?

Он сдернул с меня одеяло и лизнул левый сосок.

— Нет, — простонала я, хотя мое тело говорило «да!», — нет! Что бы ты ни сделал, я не изменю своего решения! Я не желаю продолжения нашего брака! Не хочу!!!

Жадимир снова навис надо мной, кривя губы.

— Хорошо, — процедил он. — Я хотел добром, Ясноцвета! Но, если ты так категорично настроена, у меня нет другого выхода. Прощай, моя дорогая женушка!

Он сел сверху, больно сдавив ногами мои бедра, чтобы я не смогла брыкаться, схватил подушку, на которой спал, бросил ее мне на лицо и придавил сверху руками.

Подушка пахла лавандовым ароматом — любимым ароматом моего вероломного мужа.

ГЛАВА 15

Если передо мной будет выбор — возможность спать каждый день столько, сколько хочется, или стать королем, я выберу первое. Качественный сон — залог жизненного благополучия.

Персиваль фон Клоц о приоритетах

Наверное, то обстоятельство, что я могла ощущать свое тело и активно сопротивляться, было для Жадимира сюрпризом, потому что на мгновение мне удалось сбросить подушку с лица и глубоко вдохнуть. Неужели он действительно решил меня убить? И это все ради домена? Ну да, если следовать его логике, он, став вдовцом, вполне может претендовать на домен. Я напряглась, и магия пришла на помощь — наволочка разлетелась на сотни кусочков, и мы оказались усеяны перьями.

Жадимир чихнул так, что из глаз у него брызнули слезы. Воспользовавшись этим, я вырвалась из его хватки и скатилась с кровати на пол. Однако Ножов пришел в себя быстрее, чем я ожидала, и успел поймать меня за ногу. Он так сильно дернул меня на себя, что я ударилась головой и грудью об пол, едва не сломав ребра. Если бы я только знала, где мой кинжал! Как же мне не хватало возможности пустить в ход любимое оружие!

— Дрянь! — пробормотал Жадимир. — Сколько ты еще будешь мне сопротивляться?

И тогда я набрала полные легкие воздуха и закричала. Мой муж спрыгнул с кровати и попытался добраться до моей шеи. Но я свернулась в клубок и обхватила голову руками, пытаясь защититься. Тогда разъяренный мужчина принялся пинать меня ногами, целясь по почкам. Это было очень, очень больно, и я кричала, кричала, кричала... Ну ведь кто-то же должен мне прийти на помощь, должен, да?

Внезапно удары прекратились. Я нерешительно открыла глаза, сморгнула слезы и быстро поползла к кровати, готовая под нее нырнуть.

— Ясноцвета! — Рычание Волка заставило меня остановиться и обернуться, чтобы понять, что происходит.

На полу лежал Жадимир, а на нем сверху сидел Ярослав. В руках у Волка был кинжал, которым он был готов резать моего мучителя.

— Не убивай его! — закричала я и повисла на руке капитана, мельком удивившись тому, что избитое тело еще способно так двигаться.

Волк легко вырвал свою руку из моих и посмотрел на меня бешеными глазами:

— Оденся!

Я отступила к кровати и нашарила покрывало. Завернувшись в него, я снова попросила:

— Не убивай его, пожалуйста.

Ярослав молчал, не отводя кинжал от горла Ножова. Лицо благородного было каменным.

— Почему? — спросила я шепотом. — Жадимир, почему ты меня хотел убить? Почему ты меня бил? Почему?

— А почему ты меня не хотела? Почему ты отказывалась? — прохрипел он. — Ты должна была меня хотеть! Должна!

— Но... я хотела тебя, но не могла предать интересны своего домена! — честно ответила я. В комнате было слишком темно, чтобы разглядеть выражение лица Ножова, а по бесстрастной маске на лице Ярослава я ничего не могла прочесть, кроме того, что он с трудом сдерживал ярость, но об этом я знала и так.

— Ты должна была хотеть меня так, чтобы забыть про все и всех! — крикнул Жадимир. — Ты должна была!

— Почему это я была должна? — прошептала я.

— Потому что он применял к вам магию, Ясноцвета, — раздался голос Мезенмира.

Я обернулась. Молодой Нож стоял у дверей, а над ним горел магический огонек — словно невидимая свеча плавала в воздухе. Лицо у мага было сочувствующим, а вот у Дазеаэля, который небрежно облокотился о стену рядом, — как обычно, любопытное и довольное.

— Как это... магию? — спросила я шепотом. Мне казалось, что я маленькая девочка, которая верит, что если говорить тихо-тихо, то притаившееся под кроватью чудовище ничего не услышит и уйдет в свою берлогу.

— Любовную, — объяснил Мезенмир. — Я чувствую на вас ее следы.

— Магию, — прошептала я, кутаясь в покрывало.

— Очень умелую и тонкую, которую практически невозможно почувствовать. Войди мы несколькими минутами позже, даже я бы не смог понять, что на вас накладывались чары. Наверное, я не ошибусь, если скажу, что эту магию ты применял к ней с первого дня знакомства? — Мезенмир подошел к Ножову, которого продолжал удерживать Волк и наклонился над ним: — Здравствуй, кузен.

Теперь я видела лицо Жадимира. И лучше бы мне его не видеть! Его ясные синие глаза, обычно такие безмятежные, теперь горели жгучей ненавистью.

— Конечно, применял! — прошипел он. — Эта безмозглая курица, которой через пару лет должен был обломиться домен, иного и не заслуживала! А мне нужны были власть и богатство! Нужны были! Вы — ах, ну конечно же благородные Сиятельные! — вы не знаете, что такое мерзнуть зимой в продуваемом всеми ветрами доме, когда нет денег на дрова! Вы не знаете, что такое есть месяцами только кашу из дешевой крупы, а из наследства иметь только портреты великих предков, которые спустили все деньги! Мой отец верой и правдой много лет служил королю, и что он получил в награду? Жалкую пенсию и кусочек земли!

— Мой отец был готов возвысить тебя, — заметил Мезенмир. — Ты бы имел и богатство, и почет. А ты оплатил ему тем, что добрался до архивов с запрещенными заклинаниями, которые когда-то разрабатывали маги нашего Дома! Что, удивлен? Отцу нужно было сразу же, как только ты женился, вызвать меня из университета, а не плакаться соседям о потере такого ценного секретаря! Уж я бы ему объяснил, как можно так быстро

покорить сердце девушки из семьи Сиятельных! Что, удивлен? Да, я тоже в свое время побывал в этих архивах. Жаль, молод был и не догадался уничтожить все записи.

Жадимир бросил на Мезенмира яростный взгляд и сменил тактику. Его голос зазвучал жалобно и прониновенно:

— Ясноцета, скажи, разве тебе было плохо со мной? Разве ты не была счастлива? Если бы не твой слишком настырный отец, ты бы и до сих пор была примерной и влюбленной женушкой, воспитывала бы наших детей, не интересуясь ничем другим, а я бы правил! Правил!!! У меня было бы все! Богатейший огромный домен!

— Не такой уж он и большой, — сказала я. Мне казалось, что я стою посреди раскаленной пустыни — так сухо было в горле, а глаза жгло и щипало от невидимого песка.

— Домен Крюка? Он же самый большой и самый богатый во всем государстве! Я отвечу тебе, моя милая женушка! Твой брат под железной пятой отца вырос таким же рохлей, как и ты! Совсем скоро он бы отдал мне в управление свой домен, чтобы свалить с себя обязанности!

— А зачем же ты хотел меня убить? — почти равнодушно спросила я.

— Я всегда знал, Ясноцета, что ты глупа. — Жадимир зашипел, когда Волк сильнее прижал свой кинжал к его горлу. — Ты внимательно читала наш контракт? Там нет ни слова об имущественном наследовании! То ли твой папаша думал, что сможет уберечь тебя, то ли планировал ничего тебе не давать в руки, но таким образом мы подчинены общекоролевскому закону о наследовании, а значит, домен после твоей смерти будет моим! Но, Ясноцета, я же хотел, как лучше... Чтобы наши дети...

— Ясно. — Я перебила его откровения. — Прошу вас, не убивайте его, Ярослав. Его нужно заключить под стражу до тех пор, пока не закончится действие нашего брачного контракта. И прошу вас, оставьте меня одну.

— Давай его зарежем, — кровожадно предложил Даезаэль, так и не отлепившийся от дверного косяка. Выглядел он не очень хорошо, наверное, и чувствовал себя соответственно, раз так долго удерживался от комментариев.

— Нет, — покачала я головой. Пусть Жадимир оказался негодяем, и Ярослав с удовольствием бы его зарезал, но я не могла перечеркнуть то, что было между нами. В чем-то он был прав: за месяцы нашего супружества мы ни разу не поругались и я была полностью и беззаветно счастлива.

— Вы уверены? — спросил Мезенмир. Судя по всему, он не испытывал к родственнику теплых чувств.

Я кивнула.

— Ну, хорошо, пошли уже, — поторопил Даезаэль. — Дайте девушке пострадать вдоволь.

Ярослав встал с пола и поднял Ножова, заломив ему руку.

— Ясная моя, — умоляюще произнес Жадимир, — мы еще можем быть счастливы!

Я хранила молчание до тех пор, пока комната не опустела и не раздался щелчок закрывающейся двери. А потом просто рухнула на пол.

Мне казалось, что я умираю. Не было никаких чувств, даже боли не чувствовалось. В голове было так пусто, что казалось, звенит эхо, будтоходишь в большую бальную залу, когда там никого нет.

Не знаю, сколько я так пролежала, слушая, как мерно стучит сердце, не способная даже удивиться тому, что оно все еще продолжает упрямо гнать кровь. Мне-то казалось, что оно разлетелось на тысячи обжигающе горячих осколков.

— Котя, — ласково произнес голос тролля, — вставай, а то простудишься.

Я медленно повернула голову. В свете пробивавшихся через шторы рассветных лучей надо мной склонился Драниш. Его голова, грудь, руки были забинтованы, под глазами залегли глубокие тени, а губы были бледными-бледными. Я протянула руку и прикоснулась к его ладони.

— Теплая... ты жив, Драниш...

— Да, — кивнул тролль. Взгляд его был серьезным и ласковым одновременно. — Я не мог умереть и оставить тебя одну. Наверное, я слишком много о себе думаю, но мне казалось, что без моей помощи ты пропадешь. Вставай, котя. Прости, но я не смогу тебя поднять.

Я медленно встала, потуже завернулась в покрывало и замерла, не зная, что делать дальше.

— Давай приляжем, — предложил Драниш и первым осторожно присел на кровать. Вероятно, это движение причинило ему сильную боль, потому что он зажмурился и шумно выдохнул сквозь зубы.

— Я не могу лечь с тобой, — возразила я. — Я обручена. Если Ярослав узнает о таком...

— Котя, — голос тролля прозвучал устало, — как ты думаешь, кто меня сюда послал? Кто помог мне добраться до твоей комнаты?

— Ярослав? — удивилась я. — Но почему? Как? После всего... этого он решил на мне не жениться?

— Насколько мне известно, нет. Котя, прошу тебя, не усложняй! Ярик пытается заботиться о тебе как умеет.

Я залезла на кровать, стараясь двигаться как можно осторожнее, чтобы шевеления матраса не причиняли Дранишу лишнюю боль. Сдула в одну кучу перья из разорванной подушки и смахнула их на пол. Потом легла, натянув на себя одеяло до подбородка. Драниш улегся рядом, не говоря больше ни слова.

— Я была уверена, что ты умер. — Я первой нарушила молчание.

— Я был очень близок к этому, — откликнулся тролль. — Если бы не ваше вмешательство и не целительское искусство Даезаэля, я бы точно умер. После горячки боя я был совершенно истощен и изранен. Но, — тут Драниш повысил голос, — я не думал, что ради моего спасения ты снова будешь рисковать своей жизнью! Когда ты прекратишь играть с магией?

— Я не игралась! — возразила я тоном обиженной девчонки.

Драниш фыркнул:

— Ну да, конечно! Только утром встав с постели после исцеления, ты вечером уже снова обращаешься к силе рода!

«Вообще-то за день я три раза обращалась», — подумала я, но ставить в известность Драниша не стала.

— Даже мне, полному профану в магии, понятно, что это очень опасно! — сердито выговаривал мне тролль.

— Ты что, меня отчитываешь? — Я изумилась настолько, что даже приподнялась на локте, чтобы взглянуть ему в лицо.

Драниш раздраженно хмурился и совсем не скрывал этого. Все-таки насколько с ним проще беседовать, чем с непроницаемым капитаном!

— Кто-то же должен это сделать! — ответил он. — Почему не я? Разве слушаешь ты Мезенмира? Или Ярослава? А твой дядя сейчас не в том состоянии, чтобы что-то говорить.

Мне стало стыдно. Носясь со своими личными проблемами, я совершенно забыла про дядю и отряд, который должен был сопровождать меня обратно в домен.

— Как он? Как его люди? — спросила я.

— После вашего бегства из лагеря Сыча их осталась только половина, а Велимор тяжело ранен, но Даезаэль обещает, что он выживет, — ответил Драниш. — Наш хозяин тоже ранен, но больше, чем ранения, его печалят огромные потери, которые понес замок во время осады. Тар Уйэди еще вчера послал гонцов в Совет ульдонов с просьбой о помощи и извещением об одностороннем нарушении мирного договора.

— Ты хорошо осведомлен, — удивилась я.

— Информация во время войны — это жизнь. — Тролль тяжело вздохнул и замолчал.

— Ты ничего не сказал про Персиваля и Тису, — напомнила я.

— А что с ними делается? — удивился Драниш. — Тиса не новичок в сражениях, а раны у нее несерьезные. Персик всю битву просидел в колбасном подвале со служанками. Охранял. Теперь гордится своей смелостью — девчонок утешал.

Голос Драниша прервался. Он тяжело вздохнул.

— Прости, — повинулась я. — Ты себя так плохо чувствуешь, а я донимаю тебя разговорами.

— Давай спать, — просто сказал тролль и через несколько минут засопел, иногда тихонько постанывая.

Я долго лежала без сна, вглядываясь в темный полог кровати. В голове крутились обрывки каких-то мыслей, а все тело было таким легким, будто хотело улететь. События последних дней как будто освободили меня от цепей, удерживающих мою душу на земле. Я чувствовала себя так же, как и во время грозы, когда моя сила, унаследованная от поколений магически одаренных предков, рвалась влиться в танец стихии.

Только сейчас я не стала сдерживаться и поплыла, поплыла в темную высоту, где нет ни сложностей, ни предательств, ни боли...

...Мне было щекотно. Что-то неторопливо ползало по носу, иногда касаясь ноздрей. От этого нестерпимо хотелось чихать. Я сморщила нос, надеясь, что надоедливое насекомое улетит, но это не помогло. Тогда я несколько раз чихнула, да так сильно, что в голове раздался звон.

— Открой глаза, — ласково попросил меня голос Даезаэля.

Я немедленно послушалась, не столько потому, что он попросил, а потому, что он это сделал ласково. Насколько я знала эльфа, за этой лаской могли последовать крайне неприятные вещи, и лучше их встречать лицом к лицу.

— О! — довольным тоном сказал целитель. — Как тебя зовут, радость моя?

— Ясноцвета Крюк, — четко сказала я. Со мной что, было настолько плохо, что я даже собственного имени вспомнить не могла?

— А меня?

— Даезаэль Тахлаэльбар. А что случилось? Что со мной было?

— А, пустяки. — Даезаэль даже не попытался скрыть фальшь в голосе. Он почесал переносицу перышком, которое держал в своих длинных изящных пальцах, и улегся рядом.

Я приподнялась и pokrutila головой. Я была все в той же комнате, в которой очнулась первый раз в замке ульдона и в которой меня пытался убить Жадимир. Над кроватью все так же висел балдахин из темно-зеленой ткани, только в комнате уже не было перьев, а из окна лился яркий полуденный свет.

— Расскажи, пожалуйста, что случилось после того, как мы заснули с Дранишем, — попросила я, подозревая, что сегодня — это совсем не следующий день после бурной ночи. Да и целитель выглядел слишком хорошо, а после магического истощения он никогда быстро не восстанавливался.

— Заснули? — фыркнул эльф. — Эта тупая орясина заснула, а ты...

Он неопределенно помахал рукой в воздухе и сделал такое скорбное и одновременно радостное лицо, что я поняла — дело было плохо.

— А я? — пришлось настойчиво спрашивать, потому что я подозревала, что Даезаэль будет наслаждаться своей игрой так долго, сколь это будет возможно.

— А ты посмотри на свою руку, — посоветовал мне эльф.

Я вытащила из-под одеяла свою правую руку и недоуменно уставилась на нее. Рука как рука, пять пальцев, разве что мелкие царапины, оставшиеся после лесных приключений, зажили. На левой руке тоже никаких особых изменений не обнаружилось. Я вопросительно посмотрела на эльфа, надеясь получить объяснения.

— Ты внимательнее, внимательнее смотри. — Даезаэль излучал крайнее довольство собой.

Я, уже немного испуганная, исследовала свои руки от кончиков пальцев до локтя. Для

этого пришлось закатать рукава кружевной ночной сорочки, в которую я была одета. Руки были вполне даже ничего.

— Если не доходит, можешь еще на ноги посмотреть, — сказал эльф.

В кишках у меня екнуло, я пошевелила пальцами ног и несколько раз согнула колени. Ноги слушались отлично. Исследовать их под пристальным взглядом целителя, пусть он и видел меня обнаженной, мне не хотелось.

— Даезаэль, — я приняла смиренный и покаянный вид, а голосу придавала жалобности, — объясни, пожалуйста!

— Я-то думал, вы, женщины, к такому чувствительны, но твою железную уверенность в собственной красоте ничем не прошибешь, — вздохнул эльф. — Ты же потолстела!

У меня как будто пелена с глаз упала. В то утро, когда я очнулась в замке ульдона, я была тощей, словно одичавшая кошка, только косточки торчали. Сейчас же мои руки выглядели почти нормально. Конечно, до обычной в среде аристократок полноты мне еще было далеко, однако я уже не выглядела так, будто меня может унести легкий ветерок.

— Это когда же я успела так отъестся? — озадаченно спросила я.

— Вот! — Даезаэль в полном восторге подскочил на кровати. — Вот он, главный вопрос — когда! А тогда, когда ты две недели существовала, словно хищный овощ!

— Хищный овощ? — Такая метафора была слишком изощренной для моего разума.

— Вот именно! Просыпалась, ела, как не в себя — первое, второе, третье (двойную порцию!), шла в туалет, засыпала, просыпалась, ела... Ну, и так далее. На вопросы не отвечала и тарасила пустые глаза, как две серебряные бляшки, — вот так!

Эльф так качественно изобразил совершенно бессмысленное выражение лица, что я вздрогнула. Да уж, видок еще тот.

— Сначала до тебя пытались достучаться, особенно Драниш упорствовал, но Мезенмир сказал, что это у тебя от магического и нервного перенапряжения. И что ты такой можешь остаться навсегда.

Я вздохнула. Я слышала о таком от своего учителя магии, который категорически запрещал магически перенапрягаться, а также предупреждал о тяжелых последствиях, которые ждали в том случае, если я буду злоупотреблять силой рода.

— А Ярослав... — Даезаэль зажмурился, и мне показалось, что он хочет облизнуться, чтобы не потерять ни крошки вкуснейшего пирожного. — Ярослав сказал, что все равно на тебе женится — раз ты физиологически функционируешь, значит, выносить ребенка сможешь.

Он приоткрыл один глаз и с любопытством посмотрел на меня, ожидая реакции.

Я изо всех сил сохраняла на лице каменное выражение, понимая, что это далеко не все новости.

— А твой дядя как услышал это, так подхромал к Ярику, — продолжал смаковать эльф, — и ка-а-ак даст ему в морду... простите, они же оба благородные! Так вот, Велимор как хлопнет Ярика по высокородному лицу, так нос набок и своротил. А у самого швы разошлись. И он брык в обморок! А у меня целительских сил не было, так что...

— Дядя умер? — тщательно контролируемым голосом я прервала затянувшуюся паузу.

— Нет, — с некоторым сожалением ответил Сын Леса. — Выжил. Сказал, что ваша порода слишком крепкая, чтобы вот так просто концы отдать. Глядя на тебя, я в этом уже не сомневаюсь. Любая другая нормальная девушка уже давно бы почивала в уютной могилке и горя бы не знала, а ты вопреки всем прогнозам постоянно выживаешь и даже сохраняешь трезвый рассудок. Ведь сохраняешь, а?

— Гляжу, ты несколько огорчен этим фактом? — холодно спросила я.

— Ну, с тобой сумасшедшей было бы веселее, — без тени смущения признался Даезаэль, — но я рад тому, что ты выживаешь, несмотря ни на что. Потому что, как я уже сказал, ты — моя радость! Столько развлечений, как от тебя, я в жизни не получал, хотя в начале нашего путешествия думал, что самым веселым будет наблюдение за страдающей Тисой. Ах, кстати, о Тисе! Она же тоже получила по мордасам!

— От кого? — удивилась я.

— От вашего замкового стражника, Хуса, кажется.

Я обрадовалась тому, что старый вояка выжил. Быть виновной в смерти того, кто в детстве мастерил мне мебель для кукол, не хотелось. И так за мной тянулся такой хвост проступков, а грудь сжимало такое чувство вины, что никому не пожелаешь.

— Когда твой дядя врезал Ярику и упал, то наш капитан решил в ответ не драться, но Тиса такого оскорбления своего божества не снесла и пнула Вела. Тогда Хус не остался в стороне, и быть бы Тисе фаршем, если бы не Драниш-миротворец.

— А что они все вместе делали? — спросила я.

— Неправильный вопрос, — покачал головой эльф. — Правильный вопрос такой: что они все вместе делали в твоей комнате? А правильный ответ: решали, добивать тебя или оставить как есть — есть и спать. А потом Ярик сказал, что он все равно на тебе женится, и все закрутилось!

— Он хоть не успел на мне жениться? — спросила я испуганно. Прospать собственную свадьбу — это не самое лучшее, что я могла сделать в своей жизни.

— Как он на тебе женится, если ты еще официально замужем? Нет, они решили подождать, пока закончится действие вашего брачного контракта, и уж потом тебя выдать замуж, в каком бы ты состоянии ни была.

— А почему дядя Вел меня не развел? Он говорил, что у него есть все полномочия...

— Не с кем тебя разводить. Для развода вторая половина нужна, а твой законный супруг — фьють! — сбежал из замковой тюрьмы, куда его любезно заточил твой будущий супруг после попытки убийства общей женщины.

— Как это сбежал? — взволнованно спросила я. Моя личная жизнь никак не хотела становиться проще, более того, она с каждым днем запутывалась все больше. Теперь я смотрела на Жадимира совсем другими глазами и подозревала, что он способен найти в законах — если не нашей страны, то страны ульдонов, на территории которой мы сейчас находились, а значит, были обязаны их исполнять, — какой-нибудь пункт, позволяющий ему оставаться моим мужем и стать хозяином домена.

— Так — сбежал. А как он в твою комнату проник в ту ночь? Ведь Ярик поставил охрану возле дверей! Все просто: он прожил в этом замке несколько лет и знает всех и вся. В общем, твой муж — молодец, видела бы ты лицо Ярослава, когда он узрел пустую камеру. Мечта, а не лицо!

Я вздохнула.

— Ярослав знает, что я пришла в себя?

— Не-а, — лениво протянул эльф. — Никто не знает, кроме меня, потому что сейчас моя очередь дежурить около твоей постели. А что такое? Ты хочешь сбежать? Тебе помочь? Я могу устроить! Так следы заметем, что надежды всех, жаждущих твоего домена, будут надежно похоронены. А ты тем временем доберешься домой, подождешь — сколько тебе там осталось до свободы? — и выйдешь замуж за Чистомира! Ну как, здорово я придумал?

— Подожди, — пролепетала я, ошарашенная таким напором. — Почему ты решил, что я хочу сбежать? И почему ты решил, что Чистомир женится на мне?

— Вот! — довольно сказал Даезаэль, улегся на кровати поудобнее и принялся играть перышком. — Ты спросила не «почему ты решил, что я хочу замуж за Чистомира», а «разве Чистомир женится на мне»? Вот и открылась тайна твоего сердца, ля-ля!

— Я бы на твоём месте не спешила так восторгаться, — мрачно отозвалась я, мечтая прижать подушку к лицу излишне довольного жизнью эльфа. — В сложившейся ситуации, да и вообще в жизни Мирик в качестве мужа выглядит куда более привлекательным, чем все остальные кандидаты.

— Ага, наверное именно поэтому твой отец так не хотел, чтобы вы поженились, и рассматривал это только как крайний случай? — с невинным видом спросил Сын Леса. — Смотрю, у тебя талант подбирать себе в мужья наихудшие варианты. Помнится, от Жадимира старый Крюк тоже был не в восторге.

— Жадимир воздействовал на меня магией! — воскликнула я. — А Мирик...

— Ты можешь поручиться, что твой разлюбезный Мирик на тебя ничем не воздействовал? Второй сын Владетеля, возможно, он уже с детства мечтал о своем домене, а тут так удачно подвернулась ты! Ведь твой друг детства совсем не прост! Ты думаешь, король в свою тайную службу набирает кого ни попадя?

— Нет, — твердо заявила я. — Если я не буду доверять Чистому, кому же тогда я вообще могу доверять? В этом мире должен быть хоть один человек, который бы любил меня просто так, не по долгу службы или из корыстных соображений!

— Твоя няня, — тут же предложил вариант эльф.

— Это — моя няня. А я говорю о посторонних людях!

— Э... мм... я?

— Ты? — Я настолько искренне удивилась, что даже забыла о необходимости контролировать выражение своего лица.

— Да, поспешил я что-то с признанием, — согласился Даезаэль. — Но я тебя действительно люблю. Как свою любимую игрушку, потому что ты меня развлекаешь. Рядом с тобой жизнь кажется далеко не такой унылой, какой она может быть. Где уж тут унывать, когда постоянно приходится всяких дурачков от смерти спасать. Зато моя целительская сила растет, и, когда я вернусь домой, я им всем покажу!

— Кому? — заинтересовалась я, надеясь выудить из эльфа подробности отношений с соплеменниками.

— Я же сказал — всем, — отмахнулся целитель. — Так что насчет побега? Бежим? Вдвоем будет куда легче пробираться через страну, чем всем отрядом. А, ты же не в курсе! У нас идет полномасштабная гражданская война! Юг, Восток и часть Севера взбунтовались. Все остальные пока держатся — это потому, что на Западе эльфов много, а мы страшно миролюбивый народ. Бедняжка наш король, опоздал он со службой посланников! Если бы пару лет назад такую организацию создали, очаги непокорности обнаружили бы раньше и бунтовщиков сдали бы нам на опыты!..

— Стой, стой! — взмолилась я. — Что значит — вдвоем пробираться через страну? Я и кто?

— Я конечно же! — серьезно ответил эльф. — Я хочу познакомиться с твоим папашей. Сдается мне, что при нем жить куда интереснее, чем даже наблюдать за твоими мужиками. Я уже все приготовил: сумки, провизию, лошадей...

— Нет, — сказала я. — Что-то тебя занесло, Даезаэль! Или ты думал, что я очнусь и, будучи не совсем здоровой, соглашусь на твое предложение?

— Была такая мысль, — согласился эльф без тени раскаяния.

— Я не собираюсь бежать и бросать Ярослава, за которого я совершенно добровольно согласилась выйти замуж. Я не хочу оставлять людей, которые примчались мне на помощь через всю страну и половина которых погибла...

— Две трети, — вставил целитель.

— Тем более! Они погибли, когда я ринулась в сердце вражеской армии, желая спасти замок от осады!

— Очень глупый поступок, — не смолчал Даезаэль.

— Как бы там ни было, — я не позволяла сбивать себя с мысли, — я добила своего. И совсем не для того, чтобы все бросить и сбежать! Все, что суждено, я приму, оставаясь рядом с Ярославом и защищая своих близких.

Эльф зевнул.

— Меня от пафоса тошнит, а с тобой стало скучно. Я предлагал тебе выход из положения. Хочешь — оставайся со своим разлюбезным Яриком, но, если что-то пойдет не так, пеняй на себя. Я предупреждал.

— А что может пойти не так?

Неужели целитель знает что-то важное, но никому не признается? Как бы заставить его раскрыть тайну!

— Все может пойти не так, — мрачно предрек Даезаэль. — Разве у нас с начала путешествия хоть что-нибудь шло так, как нужно? Нет, становилось только хуже и хуже! Я не вижу причин, по которым мироздание вдруг изменит свое отношение к нашей компании.

Он встал и направился к двери, стараясь выразить спиной всю степень презрения, которую сейчас ко мне испытывал. Я не стала его окликать, не имея никакого желания утешать эльфа в его надуманных обидах. Сейчас, когда служба королевских посланников прекратила свое существование, Даезаэля никто не держал. Он был волен отправиться куда угодно и заниматься чем хочет. Но он все равно оставался рядом с нами, и я не думала, что из чувства долга, чтобы оказывать помощь раненым. Ему просто нравилось все происходящее.

Приведя себя в порядок, я отправилась искать капитана и съестное. Что бы там ни говорил эльф про то, что я потолстела, мой организм упорно требовал еды, и желательно мяса. Поэтому, не найдя в главном зале Ярослава, я пошла на кухню. Там обнаружился Драниш, травивший армейские байки в окружении молоденьких служанок. В его руках были зажаты две куриные ноги, и он в лицах, точнее, в ногах, разыгрывал какую-то боевую сценку. Девушки безропотно вытирали с лиц летящий во все стороны куриный жир и внимали рассказу с неподдельным восхищением.

— Драниш, — негромко окликнула я.

Он стремительно обернулся, и его лицо просияло такой радостью, что у меня защемило сердце.

— Котя! — воскликнул он. — Ясноцвета! Это ты? Ты вернулась?

— Да, — ответила я, невольно смеясь, — такой заразительной была радость тролля.

Он двинулся ко мне, продолжая сжимать в руках куриные ноги, потом остановился, недоуменно на них посмотрел, кинул на ближайший стол, облизал пальцы и смущенно спросил:

— Я могу тебя обнять? — И он потряс перед моим лицом жирными пальцами.

Я кивнула. Тролль крепко обнял меня, прижав к широкой груди, положил подбородок на мою макушку и шумно вздохнул. Его сердце колотилось быстро-быстро, а дыхание было прерывистым. Он иногда еле ощутимо вздрагивал. Я немного отстранилась и заглянула ему в лицо. Темные глаза Драниша блестели от слез.

— Что ты? — неловко сказала я.

— Ничего. — Он шмыгнул носом. — Просто ты была такой...

— Мне уже Даезаэль изобразил в лицах, — улыбнулась я, стараясь подбодрить Драниша.

— Дурак он, этот ушастый, — сердито буркнул тролль и снова шмыгнул носом. — Он сказал, что ты такой будешь всегда. А я очень волновался за тебя. Знаешь, я тебе книжку по этикету читал. Думал, может, ты услышишь что-то знакомое, ну и... Глупо, да?

— Почему же глупо? — Я почувствовала, как у меня задрожали губы. Вот и ответ на вопрос о том, кто любит меня просто так. Ярослав небось себя заботами о будущей супруге не утруждал.

— Не знаю. — Драниш закрыл глаза и размеренно задышал, стараясь успокоиться. — А ты помнишь, что я тебе читал?

— Да, конечно, — сказала я, придав голосу уверенности. — Ты читал мне учебник по этикету для начинающих. Градусы наклона при встрече с равными, аристократом выше по рангу, королем...

Тролль просиял. Я угадала, хотя мое предположение основывалось на простой логике: в замке ульдона просто негде было взяться другой книжке по этикету для благородных дам, кроме как Тисиного «Наставления в благонравии», которую я в свое время была обязана вызубрить наизусть.

— Ты же, наверное, есть хочешь, — засуетился Драниш, — или, может, Ярослава повидать?

— Нет, — отрезала я. — Ярослава я всегда успею повидать, тем более, насколько мне

известно, он не особо огорчился по поводу моей болезни.

— Ты эльфа больше слушай, — проворчал тролль, накладывая мне в тарелку разных вкусовностей. На кухне он ориентировался со сноровкой старожилы. — Что Ярику оставалось делать? Оставлять тебя беззащитную на растерзание всем желающим или отвезти домой, чтоб отец тебя запер где-нибудь в отдаленной каморке замка? В каком ты бы ни была состоянии, будучи его женой, ты всегда будешь под его покровительством.

Я не удержалась и фыркнула. Тролль покачал головой.

— Пахан знает, — серьезно сказал он, — как я хочу, чтобы у вас все сложилось, раз уж судьба так повернулась. Но даже если у вас не получится стать крепкой, счастливой семьей, Ярослав всегда будет о тебе заботиться просто потому, что ты будешь носить его имя. Иначе он не может.

— Ты считаешь, что для меня это прозвучало утешительно? — буркнула я.

Он вздохнул:

— Я не мастак разбираться в душевных делах, котя. И уж тем более разбираться в отношениях моей любимой девушки и моего лучшего друга. Просто подумай сама, кто лучше: твой первый муженек, который был насквозь лживым, или Ярик, который не скрывает своих намерений? Разве он когда-нибудь после того, как обнаружил, что ты его будущая жена, повел себя по отношению к тебе несправедливо?

— Некоторые вещи логике не поддаются, — упрямо сказала я, понимая, что веду себя по-детски, но не находя сил остановиться.

— У Владетельницы домена логике должно поддаваться все, — сказал тролль и отвернулся, показывая тем самым, что он не хочет больше разговаривать на эту тему.

Я усилием воли сдержала свои эмоции и какое-то время молча ела. Но потом не выдержала:

— Смотрю, ты часто бываешь на кухне?

— Да, — ухмыльнулся тролль. — Когда рядом с тобой не сижу. А чем еще заниматься? Ярик помогает Тару Уйэди восстанавливать поместье — наш хозяин совершенно разбит и беспомощен. Тиса бежит за ними хвостиком. Мои раны еще не зажили настолько, чтобы заниматься физическими нагрузками. Остается караулить нашего ушастого друга, потому что он определенно что-то задумал. А из окон кухни двор просматривается даже лучше, чем с замковых стен.

— Знаю, что он задумал, — призналась я. — Он хотел уговорить меня бежать вместе с ним.

— Еще один соискатель домена? — удивился тролль.

— Нет, ему просто наскучило тут сидеть, и он считает, что у моего отца будет веселее.

— Куда уж веселее, когда там гражданская война вовсю идет! Логика эльфов не эльфам недоступна.

— Мне кажется, что логика Дазеэля не была доступна даже его соплеменникам, — пробормотала я. — Не зря же они с таким удовольствием его вытолкали на службу королевских посланников!

— В общем, с Дазеэлем ты бежать отказалась, — заключил тролль. — Пойдем Ярика найдем, ему будет приятно узнать, что с тобой все в порядке.

Я скривилась, но покорно побрела следом за Дранишем. Почему-то после нашего разговора предстоящая встреча с Ярославом меня пугала. Что ему говорить и как смотреть в глаза после того, как он спас меня от Жадимира, я не знала.

— Ярик! — крикнул тролль, увидев Волка, раздающего указания бригаде строителей, укреплявших замковые стены. — Смотри, кого я к тебе веду! Это Ясноцветы! Она вернулась.

Капитан стремительно прыгнул с нагромождения камней и подбежал к нам. Однако, когда он посмотрел на меня, на лице у него было обычное холодное и непроницаемое выражение, а серебристо-серые глаза глядели куда-то за мою спину.

— Я рад, Ясноцветы, что вы пришли в себя, — вежливо поцеловал он мою руку. — В таком случае нас здесь больше ничего не задерживает. Драниш, нужно готовиться к отъезду.

— Мы уезжаем? — вырвалось у меня. — Куда?

— Мы сейчас на территории страны, которая, вполне возможно, снова находится в состоянии войны с нашим королевством. Не самый лучший выбор — подвергать себя опасности стать заложниками ситуации. Пока нас охраняет хорошее отношение хозяина замка, но оно может измениться в любой момент.

Ярослав развернулся и отправился обратно к каменщикам.

— Он даже ни разу не взглянул на меня! — прошептала я. Почему-то это сильно меня задело. — А ты, Драниш, мне что-то говорил...

— Ясноцвета, — резко ответил тролль, — я прошу тебя — хватит! Разбирайся в своих отношениях с Ярославом сама. Если ты не замечаешь очевидных вещей, чем я могу помочь?

Он отвернулся от меня и широкими шагами двинулся к замку. Мне ничего не оставалось, как побежать за ним следом.

ГЛАВА 16

Разобраться в том, как хитро бродит закоулками разума мужская мысль, еще сложнее, чем найти себе подходящего мужа.

Ясноцвета Крюк о взаимопонимании полов

— Я вот чё думаю, Ярик. — Во рту тролля торчала травинка, и он гонял ее туда-сюда, отчего иногда колосок ласковой кошачьей лапкой касался моей руки. Я сидела рядом с вольготно развалившимся троллем на крыше фургона, катившего по лесной дороге, и подставляла лицо солнечным лучам, пробивавшимся через густые кроны деревьев. — А чё мы воевали вообще с нечистью? Какой смысл?

Ярослав сидел, скрестив ноги, на сундуке и точил кинжал, иногда поглядывая вниз, на Мезенмира, который вел фургон. Несмотря на его явное недоверие, молодой маг справлялся с работой прекрасно. Рядом с Ножом сидел Персиваль и что-то рассказывал, активно жестикулируя. Мезенмир слушал его внимательно, иногда задавал уточняющие вопросы, и гном раздувался от гордости.

Нам пришлось уезжать из замка ульдона в спешке: к ульдону прибыл гонец, сообщивший, что наши страны снова находятся в состоянии войны, и Тар Уйэди посоветовал нам перебраться через границу как можно быстрее — имена Волка и Рыха были слишком хорошо известны среди нечисти, и соблазн отомстить им за предыдущие военные действия мог быть слишком силен. Тар Уйэди, который только-только начал оправляться после штурма замка, честно признался, что у него не хватит сил нас защитить. Оказывается, койладон подпитывались магической энергией хозяина, и именно поэтому оставшиеся после битвы воины так хорошо выглядели. Тар Уйэди выложился почти полностью, и тогда же Даезаэль напитался магией, которую не смог использовать для исцеления, потому что ульдоны использовали силу другой природы.

Мы захватили с собой Ножа, Крюкова и трех выживших после сражения в стане Сыча воинов. Солдаты еще выздоравливали от полученных ран — Даезаэль посчитал ниже своего достоинства их исцелять, а у Мезенмира руки до них дошли только в последнюю очередь. Чтобы в фургоне было не слишком тесно, Волк переселил Драниша, Тису и молодого аристократа жить на крышу. Ночи стояли теплые, и им там было удобнее, чем нам. Внутри фургона пахло ранами и мужскими телами.

Я тоже попросилась на крышу, но мой жених резко ответил, что не пристало Владетельнице домена спать, словно служанке. Теперь я должна была спать в голове фургона, с одной стороны помещался Ярослав, с другой — дядя Вел. За Велимором располагалась постель целителя, который после отъезда из замка хранил гордое молчание, но взгляды, которые он бросал то на Ярослава, то на меня, давали основание подозревать, что эльф что-то задумал и это что-то скорее всего нам совсем не понравится.

— Наше королевство очень большое, — произнес Ярослав, отвечая на вопрос

тролля. — Чтобы оно держалось, нужен был внешний враг. Как только удельные княжества перестали представлять для нас опасность, внешним врагом стала страна нечисти. Тем более что ее жители слишком отличаются от нас, и направить на них народный гнев куда проще, чем на князьков. Но война затянулась, а Вышеслав совсем забыл об управлении королевством. Владетели слишком сильны и амбициозны, чтобы это могло долго продолжаться. Почему ты спрашиваешь, Драниш? Ты же знаешь это не хуже меня.

— Я не о том спрашивал, Ярик. — Колосок вновь коснулся моей руки, и по коже побежали мурашки. — Я спрашивал, за что мы с тобой воевали? Если за бабло, так мы эту бодягу могли бросить уже давно. На жизнь себе я уже заработал и ты тоже.

— Ты же о собственном племени мечтал, — вьедливо сказала Тиса. — А на племя у тебя еще денег не хватает.

— На маленькое — очень даже вполне, — возразил тролль. — Просто наши страны опять воюют, и я вот думаю: а зачем это все было? Это как будто плывешь, плывешь к берегу, подплываешь — а это тонюсенький кусочек земли, и опять нужно плыть. И конца-края этому не видно.

Ярослав положил кинжал на колени и задумчиво побарабанил по лезвию пальцами.

— А чем бы ты еще занимался, если бы не воевал? — спросил он. — Я не хотел сидеть в отцовом домене и смотреть, как из моего брата старательно лепят Владетеля.

— Я бы бабочек разводил, — внезапно сказал тролль.

На крыше стало так тихо, что я услышала, как проворно лезет наверх эльф.

— Что ты сказал? — спросил Даезаэль, присаживаясь рядом с Дранишем. — Чем бы ты занимался?

— Бабочек бы разводил, — несколько смущенно повторил тролль и внезапно разозлился: — Что вы все на меня так уставились? Не простых бабочек, съедобных! Больших таких! Я у ульдона книжку видел, — одна бабочка заменяет кусок мяса по питательности, а пыльца с крыльев может использоваться как приправа! Это очень выгодное дело, если оборудовать, скажем, чердак, поставить там стеклянную крышу и побольше магических светильников и специальные растения высадить. Гусениц этих бабочек тоже можно есть, но тогда не получится изготавливать специи из пыльцы...

— Но, Драниш, — сказала я мягко, — ты ведь узнал об этом только недавно.

Он так энергично тряхнул головой, что травинка выпала изо рта.

— А ты представь, просто представь, что было бы, если бы не было этой десятилетней войны? Может быть, наши маги обменивались бы знаниями? Может быть, я бы об этих бабочках, которые живут на юге ульдонской страны, узнал бы раньше? И тогда...

— Тогда ты бы никогда не познакомился с Милой Котовенко, — заметил Даезаэль. — Не влюбился бы в нее и не страдал бы сейчас на крыше фургона, думая о том, что было бы, если... Ты ведешь себя, как Персик, Драниш! Убей Ярика, схвати Ясноцвету в охапку да и скачи к домену Крюка. Ты же типа благородный, не просто так тролль. А ее папаша все равно не чистых кровей, одним вливанием крови не серебряноглазых больше, одним меньше...

Драниш вскочил, сжимая кулаки, но Ярослав просто положил ему руку на плечо и легонько нажал, вынудив сесть обратно.

— Чего ты добиваешься этим, Даезаэль? — спокойным голосом спросил Волк.

Эльф закатил глаза и что-то буркнул на своем языке, потом внятно, словно он объяснял это уже много раз, сказал:

— Я пытаюсь вскрыть нарыв до того, как он рванет так, что всем мало места будет. Вы всей толпой ходите по тонкой нитке, и, кажется, я единственный, кто слышит, как она трещит под вашим весом. Но самое ужасное, что, когда полетите в пропасть, вы потянете за собой кучу народа за компанию! А я не хочу быть тем, кто будет с вами лететь в пропасть и думать: что я здесь делаю?

— О чем ты говоришь? — надменности в голосе Ярослава мог бы позавидовать даже король. — У нас все в порядке.

— Конечно, — кивнул целитель. — Когда ваш король создавал службу королевских гласов, куда и меня угораздило загреметь, он тоже думал, что гниющую ногу можно спасти припаркой из листьев капусты, когда как ее нужно было ампутировать! У вас тоже все *хо-ро-шо!* Я тут схему ваших взаимоотношений на досуге решил нарисовать, и вот что у меня получилось...

Эльф достал из кармана сорочки сложенный листок и развернул. Там в рамках были написаны имена, а между ними змеились стрелки разных цветов, создавая причудливую вязь.

— Ярик, можно я его за борт вышвырну? — умоляюще попросил Драниш.

— Нет, зачем же? — пожал плечами капитан. — Он говорит правду. Только я надеюсь, что все же прогноз Даезазля, как всегда, слишком пессимистичен.

— Конечно, конечно! — Сын Леса торопливо сложил листок и положил его обратно. — Помнишь мои слова, когда дорогая Тиса удушит вашего первенца в колыбели!

— Я? Никогда! Я никогда не нанесу вреда капитану, а ребенок — это же его частичка!

— И частичка ненавистной Ясноцветы, которая украла у тебя любовь всей жизни, — промурлыкал Даезазль.

Тиса мельком бросила на меня взгляд, который совсем нельзя было назвать дружелюбным, и тем самым выдала свои реальные чувства.

— Хватит! — сказал Ярослав с нотками раздражения. — Тиса ничего не сделает, потому что я не отдам ей такого приказа.

Даезазль расхохотался, а Драниш сокрушенно покачал головой.

— Приказа? Ты действительно считаешь, наш дорогой нестигаемый капитан, что женскому сердцу можно приказать?

— До сих пор Тиса всегда выполняла мои приказы! — рявкнул Ярослав. Он был похож на человека, который ожидал пройти по хорошо укатанной дороге, а вступил в трясину.

— Хо-хо-хо, особенно тогда, когда пыталась утопить девушку, лишь заподозрив твою привязанность к ней! А теперь, имея перед глазами постоянное напоминание о том, что ты вот-вот женишься, и женишься *с охотой*, характер Тисы конечно же улучшится!

Ярослав склонил голову и закрыл глаза, глубоко вздохнув.

— Почему ты так печешься о здоровье Ясноцветы? — спросил тролль.

— Да потому, что мне ее исцелять, идиотина! — рявкнул эльф. — Ты думаешь, она так легко сдастся, когда ее будут убивать? А мне потом собирать ее по частям, и вы будете стоять рядом и злобно на меня смотреть, будто ожидая, что я вот-вот откушу ей палец!

— Вот уж не думал, что тебя волнуют наши взгляды, — удивился Драниш.

— Настоящего творца всегда волнует, когда за его работой следят не восхищенно, а настороженно.

— В таком случае я обещаю убить ее чисто и надежно, — серьезно сказала Тиса, и у меня по коже поползли мурашки от плохого предчувствия, а эльф просиял.

— Тиса! — прикрикнул Ярослав. — Что ты такое говоришь?

— Что вы, капитан, я же просто пошутила, — мило улыбнулась воительница. — Я же вижу, как вам не нравится этот разговор, вот я его и решила прекратить шуткой.

Я подняла глаза и встретила с тревожным взглядом Драниша. Судя по всему, он воспринял угрозу девушки достаточно серьезно.

Внезапно Ярослав рывком встал и надвинулся на Тису с таким выражением лица, что она отшатнулась. Я пристально следила за происходящим, потому что впервые видела Волка в таком состоянии. Его серебристо-серые глаза, казалось, метали молнии, рот кривился, а от тела исходило такое ощущение мощи и ярости, что даже мне стало страшно.

— Если с Ясноцветой что-то случится, — тихо, но внятно произнес Волк, — если на нее даже упадет веточка, сломанная ветром, я задушу тебя вот этими самыми руками! — Он ткнул Тисе в лицо две своих больших, мозолистых, но аристократически-изящных ладони. — Я сожму твою шею и буду смотреть в твои глаза до тех пор, пока не уйдет из них жизнь. И последнее, что ты увидишь перед тем, как отправиться к чахам и дрыхлям, — это

то, как я тебя ненавижу. И ты будешь знать, что вся твоя никчемная жизнь прошла зря, потому что ты даже на каплю не приблизилась к своей цели — получить мою благосклонность.

Мы все затаили дыхание. Губы Тисы задрожали, а широко открытые глаза с ужасом смотрели на лицо любимого человека. Что она там увидела, я не знаю, но внезапно девушка начала оседать, пытаясь ухватиться за его руки.

Капитан отбросил ее, как тряпичную куклу, и прыгнул вниз под негромкие, но искренние аплодисменты Даезаэля.

Я немного еще посидела на крыше, но там уже было неудобно. Тиса беззвучно плакала, не вытирая слез. Драниш кусал губы, переплетая пальцы. Только Даезаэль с удобствами расположился на сундуке и радостно улыбался своим мыслям, что лично мне не добавляло душевного комфорта.

Я молча поднялась и спустилась вниз. Лучше уж посидеть рядом с дядей, который мечтает меня приволочь к отцу вне зависимости от моего желания, но выбор между девушкой, которая спит и видит, как бы меня лучше убить, и мужчиной, который желает мне добра, был очевиден.

В фургоне спорили. Спор этот возник уже не впервые, и каждая сторона стояла на своем. Только сейчас все было по-другому.

— Я тебе уже который раз говорю, что ехать через домен Сыча — это глупость! — бушевал мой дядя.

Но Ярослав, который уже несколько раз доказывал, что ехать через страну нечисти куда опаснее, на этот раз молчал. Он даже не удостоивал дядю взглядом и просто сидел, скрестив руки и угрюмо глядя в пол.

— Ты слышишь меня, щенок? — не выдержал Велимор и схватил Волка за шиворот.

Ярослав одним движением плеч освободился от его захвата и медленно встал. Я внезапно обнаружила, что он выше Крюкова, хотя дядя был куда массивнее.

— В этом фургоне, — негромко сказал Волк, — может быть только один командующий. Если вас что-то не устраивает, то выметайтесь отсюда со своими солдатами.

— Я-то выметусь, — неожиданно спокойно сказал Крюков, — но я и Ясноцвету с собой прихвачу, в этом не сомневайся.

Ярослав склонил голову набок и посмотрел на Велимора, как на надоедливое насекомое. Дядя без трепета выдержал его взгляд — опыта в общении с моим отцом у него было куда больше, чем у меня, а, как ни крути, молодой Волк еще проигрывал Владетелю домена.

— Я ее не отдам. И мы едем через домен Сыча, — сказал Ярослав так, что стало понятно: это окончательное решение и обжалованию не подлежит.

Однако дядя никогда бы так просто не сдался.

— Я тебя и спрашивать не буду, щенок! — выплюнул он. — Ясноцвета пока тебе никто, она жена другого человека, и здесь я за нее отвечаю. На моей стороне Мезенмир, и неужели ты думаешь, что у вас есть хоть какой-то шанс против одного из самых сильных магов королевства?

— Дядя, — вмешалась я, подходя к спорщикам ближе, — а ты не хочешь спросить моего мнения? Я не хочу ехать с тобой, и силой ты меня не захватишь.

— Да ты что? — удивился дядя. — И это говорит девушка, которая только оправилась от продолжительной болезни. Кого ты мне можешь противопоставить, кроме тролля и этого щенка?

— Себя и только себя, — почти равнодушно проговорила я. — Если ты попытаешься сделать со мной что-то силой, я буду сопротивляться до последнего, а это почти гарантирует мою смерть. Еще одного магического истощения мое тело не перенесет, и его никто не сможет исцелить. Насколько мне известно, в прошлый раз понадобилось объединенное искусство и Даезаэля, и Мезенмира, и Тара Уйэди. Как ты думаешь, что скажет мой отец, если ты привезешь ему мой труп?

— Ерунда, — отмахнулся Велимор. — Крюки никогда не кончали с собой.

— Нет. — Я улыбнулась. — Крюки всегда добивались того, что хотели, любой ценой. Я хочу остаться под защитой Ярослава и сделаю все, что в моих силах, чтобы это сохранить.

Дядя скривил губы.

— Ты никогда не могла толком решать сама за себя, — бросил он. — Тебе обязательно нужно было ходить за кем-то хвостом и кому-то заглядывать в рот. Не забывай, Ясноцвета, я знаю тебя с рождения, поэтому твои пустые угрозы на меня не действуют. Удивительно, как у такого замечательного отца уродились такие никчемные дети.

— Ты забываешься. — Я продолжала улыбаться. — Я уже больше двух лет отвечаю сама за себя, дядя. И для того чтобы принять решение, мне теперь не нужно ни на кого оглядываться.

— Вижу, куда привели тебя твои решения, — буркнул Велимор.

— Куда бы они ни привели, это моя жизнь, — возразила я. — Поэтому, если ты не желаешь подчиняться капитану Волку и замышляешь что-то дурное против меня, лучше сейчас же покинь фургон.

— Мала ты мне указывать! — Дядя взял меня пальцами за подбородок, заставив задрать голову.

Я постаралась, чтобы на моем лице не дрогнул ни один мускул.

— Я Владелица домена, — холодно напомнила ему я. — Веди себя соответствующе.

Дядя отпустил меня и замер. Кинжал Ярослава был прижат к его шее, и за пазуху уже частили капли крови.

— Никогда, — голос Ярослава был полон скрытого гнева, — не смей прикасаться к моей невесте без особого разрешения, иначе я убью тебя.

— Ой ли! — Дядя нашел в себе силы ухмыльнуться. — А не слишком ли ты разбрасываешься обещаниями убить, а, молодой Волк?

— Нет, — отрезал капитан. — Сейчас благополучие Ясноцветы стоит для меня на первом месте.

— Ясноцветы ли? Или ее домена? — Вел ухмыльнулся еще шире, несмотря на то что ему было больно.

— Ясноцветы, — твердо сказал Ярослав.

— И ты пойдешь даже против воли ее отца?

— Да.

— А сможешь?

— Да.

Дядя долго молчал, а Волк не спешил убирать кинжал от его шеи. Я стояла рядом, готовая прийти на помощь Ярославу в любой момент, заметив краем глаза, что в фургоне появился Мезенмир, который внимательно наблюдал за происходящим. Он так ловко передал управление фургоном Персивалю, что повозка даже не дрогнула.

— Ладно, детки, — довольно сказал вдруг Велимор. — Погорячились и хватит. Опустите кинжал, Ярослав. Я не причиню вреда ни тебе, ни Ясноцвете и не буду больше оспаривать твоих приказов.

— Почему вдруг такая перемена настроения? — недоверчиво поинтересовалась я.

— Потому что ты его сегодня безоговорочно поддержала. — Дядя лизнул ладонь и прижал ее к глубокой царапине на шее. — Домену не нужны Владетели, которые грызутся между собой и не могут действовать слаженно. Я боялся, что ты не будешь доверять Волку, а он полностью подомнет тебя под себя, и из домена Крюка получится еще одна волчья резиденция.

— И ты так быстро изменил свое мнение только после одной короткой стычки? — не поверила я.

— Почему одной? — удивился Велимор. — Как только я познакомился с Волком, я постоянно за вами наблюдаю. Запомни, щенок, как бы я к тебе ни относился, благополучие семьи Крюков для меня важнее всего. Я не хочу причинять Ясноцвете боль, тем более раз

она угрожает себя убить, если вас разлучат...

— Я вовсе не так сказала! — перебила я, чувствуя, как предательски краснеют щеки.

— Главное не что ты сказала, а как, — ухмыльнулся Вел той самой ухмылкой, которая была знакома мне с детства. — Тебе повезло, Волк, что мои воины ранены и спят, иначе все было бы разыграно по-другому.

Ярослав едва заметно улыбнулся.

— Я бы тогда тоже поступил иначе.

Мезенмир бесшумно вышел, и снова передача управления прошла незаметно, только вновь зазвучал голос Персиваля. Когда гном бывал занят контролем над фургоном, он был совсем неразговорчив. Я прислушалась: Персик в красках живописал нашу ночную битву с волкодлаками, невероятно преувеличивая свои заслуги.

Вел обвел нас с Ярославом взглядом — Волк уже успел шагнуть поближе ко мне, — улыбнулся и улегся на свои одеяла.

— Милуйтесь, голубки, я не буду вам мешать. — Он накрылся с головой и скоро захрапел.

— Ты ему доверяешь? — шепотом спросила я.

— Нет, — ответил Ярослав. — Я понимаю, что его постоянные проверки моей компетентности могут проводиться по приказу твоего отца, но это все равно очень раздражает.

— Удивительно, как он поверил тебе, услышав только «да».

— Только «да»? — горько улыбнулся Ярослав. — Твой дядя не спускал с меня глаз две недели. Знаешь ли, это... как почувствовать себя снова ребенком, когда тебе не доверяют и боятся, что ты вот-вот учинишь какую-то глупость.

— Прости. — Я виновато опустила голову. — Это все из-за меня и моего глупого замуж...

Волк несказанно меня удивил, прижав палец к моим губам.

— Не вини себя. Твой дядя поступает так, потому что волнуется за тебя. И я понимаю, что твой отец будет еще более... придирчивым.

Я молчала, хотя в голове у меня бродили мысли, что и как может сделать мой отец, дабы убедиться, что зять соответствует светлому облику Владетеля домена. Но потом мне в голову пришло одно соображение, и я осторожно отвела палец Ярослава от моих губ и сказала:

— Он не будет тебя особо трогать, ведь он сам выбрал тебя мне в мужья, помнишь об этом?

— Мезенмира он тоже выбрал, — каким-то скрипучим голосом сказал Ярослав.

— Ножа он выбрал после тебя, — напомнила я, глядя на капитана. На его обычно непроницаемом лице промелькнуло какое-то неуловимое выражение, но какое — я не могла понять. — И только на тот случай, если ты не сможешь на мне жениться. Так что у тебя преимущество, да и я считаю тебя более подходящим на роль Владетеля.

Волк вздохнул, и это было очень похоже на вздох облегчения.

— Раз уж мы с тобой серьезно разговариваем, — осторожно сказал он, — знай, что охрану тебя я доверяю только себе, Дранишу и Даезаэлю.

— Даезаэлю? — удивилась я. — Почему? Он...

Я вовремя прикусила свой язык. Не стоит Волку знать, что Даезаэль предлагал мне бежать.

— Что бы ни задумывал эльф и что бы он при этом ни говорил, он никогда не допустит, чтобы с тобой случилось что-то плохое, — ответил Ярослав. — Это просто не в его интересах.

Я внезапно почувствовала себя очень уставшей и покачнулась. Волк бережно придержал меня под локоток и усадил на постель.

— Тебе нужно отдохнуть, пока есть возможность, — сказал он.

Я подняла на него взгляд. Его глаза были встревоженными, и в них совсем не было

холода.

— Пока есть такая возможность... — пробормотала я. — Ты думаешь, потом ее не будет?

— Я всегда готовлюсь к худшему, — пожал он плечами. — Ляг, я тебя укрою.

— Когда ты такой заботливый, ты меня пугаешь, — призналась я.

Внезапно Ярослав улыбнулся, и от этого его серебристо-серые глаза заискрились.

— Придется к этому привыкать, — сказал он.

Он хотел встать, но я придержала его за рукав и спросила напрямик:

— Ты любишь меня, Ярослав?

Он вздрогнул и сжал губы. Я смотрела ему в глаза и видела, как теплоту в них постепенно затягивает серебристым ледком.

— Я пока не могу ответить на этот вопрос, — жестко сказал он. — Спи, Ясноцвета, я буду охранять твой сон.

Я проснулась от того, что фургон остановился. Выглянув наружу, увидела, что небо начало темнеть, приближались сумерки, а значит, нас ждал ужин. Я улыбнулась положению, в которое попала: по иерархии я стою здесь выше всех, но именно мне придется его готовить. Тисину стряпню в рот можно было взять только после затяжного голода, а Хус, прекрасно готовивший, сейчас тихонько стонал, погруженный в исцеляющий сон. Так что, будь я даже трижды владетельницей, если я хотела — а я очень хотела — хорошо поесть, мне стоило пошевеливаться, пока с котелком и несчастными продуктами не сделали ничего непоправимого.

Спрыгнув на землю, я услышала радостный вопль Драниша:

— Ко... то есть Ясноцвета! Неужели ты будешь готовить ужин?

— Да. — Я не могла не улыбнуться при виде искреннего облегчения на лицах окружающих.

Тиса отскочила от разложенных на дощечке овощей с таким видом, будто они внезапно стали ядовитыми.

— Хорош жених, который разрешает своей благородной невесте готовить в таких условиях! — ядовито прошипел Велимор.

— Вы можете это не есть, — пожал плечами Ярослав. — Готовьте себе сами.

— Ты думаешь, я не могу?

— И я могу, — примирительно сказал Драниш. — Здесь не только вы обладаете опытом выживания в тяжелых условиях. Но, если у меня есть выбор, я бы предпочел есть то, что готовит Ясноцвета.

— Из ее рук ты даже яд примешь, — хмыкнул Вел.

— Возможно, — не стал отрицать очевидного тролль. — Однако я уверен, она приготовит его очень вкусно.

Все разбрелись за дровами, а я осталась возле костерка с эльфом, который сосредоточенно перетирал в глиняной ступке какие-то сушеные листья.

Я немного помялась, но желание поговорить с кем-то понимающим перевесило. К счастью — или к сожалению, — единственным, с кем я могла обсудить волнующие меня темы, был целитель.

— Я спросила у Ярослава, любит ли он меня, — призналась я.

Эльф скосил на меня глаза и протянул:

— Оу.

— Оу? — переспросила я. — Это все, что ты мне можешь сказать?

— Нет, я могу еще сказать «оу, оу», — мило улыбнулся Дазеазель.

— Очень содержательно, — буркнула я.

— Ну, хорошо, побуду твоей подружкой. И что тебе на это ответил капитан?

— Он сказал, что не может дать мне ответа. — Теперь осталось только ждать, чтобы эльф, как он обычно это делает, в своей язвительной манере, двумя-тремя словами расставил

все по местам.

— Ну и дурак. — Целитель налил в ступку жидкости из розового пузырька и снова застучал пестиком. — Я бы поклялся тебе в вечной любви, наплел бы сказочек и потом бы делал с тобой все, что хочу. Как показывает твоя жизненная история, ты на такой сахар с рюшиками очень падкая.

— Только не сейчас, — категорично заявила я. — Спасибо Жадимиру, я многому научилась.

— А зачем ты тогда задаешь идиотские вопросы? — Эльф капнул в густую субстанцию еще каплю какой-то жидкости из черного пузырька, и по поляне распространился отвратительный запах. Даезаэль сморщил нос и поспешно закрыл ступку крышкой. — Ну, что ты пялишься на меня, как на пророка? Или пади ниц, или продолжай ужин готовить.

Я закрыла рот, который у меня совершенно неприлично открылся, и продолжила резать овощи для супа.

Возле костерка появился Драниш, он шумно свалил принесенные ветки в кучу и присел рядом.

— Давай-ка я помогу, — предложил он. — А то сейчас дров нанесут, но мы же на ночь тут не останемся.

— Мы будем переправляться через реку ночью? — удивилась я.

— Да, но ульдон отправил нас вверх по течению, где есть более удобная переправа, и заверил, что фургон с легкостью через нее переберется. Ярослав не хочет задерживаться ни на минуту.

— Если он так спешит, — нахмурилась я, — то мог бы отправить кого-нибудь мне на помощь. Самой приготовить на такую ораву довольно затруднительно.

— Эй, эй, — добродушно сказал Драниш. — Я же здесь. А им просто хотелось пройтись и размяться. Представь, что будет, если на нас нападут, а нам тяжело будет двигаться!

— Тогда почему ты не разминаешься?

— Я разминаюсь, — ухмыльнулся тролль. — Кинжал, которым я сейчас лук крошу — это же маленький меч! Я представляю сейчас вместо головок лука головы врагов — и клац-клац-клац!

— Он на крыше фургона отжимался и приседал, — сообщил эльф, который обрывал с какой-то ветки листочки и бросал их в рот. — А Ярик сидел у твоей постели, как идиот, и смотрел, как ты спишь. Кстати, ты пускала слюни и похрапывала.

— Ну, спасибо, — пробормотала я, чувствуя, что покраснели не только щеки, но и уши и шея. — Без этой информации я бы уж как-нибудь спокойно прожила.

— Не обращай на него внимания, — подбодрил меня тролль, — ты очень мило выглядишь, когда спишь.

— Настолько мило, что тебе и двухсот отжиманий не хватило, чтобы успокоиться? — елейным голоском спросил эльф и пригнулся, увернувшись от летящей в него луковицы. — Ай-ай-ай, какие мы несдержанные! Ты же сам говорил, чтобы на меня внимания не обращали!

— Ты когда-нибудь добазаришься, — пообещал тролль.

— И что? Ты меня убьешь? — с интересом спросил Даезаэль. — Какой у нас сегодня день кровожадный, наверное, погода меняется.

— Не-а, я тебя не убью. — Драниш мечтательно прижмурился. — Я долго-долго тебя буду мучить!

— Странные у тебя фантазии, — хладнокровно заметил целитель. — Ты, Ясноцвета, с ним поосторожнее. Кстати, Драниш, у меня дядя занимается изготовлением всяких штучек для *этих* дел. Высшее качество — никаких там шероховатостей или вероятности получить занозу в ненужном месте, ты понимаешь, о чем я. Некоторые клиенты пользуются его услугами десятилетиями. Дать адресок?

Я посмотрела на тролля, который постепенно багровел и был готов вот-вот взорваться в

приступе ярости, и погладила его по руке.

— Вы о чем вообще? — спросила я.

Драниш заскрипел зубами, а Даезаэль улыбнулся.

— К сожалению, это не я тебе должен рассказывать. И не тролль. Спроси как-нибудь у Ярослава, хорошо? Уверен, он будет рад тебя просветить и даже показать на практике. А если ничего не получится, приходите за консультацией, буду очень, очень рад.

Троль издал слабый полузадушенный звук и так стукнул кулаком по дощечке для разделки овощей, что она сломалась пополам.

— Драниш, успокойся, прошу тебя, иначе мы никогда с ужином не закончим! — строго сказала я. — Неужели ты меня считаешь такой глупой? Я уже давно поняла, что все, что говорит Даезаэль, нужно тщательно фильтровать.

— Ах, так! — возмутился Сын Леса. — В таком случае не обращай ко мне больше за советами. Я буду хранить каменное молчание. Сама разбирайся в своих проблемах! — Он неожиданно всхлипнул, а потом запричитал бабьим голосом: — Вот так, стараешься для них, стараешься, ночей недосыпаешь, днями недоедаешь, себя всего на алтарь бескорыстной помощи кладешь, а они вот как! Да я на вас лучшие месяцы своей жизни положил, седых волос в голове прибавилось, а где благодарность? Где, я вас спрашиваю?

— Что происходит? — спросил капитан, появляясь из леса.

За ним маячила Тиса. Они оба были потными и запыхавшимися.

— Во-от, — не меняя тональности, продолжал Даезаэль, — я тут в лепешку расшибаюсь, чтобы твоя невеста к тебе лучше относилась, а ты уединяешься с этой девкой в лесу и занимаешься непотребствами!

— Какими непотребствами? — даже растерялся Ярослав. — Мы тренировались, и не вдвоем, а вместе с Велимором и Мезенмиром. Ты же должен был слышать звон мечей!

— Я слышал, — отмахнулся целитель, — только понадеялся, что вы там убиваете друг друга. Но, конечно, не думал, что мои надежды хоть раз оправдаются!

— Как приятно, что в этом мире хоть что-то не меняется, — сказала Тиса. — Наверное, ты будешь ехидничать даже на смертном одре, да, Даезаэль?

— Вполне возможно, — согласился эльф. — Но сначала я потанцую на твоей могиле, потом на могиле твоих детей — только я сомневаюсь, что они у тебя будут, — а потом подумаю над твоим вопросом.

Воительница фыркнула, но больше ничего не сказала.

Во время ужина, осторожно нюхая эльфийское целительское снадобье, Хус заметил:

— Я многих целителей встречал в своей жизни, но только у тебя, Даезаэль, лекарства так отвратительно вон... пахнут.

— Конечно, — важно кивнул эльф. — Я специально добавляю в них вонючую эссенцию по собственному рецепту.

— Зачем? — хором воскликнули мы.

— Я провожу наглядную агитацию за здоровый образ жизни, — значительно сказал Даезаэль. — Каждый, что хоть раз пользовался моими целительскими услугами, следующий раз хорошенько подумает, стоит ли ему болеть.

— А я думал, у вас, целителей, чем больше пациентов, тем больше денег.

— Ерунда, — фыркнул эльф. — Чем больше пациентов, тем больше возни и мороки. А получить деньги можно легко — просто поднять цены.

— Тогда к тебе ходить не будут, и ты прогоришь, — решила блеснуть своими экономическими познаниями Тиса.

Сын Леса посмотрел на нее с жалостью.

— Тиса, ко мне и моей семье *всегда* будут обращаться те, кому не смогли помочь жалкие человеческие целители. Потому что репутация, талант и знания — это то, что ценилось всегда и везде. К нам даже тролли обращаются.

— Неправда! — возмутился Драниш. — Да чтобы тролли пользовались услугами остроухих!

— Не хотел я этого говорить, но раз ты меня вынуждаешь... — притворно вздохнул эльф. — Насколько мне помнится, ты родился очень хиленьким. После этого твой отец и появился в нашем городе.

— Мой папаша так хотел меня вылечить, что даже обратился к эльфам? — разинул рот Драниш.

— Не тешь себя глупыми надеждами. Твой папаша просто хотел заручиться нашей помощью, чтобы таких дохляков больше не рождалось.

— И что ты ему посоветовал? — с неожиданным интересом спросил Ярослав.

— Меньше пить алкоголя.

— Но мой отец почти не пьет! — озадаченно сказал Драниш.

— Это сейчас, а раньше он был бездонной бочкой. Но, как видишь, рекомендации помогли. — Даезаэль скромно потупился, но я видела, что он был доволен собой.

Конец ужина прошел в молчании.

— Никому спать не ложиться, — распорядился капитан, когда мы погрузились в фургон. — Скоро будет переправа, могут понадобиться все силы.

ГЛАВА 17

Любое разумное существо показывает свое истинное лицо только в экстремальной ситуации. Поэтому любое разумное существо таких ситуаций старается избегать. Кому хочется быть негодяем?

Драниш Рых о натуре разумных рас

Ульдон не обманул насчет переправы — она была действительно удобной, фургон перебрался на противоположный берег без проблем, хотя нам пришлось посидеть на берегу, а потом брести по пояс в воде. Ярослав не хотел рисковать, нагружая фургон лишним весом, и никто не возражал, хотя раненым стражникам пришлось нелегко.

Волк и гном вдвоем переправляли фургон и к тому моменту, как мы перебрались на тот берег, уже успели разжечь небольшой костерок.

— Быстро сушимся — и в дорогу, — велел капитан.

— Нам вовсе не обязательно сохнуть, — запротестовал дядя Вел. — Ночи стоят теплые, а мы все тут не неженки.

— Мы все тут едва выздоровели после тяжелых ранений, — терпеливо пояснил Ярослав. — И я не хочу, чтобы мы встречали врага соплями и чиханием.

Он накрыл мои плечи одеялом и провел к фургону, чтобы я могла переодеться в одиночестве.

Пока я поспешно натягивала на мокрое и замерзшее тело сухую одежду, а Ярослав терпеливо ждал на заднике фургона, к нему подошел Персиваль. До меня донесся его просящий голос с нотками поскуливания, и, против воли, я прислушалась.

— Пожалуйста, капитан, как только мы минем опасные территории, посадите меня в каком-нибудь городке!

— Ты считаешь, так будет безопаснее? — ничуть не удивившись просьбе, спросил Волк.

— Конечно, безопаснее. Куда безопаснее, чем с вами.

— Там везде идет гражданская война.

— Не везде! — крикнул гном, но потом опомнился и понизил голос: — Я слышал, как вы разговаривали с Мезенмиром. Война идет далеко не везде, и я уверен, что смогу без проблем добраться до дома. Ведь служба королевских гласов ликвидирована, значит, меня уже не удерживает контракт.

— Хорошо, Персиваль, я думаю, это не составит никакого труда.

— Только, пожалуйста, не говорите никому о моей просьбе! Я не хочу, чтобы Даезаэль... ну, вы понимаете...

— Думаю, что эльф и так прекрасно осведомлен обо всех твоих желаниях, — сухо заметил Ярослав.

— Нет, нет! Я специально подождал, пока он начнет с Ножом спорить о каких-то заклинаниях. Ему сейчас не до подслушивания. А если он до чего-то сам догадается — пусть! Это ведь не одно и то же — догадываться и точно знать.

Капитан промолчал, а я поняла, что мое отсутствие уж слишком затянулось, поэтому вышла к ним.

— Ты все слышала? — полуутвердительно спросил Персиваль.

Я кивнула.

— Я не могу тебя осуждать, — сказала я честно. — Из-за меня и проблем с унаследованным доменом с нами путешествовать действительно небезопасно.

Гном растянул губы в кривой улыбке.

— Я не могу сказать, что я тебе сочувствую. Из-за твоих проблем страдают остальные. В любом случае, если ты выживешь, ты получишь власть и богатство. А мы, простые смертные — только раны и страдания.

Ярослав открыл рот, собираясь что-то сказать, но я легонько прикоснулась к его руке и спокойно проговорила:

— Жестоко, но справедливо, Персиваль. Но, честное слово, я не хотела доставлять ни вам, ни себе беспокойства. Если ты так боишься ехать с нами дальше, можешь покинуть фургон хоть сейчас.

— И остаться посреди мятежного домена, который находится в состоянии войны с ульдонами? Ни за что! Для того чтобы сейчас посадить меня из фургона, нужны доводы посущественнее, чем твоя оскорбленная гордость.

Персиваль ловко прыгнул на землю и пошел к костерку. Я только сейчас заметила, как он изменился за время, проведенное в путешествии, — он двигался совершенно по-другому, стал куда увереннее в себе и смелее. Конечно, до хищной грации профессиональных воинов ему было далеко, однако это уже был не Персик, неуклюже топающий во время ежеутренней пробежки.

— А он изменился, — сказал Ярослав.

— Я только что думала именно об этом, — отозвалась я. — Персиваль хоть с виду и нытик, может приспособиться к любой ситуации и выжить там, где остальные не смогут.

Если бы я знала, что мои слова станут пророческими не далее, чем через несколько часов, я бы, наверное, промолчала.

После того как все согрелись, а Даезаэль с крайне унылым видом обработал раны солдат, мы снова двинулись в путь. На скамью управителя сел Драниш, лучше всех видевший в темноте и лучше всех подготовленный к различного рода неожиданностям.

Я легла на одеяла под мрачное бормотание эльфа, в очередной раз разбирающего запасы своих снадобий. Он привычно ругался на весь мир и идиотов, которых он вынужден исцелять совершенно бесплатно, хотя они не входят в группу бывших королевских гласов, и вообще, раз нашу службу расформировали, то пора бы уже прекратить заниматься благотворительностью и начать оказывать услуги за деньги.

Под это уютное бурчание я заснула, хоть и проспала перед этим полдня.

Побудка была неприятной — от резкого торможения. Я открыла глаза и обнаружила себя мало того, что тесно прижавшейся к Ярославу, так еще и положившей на него ногу самым возмутительным образом. Волк не мог этого не заметить, поскольку уже приподнялся на локте и отдернул полог, чтобы увидеть тролля.

Но это не понадобилось, поскольку Драниш завопил:

— Тревога! — и тут же вкатился внутрь, образовав с нами куча-малу. — Подсекли деревья с обеих сторон!

— Лежи здесь! — рявкнул мне Ярослав, срывая со стены меч и осторожно выглядывая наружу.

Я обернулась на легкий шум, царивший в фургоне. По слову «тревога» проснулись все,

даже раненые стражники, которые сейчас деловито вооружались. Дазеэль уже зажег лампу на потолке и теперь ревниво оберегал от случайного пинка сумку с целительскими снадобьями.

— Эй, выходите, мы не будем стрелять! — раздался голос, который я надеялась больше ни разу в жизни не услышать. Жадимир миролюбиво предложил: — Мы только хотим поговорить!

— Поговорить, как же, — проворчал тролль, но вышел на передок фургона вслед за Ярославом.

— Что вы хотите? — холодно спросил Волк.

— Отдайте нам Ясноцвету, — вполне предсказуемо потребовал Жадимир.

— Нет.

Я осторожно выбралась наружу. В серой предрассветной дымке четко виднелись фигуры окруживших нас воинов. Их было много, слишком много для нашего маленького отряда.

— Я предлагаю тебе, Волк, решить все мирным путем, — сказал Ножов. — Здесь у меня тридцать опытных наемников, и ваш отряд они разорвут на кусочки в мгновение ока. А-а-а, дядя Вел! Приятно видеть, что вас тоже не позабыли прихватить. Вы надеетесь на магию Ножа? Право, не стоит! Я хорошо подготовился и заблокировал его способности, как и магию остальных благородных, прихватив с собой пару ульдонских штучек.

— Как ты здесь оказался? — спросила я.

— О, моя милая женушка подала голосок! Как я здесь оказался? Просто жду вас. Вы могли проехать либо по нижней переправе, либо по верхней, вот я и стою на той дороге, на которой вы вероятнее всего должны были показаться. Впрочем, не думайте, что я вас недооценил. На нижней переправе вас тоже ждут.

— Это мы тебя недооценили, — с досадой произнес Велимор. — Где ты взял стольких наемников, Ножов?

— Со мной поделился мой щедрый новый друг Владелец Сыч, — ответил Жадимир. — Он, видите ли, тоже не хочет, чтобы Владетельница шикарного домена досталась непонятно кому.

Ярослав никак не отреагировал на шпильку.

— Волк, решай быстрее, — поторопил мой первый муж. — Или ты отдаешь нам Ясноцвету добром, или мы забираем ее силой. Ты хочешь положить всех своих людей ради одной бабы?

— Прошу вас отзываться о моей невесте более уважительно, — ледяным тоном произнес Ярослав и обратился ко мне: — Ясноцвета, вы желаете уйти вместе с вашим мужем?

Я умоляюще посмотрела на него.

— Я не хочу, чтобы вас всех здесь убили из-за меня, Ярослав.

— Не дрейфь, котя, ответь на вопрос. И не из таких ж... проблем выбирались, — ободряюще хлопнул меня по спине тролль.

— Я не хочу больше иметь с Жадимиром ничего общего, — громко и твердо ответила я.

Ножов философски пожал плечами и начал поднимать руку, желая дать команду своим наемникам, но с фургона к нему под ноги скатился гном, прижимая к себе большую сумку.

— Я хочу иметь с вами общее, Жадимир, — проблеял он. — Пожалуйста, не убивайте меня! Я вас умоляю! Мне никогда не нравился никто из этой компании, я с ними был вынужденно. Я много чего умею, я ремесленник. Возьмите меня с собой!

Ножов брезгливо посмотрел на гнома, униженно стоящего на коленях, а потом кивнул.

— Хорошо, мой новый друг, я спасу тебя от этих жестоких и неразумных типов. Только сейчас не путайся под ногами, не мешай и не подвергай себя опасности. Я ценю опытных ремесленников, которые конечно же меня никогда не подводят.

— Конечно, конечно, — горячо пообещал Персиваль. — Я буду верно служить вам!

— Еще крысы с корабля есть?

Ответом ему было молчание.

— Я мирный человек, Ясная моя. — Мое ласковое прозвище прозвучало из уст Жадимира, словно щелчок бича. — Я не хочу причинять вреда твоим друзьям. Пойдем со мной, не тяни время. Иначе я не успею отозвать тех специально обученных людей, которые сейчас направляются в домен Крюка, чтобы навсегда разобраться с твоими родными. И не волнуйся, про твоего племянника я тоже не забыл. Ведь зачем столько трудов ради половины домена, когда можно получить весь?

Я рванулась к нему, не помня себя от ярости и тревоги, но Ярослав обхватил меня за плечи.

— Как ты можешь, как ты можешь так поступить с ними? — завопила я. — Ты... ты подумай хотя бы о том, что наш домен — оплот и залог мира на всем Севере!

— Мне плевать на мир, на королевство и на все остальное, — заявил Жадимир. — Законно владея такими территориями, я могу создать свое государство, которое будет признано всеми соседями. Поэтому я последний раз предлагаю тебе быть той, кто родит будущих королей!

Я плюнула в его сторону. Жадимир скривился.

— Фу, как вульгарно! Чему ты милую девушку научил, Волк? Твои солдафонские замашки ей явно вредят.

Я обернулась к Ярославу, надеясь, что он сможет хоть что-то придумать, но Волк не смотрел на меня. В это время они обменивались с троллем едва видными кивками.

— Давай, — одновременно сказали Жадимир и Драниш.

Ярослав схватил меня в охапку и спрыгнул вниз, закатившись под фургон. Внезапно серый туманный мир взорвался ярко-зеленым пламенем, таким сияющим, что у меня заслезилась глаза. Я зажмурилась, плотнее обхватив Волка за шею.

Я слышала, что вокруг раздавался шум боя, крики и звон оружия, но Ярослав выскользнул из-под фургона, не выпуская меня из рук, и целенаправленно ломился через кусты. Он, не останавливаясь и не оглядываясь по сторонам, бежал, бежал, бежал, лавируя между деревьев.

— Отпусти меня! — сказала я, услышав, как тяжело он дышит. — Отпусти! Я сама могу...

— Мол... чи, — на нескольких выдохах прохрипел он.

Я благоразумно закрыла рот и плотнее прижалась к нему, стараясь угадать, куда он повернет в следующий раз, и помогая ему движениями своего тела.

Наконец Волк остановился и опустил меня на землю.

— Прячься, — приказал он, взмахом руки указав на небольшую и неприметную пещерку, которая расположилась между корней огромного дерева, стоящего на склоне оврага.

— А ты? — спросила я. Неужели он собирается встретить врагов один?

Ярослав не ответил, только мрачно взглянул на меня исподлобья. Его лицо блестело от пота, длинные пряди, выбившиеся из косы, прилипли к щекам и шее, мокрая рубашка пристала к телу, а грудь ходила ходуном от прерывистого дыхания. Внезапно я поняла, что Волк проявил невиданное для него терпение, не рывкнув на меня, когда я не выполнила его приказа, поэтому виновато юркнула в пещерку. На всякий случай я положила руку на рукоять кинжала, боясь, что натолкнусь внутри на законного обитателя — барсука, волка или медведя. Погибнуть в пасти дикого зверя после того, как я спаслась из рук Жадимира было бы совершенной глупостью.

В пещере, к счастью, никого не было — только гора сухих прошлогодних листьев и клочья шерсти. Я села на листья, поджав колени. Периодически вход загораживала фигура капитана, который ходил кругами и что-то про себя бормотал.

Через какое-то время он ввалился в пещеру и упал, уткнувшись лицом мне в подол.

— Ярослав! — взвизгнула я.

— Это ничего, — глухо пробормотал он. — Я поставил защиту. Пройти ее смогут только Драниш или Тиса. Ты в безопасности.

— А ты? — спросила я, схватив его за плечи и тут же одернув руки. Поднеся ладонь к носу, я ощутила острый запах крови. — О Пресветлые Боги, что с тобой, Ярослав? Насколько ты сильно ранен?

— По спине, — с трудом проговорил он, — по спине хлестнули боевым заклятием.

— А ты еще меня тащил! — простонала я, сталкивая его со своих коленей и пытаюсь расположиться в пещерке как-нибудь поудобнее, чтобы добраться до спины раненого.

— Так тебя будет тяжелее найти, — пробормотал Волк и четко приказал: — Я запрещаю тебе пользоваться магией, чтобы меня исцелить! Иначе все наши труды пойдут насмарку! Ты себя выдашь!

— Глупости, — отрезала я, засветив в пещерке маленький огонек и осторожно промокая кровь оторванным от подола нижней юбки куском. Мне нужно было понять тяжесть ранения. Хорошо, что ночью после переправы мне показалось прохладно и я не поленилась надеть тонкую и мягкую нижнюю юбку! — Меня больше двух лет искали лучшие маги королевства, а я при этом все равно пользовалась своей силой. Я умею это делать незаметно.

Рана на спине у Волка была неглубокой, но очень нехорошей — разорванные края кожи свисали лохмотьями, шрам должен был остаться ужасный. Я осторожно, едва прикасаясь, постаралась вернуть всю кожу на место. Ярослав скрипел зубами, но не издавал больше никаких звуков, даже не вздрагивал.

Положив ладони на его спину, я сосредоточилась и применила к Волку все свое целительское умение, осторожно контролируя поток магии. Кровь остановилась, рана неохотно начала затягиваться. Когда я выдохлась, до окончательного исцеления было еще очень далеко, но теперь можно было обойтись просто перевязками и покоем. Я решила подождать немного, подкопить сил и продолжить сеанс исцеления под вечер. Исцеление, да еще и с контролем силы, никогда мне особо не удавалось.

— Не выходи за пределы защитного круга, — прошептал мне Волк и отключился.

Я переползла обратно к его голове, как могла создала ему максимальные удобства. Хотя о каких удобствах могла идти речь, если Ярославу приходилось поджимать свои длинные ноги, чтобы они не торчали из пещерки! Я понимала, что это не шло на пользу его кровообращению, но, если бы я попыталась их распрямить, ярость Волка могла быть ужасной. Поэтому я села на выходе из пещерки, достала кинжал и стала ждать.

Сначала мне было очень страшно. Я хваталась за оружие при любом шуме и качании веток, а если вдруг на утреннее солнце набегала тень, начинала лихорадочно оглядываться в поисках врагов.

Когда время стало приближаться к полудню, я поняла, что еще чуть-чуть, и я сама пойду сдаваться Жадимиру, лишь бы больше не выносить этой муки неизвестности.

— Ясноцвета... — Я подскочила от звуков хриплого голоса и ударила головой и спиной об корни.

— Что случилось? — Я заглянула в пещерку.

Ярослав повернул голову и посмотрел на меня тусклыми серебристо-серыми глазами.

— Прошу тебя, — хрипло сказал он. — Успокойся. Не жди нападения каждую минуту, от этого тебе только хуже. Ты прости, но мне что-то нездоровится, и я не могу тебя подменить. Но, если что, ты меня зови, хорошо?

Он облизнул пересохшие губы и снова закрыл глаза.

Я опять уселась у входа, но на этот раз постаралась расслабиться. В конце концов, мне бояться было уже нечего. Все плохое, что Жадимир мог сделать, он уже сделал. Разбил мне сердце. Пытался меня убить. Послал убийц к моим родным. Напал на нас. Как же там Драниш и остальные? Выжил ли кто-нибудь? А все это из-за власти и богатства, огромного куска земли. Предыдущие два года были тяжелые, но, с другой стороны, как же было легко без бремени, которое налагалось обязанностями и положением дочери Владетеля!

Я потеряла виски. От плохих мыслей начала раскалываться голова, а в животе бурчало. А еще очень хотелось пить. Ярослав, наверное, после ранения еще хуже, но он не жаловался, поэтому и мне приходилось терпеть.

Ничто не нарушало плавного течения лесной жизни, и я расслабилась. Если бы нас искали, то уже бы давно нашли или хотя бы прошли мимо защищенного участка. Я устала гадать, что произошло на месте битвы после нашего бегства, и устала волноваться о судьбе друзей. Летнее солнце ласково грело, но не жарило, поэтому я расположилась между корнями поудобнее и задремала, надеясь, что не пропущу подозрительные звуки и успею приготовиться к обороне. Мне снились какие-то обрывки кошмаров и все время чудилось, что вот-вот произойдет что-то ужасное и непоправимое. Несколько раз я вскидывалась, готовая убивать и защищать наши жизни, а потом опять проваливалась в вязкую кошмарную муть.

Окончательно разбудил меня стон. Рефлексивно схватившись за кинжал, лежащий на коленях, я покрутила головой в разные стороны, пытаюсь определить опасность, пока окончательно не проснулась и не поняла, что это стонет Ярослав.

Ему было совсем плохо. Он метался в пещерке в беспамятстве, постанывая через сжатые зубы. Лоб у него был горячий, а рана на спине воспалилась и опухла. Я осторожно нажала пальцем на воспаленный участок, и наружу выступил зеленый и вонючий гной.

— Но этого не может быть, — вслух пролепетала я. — Раны никогда так быстро не воспаляются! Этого просто не может быть!

— Пить, — прошептал Волк. — Пить...

Я схватилась за голову. Где же я возьму ему воду? Конечно, при некотором старании можно было бы вызвать дождь, но это потребовало бы от меня полной отдачи магических сил — на небе не было ни облачка. А если Жадимир где-то рядом, он мог меня тут же найти по колебаниям магического поля.

Я приложила ладони к обжигающе-горячей спине и попробовала провести сеанс исцеления, но ничего не вышло. Моя магия как будто отталкивалась от раны, и я вскоре прекратила свои тщетные попытки, боясь, что от них капитану будет только хуже.

— Пить... — Ярослав открыл глаза, но я сомневалась, что видел он именно меня. Взгляд у него был совершенно расфокусированным, а серебристо-серые глаза блестели нездоровым блеском. — Прошу...

В этот момент я поняла, что решение о том, что делать дальше, предстоит принимать только мне. Я могла просто сидеть рядом с ним, глядя, как когда-то сильный воин мечется в агонии, а могла нарушить защитно-маскировочной контур, который он поставил, и спуститься на дно оврага за водой. Опыт мне подсказывал, что обычно в таких овражках протекали ручейки или даже небольшие речушки.

Но тогда мы останемся беззащитными. Конечно, я могла поставить защитный контур, но делала это всего раз в жизни и очень сомневалась, что он у меня получится хоть отдаленно таким же качественным, как у Волка. Вот если бы Жадимир был нежитью — это другое дело, с нежитью я уже знала, как бороться.

Ну почему, почему все учителя магии, которые у меня были, учили меня таким бесполезным вещам?! Не спорю, знания о том, как остановить падеж скота или быстро пересчитать все запасы в кладовой во время осады замка, очень необходимы Сиятельной, отвечающей за хозяйство, но совершенно не помогают выжить в одиночку в лесу!

Ярослав опять застонал, и я подползла к его голове и ущипнула за щеки.

— Очнись! Очнись! Прощу тебя!!!

Он неохотно и очень медленно открыл глаза.

— Обратись к силе рода, слышишь меня! Обратись сейчас же, иначе умрешь! — приказала я и вложила ему в ладонь его родовой кинжал, предварительно легонько полоснув им по пальцу Ярослава, чтобы выступила кровь.

Волк попытался дышать равномерно, сжал рукоять кинжала и что-то прошептал. А потом сказал голосом, полным безнадежности:

— Я не могу.

— Ты должен, — серьезно сказала я. — Ярослав, если ты тут умрешь, ты погубишь нас обоих, а ты обещал меня беречь, помнишь? Разве Волки так легко нарушают данное слово?

Он даже не огрызнулся в ответ, просто закрыл глаза и разжал пальцы. Кинжал с рукоятью, увенчанной головой волка, упал на землю.

— Так, — сказала я спокойно, хоть мне хотелось выть от отчаяния. — Не умирай пока, я за водой пошла. Будем спасать тебя народными средствами.

Я уже вылезла из пещерки, но тут в голову мне пришла ужасная мысль и пришлось вернуться.

— Ярослав! — позвала я.

Он снова устало открыл глаза.

— Ты только... пока меня не будет... ничего с собой не делай, хорошо? А то вдруг решишь меня разом избавить от всех проблем.

Волк медленно раздвинул губы в подобии улыбки.

— У меня не хватит сил, — прошептал он. — И... я все еще не отказался от мечты заполучить домен с твоей помощью.

— Это хорошо, — решила я. — Значит, прям сейчас не помрешь. Жди.

Я вытащила у него из ножен свой бывший кинжал. Как бы там ни было, но в экстренной ситуации всегда лучше под рукой иметь проверенное оружие.

Рукоять с большим рубином легла в ладонь так привычно, что я тут же почувствовала прилив сил. В конце концов, я найду выход из этой ситуации, ведь мне еще нужно будет спешить в домен Крюка, чтобы предупредить отца и брата о готовящемся покушении. Жадимир еще поймет, что нельзя безнаказанно морочить голову Ясноцвете Крюк!

Мой кинжал не входил в ножны от кинжала Ярослава, и я просто заткнула его за пояс. Мне неоднократно приходилось носить его так, поэтому необходимая сноровка была и я не боялась пораниться. Однажды с Чистомиром мы сделали из ножен кораблики и пускали по реке, споря, чей приплывет быстрее. Мои ножны проиграли, потому что были украшены серебром и кожаный чехол быстро намок и пошел ко дну. А еще как-то, когда мы уже были подростками, Мирику посреди ночи пришла в голову гениальная идея поискать в замке привидения. Я с матерью как раз гостила у Дубов, поэтому не могла не поучаствовать. Так мы и носились по замку в одних ночных сорочках, размахивая кинжалами, пока нас не изловил начальник стражи и не притащил к Владетелю на аудиенцию. Так стыдно мне, наверное, никогда не было...

Погрузившись в воспоминания, я оступилась и ухнула почти по пояс в болотную жижу.

На дне оврага вода действительно была — только не в виде ручья, а в виде болота. С трудом выбравшись на берег, я какое-то время тяжело дышала, выжимая юбки и радуясь хотя бы тому, что сандалии были зашнурованы на ноге длинными ремешками, а то пришлось бы с ними попрощаться. Потом я прошла по берегу туда-сюда, пытаюсь отыскать какой-нибудь ручеек или источник, который бы впадал в болото, но сколько могла видеть, по всему дну тянулась затянутаая ряской жижа.

Но, какая бы ни была, это была вода. Я очень сомневалась, что после нее Ярославу полегчает, но я хотя бы могла обтереть ему лоб мокрой тряпкой.

Я выломала ветку из ближайшего куста и расчистила себе небольшой участок на поверхности болота, ближе к его середине. Для этого пришлось почти по колено залезть в грязь — я проверяла ее палкой, боясь попасть в какой-нибудь омут, — и зачерпнуть воды нижней юбкой. А потом выбралась на берег и принялась процеживать жидкость через нескольких слоев ткани, пытаюсь попасть относительно чистыми каплями прямо в пустые ножны от кинжала Волка. Монотонное занятие, поглощающее все внимание, быстро изгнало из моей головы остатки дурных мыслей, и когда я возвращалась назад, оберегая ножны с драгоценной водой, то уже с надеждой смотрела на мир.

Удача, привлеченная хорошим настроением, меня не подвела. Я нашла куст, с которого Даезаэль обычно обрывал ветки и листья и с удовольствием жевал, и наломала себе тонких

веточек, сделав из подола юбки что-то вроде сумки. Вряд ли разборчивый эльф стал бы есть откровенную гадость, во всяком случае, после ее съедения он оставался бодр и привычно недоволен жизнью.

Около пещеры я развесила сушиться юбки, понимая, что теперь нашему убежищу не хватает только таблички «Мы здесь», но не в силах больше терпеть противную мокрую ткань. Потом отрезала кусок нижней юбки и полезла в пещеру.

Ярослав был жив, хоть дышал очень хрипло и прерывисто. Когда я прикоснулась мокрой тряпкой к его лбу, он открыл глаза и уставился на мои голые коленки перед своим носом.

— Если ты скажешь хоть слово, — предупредила я, — самолично придушу.

Он скептически скривил губы и опять закрыл глаза.

Я смочила ему губы, не решаясь дать выпить болотной воды. Ярослав облизнулся и прошептал:

— Клякса.

Вот, значит, каким заклятием ранил Ножов Волка! Моя рука на миг замерла, но я быстро справилась с собой и продолжала обтирать лицо Ярослава. Волк ни в коем случае не должен был знать, как меня напугало его признание.

Ничего, я справлюсь. Как и любая благородная, я умела снимать «кляксы» — специальные заклятия, которыми ульдоны поражали тех, кто принадлежит к Домам, чтобы они не могли использовать силы своего рода. Но знала, что этот процесс будет очень тяжелым, а помочь нам, если что-то пойдет не так, будет некому.

— Я сниму, — спокойно сказала я. — Только сейчас поем, подожди немного.

— Ты уверена, что с тобой ничего не случится? — прерывистым голосом спросил Ярослав.

— Дорогой мой жених, — сказала я с напускной бодростью, надеясь на то, что он не поймет, насколько я испугана и не уверена в себе. — Крюки — один из самых магически одаренных родов в королевстве. Я умею снимать кляксы, и все пройдет как по маслу, если ты только сопротивляться не будешь.

— Не буду, — пообещал он и протянул дрожащую руку.

Я прикоснулась к ней, и он легонько погладил мои пальцы. Я благодарно улыбнулась и, чтобы скрыть подступившие слезы, выскочила наружу.

Листья, которые ел эльф, на вкус оказались кисловатыми и очень освежающими. Я долго их ела, тщательно обглаживая ветки, и размышляла над тем, что бы сказал отец, если бы сейчас меня увидел. Впрочем, скорее всего он бы ничего не сказал. Владелец Крюк ценил способность выживать и прочно стоять на ногах в любых условиях как величайшую добродетель. Наверное, он бы удивился, потому что никогда не думал, что его родная дочь, которую он всегда едва достаивал взглядом, обладала таким качеством. Остатки листьев я пережевала в кашицу и сложила на кусочек ткани, решив сделать припарку на ране у Волка. Я не знала, какими целебными свойствами обладает это растение и обладает ли оно ими вообще, но эльф никогда ничего не делал зря. Да и я после еды почувствовала прилив сил, поэтому решила, что, во всяком случае, вреда не будет.

Потом я разрезала свою нижнюю юбку на длинные полосы и вернулась в пещеру.

Ярослав снова метался в бреду, отдавая какие-то приказы и чего-то требуя. Чтобы он не шевелился, я села ему на ноги и вскрыла рану. Как бы ни прошел магический обряд, оставлять гной в теле было нельзя.

Пещеру заполнило зловоние, и меня чуть не стошнило. Однако я тщательно протирала рану до тех пор, пока ее полностью не очистила выступившая кровь. Во всем этом была только одна положительная сторона: Ярослав потерял сознание и никак не мешал мне заниматься его исцелением.

— Терпи, Ясноцвета, терпи, — проговорила я вслух, чтобы хотя бы услышать в гнетущей тишине, прерываемой только хриплым дыханием раненого, человеческий голос. — Вот осталась бы с Жадимиром, была бы комнатной собачкой без забот и хлопот. Ты сама

выбирала, так что теперь терпи.

Я свела края раны, совсем чуть-чуть применив магию, и с радостью поняла, что мне это удастся. Вероятно, «клякса» не могла отследить или запретить такую малость. Действуя очень осторожно, я долго-долго водила ладонями над спиной Волка, пока результат меня полностью не удовлетворил. Потом наложила травяную припарку, накрыв ее сверху остатками нижней юбки, и смахнула пот с лица. Теперь предстояло самое трудное.

Чтобы немного передохнуть, я вылезла из пещеры и подняла лицо к качающимся в вышине ветвям деревьев. Уже стемнело, и прохладный вечерний ветерок так приятно освежил мое разгоряченное лицо, что я почувствовала себя почти счастливой.

— Няня, — прошептала я в небо, — если этим вечером ты молишься за меня, обращайся к любым богам, к каким считаешь нужным, даже к Пахану. Мне понадобится любая помощь, которую они смогут мне оказать. Я люблю тебя, няня, и, если я не выберусь из этого леса, хочу, чтобы ты об этом знала. Может быть, кто-то из высших сил будет так любезен и передаст тебе это послание.

Оттягивать больше было нельзя. Я решительно вернулась в пещеру и снова уселась на ноги Ярославу. Сначала показалось, что мне никогда не вспомнить нужного заклятия, но слова древнего языка, которые я зубрила почти целый месяц в той, другой, беззаботной жизни, постепенно всплыли у меня перед глазами, и я медленно, боясь ошибиться, стала произносить их вслух.

Первые мгновения ничего не происходило. Потом Ярослав стал биться под моим телом так, что я упала сверху, обхватив его руками и продолжая выкрикивать заклятие. Несколько раз он очень ощутимо ударил меня об стены пещеры, так что на нас посыпалась земля, но мне удалось закончить, ни разу не сбившись, хотя перед глазами плавали разноцветные круги.

Как только я закрыла рот и в пещере стих отзвук последнего слова, внутри меня как будто что-то взорвалось. Я почувствовала, как из носа хлынула кровь, а в голове словно забили колокола. Ярослав затих, и я скатилась с него, кашляя и отплевываясь от крови.

Из последних сил я зажгла на потолке пещеры огонек. Волк лежал точно мертвый, и, что самое страшное, его татуировка не сияла, хотя должна была бы.

— Ярослав! — завопила я, поднимаясь на колени. — Ярик! Чахи и дрыхли на твою голову! Не смей умирать, слышишь! Не смей!

Я наклонилась к его рту, но дыхания не было слышно.

— Ярик! — завывала я. — Ярослав! А как же домен? Как же я? Почему ты решил умереть? Почему? Ты должен жить, слышишь, Волк, ты должен!

Я трясла его за плечи, пока не заболели руки, захлебываясь рыданиями и выкрикивая какие-то угрозы, а потом рванула на его плечах остатки сорочки.

— Ты должен жить, Ярослав, клянусь тебе всеми богами, я спасу тебя! Ты должен жить, если не ради домена, то ради меня. Ты клялся, слышишь, ты клялся быть со мной! Так исполняй же клятву, чахи бы взяли весь ваш лживый мужской род!

Резанув своим кинжалом по запястью, я нашарила на полу кинжал Волка и сделала рядом параллельный надрез.

— Всеми силами, которые мне доступны, — проговорила я, водя кровью по татуировке Волка, — я заклинаю тебя, Ярослав Волк, мой нареченный жених, живи, мать твою, живи!

Прежде чем потерять сознание рядом с недвижимым мужчиной, у меня хватило сил пережать запястье куском повязки с раны Ярослава, чтобы не истечь кровью.

ГЛАВА 18

Хотите покорить девушку — предложите сделать ей массаж. Настоящий массаж, качественный, длительный. А похабные мысли засуньте... далеко.

Чистомир Дуб о покорении женщин

Я открыла глаза, протерла их кулаками и увидела сидящего у выхода пещеры Ярослава. Он был полуобнажен, длинные и уже каким-то чудом расчесанные пряди распущенных волос прикрыли татуировку и свежий шрам. Он ловко вертел между пальцами кинжал дома Крюка, иногда перебрасывая его из руки в руку, и совершенно не был похож на умирающего.

Не веря своим глазам, я повернула голову к левому запястью, где бурела засохшими пятнами крови наспех наложенная повязка, и ткнула в рану пальцем. По руке пронесся острый укол боли, а это значило, что вечерние события мне не привиделись и это точно было вчера, иначе бы запястью не было бы так больно.

От сна на жесткой земле у меня затекло все тело. Я попробовала потянуться и тут же с удивлением обнаружила, что мои ноги заботливо прикрыты юбкой.

— Доброе утро, — не оборачиваясь произнес Ярослав.

— Доброе, — с некоторым сомнением в голосе согласилась я, натянула юбку и вышла на свет.

— Ужасно выглядишь, — окинул меня придиричивым взглядом Волк.

Я и сама это понимала: растрепанные волосы, лицо, измазанное грязью и кровью, засохшая грязь на юбке... Мою мать удар бы хватил, если бы она увидела меня в таком виде!

— Ну, извини, — огрызнулась я. — Не на бал собиралась.

Ярослав скривил губы. Я фыркнула и отправилась в кусты, по дороге пытаюсь оттереть с подола хотя бы наибольшие куски грязи.

Как бы там ни было, я поняла, как сильно меня задела слова Волка, когда обнаружила себя возле болотца в тщетной попытке оттереть лицо от грязи. Разозлившись на саму себя, я ударила по водной глади рукой и потащила к пещере обратно, наломав по дороге съедобных веток. От слабости меня качало, но я упрямо держала спину прямо, не желая, чтобы еще вчера умиравший Ярослав отпустил какое-то замечание в мою сторону своим холодным тоном.

Однако Волк, заканчивающий доплетать аккуратную косу, сказал совсем другое:

— Вчера был очень тронут твоим желанием, чтобы я жил.

Я села рядом и потерла виски. Утро только начиналось, но голову уже ломало так, будто я была на ногах не меньше двух суток.

— Хотя я запрещаю тебе применять магию, не могу не оценить твою самоотверженность. Но, Ясноцвета, обращаться к высшей магии тогда, когда нет подстраховки, — это верх безумия! — Он прикоснулся к моей руке, и его голос дрогнул, заставив меня поднять голову и посмотреть в его встревоженные и почему-то неуверенные серебристо-серые глаза. — Но... неужели тебе настолько было важно, чтобы я выжил, что ты рискнула всем?

У меня не было сил ни притворяться, ни облекать свои мысли в приятные фразы, поэтому я сказала просто:

— А сам-то? Или скажешь, когда выловил меня из воды, не обращался к силе рода?

Волк пожал плечами и сказал с некоторым оттенком превосходства:

— Так это же я! Во время войны я научился использовать магию в самых разных ситуациях.

— Вот и я приобретаю такой опыт, — огрызнулась я. Потом честно призналась: — Я очень испугалась, Ярослав. Ты сейчас моя единственная защита, и только с твоей помощью я могу предотвратить убийство моих родных или, если мы опоздаем, вернуть себе весь домен Крюка. Я реально оцениваю свои силы и способности и понимаю, что Владетелем ты будешь замечательным. Сама в этом бурном море я на берег не выплыву.

Не знаю, что хотел услышать от меня Волк, но его глаза похолодели. Я уронила голову на колени, уткнувшись в листья, и пробормотала:

— Моя вина, что наш домен попал в такую ситуацию. Если бы я прислушалась к мнению отца, Жадимир никогда бы не имел возможности...

Ярослав не стал меня утешать, но и предаваться слабости слишком долго тоже не позволил.

— Если ты закончила сеанс самобичевания, то приведи себя в порядок. Нужно поесть и выяснить, что случилось с остальными.

Я тайком вытерла глаза и посмотрела на Волка. Он совершенно невозмутимо протягивал мне небольшой деревянный гребешок.

— Откуда он у тебя? — поразила я.

Он прикрыл глаза и преувеличенно тяжело вздохнул.

— Ясноцвета, благородный должен хорошо выглядеть в любой ситуации. Мне казалось, что ты как дочь Владетеля должна это знать, однако весь опыт нашего знакомства подсказывает, что тут в твоём воспитании большой пробел. Когда ты станешь Владетельницей, ты обязана будешь больше внимания уделять своему внешнему виду.

— Ну знаешь!.. — задохнулась я от возмущения, направив всю злость на волосы. — Мои воспитатели никак не думали, что мне понадобится выглядеть прекрасно посреди глухого леса после того, как меня чуть не убили!

Волк пожал плечами.

— Это все оправдания.

— И как тебя на войне собственные солдаты не прирезали? — прошипела я.

— Они пытались, — неожиданно сказал Ярослав. — Три раза. А потом поняли, что безопаснее и выгоднее подчиниться моим требованиям. Ведь разруха начинается как раз в голове, а не в вещах. — Он пропустил через пальцы одну из моих еще спутанных прядей.

— Очень помогут расчесанные волосы, когда за мной Жадимир охотится, — буркнула я из чистого упрямства.

— Конечно, — спокойно ответил капитан и забрал из моего подола ветки с листочками. — Расчесанные волосы не будут цепляться за ветки и задерживать движение при бегстве.

Он отправил в рот целую горсть листьев и принялся их тщательно пережевывать. Мне ничего не оставалось, как заплести волосы и последовать его примеру.

Когда мы шли по лесу в направлении дороги, я с тревогой спросила:

— А ты не боишься, что нас там может поджидать засада?

— Все может быть, — пожал плечами Волк. — Однако вероятность этого крайне мала. Уже прошло более суток с момента нападения, но нас никто не искал, хотя мы убежали не так уж и далеко и ты сняла защиту с нашего убежища. Либо Ножов уверен, что его проклятие сработало и мы погибли, либо ему сейчас не до нас.

— Он не мог не почувствовать всплеска моей магии. И он не такой человек, чтобы пускать все на самотек, — возразила я.

— В любом случае сейчас мы можем только строить предположения. Думаю, скоро все прояснится.

Мы шли довольно долго, и я удивилась тому, как далеко смог пронести меня на руках раненый Ярослав, а потом еще и поставить защиту. Сейчас он шел по лесу бодро и по-эльфийски бесшумно, а меня шатало и водило в разные стороны, и несколько раз даже пришлось схватиться за ветки деревьев, чтобы не упасть.

— Ты шумишь, — строго заметил мне Волк. Повернулся, посмотрел на меня, кивнул каким-то своим мыслям и добавил: — Мы уже близко. Посиди пока здесь, я пойду разведу обстановку. Если что...

— То?

— Кричи, — вздохнул он. — Или у тебя есть еще на что-то силы?

— Не нужно меня недооценивать! — упрямо сказала я, задирая голову.

— Вовсе нет, — мягко возразил мне Ярослав. — Я знаю, на что ты способна. Поэтому стараюсь реально оценивать обстановку.

Я перестала спорить, села и прислонилась спиной к дереву. Мне очень хотелось спать, так хотелось, что глаза сами закрывались. Был бы здесь Мезенмир или Дазеаль, они

объяснили бы мне, что не стоило вчера злоупотреблять магией. Впрочем, это я знала и сама и вовсе не нуждалась в чьих-то нотациях.

Хотя, если быть с собой честной, мне до боли хотелось услышать ироничный голос Даезаэля и добродушное ворчание защищавшего меня Драниша. Мне так хотелось, чтобы все было хорошо!

Поймав себя на том, что проваливаюсь в сон, я с усилием открыла глаза и растерла себе уши. Способ, который мне показал тролль, рассказывая о долгих ночных дежурствах, помог — сон улетел, хотя слабость осталась.

Через какое-то время вернулся Волк. По его лицу я не смогла ничего прочесть, поэтому просто спросила:

— И что там?

— Ничего, — ответил Ярослав и присел рядом. — Ни фургона, ни засады. Только трупы.

— Чьи? — У меня екнуло сердце.

— Солдат Жадимира и... солдат из вашего замка.

— А... — глухим голосом спросила я.

— Нет, не Велимора. Простых солдат.

У меня с сердца свалился камень. Отец вряд ли бы простил своей непутевой дочери смерть своего ближайшего помощника, посланного вернуть беглянку домой.

— Пойдем, Ясноцвета, — сказал Волк. — Нельзя расслаживаться, если ты хочешь спасти свою семью.

— А куда пойдем? — спросила я, тяжело поднимаясь и чувствуя себя столетней старухой, у которой болят все суставы.

— К домену Сыча, больше некуда, — ответил Ярослав. — Там купим лошадей и поскачем на север.

— У тебя и деньги есть?

Волк зашагал по лесу не оборачиваясь, и мне пришлось чуть ли не бегом его догонять.

— Нет.

— Тогда как мы купим лошадей?

— Ограбим кого-нибудь, — равнодушно сказал он.

Я остановилась с открытым ртом, не в силах заставить себя двинуться с места. «Ограбим»? И это только что сказал человек, который прочитал мне лекцию, как важно благородным всегда хорошо выглядеть.

Ярослав внезапно повернулся и посмотрел на меня, слегка склонив голову к плечу.

— Что? — с внезапным сарказмом спросил он. — Ты не веришь, что твой будущий муж умеет шутить?

— Нет, — честно призналась я.

— Жаль, — почему-то печально сказал он. — А я ведь умею.

Я пожала плечами, чувствуя себя слишком уставшей и разбитой, чтобы заинтересоваться новой чертой характера будущего мужа.

В полном молчании мы шагали пару часов. Мне очень хотелось упасть где-нибудь и заснуть. Я уже была в таком состоянии, что вариант «заснуть навсегда» казался куда соблазнительнее, чем идти, идти, идти, чтобы в итоге попытаться спасти своих родных или взять домен в свои руки и стать хорошей Владетельницей.

Но, стиснув зубы, я почему-то не отрывала взгляда от кончика косы Ярослава, которая болталась туда-сюда по грязной рубашке со следом ожога от проклятия, и упрямо тащилась вслед за Волком. Он за все время ни разу не обернулся, хотя, наверное, в этом не было смысла — мои шаги были слышны по всему лесу, потому что я не старалась идти тихо. Мне хватало заботы заставлять себя просто идти.

Мы не выходили на дорогу, хотя шли от нее неподалеку. За все это время тишину леса нарушали только мое дыхание, треск веток под ногами и шуршание прошлогодней листвы. Пустынный тракт с заросшими травой колеями не беспокоили даже животные.

— Привал, — внезапно сказал Ярослав и обернулся.

Скорости исполнения мною этой команды мог бы позавидовать даже самый вышколенный солдат из замка моего отца — я упала на землю как подкошенная и тут же провалилась в полубессознательное состояние. Я чувствовала, что Ярослав куда-то меня тащит, укладывает, как в тумане видела, что он куда-то уходит...

Меня заставил открыть глаза только восхитительный запах жареного мяса. Я протерла глаза кулаками и увидела, как на небольшом костерке на пруте жарится заячья тушка, а сам Ярослав что-то выстрегивает из палки кинжалом, не забывая вовремя поворачивать жаркое.

— Откуда это? — хрипло спросила я, пошевелившись и обнаружив себя лежащей на охапке еловых веток и укрытой ими же.

— Поймал, — сказал Волк таким тоном, будто ловить зайцев в лесу самодельными силками было для благородного самым обычным делом. Нет, я знала, что Чистомир, посаженный на воспитательную голодовку, никогда не отказывал себе в четырехразовом питании, добытом своими руками, но Ярослав... Тут я вспомнила рассказы Драниша о том, что им пришлось пережить во время войны с нечистой, и обрадовалась. Как бы там ни было, но от голода я не умру.

— Ты полежи еще, — сказал Ярослав. — Когда приготовится, я тебя разбужу.

— Почему ты такой бодрый, а мне так плохо? — спросила я и тут же сама себя выругала за постыдно жалобный тон.

— Потому что ты вчера магически надорвалась, исцеляя меня. Я-то теперь здоров, а вот ты... Когда все это закончится, тебя обязательно нужно будет показать знающим целителям и магам Дома. Я боюсь, что после этих приключений тебе будет тяжело выносить и родить здорового наследника, хотя я не специалист в этих делах. Но если есть хоть малейшая опасность, что это произойдет, нужно позаботиться заранее о квалифицированном наблюдении.

— Тебя сейчас волнует наследник? — От удивления и возмущения я даже приподнялась на локте.

Серебристо-серый взгляд глаз благородного был спокоен, как вода в омуте.

— Конечно. Я приложу максимум усилий, чтобы ты вернула в свои руки законные земли. Если мы станем Владетелями, то домен нужно будет обязательно передать своим детям.

— Домен — это то, о чем ты постоянно думаешь?

Ярослав кивнул.

— И о том, как его получить с наименьшими потерями, — добавил он спустя какое-то время.

— А обо мне? — Вопрос вырвался у меня прежде, чем я успела закрыть рот.

Глаза Ярослава похолодели.

— А как ты считаешь? — ответил он вопросом на вопрос.

— Боюсь, что я для тебя только средство достижения жизненной цели и ничего более, — раз уж ляпнула, то придется отвечать откровенно.

— Вполне возможно, — равнодушно сказал Ярослав. — За нежностями — это не ко мне. У нас на это Драниш есть.

Я вскочила с еловой постели.

— Ты на что намекаешь? — спросила я напрямик. — Неужели ты подозреваешь, что я буду изменять тебе?

— Чистокровность наследника всегда можно проверить, — цинично улыбнулся Волк.

— Что... что заставило тебя думать обо мне настолько низко? — задышавшись от возмущения, крикнула я. — Я тебе не просто девка, а...

— А как же Чистомир, Жадимир и наконец Драниш? Ах да, еще Даезаль! Сколько мужчин видели тебя обнаженной? Скольким ты дарила свои ласки? Нет, я еще не забыл, какой замечательный дамский угодник твой любимый Мирик!

Откуда у меня только силы взялись! Я сложила пальцы в кулак и от души врезала им по

губам Ярослава, отряхнула кровь и холодно поинтересовалась:

— Еще какие-то вопросы?

Волк не поднялся с земли и не уклонился от моего удара, хотя конечно же мог это сделать. Он сидел, положив кинжал на скрещенные ноги, по его подбородку текла кровь, капая частыми каплями на блестящее лезвие, и смотрел на меня непонятным взглядом.

— Нет, — сказал он.

— Прекрасно! — рывкнула я и улеглась на еловые ветви, демонстративно отвернувшись. Чувствовала я себя почему-то очень обиженной. Мне казалось, что эту тему с Ярославом мы давно закрыли, но он снова поднял ее. И почему в его душе такая горечь? Неужели он до сих пор вспоминает свою большую первую любовь, девицу Негосаву Пес, которая изменила ему с Чистомиром?

В горле застрял горький и колючий комок, но я запретила себе проливать слезы о своей жизни. Хватит уже. Ведь это я сама своими действиями привела ее на эту дорогу. Нельзя винить Ярослава в том, что он мне не доверяет.

— Ясноцвета, — через какое-то время позвал он меня вполне мирным тоном, — иди есть.

У меня был огромный соблазн буркнуть «не хочу», однако это было бы глупо. Я хорошо понимала, что мне нужны силы, как можно больше сил, чтобы хотя бы держаться на ногах.

Слегка подгоревшее мясо без соли показалось мне вкуснейшей едой, и только усилием воли я заставляла себя не рвать и глотать его кусками, а откусывать по чуть-чуть и тщательно пережевывать.

Волк ел не спеша, его губы опухли и, наверное, причиняли ему боль. Однако он ничего не сказал, а я не спешила извиняться за свое недостойное поведение.

Когда от зайца остались одни косточки, Ярослав протянул мне ножны, наполненные водой.

— К сожалению, — сказал он, стараясь как можно меньше шевелить губами, — ручей отсюда довольно далеко, а я не хочу терять время. Тебя устроит такое количество воды?

— Конечно, — церемонным тоном ответила я.

Он кивнул и поторопил меня жестом.

И мы снова пошли. И я снова, стиснув зубы, смотрела на кончик косы Волка до тех пор, пока совсем не стемнело. А потом свалилась без сил и в каком-то вязком мареве чувствовала, как Ярослав заталкивает мне в рот целебные листья, которые он нарвал по дороге, и заставляет их жевать и глотать, как ломает ветки и обустроивает постель, как заставляет меня на нее улечься...

Проснувшись я от холода. Меня било в ознобе, и даже теплое тело Волка, к которому я прижималась, и его тесные объятия не спасали меня от чувства, что все мои внутренности заledenели, а по венам бежит холодная и колючая жидкость.

Стоило мне пошевелиться, как Ярослав открыл глаза, посмотрел на меня, облизнул губы, покрывшиеся запекшейся корочкой, и сказал:

— Нужно идти. Так ты согреешься.

— Встать не могу, — проскрипела я.

— Я понимаю, — мягко сказал Волк. — Но нужно. Постарайся.

Я попробовала пошевелиться и застонала от боли. Все мышцы свело, и малейшее движение отзывалось по всему телу, будто меня кромсали ножами.

Ярослав вздохнул, присел передо мной на корточки и сказал:

— Постарайся расслабиться.

Я замерла, как испуганный кролик. Что он собирается со мной сделать? Не выбрал ли он именно это время для мести за разбитые губы?

Но жених в очередной раз меня удивил. Нежно и осторожно он принялся массировать мои мышцы, постепенно, одну за другой. Сначала мне было больно, а потом стало приятно.

— Теперь ты можешь встать? — спросил Волк как раз тогда, когда я начала уплывать в

блаженную негу.

Я лениво открыла глаза и пошевелилась. Удивительное дело, но тело как будто бы налилось силой, двигаться было легко и приятно.

— Пойдем, — улыбнулся Ярослав в ответ на мою неприкрытую радость. — У меня есть хорошие новости. Я знаю, где Драниш и Тиса.

— Да? Откуда?

— Вчера вечером заметил на деревьях особый знак, которым наш отряд всегда обозначал дорогу и места убежищ. Кроме этих двоих, его здесь никто не знает и даже вряд ли заметит. Но я подумал, что ты можешь не дойти, поэтому сделал привал.

— Так пойдем быстрее! — Известие о том, что хотя бы некоторые мои друзья живы, придало еще больше сил.

Ярослав кивнул и подал мне руку, помогая подняться.

Несмотря на его уверения, что идти нам совсем недолго, до места стоянки фургона мы дошли только к полудню. Утренняя бодрость испарилась, и я уже едва шла, потеряв интерес к окружающему миру и совсем не слыша Ярослава, который иногда говорил что-то подбадривающим тоном.

— Ярик! — донесся из кустов вопль Драниша, заставив меня на мгновение встряхнуться и поднять глаза.

Мужчины обнялись, в избытке чувств похлопывая друг друга по спинам.

— Я рад, что вы дошли, — только и сказал тролль, отстранившись и взяв капитана за плечи. — Что-то ты хреново выглядишь, дружище!

— Но лучше тебя, — усмехнулся Ярослав.

Действительно, обнаженный торс тролля был весь перебинтован, левый глаз закрывала повязка, а к правой ноге была прикреплена шина.

— Бойня была жуткая, — сказал Драниш. — Но мы живыми сдаваться не хотели. Если бы не Мезенмир — мощный парень! — не выбрались бы. Представляешь, смог одолеть действие ульдонских артефактов! Пойдем, пойдем, вас будут очень рады видеть!

Мы пролезли через плотные заросли кустов и оказались перед остатками фургона. Крыша и стены нашей повозки обгорели, задней площадки не было, как будто ее кто-то оторвал мощным рывком. Только передок телеги с кристаллами управления был совершенно цел.

— Да-а-а... — протянул Ярослав.

— Это Даезаэль защищал панель управителя, и та зеленая вспышка, которая дала вам возможность сбежать, тоже его рук дело, — пояснил Драниш.

— Кто осмелился упомянуть мое имя без почтительного шепота? — обычным язвительным тоном осведомился целитель, вылезая из фургона. Его кожа была светло-серой, и он выглядел так, будто год просидел на хлебе и воде в сыром подвале. — Ты что, забыл, кто вас всех спас? Пади ниц! А, ладно, что с вас всех возьмешь, попадаете, а мне поднимать потом. И как вы двое? Целы? Ну, с Ясноцветой понятно, такой кошачьей живучести я еще ни у кого не видел, но ты-то, Ярик! Мог бы и не подвести мои надежды!

— Я выжил благодаря Ясноцвете, — честно ответил Волк.

— А я — благодаря ему, — не отстала я.

— Какой потрясающий пример супружеского единодушия! — воскликнул эльф. — Ну что ж, я только рад. Вас я уже не смог бы исцелить, Так что все только к лучшему. Это что? По физиономии схлопотал? Давно пора было. А ну-ка, ну-ка, дай я гляну. Это что, была «клякса»? Кто же так варварски снимает, Ясноцвета! Как стакан воды половником вычерпывать!

Драниш кинул Ярославу сорочку.

— Последнюю тебе отдаю, — сказал он. — Нет у нас теперь багажа, и не все уцелело, что внутри было.

Ярослав заглянул в фургон, я потащила за ним следом. Внутри обнаружились Велимор, деловито меняющий повязку на ноге и обрадованно кивнувший мне, и Мезенмир,

настолько бледный, что я сначала приняла его за мертвого.

— А где... — голос Волка дрогнул, — где... Тиса?

Я обернулась к троллю и эльфу. Даезаэль весь светился интересом, что не могло не быть плохим признаком, а Драниш кусал губы.

— Драниш?.. — хрипло спросил Ярослав.

Троль шумно вздохнул.

— Пойдем.

Волк напрягся так, что опухшие губы превратились в тонкие полоски, но твердым шагом двинулся за Дранишем.

Мы с эльфом последовали за ними.

Попетляв немного по залитому солнечным светом лесу, мы вышли на уютную полянку, где посередине, на самом ярком месте, был насыпан холмик, на котором сверху лежал меч Тисы.

Ярослав на негнущихся ногах подошел к могиле и упал перед ней на колени. Я замерла у кромки поляны, боясь подойти ближе. Даезаэль остался рядом, но Драниш подошел к Волку и положил ему руку на плечо.

— Как это произошло? — совершенно лишенным каких-либо эмоций тоном спросил Ярослав.

— Она защитила тебя от удара Жадимира, — сказал тролль. — Магия была настолько сильной, что ее практически разорвало на куски. Но благодаря этому ты получил лишь малую часть...

— Ты... — Волк повернулся к нам, мельком скользнув по мне взглядом превратившихся в две льдинки глаз, и пристально посмотрел на эльфа: — Ты мог ее спасти?

— На тот момент я был немного занят, — промурлыкал целитель. — Спасал свою собственную шкуру. Скажи спасибо солдату из замка Крюка, который закинул ее в фургон, а то мы ей и могилки соорудить не смогли бы. Кстати, — сладко добавил эльф, не обращая внимания на Драниша, подававшего ему какие-то отчаянные знаки, — с такими ранами она еще долго держалась, все ждала и звала тебя. Только сегодня утром упокоилась. Трагедия, да?

Ярослав перевел взгляд на меня. И таким страшным был этот взгляд, что я не выдержала, развернулась и помчалась к фургону.

Запрыгнув в остатки повозки, я попала напрямиком в объятия моего дяди.

— Я очень рад, что ты жива, — сказал он, когда я, прижавшись к грязной, пахнущей кровью и потом куртке, разразилась рыданиями. — Это для меня самое главное и для тебя тоже.

— Как я буду жить с Ярославом, если он винит меня в смерти Тисы и в том, что не успел увидаться с ней до того, как она умерла? — прокричала я в куртку. — Ты бы видел, как он на меня смотрел!

Дядя погладил меня по голове.

— Ясноцвета, телохранители иногда умирают. Работа у них такая. Мои воины тоже погибли, но я ведь не развожу нюни.

— Она любила его.

Велимор поцокал языком.

— Бывает. А он ее?

— Нет... не знаю.

— Знаешь, что сказал бы в этом случае твой отец? — спросил Вел.

Мне и думать долго не пришлось.

— Долг превыше всего.

Мужчина кивнул. Лицо его было печально и сурово. Я поняла его без слов: нужно собраться и вспомнить, в чем состоит мой долг.

Обхватив себя руками, я глубоко вздохнула. Как бы там ни было, мне нужно позаботиться о своем домене и своей семье. Нельзя допустить, чтобы убийцы Жадимира

добрались до моего отца.

— Отец...

— Не думай о нем, — посоветовал мне Велимор. — Он и не такое переживал. Сейчас, во время военного положения, рядом с ним и птичка несанкционированно не пролетит.

— Но ты же тут! Кто его теперь защитит? — воскликнула я.

— Ясноцвета, эй! — Дядя помахал перед моим лицом пятерней. — Ты о ком говоришь? О своем отце, у которого на все случаи жизни есть план «А», план «Б», план «В», запасной план «Г» и сверхсекретный план «Д»! Не беспокойся об отце! Твой долг — это вступить в права владения. А это можно сделать только в королевском замке. Твой... Жадимир не благородный и он не знает тех мелочей, которые необходимы, но которые не прописаны в архивах. Чтобы тебе покорились земля, чтобы ты имела все права Владетеля и всю его магическую мощь, тебе надо, чтобы король тебя утвердил! Сейчас считается, что визит к королю — только старая традиция, но это очень важно. Здесь в силы вступают такие законы магии королевства, о которых Жадимир даже не подозревает!

— А ты откуда обо всем этом знаешь? — спросила я. Честно говоря, уже надоело понимать, что ты столько лет прилежно слушал учителей, но все равно твоих знаний недостаточно!

— Потому что к моменту твоего вступления в права наследования мы готовились несколько лет, — сообщил дядя. — Думаю, о том, что визит к королю — необходимость, а не глупая традиция, знает очень мало людей. Мезенмир, пожалуй, знает, а вот Волк точно нет.

Я задумчиво почесала нос, припоминая светскую хронику.

— Э-э-э... кажется, дядя, далеко не все Владетели посещали короля, когда вступали в права наследования.

— Да. — Велимор устало закрыл глаза, растирая ногу. Периодически он морщился от боли. — Потом сама узнаешь, к чему это привело.

Мне срочно надо было обдумать полученную информацию, и я вышла наружу, поближе к теплу костра.

— Как ты? — спросил тролль, с удобством вытянувшийся у огня.

Я постаралась улыбнуться.

— Держусь.

— Ага, — согласился Драниш. — Я вижу.

— Что, истерик больше не будет? — разочарованно спросил Даезаэль, приподнимая голову со своей удобной лежанки из еловых ветвей. — Жаль, жаль. После того финта бородой, который продемонстрировал Персик, место отрядного нытика свободно.

— Я так и думал, что рано или поздно он сломается и его подленькая сущность вылезет наружу, — мрачно сказал тролль. — Это было понятно еще тогда, когда мы познакомились и он во время драки отсиживался под лавкой.

— Он давно планировал нас покинуть. — Я не могла обвинять гнома, который попал в аристократические разборки отнюдь не по своей вине.

— Ну конечно, как же мы можем обойтись без госпожи Всепрощение? — съязвил Даезаэль.

Я отмахнулась от настырного эльфа.

— Давайте я лучше вам ужин помогу готовить! — Помолчала и нейтральным тоном спросила: — А что, Ярослав еще не возвращался?

— Думаю, — печально вздохнул тролль, — ему нужно побыть одному.

— Ага, — не мог не вставить свое слово эльф, — нужно побиться головой и поплакаться, что не ценил, не любил, не уважал...

— Даезаэль! — резко оборвал его Драниш.

— Что? — невинно спросил эльф. — Разве я не прав? Да будь у меня такая преданная служанка, я бы...

— Ты бы ее бесконечно шпынял, — перебила я.

— Конечно! А зачем еще нужны влюбленные дуры? Тапочки носить и позволять срывать на себе плохое настроение. Но! Я бы ее ценил! А он не ценил. Кстати, Драниш, и ты поплачь. Сколько лет вы с Тисой вместе? Я бы на твоём месте...

— Хорошо, что ты не на моём месте! — рявкнул тролль таким тоном, что Даезаэль понял, что лучше помолчать, и уткнулся носом в свою лежанку.

Мы долго сидели в тишине, наслаждаясь теплом костра и осознанием того, что мы живы.

На ужин я сварила густую похлебку, которую должны были без проблем принять все желудки. Вид нашего воинства, осторожно орудующего ложками, навевал тоску.

Мезенмир кривился при каждом движении и едва слышно стонал. Дядя Вел держался молодцом, но глубокие морщины на лице говорили о боли, которую он испытывает. Драниш старался не нагружать больной бок, и только Даезаэль ел за троих, стараясь набрать потерянную в результате целительства мышечную массу.

После ужина все побрели спать — о дежурствах даже речи не шло. Как метко выразился Драниш, «мне сейчас так х... прости, Ясноцвета, плохо, что я буду только рад, если меня кто-то сожрет».

За Ярославом я не рискнула идти и, закутавшись в одеяло, провалилась в глубокий сон. Тихое сопение тролля, к которому я успела привыкнуть за время нашего путешествия, меня странным образом успокаивало. И вообще, приходилось признать, что я бы лучше осталась в лесу вдвоем с надежным и верным Дранишем, чем с непонятным, ожесточенным на весь мир и иногда пугающе нежным Ярославом. Как прожить жизнь с человеком, которого совершенно не понимаешь? Хорошо, допустим, прожить жизнь можно довольно сносно — Волк никогда не позволит быть себе грубым или непочтительным с женой, — но как управлять доменом? Сможем ли мы найти общий язык или Ярослав полностью отстранит меня от дел, оставив мне только заботы о рождении и воспитании детей? Однако здесь он просчитается. Я не собиралась стоять в стороне от управления *моей* землей, что бы он там себе ни думал.

Я проснулась от того, что мне стало тяжело дышать. Открыла глаза и в лунном свете увидела у себя на груди голову с выгоревшими волосами, заплетенными в привычный «гребень дракона». Даже скорбь это не оправдание растрепанной прически истинного чистокровного!

Ярослав спал, обхватив меня руками и тесно переплетя свои ноги с моими. Иногда он прерывисто вздыхал. Я чуть поерзала, пытаюсь устроиться поудобнее, и мокрая ткань рубашки неприятно проскользнула по телу. Что это?

Я осторожно прикоснулась к лицу Волка. Его ресницы были мокрыми. Несгибаемый капитан плакал во сне, прижимаясь ко мне в поисках... чего? Утешения? Тепла? Человеческой близости, которую при дневном свете он не допускал?

Моя рука против воли поползла к его макушке. Погладить Ярослава я не решилась, поэтому просто прижала его голову к груди крепче и, несмотря на неудобную позу, быстро заснула.

Когда я проснулась, фургон уже всюду двигался по дороге, рядом сидели дядя Вел и Драниш, которые азартно резались в карты, шепотом споря и подсчитывая очки. Я глубоко вздохнула и потянулась. Тело отозвалось привычным стоном и затихло, то ли понимая, что все равно пощады не будет, то ли уже смирившись с нагрузками.

— Ну и горазда ты дрыхнуть, Сиятельная, — ухмыльнулся Драниш. — Уже полдень скоро. Мы позавтракать успели, Даезаэль такого знатного оленя подстрелил, правда, сам же почти целиком его и умял. Но мы твою порцию отстояли.

Я попробовала почесать зудящую голову, но пальцы запутались в волосах. Я осторожно выпуталась из колтунов, стараясь не смотреть на прямую спину сидящего за панелью управления Волка. Потому что его коса снова была вне всякой критики, а вот мне до достойной Владетельницы еще работать над собой и работать.

Погодите... Ярослав управляет фургоном?

Я так резко вскочила на ноги, что закружилась голова, и пришлось ухватиться за любезно подставленную руку Драниша, чтобы не упасть.

— Что случилось? — удивился он.

Я не ответила и, перешагнув через крепко спящего эльфа, присела рядом с Мезенмиром. Молодой аристократ лениво следил за движением облаков и на меня только скосил глаза, не удостоив даже поворота головы.

— Мезенмир, ответь мне, пожалуйста, на вопрос: как скоро мы с Ярославом умрем?

— Откуда же я знаю? — искренне удивился маг. — Может быть, сегодня на нас опять нападут и мы все умрем, не только вы с Ярославом.

— Нет, нет, я не об этом. Понимаешь, мы уже столько раз пользовались силой рода за последнее время, что, боюсь, наши тела уже ни к чему не пригодны. Сколько у нас еще есть времени?

— А-а-а, вот ты о чем... Об этом не принято говорить, но, если все пройдет удачно, в смысле в твою спину не выстрелят из арбалета или на твою шейку не наложит свои лапы муж номер один, то жить вы с Ярославом будете долго. У вас ведь уже была послемагическая кома, так?

— Да.

— Тебя учили, что обращение к силе рода возможно только в крайних случаях и, если этих случаев слишком много, ты очень быстро умрешь из-за перенапряжения тела или тебя отлучат от рода, так?

Я кивнула.

— Так оно и есть. Аристократы, которые пользуются силой рода, после первой комы, наступившей в результате переизбытка силы, либо умирают, либо выходят на новый уровень силы.

— Я не знала о том, что после комы бывают выжившие, я думала, что это только благодаря нашему целителю.

— Конечно же наличие целителя играет огромную роль, — согласился Мезенмир. — Но даже без целителя есть случаи, когда люди выживали. И тогда уже в силу вступают другие законы, и вполне можно стать отлученным.

— За что? — удивилась я.

— Потому что **бо** льшая сила — это еще **бо** льшая власть. Это как в случае с вашим единением с помощью кинжалов. Зачем нам, магам, нужны правители с такой магической силой? Конечно, раз так получилось в результате обстоятельств, придется с этим считаться, но, подумай сама, что было бы, если бы твой отец обладал еще большей магической мощью?

— Понимаю, — кивнула я. Единственное, что всегда интересовало моего отца, — это власть. Именно поэтому он вдвое увеличил свой домен, именно поэтому все свое время он проводил либо в военных походах, либо в интригах. И, насколько я поняла, сейчас, во время смуты, именно мой отец руководит Севером страны, удерживая домены от падения в хаос.

Ах, сколько же раз он сетовал на то, что ему не хватает магической силы! Как бы он хотел стереть врагов с лица земли!

— Стать родовым магом — настоящим магом, не просто получившим начальное магическое образование или даже закончившим магический университет, — очень тяжело, — продолжал Мезенмир. — Каждый из чистокровных и почти каждый аристократ — потенциально очень мощный маг. Сейчас твоё тело и тело Ярослава постепенно приспособляются к тому, чтобы пропускать через себя огромные потоки энергии. Как правило, магов этому учат много лет, но вам с Волком пришлось пройти... гм... ускоренное практическое обучение. Задача мага, который живет в замке у аристократа, — удерживать того от приобретения дополнительной силы. На этом держится наше государство, мы спасаем народ и землю от войн, после которых будет оставаться только выжженная пустыня. Маги почти никогда не становятся Владетелями — это недопустимый соблазн.

— Но ты...

— Ясноцвета. — Мезенмир поднялся, кривясь, посидел немного, закусив губу, а потом

продолжал: — Я никогда не хотел стать Владетелем. И твой домен меня никогда не привлекал. Однако в сложившейся ситуации твой отец решил, что я могу стать хорошим — и сильным — Владетелем.

— И ты согласился.

— Я? О, нет! Твой отец, замечательный Владетель Крюк, шантажировал меня и всю мою семью. Если бы я отказался от чести стать мужем прекрасной беглянки Ясноцветы Крюк, он бы убил моих младших сестер, а заодно прошелся бы огнем и мечом по нашему домену. У меня не было выбора!

Его серебристо-серые глаза стали почти черными от охватившей Мезенмира ярости. Краем глаза я увидела, что Драниш и Вел прекратили игру и настороженно посматривают в нашу сторону.

— Я не знала этого, — прошептала я едва слышно. — Не знала. Прошу прощения, Мезенмир, что мой отец так поступил с твоей семьей.

Нож несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, а потом сказал:

— На твоём месте я бы не сообщал никому о том, в каких количествах вы с Ярославом пользовались магией. Вполне возможно, ваш родовой маг отслеживает все твои магические вспышки, но он будет молчать до тех пор, пока ты не переступишь определенную черту и не начнешь использовать магию во вред. А чем меньше народа посвящено в события, чем безопаснее.

— Спасибо за совет, — серьезно поблагодарила я и побрела на свое место.

Я не считала, что в моей жизни что-то кардинально изменилось, однако было приятно сознавать, что у меня теперь есть сила, которую я могу противопоставить Жадимиру. Что-то мне подсказывало, что в ближайшее время она пригодится.

ГЛАВА 19

Единственные вещи, которые можно проделывать бесконечно и с неизменным удовольствием, — это подстраивать гадости ближнему своему.

Даезаэль Тахлаэльбрар рассуждает о жизни

В тишине и спокойствии мы проехали несколько дней, пока не стали попадаться признаки близкого жилья — разъезженные дороги, ухоженные поля, вырубленные леса.

— Скорее всего мы все еще находимся в домене Сыча, — озабоченно сказал мне Драниш. — Учитывая то отношение, которое продемонстрировал к тебе старик во время последней встречи, нам нужно быть наготове.

— Не нам, — поправил Даезаэль, — а конкретно ей.

Эльф кивнул в мою сторону. За последние дни целитель более-менее отъелся и перестал выглядеть устрашающе серым и катастрофически худым. Магией он не пользовался, предпочитая или отлеживаться, или что-нибудь жевать. Когда я вела фургон, Даезаэль размещался у меня на коленях и начинал сетовать на жизнь, подробно и со вкусом расписывая все несчастья, которые обрушились на его голову с момента, как его угораздило появиться на свет. Несколько часов страдающий эльф посвятил глубоко травмирующему детскому переживанию: его однажды приняли за девочку! Именно с этим случаем Даезаэль связывал свою многовековую депрессию.

Ярослав со мной обращался подчеркнуто вежливо, стараясь лишний раз не замечать моего присутствия. Ночью он спал рядом со мной, отворачиваясь и не шевелясь на протяжении всей ночи. Однажды я сильно продрогла и прижалась к его спине в поисках тепла. Волк ничего не сказал, укрыл меня своим одеялом и ушел дремать на скамью управителя.

После долгого и бурного обсуждения мы решили ехать не скрываясь. Если на нас захотят напасть отряды Сыча, они найдут фургон в любом случае, как бы мы ни прятались. А

вот на дороге, в окружении местного населения, будет возможность вступить в переговоры. Я знала, что наше потрепанное войско не выдержит еще одного сражения, и тайком надеялась, что мы сможем вывернуться хитростью. В крайнем случае, я была готова пожертвовать собой, лишь бы леса не украсились еще одним холмиком, под которым лежит тот, кто во время тяжелого пути стал мне дорог.

Когда я не вела фургон и не слушала историю тяжелой эльфийской жизни, то разговаривала с Велимором. Дядя делился домашними новостями.

Он рассказывал о моем племяннике, который был похож на свою мать — пышную толстушку, дочку Владетеля Риса. Владетель Крюк не обращал на внука внимания, однако уже подготовился на случай всех возможных катаклизмов.

Мой брат должен был унаследовать отцовский домен, но, если бы с ним что-то случилось, Владетельницей тоже становилась я и могла распоряжаться обоими доменами по своему усмотрению. А малыш отправлялся с матерью домой, получая фамилию Крюков.

Я выслушала это известие с открытым ртом.

— Это значит, что... — пролепетала я, когда осознала сказанное.

— Твой отец разочаровался в Пребыславе, — со вздохом ответил Велимор. — Он вырос не совсем таким, каким его хотел видеть Ясноград.

Я вспомнила, что Жадимир говорил про моего брата. Что он слабохарактерный и не умеет сам принимать решения. Пребыслав всегда был тенью отца, тому это льстило, но, наверное, сейчас он осознал, что тень — это не полноценный Владетель, которого он хотел вырастить из своего сына.

— ...ты добила уважения, — заставил меня вынырнуть из размышлений голос дяди. — Он всем заявил, что ты вполне можешь управиться с двумя доменами сразу. Во всяком случае, он сказал, что именно в тебе течет его кровь, а не та жидкая водица, которая передалась от вашей матери твоему брату. Владетель Рис пытался возражать, но что, в конце концов, он может сделать? Пока полноценным Владетелем остается твой отец, все пикнуть бояться.

Слышать это было настолько неожиданно и так приятно, словно меня всю наполнили теплыми солнечными лучами. Я всегда считала, что я для отца что-то вроде довеска к сыну-наследнику. Невесту Пребыславу Владетель Крюк выбирал долго и придирчиво, но и она, судя по всему, не оправдала его ожиданий. Интересно получается, я в первый раз вышла замуж за того, за кого хотела, ладно, брак не удался, но сам факт! И теперь у меня тоже был выбор! Дядя трепетно сохранил все бумаги, брачные контракты, заключенные с родами Волка и Ножа только и ждали, когда их подпишут.

Я покосилась на Мезенмира. Может быть, сделать вид, что я внезапно забыла про все эти магические штучки с кинжалами, и предложить молодому магу стать моим мужем? А будет ли он лучшим Владетелем, чем Волк? Нет, уверена, что нет. Люди, которых заставили что-то сделать, — это совсем не то, что люди, которые мечтают об этом с рождения. Как бы ни сложилась моя личная жизнь с Ярославом, но ради домена он расшибется в лепешку.

Как только на дороге показалась более-менее приличная деревушка, Волк стряхнул мрачное оцепенение и заявил:

— Прежде чем мы покажемся в приличном обществе, нам нужно нормально одеться.

Вопросы посыпались сразу:

— Тебе не хватило приличного общества, где пытались убить твою невесту? — полюбопытствовал Даезаэль.

— Где мы возьмем хорошую одежду? — спросила я.

— Откуда у нас бабло? — Тролль озвучил самую главную проблему. Завладев общим вниманием, он пояснил: — Кажется, все наши средства... того... Не думаю я, что в этой деревеньке будет филиал королевского банка, да и остался ли этот королевский банк в сложившейся ситуации?

— Вот об этом я не подумал, — пробормотал эльф. — Ввиду сложившихся обстоятельств... надо все сделать официально... Ярик, ты в курсе, что я уже на тебя не

работаю?

— Конечно, — рыкнул капитан таким тоном, что я бы обмерла от страха, но на целителя это не подействовало совершенно.

— Придется конечно же надо, — вздохнул Велимор, с жалостью поглядывая на те лохмотья, в которые я была одета. Каждый вечер я пыталась привести остатки юбки и рубашку хотя бы в чистое состояние, но ветхая ткань была готова рассыпаться от любой стирки. А о багаже, оставшемся там же, где и крыша нашего фургона, можно было забыть навсегда. — Поэтому...

Он порылся в широком поясе и достал оттуда золотые монеты.

— Война не война, осталось наше государство существовать или же развалилось, золото всегда золото, чья бы физиономия ни была отчеканена на монетах, — философски изрек дядя. — Эти деньги позволят не только приобрести хорошую одежду, но и купить новый фургон и лошадей. Этот вот-вот развалится.

— И еще надо хотя бы бинтов прикупить, — твердо сказал Даезаэль. — С нашей жизнью никогда не знаешь, когда понадобятся перевязочные материалы. То есть как раз знаешь, что они вот-вот потребуются.

— Ты же на меня не работаешь, — криво ухмыльнулся капитан.

— Я не работаю на тебя и твою команду, — подчеркнул эльф. — И теперь я свободен либо поступить на какую-то другую службу, либо начать частную практику. Быть вольным целителем я не хочу, хлеб свободнонаемного всегда горек, поэтому... Владетельница Ясноцвета, не желаешь ли ты нанять себе талантливое целителя?

— Э-э-э... — протянула я, застигнутая врасплох. — Желаю.

— Про зарплату спроси, — прошипел Велимор.

— А какая зарплата? — спохватилась я.

— Большая, — без тени сомнения ответил эльф. — Я же все-таки целитель высшего ранга, да еще и с двухсотлетним опытом.

— Ты же говорил, что твой возраст чуть больше двухсот, — напомнил Драниш.

— Я впитал науку исцеления с молоком матери! — высокомерно бросил Даезаэль. — К тому же, Ясноцвета, не забудь про командировочные. И неустойку за опасность!

— Какие еще командировочные? — возмутился Ярослав.

— А ты чего возмущаешься? Не твои деньги делим! Владетельница у нас пока Ясноцвета, а ты — так, жених, один из многих.

Мезенмир хрюкнул от сдерживаемого смеха. Я мрачно покосилась в сторону молодого мага. Хорошо ему смеяться, когда проблемы с женитьбой его уже не касаются.

— Хорошо, — торжественно сказала я. — Будут тебе и командировочные, и добавка за опасность, только если довезешь меня живой-здоровой до моего домена.

— Позвольте! Я согласен только на условие «живой», — уточнил эльф. — С твоей привычкой вступать в приключения здоровье я не гарантирую! Вдруг ты с коня упадешь по случайности прямо перед родовым замком. И потом начнешь предъявлять свои синяки и зарплату зажимать.

— Ладно, — сдалась я. — Согласна.

Лицо Ярослава ничего не выражало, но взгляд у него был мрачно-сосредоточенным. Из него ушли тоска и печаль, более того, мне прямо виделось, как у моего жениха в голове складываются столбцы цифр в графе «зарплата целителю» и как будущий Владелец уже сейчас пытается выгадать золотой-другой. Ну ничего, они с эльфом друг друга стоят, никто обиженным не останется.

Мы скрепили с целителем наш договор рукопожатием. При этом лицо у Даезаэля было очень довольным. Но я не стала искать скрытый смысл в его действиях, довольная уже тем, что целитель будет рядом в случае опасности.

Явление нашего потрепанного фургона в деревеньке вызвало ажиотаж, но совсем не такой, какой я рассчитывала. Обычно охочие до свежих сплетен и новых людей жители прятались по домам, закрывали ставни и шумно сдвигали к двери мебель.

— В скольких днях пути волкодлаки? — деловито поинтересовался у нас парень с мечом и в толстой стеганой фуфайке, стоило фургону остановиться у колодца на площади.

— Волкодлаки? — удивился Ярослав, взявшийся вести переговоры. — Мы их давно не видели. А что такое?

— Слухи ходят, что на нас снова идет войной нечисть, — объяснил парень.

— Про волкодлаков ничего не знаем, — честно ответил Ярослав. — Мы попали в разбойничью засаду, и нам нужно купить одежды и припасов.

— А-а-а, — явно расслабился парень и оглушительно свистнул, вставив в рот два пальца.

Через какое-то время мы уже были окружены жителями, наперебой предлагавшими что-то купить. Волк быстро приобрел себе несколько простых сорочек и штанов, небрежно закинул их в фургон и углубился в оживленную беседу с вооруженным парнем.

А я наконец-то имела возможность вспомнить о том, что я девушка. Рубашки, нижние сорочки, юбки... Я даже позволила себе купить несколько лент и незамысловатые бусы. Дядино золото вызывало у крестьян такой энтузиазм, что они доставали из сундуков самое лучшее.

— Как бы они не сговорились и не ограбили нас под шумок, — вздохнула я.

— Не ограбят, — успокоил меня Мезенмир, добровольно взявшийся нести мои покупки. — Эти люди уважают силу. Вон, посмотри.

Я обернулась к нашему фургону, где на облучке сидел Драниш и изо всех сил изображал типичного тролля — большого, тупого, но очень сильного и неимоверно опасного. Он точил свой меч с такой кровожадностью во взгляде, что люди боялись подойти к фургону ближе, чем на несколько шагов. Я не сомневалась, что тролль успевает следить не только за всеми нами, но и за окружающими людьми, чуть что готовый броситься на выручку.

— Надо бы ему что-то купить, — озаботилась я, на глазок прикидывая его размеры.

Повозку нам продать были рады, но вот с лошадьми, как и с волами, возникли проблемы — крестьяне наотрез отказались продавать животных, несмотря на привлекательную цену.

— Нету, — твердили они, — никого нету, все господа из замка забрали!

Пришлось нам и дальше ехать в скрипящем и грозящем развалиться на каждой кочке фургона.

— Ну, делитесь, кто чего узнал! — потребовал Драниш, как только мы отъехали от площади.

— Я тебе сорочек купила, — спохватилась я, разбирая покупки. — Вот!

— О, спасибо! — обрадовался тролль.

— Из твоих рук это так романтично, — пропел эльф. — Кстати, знаешь ли ты, дорогая Ясноцвета, что у троллей невеста дарит своему жениху рубашку?

— Нет, — растерялась я, чувствуя затылком, как меня обжег ледяной взгляд Ярослава.

Но, обернувшись, я увидела, что Волк внимательно изучает карту, совершенно не интересуясь нашими разговорами. Показалось, что ли?

— Дарят самосшитую рубаху, — поправил Драниш.

— Я даже знаю, откуда эта традиция пошла, — продолжал радовать своими познаниями целитель. — Вы же купаться не любите и одежду не стираете. А так, глядишь, пять-шесть жен — и в жизни можно несколько раз надеть чистое!

Тролль мученически вздохнул.

— И купаются у нас, и одежду стирают... насколько это возможно. А обычай пошел для проверки хозяйственности невесты. Кому неумеха нужна?

— Хозяйственность — это умение украсть полотно? — ехидно уточнил эльф. — У вас же в горах не растет ни лен, ни хлопок.

— Умение украсть тоже в жизни всегда пригодится, — буркнул тролль. — И нечего смеяться, а то я тоже вспомню о странных эльфийских обычаях.

— Ну-ка, ну-ка! — протянул эльф, готовясь отстаивать превосходство своей расы.

— Тихо! — рявкнул капитан. — На расстоянии дневного перехода отсюда есть замок сына Сыча, и, согласно крестьянским сведениям, Томигост сейчас там.

— Его отец пытался убить Ясноцвету, — напомнил Вел.

— Томигост нам ничего плохого не сделал, а с отцом у него всегда были разногласия. К тому же я считаю, что нам надо укрыться под защиту стен. Люди со дня на день ждут нападения нечисти. Если вспомнить, что произошло в замке ульдона Тара Уйэди, я этой возможности не отрицаю.

— Им-то откуда об этом знать? — удивился эльф.

— Сразу видно, что тебе не стать Владетелем, — уел его тролль. — Такие слухи распространяются со скоростью лесного пожара. Кум кумы двоюродного брата троюродного племянника соседки тетушки присутствовал при осаде и рассказал все это в красках. И понеслось...

Ярослав согласно кивнул:

— Так что сейчас остановимся привести себя в порядок и поспешим к Томигосту. Уж он-то должен знать, что происходит!

— Томик? — скептически хмыкнул Драниш. — Да его же ничего, кроме баб и пьянок, не интересует.

— У него есть советники, — сказал Волк. — Люди опытные и знающие, их отец ему подбирал еще... когда в светлом уме был. Помощники на тот случай, если придется Томигосту становиться Владетелем. Без них он домен быстро развалит.

Мне не хотелось ехать к Томигосту, но выбора не было. Если действительно ульдоны собирают армию, чтобы наказать домен Сыча за нарушение мирного договора, то на таком фургоне мы от них не спасемся. У Томигоста должен быть артефакт связи (Мезенмир потерял свой тогда, когда с боем прорывался из военного лагеря Сыча), и, возможно, он поделится с нами последними новостями о происходящем если не на северных границах, то хотя бы в столице.

Ярослав остановил фургон неподалеку от деревни, возле реки, берега которой густо поросли ивняком. Пока я разбиралась с закупленными припасами, готовила обед, мыла посуду и раздавала по кусочку мыла и полотенцу, тролль нашел для моего купания тихую заводь с песчаным пляжем. Судя по вытоптанной травке и заботливо связанному веревочками ивняку, это место облюбовали парочки, желающие скрыться от нескромных глаз.

— Здесь тебя никто не потревожит, — сказал Драниш. — А если что — кричи, не стесняйся. У нас всегда кто-то будет дежурить, так что голое воинство спасать тебя не ринется.

Я благодарно кивнула, дождалась, пока ниже по течению раздастся плеск мужского купания, и вошла в воду.

Летняя погода нагрела воду в речке, и я окунулась с головой, наслаждаясь такими редкими минутами спокойствия. Хорошо быть рекой — течешь себе и течешь, не нужно никуда спешить, ни от кого спасаться, думать о судьбах тысяч людей в то время, когда со своей разобраться не можешь. Я помыла голову, оттерла от кожи слой грязи, и чистая, словно полегчавшая, легла на мелководье, закрыв глаза.

Солнышко ласково гладило тело своими лучами, вода омывала уставшие мышцы, расслабляя и успокаивая, легкий, едва слышный плеск волн... Очень подозрительный плеск.

Я открыла глаза и увидела на воде тень человека. Попыталась одновременно вскочить, прикрыться и закричать, но конечно же погрузилась под воду, поскользнувшись на водорослях.

Сильные руки вытащили меня из воды и прижали к себе. Я попыталась оттолкнуть от себя мужчину, но уткнулась носом в выгоревшие, слегка волнистые от постоянного пребывания в косе пряди волос.

— Ярослав?! — Я подняла голову вверх и встретила с его взглядом.

Смотрел жених на меня... странно. Если обычно его серебристо-серые глаза были или холодными, или непроницаемыми, то сейчас в них клубилась такая буря чувств, что мне стало страшно.

Что это было? Страсть в мужском взгляде я умела различать. Жадимир, хоть и не любил меня, но хотел, и наши ночи были очень... приятными. Драниш никогда не скрывал своего желания, и оно тоже отчетливо читалось в его зоре. Но, если не страсть, что могло привести Ярослава сюда, когда я совсем одна, а окружающие наверняка думают, что мы с женихом решили уединиться для взаимного удовольствия? Неужели он решил отомстить за смерть Тисы и утопить меня по-тихому?

Я трепыхнулась в его руках, но что я могла противопоставить профессиональному воину, который прижимал меня к телу так, что я ощущала каждую мышцу на его груди?

Он обнимал меня сильно-сильно, словно хотел вдавить в себя, и я уже начала бояться, что ребра не выдержат и сломаются.

— Ярослав... — просипела я, с неимоверным усилием пытаюсь вдохнуть.

Он отпустил меня, и не успела я как следует глотнуть воздуха, как Волк схватил меня за плечи и легонько встряхнул.

— Ты не убежишь от меня? — требовательно глухим и глубоким голосом спросил он. — Нет или да?

— Нет, не убегу, — удивленно ответила я. — А что...

Ярослав не дал мне договорить, наклонился и принялся меня целовать.

Меня целовали мужчины. Чистомир — весело и по-дружески, со вкусом ворованных орехов, когда удавалась какая-нибудь затея, неумело, когда отрабатывал на мне свои навыки будущего сердцееда, а я из интереса соглашалась послужить подопытной. Его поцелуи были пряными от вкуса запретного плода, когда он хотел позлить моего отца.

Поцелуям Жадимира я отдавалась целиком, и поэтому слаще их не было. Тогда я еще не знала, что меня ждет, и была полностью счастлива от того, что рядом мужчина, которого я люблю и который — как я тогда думала — любит меня. Жадимир всегда был нежен и ласков, даже когда его голубые глаза мутнели от страсти.

Поцелуй Драниша был, наверное, той драгоценностью, которая должна быть хотя бы единожды в жизни каждой женщины. Это поцелуй мужчины, который любит тебя так, что готов сделать в прямом смысле все, чтобы ты была счастлива.

А вот поцелуй Волка... Странно, мы провели столько времени вместе, обменялись кинжалами, развили нашу совместную магическую силу, собрались пожениться и противопоставить себя бушующему в гражданской войне королевству, но до сих пор не удосужились толком поцеловаться.

Как-то я даже не могла представить, что целуюсь с Волком. У меня в сознании строгий, холодный капитан никак не мог превратиться в любовника. Но когда-то же надо начинать, ведь брак подразумевает не только супружеские отношения, но и *плодотворные* супружеские отношения, заканчивающиеся рождением детей.

Почему-то мне казалось, что Ярослав, целуясь, будет похож на того строгого капитана, образ которого сложился у меня в голове. Язык вправо, язык влево, губами соприкоснулись, отстранились. Но нет, это было не так.

Это была буря эмоций, переживаний, чувств и желаний, вплетенная в язык тела. Это было похоже на зимнюю метель, когда от сильного ветра и летящего в лицо снега ничего не видно, когда острые снежинки больно колют лицо и ты ничего не можешь противопоставить силе стихии, но вопреки всему ты не можешь не замереть от восхищения. Буря или несет тебя, так что нужно следить только за тем, чтобы ничего не сломать, или оставляет тебя совершенно обессиленным от напрасной попытки сопротивляться природе. Метель — это и боль от ледяного воздуха, это и горечь от растаявшего снега, это горячие дорожки слез на щеках, преклонение и трепет перед смертоносной красотой. Можно спрятаться, переждать в доме, закрыв ставни, и залезть под теплое одеяло, а можно рискнуть и пережить такое чувство, без которого жизнь никогда не будет полной.

Внезапно поцелуй стал таким нежным, таким ласковым, как весеннее солнышко, таким теплым, как пуховое одеяло, и таким приятным, словно любимая греза. Это я-то восторгалась поцелуями Жадимира? Это было в прошлой жизни, той, в которой я не знала, как это, когда тебя целует такой мужчина, как Ярослав!

Хватая воздух, я вцепилась в Ярослава руками, пытаюсь устоять на подкашивающихся ногах. Он смотрел на меня, и его взгляд был совершенно прозрачным, как ручей на горной вершине — светлый-светлый, искрящийся на солнце.

Волк снова наклонился ко мне, облизнул губы, одна его рука придерживала меня за талию, а вторая неуверенно, едва прикасаясь, погладила меня по шее, опустилась вниз, прикоснулась к груди, сжала ее... У меня в животе образовался и стремительно стал раскручиваться горячий комок, а солнечные лучи показались обжигающими.

— Ты не убежишь от меня? — хрипло спросил Ярослав.

Я молча покачала головой, не уверенная, что меня не подведет голос. В голове не осталось ни одной мысли, но тело знало, что никогда и ни за что оно не покинет этого человека, который небрежно, словно играючи, пробуждал в нем такие чувства, что ночи страсти с Жадимиром казались сейчас чем-то далеким и несущественным. Моя душа когда-то любила первого мужа, и тело ей отвечало, но теперь... Я без колебаний доверю Ярославу не только себя, но и домен, а мое тело, познавшее единение с Волком в потоке мощной магии, уже сделало свой окончательный выбор, готовое сдаться от малейшего прикосновения.

Мужчина легко подхватил меня на руки, вышел на берег, не переставая целовать, расправил на земле мою длинную юбку и аккуратно положил меня на нее. Склонился надо мной, и от всего мира нас отгородили длинные мокрые волосы, выгоревшие под солнцем. Я потянулась к Ярославу всей своей женской сущностью, разбуженной его ласками от сна, в который оно погрузилось, узнав об исчезновении Жадимира.

А потом у меня не осталось даже мыслей о бывшем муже. Я прижимала к себе худощавое, гибкое и сильное тело Ярослава, гладила старые шрамы на спине, щекотала прядями его же волос. Многочасовые тренировки и совместные приключения не прошли даром, мы легко нашли общий ритм, как будто были вместе всегда, как будто дарить удовольствие друг другу было самой естественной вещью в мире.

Иногда Ярослав не мог сдержаться, и его ярость, его обиды на меня, его боль прорывались слишком резкими толчками, которые я пыталась сгладить, поглаживая его по спине и ласково шепча что-то нежное. Теперь я стала лучше понимать своего жениха и ужаснулась тому, какой груз чувств он носил в себе, не умея их выразить, вынужденный постоянно контролировать и сдерживать себя.

— Давай же, милый, откройся мне, — шептала я. — Давай же!..

Время остановилось. Серебристо-серые, не ледяные, а бесконечно глубокие, чувственные, страстные глаза поймали мой взгляд и уже не отпускали. Теперь Ярослав реагировал на мою малейшую невысказанную просьбу...

Внезапно мир закачался и померк у меня перед глазами, а душа взлетела в небо, как выпущенная из клетки птица. И парила бы там бесконечно долго, если бы ее не вернул на землю донельзя довольный голос Даезаэля.

— Мне, конечно, жаль вас прерывать, — голос эльфа так и сочился медом, — но в деревню только что въехал вооруженный отряд. Как вы думаете, сколько времени крестьянам понадобится, чтобы нас сдать? И кстати, зрелище было очень... ничего. Мне понравилось.

Я застонала, чувствуя, как от стыда заливаюсь краской от ушей до кончиков пальцев. Ярослав тихо пробормотал что-то очень злое и вскочил. Со вкусом, не смущаясь, потянулся до хруста в косточках, довольный, как объевшийся сметаны кот, и с разбегу нырнул в реку.

Я осторожно подошла к кромке воды. После горячки страсти она казалась ледяной.

— Быстрее, — поторопил меня Ярослав, выбегая на берег. — Одевайся — и в фургон.

Да, такой капитан мне был куда привычнее!

Когда я, едва шевеля ногами, выбралась на берег, целитель ждал меня там с сухой одеждой. Во что превратилась та, на которой мы... в общем, я постеснялась туда смотреть.

— А еще говорила, что я не нужен во время вашего... интима! — упрекнул меня эльф. — Дорогая моя подопечная, я делаю все возможное, чтобы ты была здоровой и довольной жизнью! Как ты думаешь, кто поселил в голову твоего драгоценного Волка мысль о том, что всем будет значительно проще, если он прервет свою аскезу?

— Я даже не сомневаюсь, — пробурчала я. Мне было так хорошо, что я не могла злиться на назойливого целителя.

Когда я появилась около фургона, все старательно делали вид, что ничего не случилось. Особенно преуспел в этом Драниш, он даже ни разу не глянул на меня, угрюмо теребя кисточку на завязке рукава.

Мезенмир тронул фургон, и он медленно поехал по дороге.

— Бежать не будем, — рассуждал вслух капитан, наспех заплетая мокрые волосы в косу. — Против отряда нам не выстоять, но формально мы ничего не нарушали. Так что повода для нападения без предупреждения вроде бы как нет. А если это люди Томигоста, это даже к лучшему, потому что послужат нам охраной.

Так в итоге и оказалось.

Вооруженный отряд, примеченный остроглазым Даезаэлем, оказался группой охотников, снабжавших замок Томигоста свежей дичью. Кое-кто вспомнил Ярослава по балу в замке Сыча, и поэтому лишних вопросов не возникло.

Ехать вместе с потенциальными защитниками было спокойнее, поэтому я взялась за прическу. Волосы после купания в речке и... гм... последующих событий совершенно не хотели собираться в строгую косу, а желали стоять дыбом. Но мне стоило только представить лицо Ярослава, желающего представить Томигосту свою невесту по всем правилам, как в мои руки словно влили силу, и волосы сдались.

— Ну, рассказывай, как это было? — спросил Даезаэль, присаживаясь рядом.

Этого вопроса я ожидала от своего штатного целителя с того самого момента, как в мое блаженство на берегу ворвался его голос.

— Что именно? — прикинулась я дурочкой.

Эльф раздраженно вздохнул:

— Ваше первое соитие с Ярославом.

— Если я не ошибаюсь, ты за этим наблюдал! — прошипела я.

Даезаэль быстро закивал и похабно улыбнулся.

— Так с какой же я радости буду тебе рассказывать все подробности, да еще и в фургоне, чтобы все слышали? — разозлилась я. — Тебе давно говорили, что ты — извращенец?

— Я не извращенец, — серьезно ответил эльф. — Я ученый. И между прочим, ты меня наняла как целителя. Как я мог пропустить такой момент в жизни моей пациентки? А что касается слышимости... Единственный, кому это действительно интересно, это Драниш, но он сейчас баюкает свое разбитое сердце и глух от боли. А фургон скрипит так, что слабые человеческие уши ничего не услышат, особенно если ты тихонько меня посвятишь во все подробности без лишней экспрессии.

— У Ярослава спрашивай, — нашла я выход.

— Я что, его целитель? — возмутился Даезаэль. — Мне не интересен пациент, который не платит.

— Тебе не интересен пациент, который за подобный вопрос может тебе уши оборвать, и совсем не в фигуральном смысле. — Увлекательный разговор позволил мне перенести все переживания в плетение косы, и она получилась идеальной, волосок к волоску.

Я оглядела окружающих и осталась довольна. Мезенмир все еще возился со своими волосами и лицо у него было несчастным. Молодой маг был редко замечен заботящимся о собственной косе, и поэтому после купания волосы превратились в один сбитый колтун. Судя по запаху паленого, применение бытовой магии не совсем удалось.

Правда, до Ярослава, который уже щеголял идеально ровным «драконьим гребнем», нам обоим было далеко. Как только он закончил приводить себя в порядок, так сразу сел управлять фургоном, предоставив Ножу разбираться с волосами.

Несостоявшийся муж почувствовал на себе мой взгляд и криво улыбнулся:

— Что, совсем плохо выглядит? Не хочу предстать перед Томигостом как чучело и опозорить свой род.

— Не думаю, что он обратит на это внимание, — подбодрила я Ножа.

— Он-то, может, и не обратит, — мрачно ответил Мезенмир, — но вот его придворные точно обратят... А я буду представлять здесь северные домены, они и так о нас как о дикарях думают.

— Я об этом не знала, — удивилась я.

— Это потому, что ты мало выезжала из домена. А мне вот пришлось в свое время поездить, так эти южане... Даром что возле нечисти живут, а кичатся так, будто они тут самые чистокровные, самые аристократичные и правильные! — Мезенмир раздраженно дернул расческу, которая намертво застряла в прядях, и взвыл от боли.

— Ладно, давай я тебе помогу, — сжалился дядя и очень ловко и быстро расчесал молодого мага и заплел ему вполне приличную косу. Сам дядя как не совсем чистокровный, к тому же воин, мог позволить себе носить короткие волосы. — Что, удивил я вас? — усмехнулся Вел и указал на меня: — А как вы думаете, кто этому пушистому созданию волосы расчесывал все детство?

— Няня, — неуверенно пробормотала я.

— Ну да, конечно! Может, лет после восьми и няня, а до этого ты брыкалась и вопила, стоило только расческу показать. А как мы тебе голову мыли, у-у-у...

— Как? — заинтересовался Даезаэль, и даже тролль поднял голову со скрещенных рук, в которых он прятал лицо.

— Как, как... брали человек пять горничных и меня. Мы ее держали, а мать с нянькой поливали и мылили. И все это надо было делать быстро-быстро, иначе прибежал ее отец и начинал возмущаться, что от детских воплей у него даже в зале для приемов свечки с люстр падают.

— Дядя, — взмолилась я под общий смех, — пожалуйста, не надо таких подробностей!

— Я это веду к тому, чтобы некоторые не обольщались. — Велимор повысил голос. — Ясноцвета еще в детстве имела твердый характер, вся в папочку. Поэтому если некоторые думают, что им все легко и просто удастся, то им можно только посочувствовать.

— Некоторые это уже давно поняли, — с холодной любезностью отозвался Ярослав и добавил с некоторой мужской гордостью: — Но, уверен, я смогу справиться с собственной женой.

Я покраснела и спрятала пылающее лицо в ладонях. Вот так, стоит раз показать мужчине свою слабину, и все, он уже думает, что взял над тобой верх. Придется попозже объяснить Волку, что неожиданно прорезавшаяся страсть пусть себе прорезается дальше, а вот власть в домене — это совсем другое дело.

Углубившись в свои мысли о жизни с Ярославом, я незаметно задремала. Ни ставший уже привычным скрип фургона, ни пререкания моих спутников мне не мешали. Даезаэль пытался выяснить у Велимора еще какие-нибудь интимные подробности моего взросления, а тот вяло отнекивался, сводя разговор к обычным детским шалостям.

За эти месяцы я выработала похвальную привычку спать где угодно и как угодно, не заботясь об удобстве и — о, ужас! — правилах приличия. Смешно сейчас вспоминать, как я старательно делила фургон на женскую и мужскую часть, стеснялась бегать в одних штанах... Чего еще можно ожидать от женщины, беззаветно отдающейся мужчине на берегу речки в непосредственной близости от спутников? Глубина моего морального падения поражала, и мне оставалось только надеяться, что отец никогда не узнает, в кого превратилась его дочь, которую он назначил Владетельницей. А может, именно так себя и должны вести истинные Владетели, не обременяясь глупыми правилами этикета и

условностями? Если покопаться в семейной истории, то отец вовсе не просто так расширил вдвое свой домен, наладил прекрасные отношения со всеми соседями и сейчас, если верить Мезенмиру, является чуть ли не единоличным правителем Севера, подмяв под себя всех остальных аристократов. Большая власть не дается в чистые руки.

— Просыпайся, — громко сказал мне в ухо Ярослав. — Мы приехали в замок Томигоста.

ГЛАВА 20

Когда-то я мечтала о пышной и красивой свадьбе. Но потом поняла, что самое главное начинается только после нее. Было бы здорово, если бы все заканчивалось свадьбой!

Ясноцвета Крюк о девичьих заблуждениях

Радужный хозяин встретил нас на пороге ярко освещенного замка. Видимо, пока мы проезжали через несколько колец мощных стен, проходили досмотры мрачными и придирчивыми стражниками, быстроногий слуга уже донес молодому Сычу о визите Волка.

— Ярослав, — Томигост протянул руки, — как же я рад снова тебя видеть! Что занесло тебя опять в наши края? Кто-то не сдал налоги?

— Нет. — Ярослав стойко вытерпел дружеское объятие, хотя сам обошелся без дружеских похлопываний по спине, но Томигоста это совершенно не смутило. — Я здесь по другой причине. Позволь тебе представить мою невесту, Ясноцвету Крюк.

Волк дернул меня за руку, заставляя выбраться из полутьмы ночного двора на яркий свет, льющийся из распахнутых дверей.

— Здравствуй, — сказала я, моргая.

Как только глаза привыкли к яркому свету, я убедилась, что Томигост, которого я не рассмотрела во время визита в замок Сыча, почти совсем не изменился с нашей встречи пять лет назад в домене моего отца.

— Ба! А ты подурнела, Ясноцвета, — сообщил Сыч, заканчивая меня рассматривать. — Вот это новость, Ярик! И где же ты ее нашел? В землях ульдонов?

— Долго рассказывать, — сказал Волк. — Скажи, мы можем у тебя заключить брак по всем правилам?

— Когда? — любопытствовал Томигост. — Свадьба — дело долгое. Платье, гости там, то-сё, а у нас война на носу, может, слышал?

— Нам не нужна свадьба, — резко сказал Ярослав. — Достаточно заключения брака при достаточном количестве высокородных свидетелей и при жреце. Все документы у нас с собой. Сегодня сразу после полуночи.

В полночь истек срок действия нашего с Жадимиром брачного контракта. Если ничего не произойдет, то его мечты на домен будут навсегда похоронены. Мы не обсуждали с Волком дату нашей свадьбы, но, даже зная, насколько Ярослав нетерпелив, я не думала, что между моими замужествами пройдет всего несколько минут. Я покосилась на капитана, надевшего маску высокосветского аристократа, и решила не обижаться. В конце концов, если Жадимир внезапно выскочит из толпы гостей Томигоста, я даже не удивлюсь. Спешка Ярослава вполне понятна.

— Вот это да! — Томигост осклабился. — В моем замке будет такое событие! Да я же стану звездой всех аристократических вечеринок! Я устрою тебе свадьбу, Ярик, только в том случае, если ты мне расскажешь все подробности!

Лицо Волка сделалось мрачным и несчастным. Он покосился на меня в поисках поддержки, но я внимала происходящему с выражением лица, наиболее подходящим скромной девушке из благородного семейства.

— Дело в том, что моя невеста беременна, а ты же знаешь, Томигост, какой у нее отец. Если беременность станет видна, а между нашими фамилиями все еще не будет золотой

нити, то он меня... — Ярослав рубанул себя по горлу.

— В фарш порубит за оскорбление дочери, да! — Томигост зажмурился от удовольствия, смакуя новую сплетню.

Я чуть было не схватилась за голову. Теперь все королевство, даже отделившиеся домены, будет обсуждать на великосветских вечеринках мою личную жизнь! Впрочем, и высказать свое негодование Ярославу я тоже не могла. Во-первых, я его не поддержала, когда требовалось, во-вторых... а во-вторых, моей беременности тоже нельзя было исключать. Знала я о скандалах в семьях, когда девушка поддавалась страсти, не в силах устоять перед соблазнами многодневных балов. И как потом тайком вступала в брак с далеко не всегда подходящей партией.

— Тебе повезло, друг мой! — Сыч хлопнул Ярослава по плечу. — Дело в том, что я... э-э-э... несколько повздорил с моим папочкой и перебрался жить сюда со всей свитой. А у меня в свите кого только нет — и жениться можно, и законы менять, и войну начинать, и казнить. Все, что хочешь! Тебе не нужно, часом, кого-нибудь казнить?

— Казнить? Нет. Томигост...

— Я все понял, все понял, у нас как раз вечеринка, вот и будет тебе куча высокородных свидетелей, сейчас найдем законника и жреца. Э-э-э... Ясноцвета, может быть, ты захочешь переодеться? Мои дамы с удовольствием одолжат тебе что-то... более подходящее к случаю.

— Нет, спасибо, — холодно ответила я. Еще не хватало выходить замуж в чужих обносах! — Для заключения брака важно мое согласие, а не платье.

— Ну как хочешь, — легко согласился Сыч и щелкнул пальцами.

К нему подбежал слуга, выслушал распоряжения и бесшумно удалился.

А Томигост поприветствовал Драниша, похихикал с Даетаэлем, вспоминая совместную оргию, кивнул Велимору и обменялся холодными взглядами и учтивыми приветствиями с Мезенмиром. Видимо, молодые люди были знакомы и не питали особой приязни друг к другу.

— Драниш, Даетаэль, будете выступать свидетелями на моей стороне. Велимор, Мезенмир, заверите подпись Ясноцветы, — распоряжался Ярослав.

Слуга предложил мне шампанского, и я залпом выпила бокал. Потом, почувствовав неожиданную жажду, еще два. Все-таки я не каждый день выхожу замуж по всем правилам, такое событие можно и отметить! Если мы выживем и отстоим домен, до конца своих дней мне придется называть Ярослава мужем, растить общих детей, вместе решать многочисленные вопросы, связанные с управлением большим хозяйством... Интересно, какую фамилию даст нам король?

— Так наклюкаться в день собственной свадьбы! Тебе не стыдно? — пробурчал Даетаэль, поддерживая меня за локоток, когда мы входили в огромный, освещенный тысячами свечей и поэтому очень душный бальный зал. — И что я буду делать, если тебя стошнит прямо на церемонии? Это же какой удар по моей репутации целителя! Тебя отрезвить?

— Не надо, — промурлыкала я. Главная люстра опасно раскачивалась у меня перед глазами, а лица гостей я не могла толком разглядеть. — У меня должен быть праздник!

— Праздник, праздник! Представляю, как тебе Ярослав вставит... во всех смыслах, после этой церемонии! Ты хоть подпись-то поставить сможешь?

— А как же! — заверила я его. — Ради того, чтобы эта канитель с замужествами наконец закончилась, я даже голой сплясать могу!

Стоящий по другую руку Ярослав больно ущипнул меня за бок, я поняла намек и замолчала.

Саму церемонию я наблюдала не раз на свадьбах аристократов, куда нас приглашали. Жрец и родовой маг произносят ритуальные фразы, жених с невестой расписываются под брачным контрактом, прикладывают к нему рукояти своих родовых кинжалов для заверения, а потом скрепляют обряд поцелуем. После этого в столице на королевском гобелене между нашими именами протягивается золотая нить, навсегда — до смерти одного из нас —

соединяя имена. И теперь, как под моим, так и под именем Ярослава будет стоять яркая подпись «Владелец», а наши дети получают особую татуировку, соответствующую новой фамилии.

Во время обычной свадьбы после ритуального поцелуя к молодоженам идут длинной чередой родственники и друзья, поздравляя и вручая подарки. Мне всегда было интересно, смогу ли я выдержать на собственной свадьбе это многочасовое, положенное по протоколу действо.

Но как только гости Томигоста заплодировали и направились было к нам, горя желанием заполучить из первых рук всю информацию о поспешном замужестве сына одного из влиятельнейших Сиятельных в государстве и наследницы домена, Ярослав громко сказал:

— Мы с женой крайне признательны вам за то, что согласились засвидетельствовать это прекрасное событие, однако моя супруга очень устала, да и я горю желанием уединиться. Прошу нас извинить.

Под смехи окружающих Ярослав поднял меня на руки и понес из зала по коридору и лестнице, сопровождаемый слугой с лампой в руках.

— Спасибо, — сказала я. Свет от лампы кружился у меня перед глазами, было весело и одновременно очень грустно. И даже не страшно, хотя взгляд Ярослава обещал припомнить мне и кривую подпись под контрактом, и неуместные смехи во время ритуальных фраз, и игривое похлопывание мага Дома Сыча по руке.

— Не за что, — мрачно ответил он. — Не хочу, чтобы кто-то догадался, что ты не можешь ходить не шатаясь!

— Но они тоже все пьяные! — возразила я.

— Не они сегодня поженились, а мы, а ты должна была лучиться счастьем, а не всемирной скорбью!

— Ну знаешь! — возмутилась я. — Не могу я лучиться счастьем посреди ночи на наспех организованной свадьбы!

— Если ты хотела, чтобы все было сделано по правилам, нечего было сбегать из дома, — огрызнулся Ярослав.

— Что? — взвизгнула я. — Ты только несколько минут, как мой муж, и уже решил, что имеешь право меня упрекать?

Внезапно Волк остановился и тряхнул головой, словно отгоняя лишние мысли.

— Да, ты права, прости.

— Наверное, тебе просто пора чего-нибудь поесть. — Я решила не портить первую брачную ночь скандалом.

Волк согласно кивнул.

— Вы позволите вмешаться? — спросил слуга. — В комнате вас уже ожидает закуска для восстановления сил.

— Отлично, — сказал Ярослав, проигнорировав похабную улыбку слуги. Впрочем, когда такой хозяин, от слуг трудно ожидать почтения и воспитанности.

Комнату нам выделили небольшую, но главное для супружеской жизни — большая кровать в ней стояла. Мой новоиспеченный муж бросил на роскошное ложе под балдахином короткий взгляд и устремился к столу с закусками. Я решила от него не отставать. Еще жизнь с няней в маленькой квартирке под крышей приучила меня никогда не пренебрегать возможностью сытно поесть, а наше путешествие вообще излечило от любых проявлений высокородной капризности.

То, что предполагалось как закуска для восстановления сил во время любовных игр, было сметено в мгновение ока. Как ни странно, но я протрезвела, и мир уже не покачивался перед глазами. Я чинно сложила руки на коленях и приготовилась внимать поучающей речи.

Ярослав сыто зевнул, вздохнул, будто готовился к чему-то неприятному, встал передо мной на колени и обхватил мои кисти своими жесткими, с многолетними мозолями от меча, но длинными и изящными аристократическими пальцами.

— Ясноцвета, — сказал он серьезно, глядя на меня. Пламя одинокой свечи придавало

серебристо-серому сиянию глаз Ярослава теплый оттенок. — Я прошу прощения за то, что произошло между нами на пляже.

Я удивилась — а где же разнос за недостойное поведение? — но решила не перебивать его прочувствованную речь вопросами.

— Я понимаю, что это было... недостойно вас как благородной леди, моей жены, Владетельницы домена. Я не хочу, чтобы вы думали обо мне как о похотливом чудовище, которое не может сдержать своих желаний.

«Вот бы Даетаэль сейчас повеселился», — отстраненно подумала я.

— Но... — начала было я, но Ярослав прижал к моим губам палец.

— Нет, я хочу, чтобы вы знали, как оно должно быть на самом деле. Вы подождете меня немного? Хорошо?

— Конечно, — заверила я.

Если Волк хочет кому-то что-то доказать — мне, себе ли, — разумнее всего будет отойти и не мешать. Время для слов и признаний с моей стороны придет позже.

Я сидела на стуле, глядя на то, как постепенно тает свеча. Да где же он? Куда отправился? Свеча зашипела и погасла, погрузив комнату в темноту. Нет, так дальше продолжаться не может! Я не могу сидеть и ждать в неизвестности! Возможно, молодой Сыч ничем не отличается от своего отца, и Ярослава и других моих спутников уже убили, а меня оставили на закуску? Или как ценную заложницу? В конце концов, жену вдовой сделать очень легко, а домен как приз получить хотят многие.

Тихонько-тихонько приоткрыв дверь, я осторожно выглянула из комнаты. В коридоре тьма кое-где разгонялась тусклыми светильниками на стенах, а снизу, из бального зала, изредка доносились женские взвизги и грубый хохот. Нет, вниз мне не хотелось. Если вечеринки Томигоста вызывают у эльфа такое мечтательное выражение на лице, значит, порядочной девушке там делать нечего.

Я задумалась над тем, куда идти. Главное здание замка было построено буквой «П», мы находились в центральном крыле, поэтому я, немного поколебавшись, направилась в ту сторону, где раздавались негромкие голоса, надеясь, что не помешаю ничьему уединению. Но мне нужно было знать, что происходит! Обостренные постоянными опасностями чувства так и вопили, что дело плохо и нужно спастись. Положив руку на кинжал, стараясь издавать как можно меньше шума, я приблизилась к разговаривающим людям, завернула за угол и еле сдержалась, чтобы не ахнуть.

Я могла и не красться, потому что вряд ли что-то отвлекло бы двоих от их занятия. Время разговоров закончилось, и они самозабвенно предавались поцелуям.

Женщину я не знала, но вот мужчину... Не узнать эту длинную, аккуратно заплетенную косу из выгоревших волос, эти руки, которые только сегодня обнимали меня, а теперь прижимают к стене пышногрудую блондинку, я не могла даже при тусклом свете лампы. Он же только час назад приносил мне супружеские клятвы! Вот что он имел в виду, говоря «я хочу, чтобы вы знали, как оно должно быть на самом деле»!

Мне казалось, что я не могу дышать, мое сердце, ставшее мгновенно невероятно тяжелым, провалилось куда-то вниз, а внутри живота образовался ледяной ком.

— Мой Волчок! — Женщина, мурлыкнув, укусила Волка за ухо. — Так мы договорились? Ты сделаешь меня Владетельницей своего нового домена.

— Негосава... ты же знаешь, как я тебя любил, — хриплым голосом сказал Ярослав. — Ты должна мне...

Сердце совершило прыжок вверх и врезалось в макушку. Голова отозвалась дикой болью.

Когда-то давным-давно Ярослав Волк влюбился. Его избранницей, которую он добивался со всем пылом первой любви и со всем упрямством Волков, была Негосава Пес, дочь Сиятельного одного из южных доменов. Страсть едва не стоила Ярославу военной карьеры, но ничем хорошим в итоге она не закончилась. Потому что в городке появился блестящий сердцеед Чистомир Дуб, походя соблазнивший Негосаву и наживший себе

злейшего врага в лице Волка. Не знаю, каким образом Негосава оказалась в замке Томигоста, хотя, судя по ее поведению, разнузданные вечеринки здешних обитателей как раз то, чем эта девица могла заинтересоваться. Но вот мой муженек явно не мог не воспользоваться ситуацией. Интересно, изменяли ли кому-нибудь после свадьбы с такой скоростью?

— Конечно, мой дорогой! — Негосава Пес, в платье, едва прикрывающем пышные груди, игриво гладила Волка... везде. — Я должна тебе позволить делать со мной все! Как быстро ты избавишься от своей милой женушки? Несчастный случай — давай за завтраком. Так уж и быть, я позволю тебе эту ночь провести не в своей постели, но во все последующие ночи ты только мой!

Ярослав рывком приподнял женщину и прижал к стене. Видимо, грубость ей была по нраву, потому что она засмеялась и обвила его талию ногами. Валяющийся на полу букет роз в сполохах теней казался черным.

Я повернулась и побежала. Не знаю, как я добралась до конюшни, с грохотом распахнув дверь. В памяти смутно остались испуганные лица слуг, когда их сносило с моей дороги легкими движениями руки.

Я должна была, должна была что-то сделать! Иначе рвущийся изнутри вой грозил вырваться таким взрывом, что я сомневалась, останется ли от замка хоть камень на камне. Вот что подразумевал Мезенмир, говоря о том, что маги не доверяют тем аристократам, которые получили слишком большую силу! Я чувствовала, как эта сила бурлила во мне, подпитываясь яростью, оскорбленной честью и — что скрывать — жгучей ревностью. Я с величайшим трудом удерживалась, чтобы не начать убивать всех вокруг.

С разбегу я врезалась в кого-то и услышала удивленное:

— Эй, котя! Ты чего это?

Я вцепилась Дранишу в рубашку обеими руками и умоляюще прошептала, боясь повысить голос:

— Увези меня отсюда, увези меня отсюда, Драниш! Если ты хоть немного меня любишь, увези меня отсюда сейчас же!

Наверное, любой другой начал бы задавать вопросы, наверное, любой другой отказался бы.

Но Драниш просто обнял меня, прижав голову к своей широкой и теплой груди, и сказал:

— Шшшш, сейчас мы уедем отсюда, уедем, и все будет хорошо. Шшшш...

Я цеплялась за него так судорожно, словно была утопающей, а он — моим спасителем, и разжать руки меня ничего бы не заставило. Троллю пришлось держать меня в одной руке, словно ребенка, а второй вести к выходу из замка уже оседланную лошадь.

Драниш накинул на меня плащ, полностью скрывший мое лицо и одежду, и его самообладания хватило даже на то, чтобы перекинуться шутками со стражниками у ворот.

— Деваху, вишь, везу, — сообщил он под ободрительный хохот. — С благородными не сделаешь, чего я хочу, а я такое хочу — у-у-у!

— А она?

— Ну, пока вино ей говорит да, а там видно будет!

Свободной рукой он хлопнул меня по заднице, но я даже не охнула.

Под шуточки и пожелания удачной ночи за нами закрылась калитка, которую сделали в огромной резной двустворчатой двери замковых стен именно для таких случаев. Выбраться из замка Томигоста было куда проще, чем попасть в него.

Тролль вскочил на коня, продолжая обнимать меня левой рукой, и мы помчались в ночь, пока я безутешно рыдала на плече того, кто никогда бы меня не предал, но быть рядом с кем мне было не суждено.